

Хребтовый год пятилетки¹

Товарищи, настоящая сессия ЦИК Союза имеет исключительное значение и прежде всего потому, что в основу занятий этой Сессии положено обсуждение контрольных цифр на 1929/30 г. Второй год пятилетки мы называем хребтовым годом, ибо исполнить задания контрольных цифр на 1929/30 г. — это значит уже войти в пятилетие с известным плацдармом хозяйственных работ, проделанных за два года. Эти два года являются решающими для всего пятилетия. Отсюда тот громадный интерес, который сопровождает обсуждение этих цифр со стороны всей нашей страны, отсюда то громадное значение нашей сессии, которая должна выявить свое отношение к этим цифрам, цифрам, предрешающим судьбу всего пятилетнего плана. Вы знаете, что наша пятилетка по своему политическому и хозяйственному значению достаточно оценена не только у нас, внутри Союза, но она широко оценена и за его пределами. Слово „пятилетка“ за границей стало ходовым словом, без перевода понимаемым всеми и, особенно, трудящимся миром. Теперь эти слова: „большевик“, „советы“, „пятилетка“ — они в широком употреблении за границей и это показывает какое громадное интернациональное значение имеет наш пятилетний план и его фактическое выполнение.

Мне товарищи из Коминтерна сообщали, что все растут и растут запросы на литературу о пятилетке, что иностранные рабочие прямо заявляют: давайте нам сейчас материалы, которые относятся к пятилетке.

Вот почему обсуждение пятилетки, обсуждение контрольных цифр имеет для нас такое громадное значение.

Итоги истекшего 1928/29 г. — первого года пятилетки — и контрольные цифры на 1929/30 г. со всей убедительностью показывают, что мы не только идем по наметкам пятилетнего плана, но что в ряде решающих моментов этого пятилетнего плана мы идем с перевыполнением. Мы действительно почувствовали, что после того, как пятилетний план был оглашен с высокой кафедры V Всесоюзного Съезда советов, за ним встали какие-то особые силы. Он немедленно явился каким-то осободействующим фактором, фактором ускоряющим процесс нашего хозяйственного роста. Действительно, какой-то ускоритель вмешался в весь наш процесс, чудесный ускоритель

¹ Литературно-обработанная стенограмма доклада на 2-й сессии ЦИК СССР V созыва.

потому что если иностранцы считали чудом, что мы рискнули выступить перед всем миром с таким планом, то еще большее чудо, что этот план не только выполнен, но и перевыполнен. Для того, чтобы не быть голословным я приведу одну диаграмму (см. стр. 9), которая как-раз отвечает на вопрос, как мы за первые два года выполняем пятилетний план.

На общем поле диаграммы даны две кривые: черная и пунктирная. Черная кривая — это объем годового задания по каждому из данных внизу 31 показателю по контрольным цифрам на 1929/30 г. в сопоставлении с наметками пятилетнего плана. Пунктирная кривая — это по тому же 31 показателю итог уже достигнутого, уже проделанного за первые два года опять-таки в сопоставлении с пятилетним планом.

Для того, чтобы яснее была диаграмма, приведу несколько примеров. Сначала — пояснения к черной кривой.

Первый пример. Я беру показатель — капитальные вложения в планируемую промышленность. Объем годового задания в области капитальных вложений в планируемую промышленность составляет по контрольным цифрам 1929/30 г. 3.423 млн. руб. По пятилетнему плану такой объем капитальных вложений в планируемую промышленность (3.465 млн. руб.) предполагался лишь в пятом году. Итак, по этому показателю точка черной кривой подошла почти к концу пятого года пятилетки. Капитальные вложения взяты нами, правда, в номинале, т.е. без [пересчета на запроектированное в пятилетке изменение полноценности рубля (снижение стоимости строительства и т. д.). Если сделать этот пересчет, тогда размер капитальных вложений в планируемую промышленность будет на уровне конца четвертого года пятилетки. То же относится и к капитальным вложениям в обобществленный сектор.

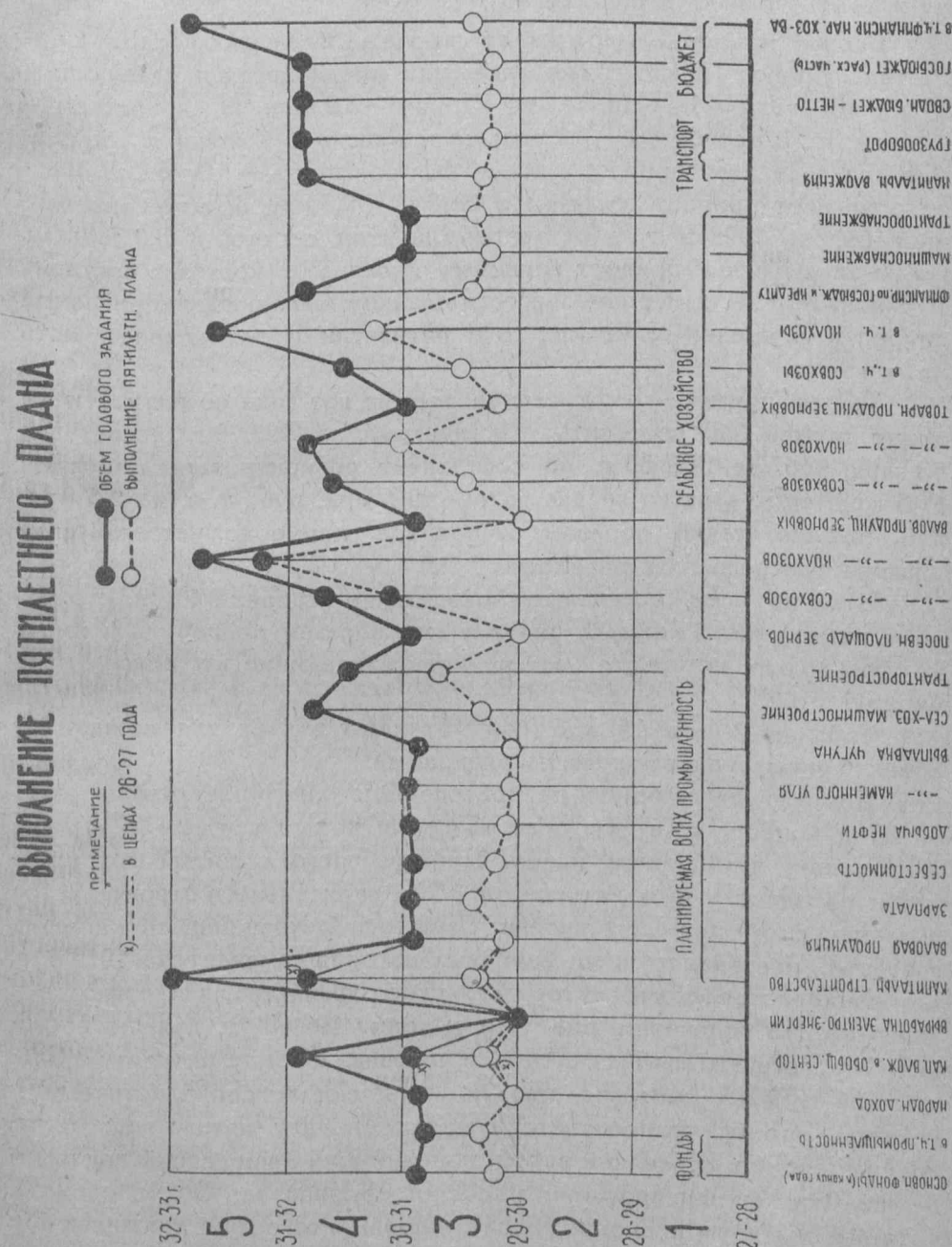
Или второй пример. Я беру показатель — посевные площади зерновых в колхозах. В 1929/30 г. объем годового задания по контрольным цифрам по этому показателю составляет 11,4 млн. га (общая площадь в колхозах должна составить по контрольным цифрам 15 млн. га). Такой объем годового задания по этому показателю по пятилетнему плану близок к заданию пятого года пятилетки.

Или третий пример. Беру — го с б ю д ж е т. По этому показателю об'ем годового задания на 1929/30 г. составляет по контрольным цифрам 11.260 млн. руб. (без хозяйственных перевозок НКПС, составляющих 130 млн. руб., вместе с ними бюджет составит 11.390 млн. руб.). Такой размер госбюджета близок к намеченному в пятилетнем плане в четвертом году пятилетки.

Теперь перехожу к пунктирной кривой, к итогам уже достигнутого, уже проделанного за первые два года пятилетки. Беру те же показатели, которые я сейчас иллюстрировал.

Первый из примеров: показатель—капитальные вложения в планируемую промышленность. Всего за пять лет

мы должны были вложить в планируемую промышленность в ценах каждого года 13,5 млрд. руб., из них в первом году 1.659 млн. руб., во втором году 2.331 млн. руб., в третьем 2.880 млн. руб., в четвертом — 3.166 млн. руб. и в пятом 3.465 млн. руб. Всего за первые два

года мы по пятилетнему плану должны были вложить 3.990 млн. руб. Фактическое вложение за первый год пятилетки по последним данным составляет 1.734 млн. руб. На второй год вложения по контрольному

ным цифрам составляют 3.423 млн., т.-е. всего за два года — 5.157 млн. руб. или на 1.165 млн. руб. больше, чем предполагалось по пятилетке. В третьем году мы по пятилетнему плану должны были вложить 2.880 млн. руб., т.-е. в итоге двух первых лет мы выполнили программу и третьего года в размере 40,5%.

Второй пример — посевные площади зерновых в колхозах. Прирост их по годам пятилетки предполагался следующий: в первом году — 1,4 млн. га, во втором — 1,9 млн. га, в третьем — 2,5 млн. га, в четвертом — 3,7 млн. га и в пятом — 4,4 млн. га. За первые два года этот прирост должен был составить — 3,3 млн. га. Фактически этот прирост составил в 1928/29 г. 2,3 млн. га, а по контрольным цифрам 1929/30 г. этот прирост должен составить 8,0 млн. га. Всего за два года прирост зерновых посевов в колхозах составит 10,3 млн. га, т.-е. в первые два года целиком выполняется программа прироста площадей за четыре года пятилетки и захватывает часть пятого года.

Третий пример — бюджет за первые два года по пятилетнему плану должен был составить 16,9 млрд. руб. За 1928/29 г. он составил 8,1 млрд. руб. За 1929/30 г. он составляет по контрольным цифрам 11,3 млрд. руб., а всего за два года — 19,4 млрд. руб., т.-е. на 2,5 млрд. руб. больше, таким образом, выполнена, примерно, четверть программы третьего года пятилетки.

Итак по всем остальным показателям таблица 1 (см. стр. 12) дает возможность каждый из этих показателей проверить и иметь не только уровни роста, но и сопровождающие их абсолютные цифры.

Таблицы 2 (стр. 15) и 3 (стр. 18) дают расчет для каждой из обеих кривых приведенных на диаграмме.

Достаточно взглянуть на приведенную диаграмму чтобы ответить на вопрос, где мы находимся и куда идем в смысле выполнения пятилетнего плана. Прежде всего в пятый год пятилетки попадает, как я уже сказал, объем капитального строительства в планируемой промышленности. Следующий зубец близкий к пятому году, это — посевная площадь зерновых, которая намечается в 1929/30 г. для социалистического сектора сельского хозяйства, для совхозов и колхозов. По подсчетам она уже к концу 1929/30 г. должна составить 76% того, что мы рассчитывали получить к концу пятилетки. Следующий зубец — товарная продукция зерновых социалистического сектора. Это то, что соответствует уже началу пятого года пятилетки. Наконец, последний зубец, попадающий в последний год пятилетки — это финансирование народного хозяйства. Объем средств, который мы даем по контрольным цифрам этого года в области финансирования народного хозяйства, соответствует пятому году пятилетки. В целом, т.-е. по объему задания отдельным элементам народного хозяйства, который мы даем в 1929/30 г. эти показатели группируются в основном в полосе четвертого года пятилетки, выделяя

зубцы, о которых я говорил и которые переходят в пятый год.

Несколько сложнее составлена вторая кривая, показывающая уже те величины нашей работы, которые по истечении этого года будут накоплены в народном хозяйстве. Опять-таки вы видите здесь, что всем массивом основных фондов, всем массивом планируемой промышленности и основными показателями по финансированию нашего хозяйства мы не только исполнили задание второго года пятилетки, а мы резко врезаемся в линию третьего года пятилетки. Основные показатели по этой кривой группируются в третьем году пятилетки, при чем и в этой кривой особенно характерны зубцы социалистического сектора сельского хозяйства. По своим основным показателям они и здесь врезаются в четвертый год пятилетки.

Если теперь посмотреть на всю диаграмму в целом и вникнуть в данные, которые приведены в упомянутых таблицах 1, 2 и 3, то любой из вас, взявши эти цифры, может дать яркую характеристику предстоящих работ по контрольным цифрам 1929/30 г. в свете тех общих заданий, которые стояли перед нами по пятилетнему перспективному плану. И вы видите, как глубоко неправы были те пессимисты, которые недоверчиво относились к огромным ставкам нашего пятилетнего плана, какая грубая недооценка, какое неверие в творческие силы рабочего класса были заложены в их предсказаниях. Вы видите, что как по объему заданий, даваемых на 1929/30 г., так и по фактическому выполнению в 1928/29 г. и тому, что мы с безусловной твердостью рассчитываем в текущем году выполнить, мы движемся так, что главная хозяйственная линия по фактическому выполнению от последней черты второго года приподнята и очень значительно. Мы идем с перевыполнением пятилетки.

Если действительно правы те иностранные экономисты, которые говорят, что пятилетка будучи выполненной хотя бы на три четверти, означает грозный сигнал для сил капиталистического мира, то эти диаграммы ясно показывают, что мы пятилетку выполним не на три четверти, а значительно перевыполним ее. По всем показателям хозяйственного плана мы во второй год будем иметь выполнение в значительной степени тех задач, которые в пятилетнем плане стояли только в третьем году. В области важнейшего фактора сельского хозяйства — в области роста социалистического сектора его мы резко врезаемся в линию 4 и даже 5 года пятилетки.

Товарищи, для вас всех должно быть ясно, почему зубец, который на данной диаграмме означает нашу работу в области сельского хозяйства, почему он для нас особенно важен. Вы все знаете, что бурный подъем нашей промышленности пока еще не сопровождается соответствующими достижениями в области сельского хозяйства. Мы еще имеем огромное сопротивление сел.-хоз. стихии; мы еще чувствуем, что мы только вступили в то поле труда, которое обязательно для нас, если мы хотим, чтобы вся могучая толща на-

Выполнение пятилетнего плана

Показатели	Контрольные цифры на 1929/30 г.			Пятилетний план			
	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
	1	2	3	4	5	6	7
Народный доход¹							
(миллиарды руб. в ценах 1926/27 г.)	27,2	32,5	27,0	31,3	36,3	42,1	49,6
Капитальные вложения в обобществленный сектор (млн. руб.) ²							
а) в ценах соответ. лет	5.230	9.526	4.964	6.897	8.814	10.286	11.966
б) " " 1926/27 г.	5 761	11.361	5.690	8.553	11.874	150.200	19.476
Основные фонды к концу года (млн. руб. в ценах 1926/27 г.)	74.501	85.163	74.833	82.915	94.109	108.225	126.623
В том числе промышленность	11.501	15.491	11.459	14.312	18.176	22.902	28.696
Электрификация							
Выработка электроэнергии районными станциями (млн. кВтч).	2 400	3.706	2.400	3.706	5.000	8.500	14.000
Планируемая промышленность							
Капитальное строительство (млн. руб.) ²							
а) в ценах соответ. лет	1.734	3.423	1.659,1	2.331,2	2.879,6	3.165,5	3 464,5
б) " " 1926/27 г.	1.900	4.087	1.819	2.769	3.804	4.509	5.679
Валовая продукция (млн. руб. в ценах 1926/27 г.)	13.693	18.092	13.246	16.091	19.649	24.320	30.455
Заработная плата номинальная (вкл. сел. и лесн. хоз-во) (в руб.)	925	1.008	916,5	981,6	1.043,4	1.116,4	1.196,8
Себестоимость (в % к 1927/28 г.)	95,0	84,5	93,0	86,0	79,1	72,0	65,0
Добыча нефти (млн. тонн)	13,7	16,2	13,2	14,8	16,8	19,1	21,7
" кам. угля (млн. тонн)	40,6	51,6	41,1	46,6	53,0	63,0	75,0
" чугуна (млн. тонн)	4,0	5,5	4,1	5,0	6,2	7,8	10,0
Сел.-хоз. машиностроение (по ценам 1926/27 г.)	212	371	210	262	341	455	610
Тракторостроение (тыс. шт.)	3,0	10,6	3,0	5,0	8,0	20,0	559,0
Транспорт							
Капитальные вложения (млн. руб.) ²							
а) в ценах соответ. лет	1.205	1.840	1 101	1.430	1.768	2.138	2.567
б) в ценах 1926/27 г.	1.323	2.252	1 281	1.776	2.367	3.096	4.085
Грузооборот ж. д. (мрд. т-км)	106,7	127,0	97,0	108,7	122,9	139,8	162,7
Бюджет (в ценах каждого года)							
Сводный бюджет (млн. руб.)	7.411	10.640	7.123	8.633	10.120	11.810	13.669
Госбюджет (расходы) ³	8.103	11.260	7.752	9.178	10.640	12.250	14.080
В т. ч. финансирование народного хозяйства . .	2.808	4.813	2.705	3.310	4.004	4.793	5.533
Сельское хозяйство							
Посевная площадь зерновых (тыс. га)	98.199	105.500	101.399	105.252	108.600	111.400	113.000
В т. ч. продуктивная	95.787	105.500	—	—	—	—	—
а) совхозы	1.152,8	2.478,0	1.150	1.500	2.300	3.400	3.800
б) колхозы	3.420,8	11.365,0	2.500	4.400	6.900	10.600	15.000
Валовая продукция зерновых (млн. ценн.) . . .	762,5	889,0	814,2	883,0	961,0	1.057,8	1.164,0
В т. ч. а) совхозы	12,8	28,2	12,9	16,3	25,3	43,5	54,3
б) колхозы	29,1	103,8	23,0	42,2	67,0	119,5	190,5
Товарная продукция зерновых (млн. ценн.) . .	102,2	150,0	95,8	125,4	151,4	196,1	(215,3)
В т. ч. а) совхозы	7,9	17,0	7,9	9,0	16,3	34,0	(42,5)
б) колхозы	12,7	50,8	12,7	15,0	22,2	49,6	(79,1)
Финансирование по госбюджету и кредиту (млн. руб., по ценам соответ. лет)	776	1.361	628	969	1.255	1.540	1.847
Машиностроение (млн. руб. по ценам 1926/27 г.)	220	406	220	304	404	452	571
Трактороснабжение (тыс. шт.)	9,7	41,0	9,7	25,0	42,0	48,0	63,3

¹ Расхождение с данными, опубликованными в книге „К. Ц. на 1929/30 г.“ обусловлено тем, что для сравнимости с данными пятилетнего плана для этой таблицы был произведен соответствующий пересчет.

² Капитальные вложения даны в двух вариантах первый (в ценах соответ. года) учитывает намеченное пятилетним планом снижение стоимости капитального строительства, второй — это снижение не учитывает и показывает все затраты, таким образом физический объем строительства.

³ Бюджет дан только в ценах соответ. года; пересчет в неизменные цены не мог быть произведен из-за отсутствия в пятилетнем плане погодной динамики общетоварных индексов. Кроме того следует иметь в виду, что в К. Ц. проведены изъятия из прибылей местной промышленности (свыше 200 млн. руб.) которые не были учтены планом.

шей экономики шла так, как мы намечаем в веках планируемого социалистического хозяйства. И вот данные этих таблиц говорят, что при подеме всех линий нашего хозяйства мы в одном месте совершаем коренную социальную ломку, линия резко изменяет ход как-раз там, где мы говорим об обобществленном секторе сельского хозяйства. В этом основной смысл нашей работы. Она говорит о том, что на наших глазах совершается колоссальная революция, происходят коренные революционные сдвиги в области сельского хозяйства.

Я больше на диаграмме останавливаться не буду. Я только задаю себе вопрос, — если эти цифры и факты относительно истекшего 1928/29 г. и того, что намечено на 1929/30 г. говорят о том, что мы ускоренным ходом выполняем пятилетний план, то каковы же главные решающие силы этого ускорения, что это за ускорение? Ответить на этот вопрос значит ответить на вопрос о самой сущности контрольных цифр этого года, а следовательно, о самой сущности того, что мы с вами намечали в пятилетнем плане.

Когда вы просмотрите иностранную литературу, обсуждающую широко наши контрольные цифры, которые мы с вами сейчас обсуждаем, вы можете видеть, что для них непонятны причины этих ускорительных сдвигов. А для нас, товарищи, они понятны и они невольно приводят нас к тому же Владимиру Ильичу, напоминают его вещи слова.

Я позволю себе еще раз процитировать то, что вам известно, но что стоит, как руководящий эпиграф и на нашем пятилетнем плане и над этими контрольными цифрами.

Вот эти слова. Владимир Ильич говорил на XI партс'езде: „Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но за то так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем“ (стенографический отчет XI с'езда РКП(б) стр. 13).

Так вот, с нашей точки зрения, потому мы дерзаем на этот пятилетний план и на его выполнение, потому мы видим такой ход нашей хозяйственной кривой, что исполняются эти слова Владимира Ильича, что прошли те времена, когда на первоначальной стадии нашей работы мы должны были испытывать наши силы, подтягивать наш хозяйственный план к уровню возможностей нашего огромного поля сельского хозяйства, к уровню возможного движения наших крестьянских масс. Прошли эти времена замедленного движения. Наступают новые великие времена, когда на наших глазах жизнь будет давать такие факты, такие достижения, которые не снились нашим буржуазным и мелкобуржуазным мудрецам, а их пока не мало и среди работников Госплана. Эти сдвиги, эти перелеты над цифрами пятилетнего плана — это факт.

Таблица 2

Выполнение пятилетнего плана
(1929/30 г. в $\frac{0}{0}$ к близкому ему по уровню году пятилетки)

Показатели	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
	1	2	3	4	5
Народный доход	—	—	89,5	—	—
Капитальные вложения общ. сектора	—	—	—	—	—
а) в ценах соотв. лет	—	—	—	92,6	—
б) „ „ 1926/27 г.	—	—	95,7	—	—
Основные формы к концу года	—	—	90,5	—	—
В т. ч. промышленность	—	—	85,2	—	—
Электрификация	—	—	—	—	—
Выработка электроэнергии	—	100	—	—	—
Планируемая промышленность					
Капитальное строительство	—	—	—	—	—
а) в ценах соотв. лет	—	—	—	—	98,8
б) „ „ 1926/27 г.	—	—	—	89,5	—
Валовая продукция	—	—	92,1	—	—
Заработная плата	—	—	96,6	—	—
Себестоимость	—	—	93,6	—	—
Добыча нефти	—	—	96,4	—	—
„ камен. угля	—	—	97,4	—	—
„ чугуна	—	—	88,7	—	—
Сел.-хоз. машиностроение	—	—	—	81,5	—
Тракторостроение	—	—	—	53,0	—
Транспорт					
Капитальные вложения	—	—	—	—	—
а) в ценах соотв. лет	—	—	—	86,1	—
б) „ „ 1926/27 г.	—	—	—	95,1	—
Грузооборот	—	—	—	90,8	—
Сельское хозяйство					
Посевная площадь зерновых	—	—	97,1	—	—
В т. ч. совхозы	—	—	—	72,9	—
„ „ колхозы	—	—	—	—	75,8
Валовая продукц. зерновых	—	—	92,5	—	—
В т. ч. совхозы	—	—	—	64,4	—
„ „ колхозы	—	—	—	86,9	—
Товарная продукция зерновых	—	—	99,1	—	—
Совхозы	—	—	—	52,9	—
Колхозы	—	—	—	—	64,2
Финансирование по госбюджету и кредиту	—	—	—	88,4	—
Машиноснабжение	—	—	100	—	—
Трактороснабжение	—	—	97,6	—	—
Бюджет					
Сводный бюджет — нетто	—	—	—	90,1	—
Госбюджет (расх. часть)	—	—	—	91,9	—
В т. ч. финансирование нар. хозяйства	—	—	—	—	87,0

Такова та сила, которая является причиной этих сдвигов. И мы с вами отлично знаем, что наш план действительно получает логическое изменение, как только мы начинаем доводить его до трудящихся масс. Как только мы спускаемся с нашим планом до фабрик и заводов, до села, так сейчас же начинается какой-то особый процесс претворения его в жизнь. Получаются те тысячи толчков вперед, которые являются решающими на всем поле нашего хозяйственного труда.

Наше строительство носит совершенно особый характер. Оно носит особый характер потому, что в нем ставка по сути дела на массы. И на какие массы! На массы, перед которыми поле хозяйственной работы расчищено великой Октябрьской революцией, создавшей единственную страну в мире, работающую, движущуюся вперед под знаменем пролетарской диктатуры.

Если какого-нибудь „изошренного“ наблюдателя привести на поле наших хозяйственных работ, он, пожалуй, был бы удивлен этому действию скопом. Многое ему не понравилось бы в этой картине труда в различных разрезах нашего народного хозяйства с точки зрения нашей интеллигентской „благоустроенности“. Но Владимир Ильич заранее предвидел, что творчество этой революционной эпохи будет именно таким, что оно будет носить своеобразные черты и в этом смысле здесь часто по ходу работ леса будут переноситься с одного здания в другое. Здесь в одном месте будет успех, в другом поражение, неуспех. Это действие огромных масс, творящих новую жизнь, сокрушающих старую, движущихся вперед не в процессе какого-нибудь устарелого порядка, а в процессе сокрушения ломки старого и создания нового. Это — эпоха революционного пролетарского творчества, которого мир не знает, для которого нет еще прецедентов, оно непрерывно противостоит и может противостоять себя всем шатаниям; оно ищет новых форм, которых в истории еще не создавалось, и поэтому вот эта картина наступления и поражения, удач и неудач органически присуща этому строительству. Она пугает некоторых интеллигентов, которым кажется, что могло быть как-то по-другому, „по-хорошему“, по-ихнему.

Маркс — наш учитель — сказал нам, что величие исторического действия заключается, прежде всего, в наличии масс, вовлеченных в историческое действие. С этой точки зрения вот эта работа скопом на огромном поле труда — это есть наиболее величественная картина, которую когда-либо видал мир. Поэтому глаза всего мира прикованы к этому хозяйственному полю и на законном основании. Решаются дела не только этой страны, но и дела всего мира. Наша хозяйственная работа поэтому не является чисто хозяйственной работой, — она является работой политической. Каждый хозяйственник нашей страны должен давать себе отчет в том, что он одновременно политик. В нашей экономике в этом смысле сгущенная политика и обратно. Каждый из наших политиков не может не быть хозяй-

ственником. Если, поэтому, мы слышим, что некоторым группам кажется возможным как-то устроиться так, в виде особого клинушка в этом великом строительстве, заявить, что они свою службу несут, но что они в политику не вмешиваются, — не верьте, они сами не верят подобного рода положению. Не может быть аполитичности в нашей стране. Кто не с нами, тот против нас.

Вот как-раз в истекшем году прошла большая серия вредных процессов, которая показала нам, как вот подобная первоначальная попытка отгородиться от этого советского хозяйственного строительства, проходящего под знаком диктатуры пролетариата, как она, эта попытка неминуемо приводила людей во вражеский лагерь. Мы воочию убедились, как прав был старик Энгельс, который предсказывал, что как только пролетариат развернет свою огромную революционную преобразовательную работу, так немедленно изменит ему то, что он называл „кислым творогом интеллигенции“, как одна измена последует за другой подобно тому, как во французской революции ее продвижение вперед тоже сопровождалось бесчисленными изменами. И я бы сказал, что сейчас мы вошли в такой плацдарм хозяйственного строительства, когда состояние политической безмятежности в хозяйственной работе, аполитичности в хозяйственных делах, состояние хозяйственного болота — это уже есть вредительство. Старик-коммунист проф. Вильямс в своем интереснейшем докладе на с'езде колхозов правильно сказал, когда утверждал: нам нужен не просто под'ем производительности труда для разрешения этих задач, нам нужен энтузиазм труда, нам нужен вдохновленный, одухотворенный труд.

Товарищи, вы видите, что при обсуждении наших контрольных цифр мы немедленно связываем наши прения с вопросами пятилетнего плана. Мы вообще не можем оторваться в нашем строительстве от заглядывания вперед, от перспектив. Это естественно, потому что мы проникнуты гордой, твердой уверенностью в том, что будущее за нас. Совсем другая картина, когда вы присмотритесь сейчас к тому, что делается в мире заграничном среди тамошних идеологов капитализма. Вот недавно в наших газетах промелькнуло чрезвычайно поучительное сообщение такого рода: когда протекал с'езд социальной политики в Цюрихе, то такие авторитетные идеологи капиталистического мира, как Вернер Зомбарт, Шульце-Геверниц, вот как расценивали современную обстановку капитализма: первый в своем докладе прямо заявил, что „ничего желательного для нас (т.-е. для идеологов его порядка Г. К.) я не могу сообщить в этих оценках“. „Наши глаза — говорил он — глядят в прошлое“. А Шульце-Геверниц еще откровеннее сказал: „Я полагаю, что, пытаясь создать науку о будущем, мы стоим на скользком пути, ведущем к Карлу Марксу“. Я уверен, товарищи, что хотят ли они, или не хотят глядеть в это будущее, хотят ли они или не хотят скользить к Карлу Марксу, с делом Ленина им придется познакомиться, и не по книгам,

Таблица 3

Выполнение плана за два года

Показатели	Итого за 2 года по к. и. (1928/29 + 1929/30 г.)	Итого за 2 года по пятилетнему плану (1928/29 + 1929/30 г.)	Разница (гр. 2—3)	1930/31 г. по пятилетнему плану	Разница граф 2 и 3 в % к 1930/31 г. (гр. 4:5)	Примечание
1	2	3	4	5	6	7
Народный доход						
В ценах 1926/27 г.	59,7	58,3	1,4	36,3	3,9	
Капитальные вложения						
В обществ. сектор (в млн. руб.)						
а) в ценах соотв. лет	14.756	11.861	2.895	8 814	32,8	
б) " " 1926/27 г.	17.122	14.243	2.879	11.874	24,2	
Основные фонды						
К концу года (прирост за 2 г. в млн. руб., в ценах 1926/27 г.)	15.680	13.432	2.248	—	—	
В том числе:						
Промышленность						
(Прирост за 2 г. в млн. руб.)	5.805	4.626	1.179	—	—	
Электрификация						
Выработка электроэнергии районными станц. (млн. катч.)	6.106	6.106	—	—	—	
Планируемая промышленность						
Капитальное стр-во (млн. руб.)						
а) в ценах соотв. лет	5.157	3.990	1.167	2.880	40,5	
б) " " 1926/27 г.	5.987	4 588	1.399	3.804	36,8	
Валовая продукция (млн. руб., в ценах 1926/27 г.)	33.785	29.337	2.448	19.649	12,5	
Заработная плата, номинальная (прирост за 2 г. в руб.)	161,0	134,6	26,4	—	—	колич. пунктов.
Себестоимость (в % к 1927/28 г.)	84,5	86,0	1,5	—	—	
Добыча нефти (млн. тонн)	29,9	28,0	1,9	16,8	11,3	
" камен. угля "	92,2	87,7	4,5	53,0	8,5	
" чугуна "	9,5	9,1	0,4	6,2	6,5	
Сел.-хоз. машиностроение (млн. руб. по ценам 1926/27 г.)	583	472	111	341	32,6	
Тракторостроение (тыс. шт.)	13,6	8,0	5,6	8,0	70,0	

Продолжение таб. 3

Показатели	Итого за 2 года по к. и. (1928/29 + 1929/30 г.)	Итого за 2 года по пятилетнему плану (1928/29 + 1929/30 г.)	Разница (гр. 2—3)	1930/31 г. по пятилетнему плану	Разница граф 2 и 3 в % к 1930/31 г. (гр. 4:5)	Примечание
	2	3	4	5	6	7
Транспорт						
Капитальные вложения (млн. руб.)						
а) в ценах соотв. лет	3.045	2.531	514	1.768	29,1	
б) " " 1926/27 г.	3.580	3.057	520	1.776	29,4	
Грузооборот (мрд. т-км)	233,7	205,7	28,0	122,9	22,8	
Сельское хозяйство						
Посевная площадь зерновых (прирост за 2 года в млн. га) от весны 1928 г. до весны 1930 г.	10,6	10,4	0,2	—	—	
В т. ч. совхозы	1,7	0,7	1,0	—	—	
" " колхозы	10,3	3,3	7,0	—	—	
Валовая продукция зернов. (млн. цент.)	1.651,5	1.697,2	45,7	961,0	—5,2	в % к сбору 1930 г.
Совхозы	40,8	29,2	11,6	25,3	45,8	
Колхозы	132,9	65,2	67,7	67,0	101,0	
Товарная продукция зерновых (млн. цент.)	252,0	221,2	30,8	151,4	20,3	
В т. ч. совхозы	25,8	16,9	8,9	16,3	54,6	
" " колхозы	63,5	27,72	35,8	22,2	161,3	
Финансирование по госбюджету и кредиту						
(Млн. руб. по ценам соотв. лет)	2.137	1.597	540	1 255	43,0	
Машиноснабжение (млн. руб. по ценам 1926/27 г.)	626	524	102	404	25,2	
Трактороснабжение (тыс. шт.)	50,7	34,7	16	42,0	38,1	
Бюджет						
(Млн. руб. в ценах соотв. лет)	18.051	15.756	2.295	10.120	22,7	
Госбюджет (расх. часть)	19.363	16.930	2.433	10.640	22,9	
В т. ч. финансиров. народ. хоз-ва	7.621	6.015	1.606	4.004	40,1	

а по фактическому строительству того, что происходит во исполнение этого дела Ленина в нашей стране. С этим они должны познакомиться и уже знакомятся, и мы с вами постараемся о том, чтобы им пришлось весьма и весьма сильно познакомиться с этим делом.

Особое значение имеет то, что сейчас сессия ЦИК в основу своих работ кладет хозяйственный план. Именно потому, что мы строим совершенно своеобразное хозяйство, именно потому, что мы его строим по определенным целевым ставкам, осуществляющим волю пролетариата, именно это дает нашим планам совершенно своеобразное значение. И по мере того, как мы действительно начинаем видеть в этих планах то, что объединяет, что толкает; видеть такой материал, обсуждая который мы выявляем наши важнейшие интересы, создается колоссальный сдвиг во всей нашей советской работе, имеющей огромное историческое значение. Наши планы сами по себе как-будто полны недостатков, которые мы разумеется будем исправлять. Но существуют, товарищи, в химии особые вещества, имеющие совершенно особое значение, так называемые катализаторы. Катализатором химии обычно называют то небольшое специальное вещество, которое, будучи введенным в разрядку огромных масс, вдруг начинает быть ускорителем всего процесса и как-то ввязываясь в игру химических сил содействует его разрешению. Наши планы сами по себе небольшая величина, но в этом великом историческом процессе, который совершается на наших глазах, они являются поистине катализаторами, толкачами, двигателями, объединяющими и кующими ту единую волю хозяйственного труда, которая для нас так же важна, как важно было — как это подчеркивал Владимир Ильич — разрешение наших военных задач.

Вот почему обсуждение плана сейчас так же показательно, как было показательно обсуждение пятилетки на V съезде Советов. Это значит, что наша страна действительно продвинулась далеко вперед в деле овладения этим новым орудием планового строительства и она дает себе отчет — какое для нее имеет значение этот плановый хозяйственный рычаг.

Мы уже говорили, что только при известном ускорении поднимающегося в широких массах трудящегося актива новой волны энтузиазма мы сможем выполнить гигантские задачи, заложенные в этих хозяйственных планах. Но из того, что я сказал относительно значения хозяйственного плана надо помнить, что это тоже есть своеобразный ускоритель, разделяющий нашу страну от капиталистических стран мира.

Недавно в лондонском органе „Финансовые Известия“ помещена была любопытная статья как-раз на тему о плановом хозяйстве, и она очень характерна для англичан. Я ее цитировать не буду, а изложу ее своими словами. Они говорят: для порядочного англичанина, казалось бы, что предложить ему исполнять пятилетний план — это все равно, что надеть ему тесную куртку. Как это так,

мы привыкли думать, что наш производитель пляшет под дудку потребителя, мы философски оправдываем то, что воля потребителя, свободный рынок — это есть командующее начало. Но тот же обозреватель принужден сказать так: „однако, действительность заставляет нас призадуматься, может ли эта формула иметь абсолютное значение, не следует ли внести некоторые поправки“. Пожалуй, опыт нашей страны показывает, что даже для такого благомыслящего англичанина становится ясно, что в той стадии хозяйственного развития не только нашей страны, но и всего мира, приводятся в движение такие огромные производительные силы, когда уже нужна какая-то особая величина, чтобы эти силы не создавали хаоса, губельного для хозяйства. Тогда приходится думать, что волю потребителя нужно будет ограничивать какими-то соображениями планового характера. Хорошо, однако, то, что они и до этой мысли дошли.

Мы знаем, что практический американский мир имеет свою пятилетку для коммунального хозяйства, свою тридцатилетку хозяйства по электрификации. Особенно показательно было посещение меня в Госплане недавно скончавшимся известным японским деятелем — виконтом Гото. Когда он познакомился с работой Госплана, то он сказал мне так: „знаете, я должен признать, что вот единственный уголок я нашел (он как-раз в это время путешествовал по Европе), в котором работают по-настоящему для человечества. Я хотел и для Японии создать такой плановый орган, но признаюсь, соотношение политических партий в Японии и ее хозяйственный строй таковы, что там такого органа не создать“. И он до самой своей смерти, как это нам теперь известно по материалам, сообщенным из Японии, оставался верным своей положительной оценке наших попыток создать особый плановый режим хозяйства, создать особые органы, как наши планирующие органы, чтобы помочь трудящимся пережить муки родов нового общества.

Так вот, постановка контрольных цифр в основу занятий ЦИКа, в которых уже обсуждение бюджета является частью, свидетельствует перед всем миром о том, что мы в нашем хозяйственном строительстве уже пережили детский период. Мы перешли к такому плановому развитию строительства, когда и впредь ни одна сессия ЦИКа в начале хозяйственного года не обойдется без того; чтобы не обсуждать контрольных цифр, и каждый раз при их обсуждении мы будем связывать эту работу с рассмотрением общих перспектив нашего строительства.

Я перейду теперь к характеристике отдельных важнейших частей народнохозяйственного плана на 1929/30 г. чтобы на них сконцентрировать ваше внимание.

Наиболее обобщающим показателем плана, показателем наиболее ясно нам показывающим, что мы идем верной дорогой, что мы не переоцениваем наших средств — является рост нашего народ-

ного дохода. Ведь ясно, что мы поистине собственной рукой строим наше народное хозяйство. Из доклада тов. Рыкова вы слышали, каково отношение к нам заграничного мира, как идут дела по нашим торговым руслам, как они идут в концессионной политике и вообще на нашем внешнем политическом фронте. Мы должны строить только собственной рукой, опираясь при этом прежде всего, на свое собственное накопление.

Так вот вопрос о народном доходе в этих контрольных цифрах нами подвергнут особенно тщательному изучению. Вы там найдете обширнейший материал и этот материал для нас особенно важен. Я не буду останавливаться на деталях, на отдельных частях этого материала, а задержусь только на немногих, на важнейших и решающих. Когда я докладывал пятилетний план, я отмечал эти моменты, и говорил, что какие бы планы мы ни создавали, нам необходимо в первую очередь как-то так развернуть поле хозяйственного труда, чтобы обеспечить из года в год такой рост народного дохода, который был бы значительно выше 10%, — так процентов от 13 до 15. Вот что нам нужно было в расчете пятилетки, чтобы именно оправдать размах нашего хозяйственного строительства, опереться на собственные материальные ресурсы накопления.

В таблицах о народном доходе, напечатанных в „Контрольных цифрах народного хозяйства СССР на 1929/30 г.“,¹ составленных в неизменных ценах, в ценах 1926/27 г. подведены итоги этого роста народного дохода из года в год. И что же оказывается? Оказывается, что по нашему расчету как-раз в эти два года — в 1928/29 и 1929/30 мы имеем резкий сдвиг от тех величин, которые, с моей точки зрения, были решающими, мы переваливаем за эту цифру ежегодного прироста народного дохода в 10—12%. 1929/30 г. в неизменных ценах дает нам прирост народного дохода на целых 20 с лишним процентов. Вот, товарищи, та цифра, которая должна, я думаю, повергнуть в величайшее изумление широчайшие круги наших критиков, особенно западных экономистов. Это совершенно неслыханная в истории труда цифра и величина.

В самом деле, наш довоенный доход, прирост его из года в год шел так, что расценивался ниже 3%. По расчетам известного враждебного нам экономиста — Прокоповича — мы имеем сейчас во всем мире затухающую кривую прироста народного дохода. А в довоенное время, когда не было такого затухания от 1909 до 1918 г. — Соединенные Штаты давали ежегодный прирост менее 3%. Следовательно, как отвечает фактически наш хозяйственный план, в этом важнейшем месте на наш вопрос — подкованы ли мы достаточно нашими собственными ресурсами? Он отвечает — *подкованы*. И цифры прироста народного дохода свидетельствуют о том, что мы имеем такие достижения, которых не знает капиталистический мир. Прочно

ли мы подкованы? Когда вы будете изучать материалы, обосновывающие такой громадный прирост народного дохода, вам станет ясно, что главнейшая суть этих сдвигов заключается в том, что действительно наша промышленность, собранная в единый котел, строящаяся по законам объединенного общественного хозяйства огромного масштаба, — она, социалистическая промышленность движется вперед, растет такими колоссальными темпами, которых не знает история капиталистических стран и как все более и более решающая сила она вклинивается по своему удельному весу, в общем народном доходе страны.

В самом деле, вы увидите в таблице, на стр. 467 тех же контрольных цифр, что, скажем, сельское хозяйство еще в 1925/26 г., по своему удельному весу играло главенствующую роль, имея в общей структуре народного дохода около 41%. В 1929/30 г. удельный вес сельского хозяйства, благодаря громадному развитию промышленности, снижается до 27%. Наоборот, цензовая промышленность, удельный вес которой в общем народном доходе страны в 1925/26 г. составлял около 23%, теперь, в 1929/30 г. повышается почти до 33%, т.е. будет занимать почти одну треть общего народного дохода страны. Главенствующая роль в народном доходе от сельского хозяйства перешла к промышленности. Следовательно, наше строительство ведется на путях индустриализации, на путях мощного развития крупной промышленности — этого решающего индустриального звена, который в народном доходе дает себя знать все большим удельным весом и непрекращающимся темпом движения вперед.

Когда мы обсуждали пятилетний план и говорили, что для выполнения нашей программы нужно мобилизовать за пятилетие свыше 80 млрд. из народного дохода через всю систему финансового плана, то эта цифра была подхвачена буквально всеми критиками, на нее тыкали пальцами и говорили, что совершенно невозможно, чтобы в этой стране за пять лет можно было бы собрать 80 млрд. руб. Факты показали, как эти критики ошибались. В самом деле, 1929/30 г., который мобилизует для финансирования народного хозяйства по финансовому плану и для других нужд около 18 млрд. руб., уже показывает путь достижения этой цифры. Это как-раз то, что нам нужно для того, чтобы получить 80 млрд. за пятилетие. Эту цифру вам нужно запомнить.

Если посмотреть как распределяются эти 17,6 млрд. нашего финансового плана на 1929/30 г., тогда сразу станет понятным, в чем та сила, которая подкрепляет этот рост, которая делает совершенно реальной эту огромную мобилизацию средств. Мы несколько ни рискуем. Дело простое: из этих 17 млрд. руб. 12 млрд. идут на нужды хозяйственного строительства, почти 4 млрд. руб. идут на социально-культурное строительство и только 1,7 млрд. идут на административные расходы. Эти цифры сразу отвечают — эта основная ставка пятилетнего плана не фантазия; мы эту огромную сумму в 80 млрд.

¹ Стр. 467.

действительно мобилизуем. План 1929/30 г. показывает, что мы уже дошли до полнейшей возможности полностью развернуть эту финансовую программу и что мы стоим здесь прочно и твердо, потому что мы мобилизуем средства на самое благонадежное потребление — на нужды народного хозяйства; мы идем под знаком индустриализации, мощно подкрепляя как раз это индустриальное звено.

Однако, товарищи, как бы мы с вами ни подкрепляли себя подсчетами разнообразных материальных ресурсов, этим не исчерпываются важнейшие вопросы всего народнохозяйственного плана. Когда наши финансисты начинают соображать, чем же определяется секрет выполнения нашего плана, то к каким рассуждениям они приходят? Здесь я попробую сконцентрировать ваше внимание на ходе основной мысли крупнейших работников по финансовым вопросам. Это очень важно для того, чтобы понять, каково же своеобразие нашего хозяйственного строительства и на чем, с точки зрения развертывания финансового механизма, основана наша уверенность, что мы прочно и твердо стоим. Как они рассуждают, когда рассматривают финансовый план? Они говорят так, что помимо бюджетных рычагов, для того чтобы понять картину всего строительства, надо иметь ясное представление о том как движутся цены, как изменяется себестоимость и в каком положении находится зарплата. Три точки. Для тех, кто хочет изучить финансовую структуру нашего строительства, необходимо отдать себе ясный отчет в этих трех звеньях нашей хозяйственной работы. Надо отдать себе отчет в том: как движутся наши цены, как движется себестоимость и как движется зарплата. Если мы отдаем себе отчет в этих направлениях, — мы ясно поймем весь хозяйственный план.

К чему приведет каждый из этих пунктов? Возьмем цены. Разве цена, которая имеется у нас, в нашем государстве, в нашем строительстве, похожа на те цены, которые создаются вольной игрой рынка? Проследите заканчивающиеся на наших глазах хлебозаготовки, проследите то, что происходит сейчас на стыке между городом и деревней, просмотрите цены наших заготовительных органов, посмотрите, как мы идем по определенному плану снабжения деревни промышленными товарами, как мы распределяем эти промышленные товары под углом определенной классовой политики, особенно, если вы при этом учтете, как развертывается вообще рычаг контрактации — этого особого генерального договора между государством и крестьянским хозяйством. Проследив все эти важнейшие моменты, вы увидите, что на этом стыке, огромном решающем стыке оборота между городом и деревней, вовсе не свободная игра рынка решает все, а решают уже, как выражаются наши работники, две величины: план и общественность, — на селе бедняцко-середняцкая общественность — и вообще вся советская общественность, которая зорко следит за исполнением этого важнейшего хо-

зяйственного оборота и ставит определенные целевые ставки плановых величин. Это уже показывает вам, что над ценой стоит организация советского пролетарского государства, что, конечно, в конце-концов, цена и у нас создается. Но здесь не игра цен, а расчет, калькуляция, учет действительных расходов, учет творческой энергии в последнем счете того, кто стоит у хозяйственного руля, учет расхода его сил — вот, что является решающим.

Нечего и говорить, что вопрос себестоимости есть тот же расчет, концентрирующий в себе ряд элементов, но расчет расходов трудовой энергии. И в зарплате в последнем счете мы возвращаемся к одному и тому же учету того, что называется расходом трудовой энергии. По мере того как будет развиваться плановое хозяйство, по мере того как все эти элементы цены, себестоимости, зарплаты сейчас уже в значительной мере командуящие денежным языком, фактором денег как таковым, по мере того, как эти факторы все больше будут выступать на передний план, — будет исполняться то, что предвидел наш первый учитель Карл Маркс, который говорил, что в обществе строящегося коммунизма цена отходит от рыночной игры; в ней, в цене, будет учитываться непосредственный трудовой расход, — деньги для нас приобретают все большее значение учетных денег, а в этом учете на первый план, согласно предвидению Маркса, будет выступать то, что называется рабочей квитанцией, израсходованным трудом. Мы когда-то с Владимиром Ильичем мечтали о том, что, быть может, нам еще удастся увидеть то время, когда каждый год вместо сложных вычислений бюджета, мы будем давать трудящимся страны простые и ясные величины, говорящие, что каждый работник должен сделать на поле труда и сколько он может получить из общественных источников накопления хозяйственных благ для удовлетворения своих нужд.

Мы еще, конечно, находимся на громадном расстоянии от возможности давать вам такие контрольные цифры, чтобы упрощать эти расчеты, не писать такие длинные таблицы, не делать такие сложные пересчеты на денежный язык и ряд лет мы еще будем работать в этом направлении. Но я глубочайшим образом убежден, что уже в этих контрольных цифрах, при внимательном их изучении, становится ясно, как за денежным языком вырастает язык натуральных благ, которые непосредственно обслуживают массы трудящихся. В дальнейшем все более ясно и четко будет выступать наша целевая работа, в которой человек поставлен выше всех вещных материальных отношений. Постановка контрольных цифр и обсуждение их на настоящей сессии — это как раз и есть шаг в этом направлении.

Английский парламент временами выпускает книги, которые он называет „синими“ и „белыми“ книгами. Вот я с этой кафедры позволю себе выразить надежду, что мы с течением времени приучим страну нашу ожидать каждый год с нетерпением выхода не только такого

вида контрольных цифр, которые розданы вам сегодня в этом толстом томе, а выхода своих красных, зеленых, желтых и синих книг. Там будет красная книга, — книга труда. Каждый трудящийся отряд будет читать в этой красной книге, что он должен сделать на том или другом огромном поле нашего социалистического труда. В этой красной книге он прочтет, что в конце года будет им создано и что он может получить для удовлетворения своих культурных и материальных потребностей.

Мы будем иметь и синюю книгу и я думаю, что мы эту синюю книгу отнесем не к тем величинам, к которым относятся синие книги английского парламента. Эта синяя книга будет говорить об энергии, об энергетике, об электрическом хозяйстве, что связано с основным источником энергии — с солнечной энергией, идущей из синевы небес и претворяющейся в тепловую и все другие виды энергии. Вместе они создадут тот котел, который на ряду с живой человеческой энергией, с „красным углем“, представляет решающую величину в народном хозяйстве. Народ будет с нетерпением ожидать, когда выйдет синяя книга, в которой он прочтет, какие силы он сможет запрячь в помощь своей живой силе.

Поскольку денежный язык будет сохранен, будет еще желтая книга, соответствующая желтому цвету золота.

В последнем случае эти рассуждения приводят к такому выводу: уже сейчас за цифрами и фактами этих контрольных цифр решающим является вопрос о живой энергии. И вот несколько слов я бы хотел сказать о том, что говорят эти контрольные цифры как-раз по этому вопросу.

Мы с вами как-то привыкли к тому, что если у нас, где-нибудь на каком-нибудь хозяйственном фронте неблагополучно, то поскорей надо мобилизовать рабочих, послать несколько сот их в одно место, на один участок, несколько тысяч на другой. Сейчас остро стоит огромный вопрос о колхозной работе и мы прямо говорим: чего тут долго рассуждать — 25 тыс. рабочих послать в колхозы. А сейчас колхозники говорят: 25 тыс. мало, надо побольше.

Мы все возвращаемся к этому основному источнику живой силы, к этому авангарду живой силы — промышленному пролетариату, тысячами бросаем его не только в вузы, не только в кампании, а теперь уже десятками тысяч бросаем его на все ответственные участки. Мы говорим: он придет, его энергия — это тот ускоритель, которым дышит каждый элемент нашего народнохозяйственного плана. И, действительно, если вы вдумаетесь в эти цифры, вы скажете, что 1929/30 г. нас действительно поддерживает в этой крепкой уверенности, что здесь у нас прочно. Но, прежде всего, когда вы посмотрите расчеты, вы увидите, что в 1929/30 г. мы будем располагать в наемном труде огромной 13-миллионной армией, из которой около 9 млн. — рабочие и около 4 млн. — служащие по найму. Прирост за один год — 1 млн. Вот величины, с которыми мы идем.

По контрольным цифрам мы в этой области имеем, в основном, следующие сдвиги: в прошлом году мы перевели на 7-часовой рабочий день около 500 тыс., в этом году — новых 500 тыс. В общем, к концу года свыше одного миллиона переведенных на 7-часовой рабочий день. На непрерывную рабочую неделю переводим две трети нашей промышленности, — опять миллионная величина. Эта 13-миллионная армия уже является почтенной армией среди промышленных индустриальных армий мира. Я должен подчеркнуть, что заграничная статистика очень трудно сравнима с нашей, но все-таки позвольте для иллюстрации привести некоторые грубые цифры, которые показывают, какое место мы занимаем в этом смысле. Так, промышленная армия Англии составляет около 13 млн.: 11.600.000 — рабочих и около 2.800.000 — служащих. 20-миллионная армия Германии, если взять по нашим подсчетам, состоит приблизительно из 16 млн. рабочих и около 5 млн. служащих. Мы уже в 1929/30 г., как я сказал, идем с 13-миллионной армией, работающей по найму. Уже далеко позади нас остались те времена, когда мы говорили и заботились о том, чтобы собрать рассеянные под влиянием революционных бурь и событий, под влиянием разрухи, — отряды пролетариев. Мы собрали огромный отряд, который занимает по своей численности почтенное место среди промышленных отрядов индустриальных стран. Мы собрали огромные, мощные отряды пролетариев, прошедших совершенно исключительную, небывалую в истории школу.

Переходя к зарплате, мы можем сказать, что в 1929/30 г. мы можем рассчитывать на некоторый благоприятный сдвиг: 9% повышения номинала, 3% добавочных за счет снижения бюджетного индекса рабочего, т.-е. около 12% под'ема зарплаты это, конечно, благоприятная вещь. Однако, все-таки исчерпывающая суть не в этом. Когда я думаю о том, где же залог уверенности, что мы имеем в нашем рабочем совершенно особую силу, мне кажется, что к этому надо подойти не только со стороны этих материальных фактов, а надо вспомнить о том, какую школу прошел наш рабочий. Если, в самом деле, когда-то, в 90-х годах мы, с маленькой горсточкой людей, окруженные гигантским противодействием помещиков, капиталистов и царского правительства, дерзали воспитывать рабочий класс в подпольи, то можем ли мы сейчас оценить, как в эти 12 лет после Октябрьской революции, какое воспитание, какую школу каждый год, изо дня в день прошел наш рабочий класс и кто в состоянии взвесить эту его революционную энергетику? Учитывали ли мы в плане эти ресурсы в полном размере? Я думаю, что мы их недоучитывали. Иностранного наблюдателя поражает особая интеллигентность нашего пролетариата, прошедшего школу революционной общественности. Для того чтобы не быть голословным, я прочту одно чрезвычайно интересное сообщение иностранной фирмы Канн (американская фирма, которая строила у Форда и его заводы), которая строит Сталинградский завод. Люди

этой иностранной фирмы совершенно несклонны переоценивать наши достоинства и очень критически относятся к нашей обстановке. Тов. Куйбышев сообщил недавно о письме, полученном им от этой фирмы Канн. Фирма пишет:

„Быстрота и экономичность установки стальных конструкций в большей мере объясняются сотрудничеством со стороны советских рабочих. Кроме похвального мы ничего другого о них сказать не можем. Они более сообразительны (интеллигентны), чем наши рабочие.

Если им дать правильное руководство, если им не мешать в работе, если им дать соответствующий стимул в том смысле, чтобы их мастера и руководители работали также напряженно, как они, мы могли бы достигнуть лучших результатов с ними, чем с нашими рабочими в Америке“.

Вот так говорят иностранцы.

Присмотримся к тому, что сейчас совершается, к тому, что мы сейчас называем социалистическим соревнованием. Присмотритесь, как оно уже сказалось, сказывается и подумайте, как оно должно сказаться. Что это такое? Вот сейчас в эти годы великого перелома на нашем хозяйственном фронте, когда мы уже начинаем собирать жатву с огромных посевов, с 12 посева после Октябрьской революции. Это и есть огромная работа, которая прямо поражает всякого беспристрастного наблюдателя и мой язык бессилен воспроизвести то, что каждый день сообщается со всех сторон в нашей экономической прессе.

Когда-то прошумело во всем мире открытие великого американского экономиста Тейлора, и стали много говорить об организации по Тейлору, о тейлоризме. А что, собственно говоря, открыл Тейлор? Он открыл, что несмотря на огромный технический прогресс, на рост производительных сил капитализма, — если присмотреться к тому, как работают за границей рабочие — можно определенно сказать, что они работают в состоянии постоянного противодействия тому давлению машин, которое на них в этой капиталистической обстановке совершается. Рабочий — сам подневольный раб, работая под огромным остовом машин, находящихся во владении капитализма, — враждебной ему стихии. Только в условиях пролетарской диктатуры этот момент исчезает, труд выходит из-под давления машины, стоит над машиной и в этом секрет того, что по мере роста основы вот этого нового хозяйственного порядка, укрепляется весь наш хозяйственный строй, рабочий класс ежедневно убеждается, что он действительный хозяин и что он действительно может стоять над машинами. Я подчеркнул в начале своего доклада, что наша хозяйственная работа есть политическая работа, и вот эта хозяйственная активность нашего рабочего класса, которая все время сопровождается политической активностью, она-то

и укрепляет его общую зарядку, она создает чудеса, она-то и решает судьбы нашего хозяйственного плана, и его огромного строительства. А оно колоссальными шагами из года в год идет вперед, уже реализуется. Ведь новое промышленное строительство в нынешнем году будет занимать целых 47 процентов против 33 с небольшим процентов прошлого года. Это и есть лучшая школа, ведущее начало, говорящее огромным трудящимся массам пролетариев, какой силой они являются, что они строят, и на что они способны.

Отсюда огромное значение политических предпосылок. Я думаю, что как-раз эта же хозяйственная работа, эти наши практические достижения, вот то, что мы с вами рассматриваем сейчас и рассматриваем каждый раз, когда пытаемся подвести итоги по линии наших планов, все это помогает достигать нам единства не только в области хозяйственной работы, но и в области политики. Это создает как-раз выправление линии политической и оно как-раз на наших глазах, вот только-что увенчалось огромной партийной победой. Мы можем, действительно, с твердой уверенностью сказать, что успех хозяйственной работы этого года, хозяйственной работы, проводимой под руководством нашей партии обеспечен, ибо мы в этой партии сейчас имеем такую блестящую победу коммунистического ее ядра, такой разгром всяких уклонов влево и вправо, который является самой верной, самой надежной предпосылкой для успеха на нашем хозяйственном поле, ибо наша работа политическая и хозяйственная неотделимы. Предпосылка железного единства партии является основной и величайшей для настройки нашего хозяйственного труда.

Накануне Октябрьской революции Владимир Ильич, отвечая на вопрос, удержат ли большевики власть, размышлял по этому вопросу таким образом: „мы не можем сейчас оценить силу сопротивления пролетариата и беднейшего крестьянства, оно не выпрямилось во весь свой рост. Это сопротивление выпрямится во весь рост тогда, когда пролетариат будет стоять сам у власти, тогда когда крестьяне увидят, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами. Только тогда мы увидим, на какие силы отпора способны защитники социалистического строя, трудящиеся нашей страны. Вот тогда мы увидим на практике то, что Энгельс называл „скрытым социализмом“, тогда на каждые 10 тыс. открытых или прячущихся, проявляющих себя в действенном или пассивном упорстве рабочего класса, поднимутся по миллиону новых борцов“.

Так говорил и предвидел Ленин, оценивая шансы наших успехов в первый период власти рабочих и крестьян, в военный боевой период. А затем, товарищи, он размышлял о том, как же, когда трудовая обстановка развернется, как же на поле труда, какие моменты могут тогда содействовать решению гигантских задач построения социалистического общества. Он писал в том же 1918 г. так:

„Социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами“.

„Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти,— организовать соревнование“.

Ленин предвидел эти формы растущих у нас перекличек, этих новых отношений города и деревни, фабрики к селу и села к фабрике, района к району. Он предвидел, что в хозяйстве развернутся небывалые силы. Они сейчас разворачиваются точно так же, как разворачивались во время военной полосы. При этом наступлении на капиталистические элементы борьба принимает, как вы все знаете, жесточайший характер. Есть уже много бойцов, с честью сложивших свои головы в этой борьбе. Подобно тому, как Владимир Ильич предвидел, что в военной борьбе поднимутся миллионы новых борцов, подобно этому и ныне на место павших борцов являются на наших глазах десятки тысяч новых.

Я не мог без волнения прочесть вчерашнее сообщение „Известий“, как-раз говорящее на эту тему. Я позволю себе это процитировать, потому что это по-моему чрезвычайно показательный факт. Вот что было вчера сообщено в „Известиях“ и что вы сами могли бы сообщить с самых разнообразных мест нашей страны: „Недавно в Каменском районе, в селе Ольхов-Лог (Острогожского округа), ночью выстрелом через окно был убит председатель колхоза, кандидат в члены партии тов. Шабельников. Покойный пользовался большим авторитетом среди бедняцко-середняцкой части села. В ответ на убийство 53 бедняка подали заявление о принятии их в партию. Среди них есть старики 55—60 лет. При подаче заявления о желании вступить в ряды партии 78-летний старик Шабельников заявил:

— Внука убили, а я хоть и стар, но еще сумею бороться с кулаками и прошу принять меня в партию.

Из среды батрацко-бедняцкой молодежи вступило в комсомол 24 человека.

На похороны Шабельникова собралось до 1.500 бедняков и середняков, которые над гробом приняли единодушное решение: закрыть церковь и открыть дом культуры и отдыха.

Это решение бедняцко-середняцких масс проводится ими уже в жизнь. На-днях с церкви сняли кресты и колокола, проведено радио. Дом культуры назван именем тов. Шабельникова“.

Это говорит о том, что на нашем хозяйственном фронте ныне происходят дела такого же масштаба, такой же исторической значимости, какие имели место тогда, когда мы отстаивали с оружием в руках диктатуру рабочего класса.

Вот это и есть основное и решающее. Эта зарядка, эта настройка наших рабочих и наших крестьян, эта живая энергетика со всех сторон с цифрами и фактами свидетельствует нам о своем неуклонном росте, о своем особом качестве.

Но мы знаем, что и материально по заданиям под'ема производительности труда, по снижению себестоимости мы идем высоким процентом, в сущности лишь потому, что заносим здесь факты действительности. Достаточно напомнить о том, что в этой области уже достигнуто в последнем квартале 1929 г. Высокими ставками в области производительности труда и снижения себестоимости, предусмотренными в контрольных цифрах на 1929/30 г., мы, собственно говоря, продолжаем эту линию сдвига в материальном производственном процессе, которая произошла фактически вследствие активности, энтузиазма труда рабочего класса.

Кроме этой живой энергетике для нас важно посмотреть, а как она подпирает материальную энергетiku? Поэтому я хочу несколько остановиться на плане электрификации, на тех сдвигах, которые намечаем в промышленности и в сельском хозяйстве, в его основных показателях.

Говоря об энергетике живой силы нашего труда, я должен прежде всего обратить ваше внимание на рост наших работ в области электрификации. Можно прямо сказать, что 1929/30 г. явится совершенно необычным годом по тем сдвигам, которые мы должны получить и в этой важнейшей отрасли нашего строительства. Мы наметили программу, осуществление которой сразу увеличивает мощность наших районных электрических станций на 500.000 квт. Такого сдвига мы еще ни разу не делали. Мы вступили в 1929/30 г. со строительством, которое охватывает установленную мощность в полтора миллиона квт. В конце года постройка охватит уже 3 млн. квт мощности. Это уже цифра, далеко превосходящая наметки известного плана Гоэлро, представляющая удвоение их. Но они сопровождаются еще одним важным моментом. Вообще, нужно помнить, что 1929/30 г. по размаху капитальных вложений и капитального строительства является годом совершенно не обычным. Тут количество уже переходит в качество. Одна из наших важнейших забот — сосредоточить внимание всей советской общественности на постройке вот этих огромных колоссов нашего строительства, огромных металлургических заводов, которые мы строим сейчас в различных местах страны и вокруг наших огромных электрических станций. Одна из основных кампаний этого года — величайшая бдительность на этом фронте, потому что, без всякого преувеличения, судьбы этого строительства решают наши судьбы.

В области строительства районных электростанций мы в текущем году имеем очень знаменательный сдвиг; от трехгодичных и

четырёхгодичных сроков строительства станции мы переходим уже к постройке огромных тепловых станций всего за двухлетний срок, а, как заявляет, например, передовой отряд нашего строительства по электротехнике — Сталинград — мы с постройкой огромной Сталинградской станции идем с семнадцатимесячным сроком. В этом темпе мы уже приближаемся к наиболее передовым странам заграничного мира.

В этом году мы, между прочим делаем еще один решительный сдвиг в электроснабжении. Я неоднократно подчеркивал, что мы переходим от регулирования производства электрической энергии к регулированию тепловой энергии. Мы начинаем все более крепко сочетать снабжение электричеством со снабжением тепловым. В этом отношении огромное значение для экономии наших расходов в очень трудном хозяйственном звене — в области тепловой энергии, особое значение имеет постройка тепло-электроцентралей. И мы в этом году хотим вторую станцию МОГЭС'а, бывшую трамвайную станцию в Москве и вторую станцию электротока бывшую станцию Гелиоса в Ленинграде превратить в электроцентралю. До сих пор вода из конденсаторов этих станций, согретая только в процессе образования пара, нагревала воду Москва-реки и Невы, теперь мы будем употреблять ее для снабжения тепловой энергией таких мощных потребителей тепла, какими являются Ленинград и Москва. При чем, мощность этой маленькой трамвайной станции, благодаря усовершенствованиям в тепловом хозяйстве, доходит до очень почтенной цифры, — до 140 тыс. *квт.* Мы строим и новые тепло-электрические станции в Москве, в Хамовническом районе и в Московско-Нарвском районе в Ленинграде. Оборот этих станций будет 100 тыс. *квт.*, они будут снабжать теплом и, как отбросами, — электрической энергии. Постройку этих станций мы должны закончить в два года.

Используя высокое давление 100 атмосфер, небывалое в нашей практике давление на такой станции, как бывшая трамвайная станция, мы, наряду с этим, думаем поставить на Кашире турбину, мощностью в 60 тыс. *квт.* т.-е. одна турбина, равная мощности всей Волховской станции. Эта Каширская станция как теперь установлено, по мощности котлов позволяет нам включить новую турбину в 60 тыс. *квт.* При чем стоит нам это будет чрезвычайно дешево: всего 100 руб. мощность установленного киловатта. А, помните, мы еще совсем недавно шли с расходом 500 руб. на киловатт. Это показывает, что и технически мы в этом важнейшем строительстве дошли до такой экономии, которая является весьма важным фактором для судьбы этого строительства. В этой Каширской станции, помимо указанной турбины в 60 тыс. *квт.*, по инициативе Московского Комитета партии намечен еще шаг вперед. Я давно говорил каширцам, что им пора бы подумать о специальном сел.-хоз. применении этой станции: она находится в районе беднейшего крестьянства, в мест-

ности, где сельское хозяйство давно испытывает очень тяжелое положение. И вот можно было бы давно подготовиться к тому, чтобы прийти на помощь производственным процессам сельского хозяйства не только с трактором, но и с электроэнергией, над чем задумывался еще В. И. Ленин. И сейчас, развертывая работу по Каширской станции нужно связаться с таким электроснабжением, чтобы электролебедки вошли в ход вместе с трактором для помощи сельскому хозяйству. Московский Комитет предполагает, что это будет район сплошной коллективизации, и прекрасно, что мы его будем иметь в районе этой мощной станции; это поможет подойти по-новому к вопросам сельского хозяйства.

За краткостью времени я не могу подробно остановиться на этой большой программе. Подчеркну только, что программа электроснабжения идет в точности по вехам пятилетнего плана. Бобриковская станция, о которой я говорил на V съезде советов, обдумана всесторонне и строительство ее будет двигаться вперед в 1929/30 г. и тут будут осуществлены своеобразные комбинаты: химическая промышленность, получение обгазированного топлива и снабжение Москвы газом. Здесь мы думаем дать особый завод по выработке алюминия фосфористых и азотистых удобрений.

Работникам Иваново-Вознесенской и Нижегородской областей ясно, какое громадное значение имеет то, что мы так форсированно ведем работу по Нижегородской и Иваново-Вознесенской станциям; им также должно быть ясно, как нужно торопиться с Южской станцией развивая ее мощность свыше 150 тыс. *квт.*

Балахна не успевает сейчас за ростом своих потребителей. Мы вообще наблюдаем, что бурное развитие промышленности заставляет нас с особым вниманием смотреть за прочностью этих наших позиций на фронте электроснабжения. Вот эти электрические станции помогут нам ослабить дефицит нашего электро-снабжения в Москве и Ленинграде. Быстрое устройство Южской станции и расширение Балахнинской станции поможет нам в центральном промышленном районе.

Особые заботы у нас связаны с снабжением электрической энергией топливного сердца нашей страны — Донецкого бассейна.

Сейчас всю страну взволновали события, происходящие на станции Штеровка, когда мощная турбина, которая сооружалась и монтировалась немецкими мастерами, при пуске отказалась работать. Но к счастью имеется вторая запасная турбина, которая сейчас быстро пускается в ход. Я надеюсь, что эти болезни временные, и мы имеем все основания думать, что в 1929/30 г. Штеровка прекратит свои детские болезни и станет мощным звеном в электроснабжении Донбасса. Но это несколько не смягчит там положения, если мы запоздаем с Зуевской станцией. Если бы работа Днепростроя хотя бы немного дрогнула, то мы, во всяком случае, имели бы очень острое положение в Донбассе с электроснабжением. Мы имеем все

основания думать, что как-раз этот фронт работы на Днепрострое идет у нас на высоком уровне, что эта могучая станция будет построена раньше срока и у нас есть возможность в случае заминки быстро перебросить электрический ток от Днепростроя для подкрепления работ Донбасса. Одновременно остальные станции Донбасса должны быть под зорким контролем. Особое внимание должно привлечь к себе строительство таких станций, как Кеммерово и Кузбасс. Их постройка при необычно благоприятных топливных и природных условиях должна послужить мощной базой для под'ема нашего колосса — Кузбасса, в котором мы сейчас сочетаем дело развития угледобычи с сооружением таких гигантов, как Кузнецкий и Тельбесский металлургические заводы.

На Волге постройка ряда электрических станций тоже — в полном ходу. Саратовская станция удваивается против первоначальных наметок, Самарская и Казанская станции включаются в список районных станций.

В Закавказье мы имеем ряд станций в Грузии и Армении. Здесь используется водная энергия. Закавказцы по использованию высоконапорной энергии в Армении дают показательные примеры первоклассного ведения этого строительства. Сооружение Рионгеса на реке Рионе даст огромный электрический хребет всему Кавказу. Сообщения говорят, что работы по этой станции идут вполне исправно и не отступают от плана. Все это в целом говорит нам, что огромные суммы, которые мы ассигнуем в этом году, еле-еле достаточны для того, чтобы выравнять фронт большой электрификации с фронтом тех запросов к электрической энергии, значения которых нечего доказывать, потому что каждый из наших районов отлично понимает, что значит для него правильное решение вопроса об электроснабжении. В частности все более ясно, что в Средней Азии судьбы ирригации — основного звена развертывания хлопкового хозяйства — теснейшим образом связаны с использованием электрической энергии для целей водоснабжения.

После этих беглых замечаний относительно положения нашего электроснабжения я бы хотел только в кратких чертах остановиться на том, что нам говорят факты строительства в области промышленности. Я прежде всего подчеркиваю, что самыми важными цифрами в наших контрольных цифрах будут те цифры, которые говорят, что огромное развитие нашего индустриального хозяйства теснейшим образом связано с тем, что оно становится на собственные ноги и что, несмотря на те колоссальные суммы, которые мы расходуем на строительство в промышленности, доля собственных средств промышленности на наших глазах быстро движется вперед. Это лучше всяких слов свидетельствует о том, что в последнем счете мы концы с концами свеем, при чем промышленность сама создаст эти ресурсы. Показательнейшие ряды цифр вы найдете и в пятилетнем плане.

Если сопоставить в расходах промышленности средства внутреннего накопления с 1927/28 до 1929/30 г., то мы получим следующие цифры: в 1927/28 г. средства внутреннего накопления составляли только 39% всех капитальных вложений в промышленность, в 1928/29 г. они составляли уже 45%, а в 1929/30 г., по приблизительным расчетам, свыше 50% всех вложений промышленность будет черпать из собственных ресурсов. Промышленность наша еще, конечно, далеко не собрана в общий социалистический котел. Это подтверждается хотя бы тем, что мы еще самую энергетическую базу, основное электрическое звено выравниваем только сейчас. А ведь мы должны учесть, когда говорим об энергетическом хозяйстве промышленности, кроме электричества еще и положение топливной базы и развитие электропромышленности, и развитие котельного хозяйства, и весь ассортимент машинодвигателей. Только сумма этих элементов составляет в промышленности звено энергетического хозяйства. Оно еще только расправляет плечи, хотя мощно движется вперед. Электропромышленность побил в этом отношении рекорд. В контрольных цифрах мы наметили 70% рост продукции электротехнической промышленности за один 1929/30 г. Но мы знаем, что работники электропромышленности идут вверх над этой наметкой и американские эксперты, которых мы приглашаем для оценки, говорят, что электропромышленность имеет дополнительные резервы для более быстрого развертывания с относительно небольшими добавочными вложениями за счет тех резервов, которые имеются даже в действующем механизме.

Товарищи, рассматривая фронт хозяйственного строительства, я должен вас предупредить, что в нынешнем году и в ближайшие годы вам придется сосредоточить внимание и нести особенно бдительную вахту на фронте топливного хозяйства и из разреза топливного хозяйства выделить на первый план вопросы угля. Вся энергетическая база вырастала во всем мире вырастает и у нас на черном металле и на черном угле. Как бы быстро мы ни перебрасывались на подкрепление угля торфом и местными видами топлива, все же на ближайшее время уголь будет у нас иметь решающее значение.

Надо прямо сказать, что подобно тому, как мы большевистским ударом, большевистским напором на зерновое хозяйство дали сдвиг, который сейчас нам рисует другие перспективы, такой же удар мы должны дать по топливу и, прежде всего, по черному углю. Донбасс должен стать центром внимания всей нашей общественности. Всякие перебои, которые, как мы слышим, сейчас имеют место там — недопустимы. Мы должны немедленно ответить на эти перебои мобилизацией наших сил. Мы даем огромную программу по углю. Не забывайте, что в 1929/30 г. размах фактической продукции угля мы поднимаем до 52 млн. тонн. Это почти в два раза больше довоенного: в 1913 г. мы получали

только 28—29 млн. тонн угля. На Донбасс падает львиная доля нашей программы — 41 млн. тонн, а, между тем, рост потребления угля у нас таков, что наши запасы не растут, а, наоборот, убывают. Тут-то нам и нужно иметь резерв. Мы даем сейчас огромные ассигнования на капитальное строительство в Донбассе: 268 млн. руб., против 165 млн. в прошлом году. Разведки мы ведем таким образом, чтобы с 3,5 млн. рублей в 1927/28 г. затраты на них в 1929/30 г. доводятся до свыше 14 млн. руб., и тем не менее, мы еще не развернули в Донбассе крупного шахтного строительства так, как это требуется. Мы там проходим 13 новых крупных шахт, 15 крупных шахт реконструируется и нужно начать проход 11—12 новых крупных шахт. Это огромное строительство. Требуется особая самособранность всего нашего строительного аппарата, чтобы выполнить эту программу, невыполнение которой нанесет удар по всему энергетическому фронту. При невыполнении этой программы наши важнейшие центры — Москва, Ленинград и сам Донбасс — почувствуют величайшую депрессию. Я это подчеркиваю, чтобы обратить ваше внимание на этот пункт. Мы тут привлекли целый ряд иностранных консультаций, у нас работает в Донбассе 4 американских фирмы, 5 немецких, работают и отдельные инженеры. Нужно сказать, что текучесть персонала в Донбассе, положение технического уровня работ там еще далеко не таково, чтобы быть в этом отношении спокойным. Помните, что для того чтобы несколько перестраховаться, мы в нынешнем году дали по дровяному топливу крупнейшее назначение в 78 млн. куб. м, а ведь известно, что здесь дела обстоят также тесно в том смысле, что при заготовках дровяного топлива мы пока еще не развернули необходимой механизации, мы сталкиваемся опять с необходимостью пустить громоздкий аппарат, применять средства крестьянского извоза и крестьянскую рабочую силу. Это огромное задание — 78 млн. куб. м дров, так сказать „дровянизации“ нашего топливного баланса проистекает от того, что мы никак не можем еще дать такие темпы подъема по углю, которые бы нас гарантировали от этой необходимости страховать себя непропорционально много дровяным топливом.

Совершенно такое же внимание всех нас должно быть приковано к вопросам строительства по нефти. Мы все время даем сдвиги по этой строительной программе. Задание на 1929/30 г. составляет 16,2 млн. тонн, продукция — 753 млн. руб. иначе говоря, мы имеем, 17% рост производственных заданий сравнительно с прошлым годом.

Однако, когда мы подумаем, как связать и вопросы экспорта, и требования, проистекающие от бурного роста тракторов в нашем сельском хозяйстве, то мы ясно увидим, что эти темпы должны быть усилены и что для того, чтобы при огромном росте строительной программы по тракторостроению, не очутиться в положении людей, имеющих машинные двигатели, но не могущих их снабдить соответствующим количеством моторного топлива, нам нужно фор-

сировать и эту программу по нефти. Упор на уральскую нефть, решение правительства и партии, чтобы в нынешнем году заложить 50 буровых скважин, чтобы уральская нефть могла в 1929/30 г. явиться одним из базисов нефтяной продукции, является одним из важнейших решений. Вы помните, на V Съезде Советов я подчеркивал, что по нашим природным ресурсам мы можем идти американскими темпами, надо только нащупать эти ресурсы, не жалеть средств, идти в этом отношении на риск. Вопросы изучения энергетики сельского хозяйства, эти важнейшие вопросы яснее ясного говорят нам о необходимости этой программы. Мы имеем все основания думать, что недалеко от Тифлиса, в 80 км. от него в Ширахском районе, несмотря на неудачи, которые постигли итальянских концессионеров, производивших там разведки, мы будем иметь новый опорный пункт нефтедобычи. Мы имеем все основания думать, что в Ухтинском тупике, примыкающем к Уралу, мы найдем новые источники нефти. Кроме того, и на Волге, те работы, которые производятся в Самарской Луке, может быть, приведут нас к очень благоприятным положительным результатам.

Есть еще один волнующий момент, который заставляет обратить на него ваше внимание. Вы знаете, что для получения из нефти таких драгоценнейших продуктов, как бензин, мы употребляем процесс крекирования, особого разложения и сушки нефти, при высокой температуре и при высоком давлении.

Сейчас можно проследить по американским источникам, что там начинает распространяться новый способ получения из нефти этих продуктов путем воздействия водорода при высоком давлении. До нас доходят слухи о том, что этот процесс протекает не совсем гладко, потому что он как будто бы в Америке грозит амортизировать капиталы, вложенные в различные прежние способы получения бензина и других продуктов из нефти. Мы в этом отношении свободны, у нас нет таких заложенных средств, которые стояли бы на пути нашего строительства, нет тех перегородок, какие имеются в капиталистическом обществе, при использовании тех или других достижений техники и науки для технических надобностей. Наш академик Ипатьев является, собственно говоря, пионером в этой области: это по его следам идут иностранцы, когда применяют новый способ. И я надеюсь, что в этом важнейшем и решающем деле мы не только догоним, но и опередим западный мир.

Несколько слов о черной металлургии. Вы знаете, что она является стержнем всего машиностроения. Вы знаете, что вопросы о металлической промышленности, о металле в нашей стране — это те вопросы, которые стоят перед нашей электрификацией. Мы никакой электрификации не создадим, если не сможем прочно утвердиться на базисе черного металла. А до сих пор мы чрезвычайно плошали в этом отношении.

Когда вы в контрольных цифрах просмотрите сравнение достигнутого к концу 1929/30 г. уровня нашего хозяйства с уровнем 1913 г., вы увидите, что как-раз черный металл до сих пор еще в хвосте. Но вот уже начало 1929/30 г. нам говорит, что мы черту в 4,2 млн. тонн довоенного производства чугуна перешагнули. Мы напрягаем все усилия для того, чтобы дать здесь быстрейший сдвиг. Если мы выполним задание по черному металлу в 1929/30 г., то это даст на 30% больше того, что давала довоенная Россия по черному металлу. Этого нам, конечно мало, потому что вы знаете, какие силы довоенной России мешали в этом отношении, как велик еще путь впереди. Опора на собственный черный металл—это уже в значительной мере освобождение от пут капиталистических стран. Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что строительство таких металлургических гигантов, как Магнитогорский завод, Кузнецкий завод и, наконец, завод при нашем Днепрострое, что это строительство, его темп, его самособранность—буквально решает все то, что мы связываем и с электрификацией и с машиностроением, оно предreshает судьбы всего нашего хозяйственного строительства. Вы знаете, что мы сейчас резко отделили эксплуатацию существующих заводов от строительства новых, мы выделили в ВСНХ последнее, как специальную командную высоту, поставили туда испытанного работника т. Коссиора, чтобы он отвечал перед нами за судьбы этого строительства. Но мы знаем, что эту работу нужно подкрепить еще путем бдительного контроля всей нашей общественности, путем громадной помощи, которую должен оказать этой работе актив рабочих, актив партийцев, актив всего того, что работает вместе с нами.

Историческое значение имеет решение нашей партии о заданиях по тракторостроению. Здесь будет специальный доклад по этому вопросу, и правильно, что он поставлен. Я не буду касаться этого вопроса, скажу лишь, что мы имеем в виду Сталинградский завод уже закончить строительством в 1929/30 г., так, чтобы в 1930/31 г. он дал первую 25-тысячную порцию тракторов. Мы имеем в виду всемерно ускорить работу на „Красном Путиловце“, так, чтобы в 1929/30 г. он выполнил программу в 10 тыс. тракторов, а в следующем году дал 20 или 25 тыс. тракторов. Мы имеем в виду создать мощный Челябинский завод, почти родной брат Сталинградскому, на 40 тыс. пятидесяти тысяч единиц годичной продукции, строим Украинский тракторный завод на 50 тыс. тридцатитысячных тракторов и всюду программу тракторного производства ведем таким образом, что в ближайшие 3 года мы сможем уже развивать свою собственную продукцию, дающую нам в конце пятилетия 5 млн. л.ш. сил в переводе на общую мощность этих тракторов. Когда мы сможем иметь такую продукцию, то ясно, конечно, что дальнейшая работа по революционному преобразованию нашего сельского хозяйства пойдет еще более живым темпом.

Я здесь не останавливаюсь на заводах комбайнов, на громадном украинском заводе, — об этом будет специальный доклад. Подчеркиваю, что одновременно мы прилагаем огромные усилия, чтобы выравниваться по фронту автостроения. Введение этих новых машин—комбайнов,—а мы новых целых два завода комбайнов строим,—ясно показывает нам, что мы не можем развернуться с ними, если не подгоним вперед еще и дело грузовых автомобилей. Вы знаете, что здесь нам удалось заключить интересный договор с Фордом и что инженер Остин гарантирует нам, что Нижегородский завод, рассчитанный на 140 тыс. машин в год, мы пустим в августе 1931 г. Одновременно с этим дается большая программа для завода АМО и Ярославского завода. Вы видите, что одновременно с развертыванием строения тракторов и комбайнов мы намечаем огромное ускорение в автостроении.

По поводу каучука я хотел подчеркнуть необходимость поисков своей собственной базы. То, что нам сообщается по поводу среднеазиатского растения хандриллы, вселяет в нас большую надежду, ибо испытания этого растения дали нам доброкачественную резину с значительными выходами, и это растение неприхотливо. Повидимому, на будущий год, мы можем рассчитывать на получение 2 тыс. тонн резины с этого каучуконоса.

Несколько слов о химии. Форсируя так механизацию сельского хозяйства, намечая такую огромную программу по новым машинным двигателям, мы не должны забывать, что и другой рычаг не должен быть упущен из поля нашего зрения—это рычаг химический. Мы должны констатировать, что как-раз до сих пор наши показатели по химическому снабжению сельского хозяйства еще не только не перегоняют пятилетний план, но несколько отстают от наметок пятилетки. Дело в том, что мы здесь, повидимому, встречаемся с особенно затруднительными обстоятельствами. Новое строительство и техническая помощь получают с большим трудом, потому что огромные левиафаны, монополисты химической промышленности неособенно склонны к этому. Но во всяком случае мы не жалеем средств для того, чтобы дать этот сдвиг в области химии. Мы затрачиваем 344 млн. руб. в нынешнем году против 145 млн. руб. прошлого года. Мы все-таки по химической промышленности некоторые договоры заключили с иностранцами. Мы также знаем, что проблема азота, та проблема, которая сейчас так выручает Германию в смысле ее экспортного баланса и в смысле судьбы ее хозяйства, что для нас эта проблема является вдвойне важной, потому что это не только хозяйственная проблема, но это проблема нашей обороны. Нужно сказать, что в области удобрения нам в некоторой степени покровительствует судьба. Я должен подчеркнуть огромное значение открытия апатитов на нашем Кольском полуострове; они нам очень помогут разрешить проблему наших фосфоритных удобрений. Произведенные изыскания показывают, помимо

этой высокой фосфоритности руды, помимо самих апатитов, что та нефелиновая масса, в которую отчасти включена эта руда, имеет тоже большое хозяйственное значение. Мы в нынешнем году строим там железнодорожную ветку, даем 5 млн. руб. на это дело, запрягаем наших химиков в работу. И это есть надежный объект химической работы.

Другое обстоятельство тоже не может не привлечь нашего внимания — это калий. Теперешние разведки соликамского калия показывают нам, что мы имеем там мировой колосс калийных залежей. Вы знаете, что у нас, в силу технической неопытности, а может быть и по ряду других обстоятельств, произошла авария в первом руднике, которая вырвала 9 месяцев рабочего времени. Данные геологических разведок и ход промышленных работ, которые там производятся, приводят нас к таким выводам, что мы можем удвоить задание по калию, а калий будет иметь огромное значение и для луговодства и для прочих технических культур.

Я не буду останавливаться на других звеньях промышленности. Отмечу только следующее: несмотря на скромные ассигнования по текстильной промышленности, мы ожидаем огромный подъем продукции этой отрасли промышленности; по хлопку мы идем с приростом больше, чем в 30%, а товарищи из Средней Азии говорят, что можно дальше форсировать это дело. Мы близки к еще одному важному сдвигу в текстильной промышленности. Растения с лубяным волокном — кендырь, кенаф и рами прошли ряд опытных изысканий. По кендырю на выставке в Страсбурге ВСНХ недавно получил высшую награду. Мы можем обрабатывать кендырь на тех же машинах, на которых обрабатывается хлопок. Дело только в сырьевой базе. Кендырь — многолетнее растение, — он в течение 7—10 лет дает урожай с того же посева и давая прекрасное доброкачественное волокно, он одновременно дает дешевое волокно, а расти он может в полосе ниже 55° широты. Тут мы можем получить значительное подкрепление для легкой промышленности. На легкой промышленности я больше не останавливаюсь, вы найдете по этому вопросу обширный материал в контрольных цифрах.

Перехожу к краткой характеристике того, что дает нам происходящий ныне огромный революционный процесс в нашем сельском хозяйстве.

В контрольных цифрах вы находите регистрацию уже таких величин, которые вылезают за цифры 3—4-го года и идут в 5-й год пятилетки. В контрольных цифрах вы увидите, что в 1930 г. посевная площадь социалистического сектора: совхозов, колхозов и машинотракторных станций составит около 20 млн. га, что по валовой продукции мы в 1929/30 г. достигнем того, чего хотели достигнуть на 5-м году пятилетки, что в 1929/30 г. мы будем иметь свыше 60 млн. центнеров товарной зерновой продукции социалистического сектора сельского хозяйства.

Но тут надо прямо сказать, что мы не успеваем регистрировать факты. Эти цифры уже устарели. Вы знаете, что недавно эти цифры были обсуждены в НКЗеме РСФСР. Там речь шла о совершенно других величинах. Только по одной РСФСР количество крестьянских хозяйств, которые охватит социалистический сектор в предстоящем году, намечается не в 3 млн., как мы проектировали для всей страны, а около 5 млн. хозяйств, 178 районов будут охвачены сплошной коллективизацией; в одной РСФСР будет создано свыше 1 тыс. крупных колхозов; колхозное движение увеличится против истекшего года более, чем в 2,5 раза; совхозы по РСФСР увеличат свою посевную площадь с 8 до 16 млн. га и т. д.

Тов. Хлопьянкин передал мне интереснейшие цифры, которые говорят о том, что уже имеется и что предполагают достигнуть в 1929/30 г. в Нижней Волге, в районе, который, как известно, сейчас объявлен районом сплошной коллективизации. Эти цифры говорят о том, что в Хоперском округе 75% всех крестьянских хозяйств уже охвачены колхозами, в Аткарском округе — 59%, в Балашовском — 50%, в Камышинском — 60%. А что это означает, если мы переваливаем в каком-нибудь районе норму в 50%? Это значит, что здесь уже созданы такие предпосылки, когда остальное население неудержимо должно идти в колхозы. Это означает, что те цифры, которые мы дали вам в наших контрольных цифрах, вы должны рассматривать как приблизительные, ориентировочные, которые в действительности уже обогнаны. Это говорит о том, что если недавно заграничный мир с величайшим изумлением принужден присматриваться к рекордным 20—30% подъема нашей крупной промышленности, то, вероятно, сдвиги, которые даст нам этот социалистический сектор сельского хозяйства, побьют еще более высокие рекорды. Правда, предстоящий год будет чрезвычайно трудным годом, потому что, несмотря на все форсирование нашей тракторной базы, мы только в одних совхозах выравниваем несколько фронт роста механизации с ростом посевных площадей. По колхозам мы вынуждены будем, при таком огромном их росте, отставать с механизацией обработки, пользоваться еще работой лошади. Но это только до тех пор, пока мы не осуществили строительства намеченных тракторных заводов. Осуществление строительства тракторных заводов даст нам уже возможность обработать свыше 100 млн. га посевов механической тягой, и механической тягой уменьшить тяговую силу на 11 млн. лошадей. Это говорит о совершенно новых формах сельского хозяйства; это же говорит и о том, что если мы хотим выравнивать наш фронт животноводства, то мы должны пойти тем же испытанным, проверенным на практике путем, т. е. опираясь на силы социалистического сектора. Мы сделали кое-какие прикидки, как может измениться роль обобществленного сектора по животноводству, по поголовью скота и мы думаем, что и в этой области удельный вес наших совхозов и колхозов мы в состоянии сильно поднять.

Я не буду останавливаться на системе мероприятий, но все говорит за то, что от 0,2% удельного веса совхозов в животноводстве мы можем перейти к 5%. Колхозы сейчас имеют 0,4%, в конце пятилетия они могут иметь 20%; машино-тракторное строительство может иметь 16% удельного веса. Таким образом, в сумме мы будем иметь в индивидуальном секторе немного больше одной трети того, что является на фронте животноводства решающим.

Я думаю, что не только эти цифры, не только эти факты, которые мы не успеваем регистрировать, говорят о том, что мы накануне совершеннейшего переворота в сельском хозяйстве. Обратили ли вы внимание на ту генеральную дискуссию, которая ведется между нашими учеными. У нас сейчас есть два кружка, резко стоящие друг против друга: один очень небольшой, куда входит слишком известный профессор, старик, коммунист, П. Р. Вильямс, и другой, состоящий из большинства наших агрономов. Я обращаю ваше внимание на большую книгу „За крупные колхозы“, где помещен доклад проф. Вильямса на съезде колхозников. Он ставит там ребром такие вопросы, на которые не ответить мы не можем. Он говорит, что вот теперь, когда наше сельское хозяйство выходит из разрозненного состояния, когда собирается земля в огромные массивы, мы можем, наконец, поставить наше сельское хозяйство на научные рельсы, что в агрономии еще столько рутины, как нигде. Мой личный опыт заставляет особенно настораживаться. Я помню как в 1925 г., обсуждая вопрос борьбы с засухой в огромной юго-восточной части нашей страны, я выдвигал такой тезис — нужно идти с большевистской лобовой атакой. Я высчитал, что на такую большую программу орошения этих юго-восточных районов потребуется сумма, которая не превысит 200 руб. на га. Я тогда был разбит сплоченным кругом наших агрономов, которые противопоставили мне сложное учение о засухоустойчивом земледелии. И вот теперь мы можем подвести некоторые итоги. В некоторых районах, где были приняты их методы, нам это дело обошлось около 300 руб. на га, а ожидаемых результатов не получилось. Если бы мы, начиная с 1925 г. израсходовали бы меньшие суммы, но прямо по линии ирригации, мы застраховали бы себя от ударов засухи на нашей юго-восточной полосе.

Проф. Вильямс говорит, что пока существует паровое хозяйство, пока нет регулярного травопольного клина, пока мы не увяжем воедино три звена: работу растения, работу человека, который создает своими агрономическими ресурсами обстановку для развития этих растений, работу цеха животноводства, до тех пор мы еще в области сельского хозяйства идем старыми путями, которые по давности чуть ли не от пророка Моисея стоят перед нами.

Вопрос об идее травопольной системы сейчас является громадным вопросом. Так или иначе, он должен быть разрешен. Если прав проф. Вильямс, то на базе коллективного сельского хозяйства мы дадим совершенно оригинальный подход к освоению нашей сельско-

хозяйственной территории с минимум затрат средств. Он справедливо подчеркивает, что если мы берем только одно растение, то это плохой инструмент, он дает 25% действия, тогда как все машины дают свыше 75%. И только путем целостной постановки вопроса можно дать превращение сельского хозяйства из ремесла, из нечто такого, что подчинено стихии, в производство, похожее на индустриальное производство, в котором расчеты ведутся по тому не общему энергетическому принципу.

Я не буду останавливаться на перечне того, что имеется в наших контрольных цифрах по вопросу транспорта и кооперации. В розданной книге вы найдете исчерпывающий материал и по этим вопросам. Но я не могу обойти один момент, который, мне кажется, следует неоднократно подчеркнуть, чтобы с другого конца подводить итоги тому строительству, к которому мы сейчас приступили. Вы видите, какие сдвиги у нас происходят в сельском хозяйстве, как оно переводится на новые общественные рельсы; вы видите как из дела индивидуального хозяйства оно превращается в общественное дело; вы видите, наконец, каким могучим броском оно выступает во всем нашем плане. Вы знаете, что сельскохозяйственная база это есть та база, отрыв от которой был бы губительным для развития нашей индустрии. Вы видите, что рост социалистического сектора побивает все рекорды. Однако, силы нашего социалистического сектора этим не исчерпываются.

Мы видим, что в 1929/30 г. численность лиц, занятых во всем обобществленном секторе нашего хозяйства — в промышленности, в транспорте, в государственной и кооперативной торговле и в сельском хозяйстве — не так велика. В 1929/30 г. здесь будет занято лишь 25% населения страны. Но посмотрите, как эти 25% вырастут в 1929/30 г. по своей экономической значимости. В руках этих 25% населения будет в 1929/30 г. больше половины валовой продукции всего народного хозяйства и 85% всей армии наемного труда. Удельный вес обобществленного сектора в капитальных вложениях составит 75%, по основным фондам — около 60%; по торгово-посредническому обороту — свыше 96%, т.-е. почти полное вытеснение частной торговли; по народному доходу около двух третей. Эти цифры говорят о том, что мы действительно создаем такой строй, в котором силы социалистической общественности уже сейчас, несмотря на относительно слабую их численность, заняли громадные преобладающие по своему значению экономические позиции. Это говорит о том, насколько прочно стоит это дело. Это говорит о растущей прочности нашего социалистического дела. Это говорит о том, что только теперь, с этим включением в обобществленный сектор такой громадной доли народной продукции, с этим включением огромной динамики сельского хозяйства, преобразующей индивидуально-частнохозяйственную сущность сельского хозяйства, только теперь мы становимся прочно на ноги. Мы вправе

сказать, что мы не сплоснали в эти трудные годы, мы сумели доказать, что мы могли обеспечить ход развития, вопреки колебаниям уставших, вопреки стараниям капиталистического мира. В будущем перед нами разворачивается более широкая дорога для быстрого движения к социалистическим хозяйственным формам, к социалистическому управлению хозяйством, к планомерному хозяйственному режиму.

Товарищи, если бы вы меня спросили, какие кампании в этом году являются решающими, то я бы сказал так: помимо внимательного наблюдения по отдельным статьям строительства, о которых я упоминал в своем докладе, из него вытекает, что одной из важнейших наших задач будет проследить за тем, чтобы по линии кривой энергетики в положении наших промышленных рабочих нам действительно обеспечить 12⁰/₀ рост фактической реальной зарплаты. Это трудное и большое дело, но мы его сделаем. Вы знаете, что в продовольственном отношении, несмотря на отсталость нашего сельского хозяйства, мы имеем в ныншнем году большой сдвиг. Вы знаете, что аппарат потребительской кооперации и весь торговый аппарат в нынешнем году будет более собран и мы вправе рассчитывать здесь на качественный сдвиг. Одной из больших кампаний, одной из решающих кампаний является кампания за действительный рост реальной зарплаты для наших индустриальных рабочих не менее, чем на 12⁰/₀. Она предвещает в значительной мере и успех в борьбе за снижение себестоимости в промышленности.

В нынешнем году к весенней посевной кампании мы приступаем в необычайной сельскохозяйственной обстановке. Хлебозаготовки закончены. Пока что мы не сделали сдвига по большому под'ему урожайности. Нам необходимо увеличение посевных площадей. Перед нами стоит огромная работа по быстрейшему форсированию в направлении коллективизации, по помощи строительству коллективного сельского хозяйства. Надо не упустить эту весеннюю кампанию, где работники наши освобождены от обычной за последние годы нагрузки по части хлебозаготовок с тем, чтобы развить здесь бурную энергию, осуществить принятые в плане показатели, превзойти их и расширить посевные площади, не на 10⁰/₀, а больше.

И затем есть еще одна кампания, которая в 1929/30 г. также приобретает громадное решающее значение. Эта кампания — борьба за кадры. Для развертывания такого огромного строительства, о котором я вам говорил, мы нуждаемся в под'еме квалификации действующих кадров, в большевистском подходе к борьбе за наш технический персонал. Этот большой и сложный фронт недавно рассмотрен в докладе т. Кагановича и в резолюции по нему ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б).

Мало наметить постройку новых 200 ВУЗ'ов и ВТУЗ'ов, надо пересмотреть методологию преподавания и программы. Нам нужны

при нашей творческой работе, при напряжении, которого от нас требуют наши планы, техники-творцы, вооруженные особым знанием действительности, нам нужна такая увязка с этой действительностью, которой не знала прежняя школа. Если в прошлом году введением непрерывной производственной недели сделан первый сдвиг в этом направлении, то надо, чтобы в этом году увязка между техническими учебными заведениями, фабриками и заводами и полями получила решительный перелом, чтобы из свидетелей производственного процесса наши студенты стали равноправными и действительными участниками. Школой, нашей важнейшей, решающей школой в этой спешной подготовке кадров должны быть сами фабрики и заводы. Поэтому я считаю особенно показательным моментом в этой программе то, что уже сейчас выделяются фабрики и заводы, которые должны стать такими школами. Я считаю весьма показательным то, что в Днепрострое будет открыт строительный институт. Именно таким путем мы подготовим кадры, дадим этим кадрам возможность учиться на самом строительстве, изменим темпы выпуска кадров, именно этим путем мы получим ускорение, дадим те знания, которые можно получить не кабинетной подготовкой, а только в этой небывалой школе труда.

На ряду с этим мы должны всемерно развивать научно-исследовательскую работу. Чтобы развить капитальное строительство в области культуры, нам нужно строить не только ВУЗ'ы и ВТУЗ'ы, но нам нужно иметь преподавательский состав: дело аспирантуры должно получить громадный сдвиг. Я надеюсь, что мы получим другой фронт всей академической работы. То, что раскрылось на наших глазах в Академиях Наук, как Украинской, так и Всесоюзной, это так сказать, идет от старого, давящего прошлого. А увязка с грядущим будущим требует, чтобы там не было мертвых наук. И в академиях должна быть наука для пролетариата, для его строительства, для чего нужна новая их спайка со всем фронтом великого пролетарского труда.

Предпосылкой ко всему этому должна быть новая программа развертывания наших ресурсов в борьбе за грамотность. Вы знаете, что мы намечаем ускоренное введение всеобщего начального обучения, что подвигается программа по ликвидации неграмотности, что по-новому ставятся перед нами массовые культурные мероприятия. Тут и дошкольное воспитание, и общественное питание, и резкий под'ем в области клубного дела, тут и работа радио, кино, печати. Все это должно быть поставлено на новые рельсы, чтобы, 1929/30 г. был годом великого перелома и в области всего культурного фронта. Иначе мы не сможем помочь развертыванию наших трудовых армий, иначе мы окажемся плохими руководителями. Со всем этим должно быть покончено. Это, конечно, огромная тема, я здесь на ней не могу остановиться во всей

полноте, но в наших контрольных цифрах вы по этому вопросу найдете большой материал.

В заключение я хотел бы обратить ваше внимание на один документ Владимира Ильича. В „Правде“ от 27 сентября 1925 г. напечатан конспект непроизнесенной речи Ленина на Всероссийском Съезде Советов в конце декабря 1922 г. По-моему, если вдуматься в эти строки спешно набросанного конспекта, то из него вытекает чрезвычайно важный для нас вывод. Владимир Ильич, повидимому, подводит итоги пятилетия от 1917 до 1922 г. (это было как раз в конце 1922 г.), и пытается заглянуть в будущее, намечая пятилетие от 1922 до 1927 г. Он набрасывает те мысли, которые он хотел бы высказать на Съезде Советов, а он, судя по многим данным, придавал огромное значение этому своему выступлению. На некоторых его мыслях я остановлюсь.

Владимир Ильич, обдумывая итоги первого пятилетия с 1917 г. по 1922 г., отмечает, в чем особенная их важность: закончен военный период, прошли великие исторические события гражданской войны за укрепление завоевания Октября. Эта гражданская война спаяла рабочий класс и крестьянство, а „в этом залог непобедимой силы“. Владимир Ильич подчеркивает это и говорит так: „гражданская война обучила, закалила; Деникин и проч.—учителя хорошие, учили серьезно, все наши лучшие работники были в армии“. Затем он размышляет о предстоящем. Вы помните, этот 1922 г., только что пережили страшный голод 1921 г. и он пишет строчку: „голод прошлого года преодолели“. Он подчеркивает „теперь всецело за экономику“ и ставит вопрос ребром: „как подойти к социализму“?

После великой разрухи 1921 г., охватывая своим внимательным взором события будущего, он говорит: „за работу, за борьбу, за конечное, за проведение социализма“. Но размышляя, как к этому подойти говорит: „не иначе, как через нэп“. Это подчеркнуто. Пробует, проверить итоги. Посмотрите финансы. Помните, какие у нас были финансы и какой малый шаг вперед мы тогда сделали. Какова продукция крупной промышленности. В 1920 г.—16%, в 1921 г.—50%, в 1922 г.—60%. Отмечает некоторые сдвиги во внутренней и внешней торговле. Задумывается над промышленностью и говорит: „легкая индустрия—улучшается, тяжелая—трудно, но не безнадежно, шажек вперед есть“.

Дальше я пропускаю ряд замечаний, Ленин говорит так: „работа многих лет предстоит“. Трудная работа. „Мы одни, мы везем, а надо, чтобы нас везли“. Ясное дело: страна разоренная, экономически отсталая, поднимает на свои плечи строительство социализма. Ведь все наши первые первоучители говорили о том, что судьбы нашей революции связаны с взрывом революции на Западе, а тут вышло обратное: нужно, чтобы нас везли те, кто опередил нас, а везем мы. Нам трудно, но мы строим социализм.

Соображает о пятилетке. С 1917 по 1922 г. мы шли быстро, но с 1922 г. по 1927 г.—и ставит при этом два знаменательных знака вопроса—мы пойдем медленнее. И в заключение—24 пункт этого конспекта Ленин подчеркивает: „Шефство городских ячеек над деревней, и обратно“.

Вдумайтесь в эти строчки. Они яснее ясного говорят нам, что вся наша хозяйственная история этих великих 12 послеоктябрьских лет пошла именно по этому пути, о котором говорит Ленин. Здесь три фазы строительства. Первая—военный период. В этом военном периоде мысли его шли с большим подъемом. Подъем в 60% промышленности. Дальше идет некоторое замедление в восстановительном периоде. Этот восстановительный период в 1927 г. окончательно обрывается. Как показывают цифры и факты нашей строительной программы, мы сейчас по другому охватываем решение наших хозяйственных вопросов. Сопоставьте расчеты Владимира Ильича о достижениях в 1922 г. с нашими наметками о контрольных цифрах. Какая разница, как мы выросли! Другая смычка рабочих и крестьян в этом великом решающем звене всего хозяйства, в этой великой ставке на массы. Она растет на наших глазах, буквально побивая все предположения. Она говорит о том, что наступает новое ускорение. Это ускорение мы чувствуем в цифрах и фактах и оно совершается именно при том конечном закреплении, которое предвидел Владимир Ильич, когда говорил: „шефство городской ячейки над деревенской и деревенской над городом.“ Это шефство, эта волна, переключек и соревнования, которая в нашей стране на наших глазах развивается и принимает все более и более грандиозные формы, которые стирают грани между социалистическим соревнованием в области промышленности и социалистическим соревнованием в области сельского хозяйства, является залогом того, что и здесь на поле мирного хозяйственного труда, как и на поле вооруженной борьбы, союз рабочих и крестьян вырастает „в непобедимую силу“. На опыте этих великих 12 послеоктябрьских лет растет эта непобедимая сила, которая сделает наш Октябрь мировым Октябрем.

Вл. Кау

Народный доход СССР и его распределение¹

Ближайшие перспективы движения и распределения народного дохода

То обстоятельство, что в нашей системе народного хозяйства заложены гораздо большие возможности для развития, чем это совсем еще недавно казалось по самым оптимальным наметкам плана, подтверждается прежде всего итогами истекшего года, подготовившего более широкую материальную базу для дальнейшего движения вперед не только в индустриальной сфере, но и в области сельского хозяйства (в 1928/29 г. мы имели по неизменным ценам хотя и отставание от плана, но все же рост на 1,2%, в то время как в 1927/28 г.—минус 1,1%, а для 1929/30 г. мы имеем, опять-таки при отставании от плана, дальнейший рост в 2,8%, что в отношении к 1927/28 г. составляет 4%). Это основной и решающий вывод.

Вместе с тем (и это имеет чрезвычайно большее значение) в настоящее время ясно осознано то, что социальные рычаги гигантской важности—социалистическое соревнование, непрерывная рабочая неделя, всесторонняя рационализация и техническая реконструкция и т. д., опираясь частично на которые удалось уже в этом году выполнить в общем и целом высокие задания плана,—не приведены еще полностью в движение и таят в себе несомненно новые, неисчерпаемо-мощные источники ресурсов для развертывания социалистического строительства еще в больших масштабах. И даже гигантский рост социалистического обобществления сельского хозяйства, по абсолютным размерам своих побед над индивидуальным крестьянским хозяйством, носит на себе еще все черты только первого этапа массового наступления, неизбежно подготовляющего подлинный переворот, окончательную победу социализма.

Система контрольных цифр на 1929/30 г. антиципирует и активизирует в совокупности всех своих мероприятий, заложенных в плане, эти новые возможности развития, намечая гигантские, даже в наших условиях, темпы развития.

В обобщающем виде они могут быть охарактеризованы следующими показателями в области движения народного дохода.

Мы намечали по плану прирост народного дохода (в неизменных ценах) на 1929/30 г. в 15,8%, в настоящее время—в размере около 20%.

В неизменных ценах народный доход должен вырасти с 27,8 млрд. руб., до 33,3 млрд. руб., или на 5,5 млрд. руб.; соответственно в ценах каждого года—с 30 млрд. руб. до 34 млрд. руб., что составляет прирост в сумме около 4 млрд. руб. (см. приложение 1,2 на стр. 77—78).

В тех же неизменных ценах это означает прирост народного дохода больший, чем мы намечали по пятилетке на сумму в 1,2 млрд. руб. в сравнимых с пятилеткой величинах, что составляет превышение в размере около 4%.

Этот совершенно изумительный темп годовых приростов народного дохода с чрезвычайной силой подчеркивает превосходство нашей системы хозяйства над системой капитализма. Он не только далеко отбрасывает пресловутую теорию затухающих темпов развития—эта теория блестяще опровергнута итогами уже истекшего года—но самая возможность движения с такими темпами в обстановке первых, самых трудных двух лет пятилетки, подводит к мысли о том, что этот высокий темп развития отнюдь не является для нас пределом.

Два обстоятельства нельзя недоучитывать при обсуждении этой проблемы.

Высокие темпы развития сельского хозяйства, на которые мы в праве рассчитывать в результате осуществления наших мероприятий по подьему сельского хозяйства на путях индустриализации и обобществления, с объективной неизбежностью скажутся в ближайшие годы и тогда одно это обстоятельство, даже при сохранении нынешних темпов индустриального развития, обусловит значительное повышение темпа прироста народного дохода. Однако, нет решительно никаких оснований полагать, что в дальнейшем нынешний темп индустриального развития не может быть превзойден. Достаточно учесть, что интенсивно идущее теперь обновление основного капитала промышленности, которое создает материальную базу для нарастания высоких темпов развития во всем народном хозяйстве, еще только начало сказываться на росте валовой продукции промышленности.

Пятилетка, например, исходила из предположения, что только одна треть всей промышленной продукции будет произведена на новых фабриках и заводах. Правда, старые предприятия, на долю которых приходится остальная часть продукции, явятся только относительно „старыми“: достаточно учесть, что к концу пятилетия удельный вес дореволюционного капитала снизится с 63% на 1/X 1928 г. до 28% на 1/X 1933 г.¹

В истекшем году только 3,5% от всей валовой продукции промышленности (в неизменных ценах), планируемой ВСНХ, было произведено на новых предприятиях; для 1929/30 г. этот коэффициент возрастает почти до 8%, т. е. более чем удваивается.

¹ См. „Пятилетний план“, т. II, ч. 1, стр. 83, изд. 2.

Несмотря на несомненные и огромные успехи, плановое хозяйство движущееся на пути к социализму не подвело еще нового технического фундамента для развития производительных сил, соответствующего новой социальной форме.

Мы еще находимся у начальной стадии новых форм организации самого процесса труда (на данном этапе-непрерывка) — все эти обстоятельства подкрепляют наше утверждение в контрольных цифрах прошлого года о том, что „для народного хозяйства СССР высокие темпы прироста народного дохода еще впереди“. Отмеченный выше прирост в размере около 20% относится ко всему народному доходу в целом.

Отдельные отрасли разовьют темпы еще более поразительные; так, крупная промышленность должна вырасти на 33,5% (против плана пятилетки в 26,8%); строительство на 62,7% (против плана в 37,8%) при чем несельское — на 89,4% (против плана в 49,9%); транспорт на 23,7% (против плана в 9%); народная связь — на 28% (против 1,6% и т. д.)

За первые два года пятилетки решающие отрасли производства сделают следующее продвижение вперед:

	1929/30 г. в % к 1927/28 г.	Тоже по пятилетке в % к 1927/28 г.
Крупная промышленность	165,0	145,2
Строительство	201,2	173,8
В том числе несельское	255,2	202,6
Транспорт	148,1	119,9
Земледелие	104,0	112,4

В целом за два года народный доход (в тех же неизменных сопоставимых ценах) должен вырасти на 33% против плана в 28,1%, что уже подготавливает возможность реализации пятилетнего плана в целом в более короткие сроки, чем это намечалось.

Однако за этим гигантским ростом всех отраслей не поспевает сельскохозяйственное производство.

Прирост чистой продукции в сфере сельского хозяйства, как мы уже отмечали выше, дает для 1929 г. рост всего лишь в 2,8% против наметок плана в 9,8%, что составляет значительное отставание от плана. Это несомненно чрезвычайно важное обстоятельство. На фоне ускоренных темпов развития всех остальных отраслей народного хозяйства это отставание роста сел.хоз. продукции создает специфическое напряжение во всем нашем плане строительства на 1929/30 г., которое может быть преодолено только на путях еще более форсированного обобществления и технического перевооружения сельского хозяйства. Именно такова установка плана контрольных цифр на 1929/30 г. в этой области. Но это отставание, пока оно на указанном пути полностью не преодолено (несмотря на движение вперед в этой области: социалистический сектор — совхозы и колхозы — увеличивает свой

удельный вес в чистой продукции земледелия вдвое — с 2,1% в 1924/25 г. до 4,3% в истекшем году), подлежит учету, как факт, с которым необходимо считаться в полной мере. Однако, отнюдь не в том смысле, что отсюда вытекает необходимость „равнения по узким местам“, как настаивают на этом правые элементы в нашей партии, а как-раз наоборот — в целях такой организации системы перераспределения относительно ограниченных ресурсов, которая, будучи заранее предусмотрена планом, должна обеспечить полностью реализацию расширенного воспроизводства народного хозяйства на путях продвижения его к социализму, в темпах и масштабах, которые намечены в контрольных цифрах на 1929/30 г. Это делает исключительно ответственной и сложной проблему перераспределения ресурсов между сферой сельского хозяйства (дифференцированно по социальным секторам и классам в деревне) и всей остальной сферой обобществленного индустриального труда. Контрольные цифры на 1929/30 г. с их огромной строительной программой во всех областях народного хозяйства, с форсированным ростом социалистического сектора — включают и предрешают характер того перераспределения, которое должно иметь место в наступающем году. Это перераспределение должно обеспечить не только самую программу работ плана, но и ликвидировать то неблагоприятное стихийное распределение народного дохода, которое имело место в прошлом году.

В истекшем 1928/29 г., при росте чистой продукции сельского хозяйства в неизменных ценах всего лишь на 1,2%, в ценах меняющихся мы имели рост в 20,4%.

В 1929/30 г. мы будем иметь принципиально иное соотношение: при росте чистой продукции земледелия в неизменных ценах на 2,8% мы в ценностном выражении будем иметь снижение почти на 5 пунктов. Вследствие этого удельный вес земледелия в народном доходе, вместо повышения с 38,9% до 39,6%, которое мы наблюдали в истекшем году, снижается до 33,3% (см. приложение 1). Это есть основное изменение в производственной структуре народного дохода для данного года, отражающее значительное нарастание в народном доходе удельного веса всех остальных индустриальных сфер труда — крупной промышленности с 21,4% до 24,5%; строительства с 6,5% до 8,6% (в том числе несельского с 4,5% до 6,9%), транспорта с 4,6% до 5,2% и др.

Эти сдвиги, частично ликвидируя конъюнктурные смещения истекшего года, отчетливо отражают характерные сдвиги, происходящие в экономике быстро индустриализирующейся страны. Однако, резкий характер наблюдаемых сдвигов отражает и специфические моменты.

Правда, снижение удельного веса земледелия при интенсивном нарастании всех остальных сфер труда, которое мы наблюдаем в структуре нашего народного дохода на 1929/30 г., в действительности происходит менее резко, чем это вытекает из таблиц, вследствие того, что по принятому пока методу счета, отнюдь не лишен-

ному дефектов, мы сравниваем движение промышленной продукции за 1929/30 г., в то время как по сельскому хозяйству имеем дело с продукцией 1929 г., а не 1930 г., который будет вовлечен в хозяйственный оборот в 1930/31 г. Однако и с учетом этого обстоятельства снижение удельного веса земледелия достаточно сильно; еще более резко это выражено в неизменных ценах — с 32,6% оно падает до 27,9%, в то время как вся промышленность (без акциза) увеличивает свой удельный вес с 30,3% до 32,6%, т.е. превышает земледелие. Такие резкие смещения в течение одного года представляли бы несомненную опасность только в том случае, если бы интенсивная индустриализация происходила бы в условиях деградации в сельском хозяйстве (чего на самом деле нет — мы имеем здесь лишь относительно медленный рост), наконец, если бы последнее не имело бы перед собою перспективы своего развития в темпах, догоняющих темпы роста индустриальных сфер. Именно интенсивная индустриализация страны, соединяемая с социалистическим преобразованием сельского хозяйства на новой технической базе делает эту перспективу для сельского хозяйства вполне конкретной и реальной.

Мероприятия по индустриализации и социалистической реконструкции сельского хозяйства еще не могли сказаться на валовой продукции сельского хозяйства, движение последней должно отразить эти социалистические мероприятия в ближайшие же годы.

Именно этот специфический этап в развитии сельского хозяйства и индустрии отражается в отмеченных выше резких сдвигах в структуре народного дохода.

Однако, темпа индустриального развития отставание сельского хозяйства от плана на данный год, как мы видим, не задерживает, но несомненно создает свои специфические затруднения для его развертывания.

Процессы обобществления

Рост индустриализации страны означает в наших условиях одновременно рост социалистического сектора во всем народном

Динамика чистой продукции обобщественного сектора

Годы	В млн. руб. по неизм. ценам 1926/27 г.		В млн. руб. по ценам соответ. года	
	Абсол.	В % к на-родн. доходу	Абсол.	В % к на-родн. доходу
1925/26	9.493	45,3	9.669	45,5
1926/27	11.302	48,9	11.292	49,2
1927/28	13.566	54,3	13.108	51,7
1928/29	16.479	59,3	15.989	53,3
1929/30	22.104	66,3	20.958	61,7

хозяйстве. И действительно 1929/30 г. должен принести нам дальнейшее расширение сферы его действия.

Мы видим, таким образом, чрезвычайно интенсивное развитие процессов обобществления особенно за последние годы.

Если в истекшем году из всей суммы народного дохода (в неизменных ценах 1926/27 г.) в 27,8 млрд. руб. 16,5 млрд. руб. принадлежало обобществленному сектору, т.е. 59,3% (в ценах каждого года 53,3%), то на 1929/30 г. мы можем ожидать уже обобществленными 66,3% (а в ценах каждого года 61,7%) всего народного дохода, что в абсолютных размерах составит громадную сумму в 22,1 млрд. руб.

Но особенно важно обратить внимание на следующее явление в области обобществления народного дохода.

В истекшем году общий годовой прирост народного дохода (в неизменных ценах) составил сумму в 2,8 млрд. руб., прирост же обобществленного сектора — 2,9 млрд. руб., далее, из общего прироста народного дохода будущего года в 5,5 млрд. руб. весь этот прирост с избытком также полностью переходит в социалистический сектор. (Это не свидетельствует о прекращении роста чистой продукции в частном секторе: так как население в нем уменьшается, то следовательно для остающейся части населения в частном секторе мы имеем возрастание доходов). Это явление чрезвычайно знаменательное: оно означает, что прирост чистой продукции в частном секторе едва поспевает покрывать ту убыль, которая создается вследствие перехода частного производства на рельсы обобществления. Процесс обобществления народного дохода в дальнейшем будет уже происходить в условиях, когда весь текущий прирост народного дохода окончательно закрепляется за социалистическим сектором, когда обобществленный сектор будет ассоциировать частный сектор при непрерывном абсолютном падении продукции последнего, вследствие абсолютного уменьшения численности самодельных в частном секторе.

Это явление уже можно констатировать для 1929/30 г., если проследить динамику годового прироста народного дохода в ценах каждого года.

В неизменных ценах абсолютное снижение массы чистой продукции частного сектора мы можем констатировать уже за прошлые годы, начиная с 1927/28 г.

Приведем следующую таблицу:

Динамика чистой продукции частного сектора

Годы	В млн. руб. по неизм. ценам 1926/27 г.		В млн. руб. по ценам соответ. года	
	Абсол.	В % к на-родн. доходу	Абсол.	В % к на-родн. доходу
1925/26	11.453	54,7	11.561	54,5
1926/27	11.826	51,1	11.645	50,8
1927/28	11.406	45,7	12.234	48,3
1928/29	11.321	40,7	14.020	46,7
1929/30	11.227	33,7	13.995	38,3

Если мы проанализируем, за счет каких статей народного дохода свертывается частный сектор в неизменных ценах в 1927/28 г., то мы увидим, что в качестве основного фактора здесь действует интенсивное развитие процессов обобществления в сфере несельскохозяйственного производства. Сокращается резко в 1927/28 г. частный сектор торговли и отчасти мелкой промышленности. Правда, мы наблюдаем также сокращение частного сектора в сфере земледелия в 1927/28 г., но это отнюдь не выражает нашей победы над частным сектором в смысле его интенсивного обобществления (эти процессы начинают сказываться позднее), а вызвано условиями конъюнктурного характера, связано с неблагоприятными метеорологическими влияниями и соответствующим классовым переплетом, снижающими валовую продукцию сел.-хоз. производства.

Однако, движение чистой продукции в частном секторе в изменяющихся ценах показывает неизменный рост частного сектора, за исключением 1929/30 г. Это означает, что позиция частного сектора слабее в сфере соотношений по физическому объему и значительно вырастает в сфере соотношений ценностных, где имеют место тенденции стихийного перераспределения народного дохода между отраслями и секторами, вследствие более высокого уровня цен в частном секторе. В этом противоречивом явлении сказываются одновременно и сила и слабость планового регулятора на данном этапе его развития. Сфера обобществленного сектора есть сфера планового снижения цен и поскольку это реализуется, мы имеем торжество планового режима, но в народном доходе в изменяющихся ценах это непосредственно отразится некоторым ослаблением позиций обобществленного сектора. Не всегда это должно выражаться в падении удельного веса обобществленного сектора, а может принимать форму более замедленного роста его. В действительности, с точки зрения конечной цели движения секторов, это будет мнимым его ослаблением. Обобществленный сектор, располагая большим объемом материальных ценностей (рост чистой продукции обобществленного сектора в неизменных ценах), имеет возможность распределять эти ценности по плану, обеспечивая рост социалистических тенденций в экономике, на базе растущей производительности труда в обобществленном секторе, что находит свое внешнее выражение в тенденции снижающихся цен. Превосходство же в производительности труда подготавливает и обеспечивает окончательную победу социализма над экономикой частного сектора. Вместе с тем, эти ценностные смещения в удельных весах социальных секторов, при которых позиция частного сектора оказывается более сильной в народном доходе по изменяющимся ценам, чем в неизменных, говорят еще о недостаточной силе планового регулятора, которому противостоит стихийное движение цен, частично перераспределяющее народный доход в пользу частного сектора. Это особенно ясно видно на отрезке 1928/29 г., когда удельный вес частного сектора был равен в неиз-

менных ценах 40,7%, в ценах же изменяющихся 46,7%; это же явление можно наблюдать следя за движением удельных весов частного сектора в народном доходе по неизменным и изменяющимся ценам, начиная с 1927/28 г., когда начинаются пониженные темпы движения чистой продукции земледелия (вследствие уже отмеченных выше неблагоприятных метеорологических условий) и соответственно интенсивный рост этой продукции в ценностном выражении. В предшествовавшие годы (1925/26—1926/27 г.) мы имеем обратное явление, когда хороший урожай этих лет обуславливал некоторое ослабление позиций частного сектора в стоимостных соотношениях при более высоком удельном весе частного сектора в народном доходе по неизменным ценам.

Итак, закрепление нашей победы над частным сектором должно означать усиление позиций социалистического сектора не только в сфере народного дохода по неизменным ценам, но также и в сфере стоимостных соотношений—в народном доходе по изменяющимся ценам.

Для истекшего года мы имеем в изменяющихся ценах еще далеко не полный охват всего годового прироста народного дохода обобществленным сектором (из 4,7 млрд. руб. только 2,9 млрд. руб.), иначе обстоит дело для будущего года—против 3,9 млрд. руб. общего прироста, мы будем иметь прирост обобществленного сектора почти на 5 млрд. руб.

Это в целом говорит не только о простом количественном нарастании социалистического сектора, но также и о том, что количество здесь уже начинает переходить в новое качество—мир частного сектора начал окончательно ликвидироваться, начинают уменьшаться не только относительно, но и абсолютно его ресурсы, элементы его, преобразуясь на социалистических началах, продолжают свое развитие уже на принципиально иной основе.

Процессы обобществления в дальнейшем будут с каждым годом все больше и больше сосредоточиваться вокруг сел.-хоз. производства. Обобществление сфер индустриального труда уже близко к своему полному завершению, за исключением сельского строительства, мелкой промышленности, рыболовства и охоты, а также отчасти сферы торговли.

Гигантская задача полного обобществления сел.-хоз. производства, может быть, и будет разрешена в условиях генерального плана. Мощное индустриальное развитие будущего года подготавливает материальные ресурсы для этого, а изумительный темп развертывания процессов обобществления в сфере сельского хозяйства—лучшая гарантия правильности путей и методов преодоления частного сектора в этой основной и решающей сфере.

Распределение народного дохода

1929/30 г. будет отличаться от истекшего года не только громадным продвижением вперед по линии индустриализации и развертывания процессов обобществления, он будет отличаться также

и иной системой отношений распределения, чем та, которая сложилась в прошлом году.

Отношения распределения не являются вообще отношениями самостоятельного порядка, они детерминируются отношениями производства, условиями воспроизводства которых они являются. Поскольку плановые задания в истекшем году осуществлялись с превышением по индустриальным отраслям и отставанием по сельскому хозяйству, постольку мы были свидетелями стихийного перераспределения народного дохода, непредусмотренного планом и расцениваемого нами, как неблагоприятное, о чем шла речь выше при анализе итогов 1928/29 г.

Но так как соотношение между развитием сельского хозяйства и промышленности и для настоящего года будет не менее напряженным, поскольку мы в пределах его реализуем продукцию урожая не 1930 г., а 1929 г., уже определившегося в размерах, отстающих от пятилетних наметок, то необходимо плановое вмешательство в отношении распределения для того, чтобы ликвидировать неблагоприятные последствия этого года, не дать им возможности развиваться дальше, осложнять и затруднять расширенное воспроизводство социалистических тенденций в нашей экономике. Эти мероприятия планового воздействия складываются главным образом из нашей политики цен на промышленные и сел.-хоз. товары, политики заработной платы, а также организационных мероприятий по линии снабжения, обеспечивающих реальный уровень ее, далее, бюджетных и внебюджетных изъятий и пр.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. заложена совершенно иная структура распределения народного дохода, чем та, которая имела место в 1928/29 г.

В результате осуществления контрольных цифр мы можем рассчитывать на следующие сдвиги.

Производственная и секториальная структура народного дохода отразила совершенно отчетливо дальнейший бурный рост процессов индустриализации и обобществления, который намечается для 1929/30 г. Эти процессы предопределяют дальнейшее усиление социалистических тенденций в отношениях распределения народного дохода (см. таблицу 4 на стр. 57).

Обратим внимание на следующие показатели этих тенденций:

	В % к предш. году		Удел. вес в сумме доходов	
	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Доходы пролетариата (включая сел.-хоз. пролетариат)	115,5	116,7	33,3	33,6
В том числе рабочих	116,8	119,1	15,8	16,2
Доходы от предприятий, обобщественного сектора	136,9	177,4	9,6	14,8
Доходы крестьян, объедин. в колхозы	144,1	293,4	0,6	1,6
Доходы кооперир. ремесленников—кустарей (исчисл. только обобщ. часть дохода) . .	136,4	124,9	1,1	1,2
Итого	—	—	44,6	51,2

Социальные группы и классы	Сумма доходов в млн. черв. руб.					В % к предш. году				В % к итогу				
	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
I. Сел.-хоз. население														
1. Сел.-хоз. пролетариат	466	510	560	632	734	109,4	109,8	112,9	116,1	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0
2. Крестьяне ¹	12.186	12.247	13.263	15.545	16.462	100,5	108,3	117,2	105,9	51,6	48,5	48,0	48,5	44,3
а) Об'един. в колхозы	—	—	136	196	575	—	—	144,1	293,4	—	—	0,5	0,6	1,6
б) В индивид. хозяйств.	—	—	13.127	15.349	15.887	—	—	116,9	103,5	—	—	47,5	47,8	42,8
Итого сел.-хоз. населения	12.652	12.757	13.824	16.177	17.196	100,8	108,4	117,0	106,2	53,6	50,5	50,0	50,5	46,3
II. Несел.-хоз. население														
1) Пролетариат	3.145	3.720	4.327	5.055	6.020	118,3	116,3	116,8	119,1	13,3	14,7	15,6	15,8	16,2
а) Рабочие	2.822	3.261	3.620	4.146	4.778	115,5	111,0	114,4	115,2	12,0	12,9	13,1	12,9	12,9
б) Служащие	456	607	733	844	933	133,2	120,6	115,1	110,6	1,9	2,4	2,7	2,6	2,5
в) Прочие ²	6.423	7.588	8.684	10.045	11.731	118,1	114,4	115,7	116,8	27,2	30,0	31,4	31,3	31,6
2) Ремесленники, кустари (включая мелких торговцев)	1.648	1.899	1.799	1.745	1.656	115,3	94,7	97,0	94,9	7,1	7,6	6,5	5,4	4,5
В т. ч. кооперирован. часть доход. ремесленников	111	139	260	356	444	125,0	187,5	136,4	124,9	0,5	0,5	0,9	1,1	1,2
3) Буржуазия	619	634	568	515	467	102,4	89,6	90,6	90,7	2,6	2,5	2,1	1,6	1,3
В т. ч. промышлен.	198	248	228	195	197	125,3	91,8	85,7	101,1	0,8	1,0	0,8	0,6	0,5
4) Прочие	482	492	504	527	549	102,1	102,4	104,5	104,1	2,0	1,9	1,8	1,6	1,5
Итого несел.-хоз. населения	9.172	10.613	11.555	12.832	14.403	115,7	108,8	111,1	112,2	38,9	42,0	41,8	39,9	38,9
А. Доходы всего населения	21.824	23.370	25.379	29.009	31.599	107,1	108,6	114,3	108,9	92,5	92,8	91,8	90,4	85,2
Б. Доходы от предприятий обобществлен. сектора ³	1.765	1.906	2.260	3.095	5.490	108,0	118,6	136,9	177,4	7,5	7,5	8,2	9,6	14,8
Итого весь доход (А+Б)	23.589	25.276	27.639	32.104	37.089	107,2	109,3	116,2	115,5	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Абсолютные суммы доходов крестьян, начиная с 1927/28 г., непосредственно несравнимы с к. ц. на 1928/29 г. и пятилеткой, вследствие изменений в методе исчисления и ряда уточнений.

² В эту группу входят доходы поденно-переменных рабочих, определенная часть доходов безработных и иждивенцев, живущих самостоятельно.

³ Из доходов обобщественного сектора выключены доходы Цустраха, Госстраха и доходы от пассажирского транспорта.

Таким образом, мы видим дальнейшее значительное возрастание всех отмеченных категорий доходов. Особенно важно при этом подчеркнуть, что некоторое снижение или стабильность доли пролетариата во всей сумме доходов, которое мы наблюдали в истекшем году полностью преодолевается для 1929/30 г., и доля пролетариата заметно нарастает, и это несмотря на то, что мы будем одновременно иметь чрезвычайно интенсивный рост доходов обобществленного сектора на 77%. Сочетание этих двух тенденций социалистического накопления (с соответствующей технической реконструкцией и рационализацией, а следовательно, высокими качественными заданиями в области производительности труда) с усиленным вовлечением новых слоев пролетариата и ростом заработной платы промышленного рабочего, представляло собою известные трудности в плане контрольных цифр истекшего года, о чем речь была выше. Однако, эти затруднения заметно сокращаются при переходе на непрерывную неделю, при расширении практики применения семичасового рабочего дня, при введении в действие большей массы нового основного капитала и при превращении социалистического соревнования из эпизодических явлений в систему постоянно действующую и развивающуюся.

Вместе с тем, важно обратить внимание также на движение таких категорий доходов, как доходы кооперированных ремесленников и особенно доходы крестьян, объединенных в колхозах. Здесь пока показательным является не абсолютная величина удельного веса их, а сама тенденция движений этих категорий доходов и их темпы. В этом отношении обращает на себя внимание исключительно бурное нарастание доходов крестьян-колхозников, поднимающих свой удельный вес более чем в 2,5 раза за один год. Пускай удельный вес этой категории доходов пока еще крайне невелик, он составляет для 1929 г. всего лишь 1,6%. Ближайшие же годы принесут нам значительное возрастание этой доли при дальнейшем резком падении доходов индивидуальных крестьянских хозяйств. Именно по движению этой категории доходов мы будем в дальнейшем следить за успехами нашего социалистического строительства в области сельского хозяйства, поскольку оно находит свое отражение и в отношениях распределения.

Обратной стороной констатированных выше тенденций является динамика всех остальных категорий доходов:

	В % к предш. году		В % к итогу		
	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Доходы индивидуальных крестьян (не объедин. в колхозы)	116,9	103,5	47,5	47,8	42,8
Ремесленники-кустари, мелкие торговцы (за исключ. коопер. части)	90,3	87,3	5,6	4,3	3,3
Буржуазия	90,6	90,7	2,1	1,6	1,3
В том числе промышленная	85,7	101,1	0,8	0,6	0,5
Итого	—	—	55,2	53,7	47,4

Таким образом, мы видим резко выраженное падение удельного веса всех категорий доходов, относящихся к частному сектору и что особенно важно подчеркнуть, что громадный массив доходов индивидуальных крестьян, поднявший свой удельный вес во всей сумме доходов истекшего года (вследствие присвоения верхушечными его элементами внеплановой доли из народного дохода) резко снизит свой удельный вес, уступив место социалистическим тенденциям и в деревне, и в городе. Достаточно вспомнить, что доходы пролетариата на будущий год должны вырасти в номинальном выражении на 16,8%, (в том числе рабочих на 19%), в то время как доходы индивидуальных крестьян всего лишь в 3,5%.

Конечно, огромный интерес представляет переход от тех тенденций, которые мы обнаруживаем в отношениях распределения народного дохода в его номинальном выражении, к анализу тенденций, и абсолютных уровней реального дохода. Задача эта исключительной трудности, ибо реальное значение покупательной силы рубля для отдельных классов населения и даже отдельных социальных групп весьма различно.

В наших условиях советского хозяйства реальное значение покупательной силы рубля, в котором мы оцениваем доходы населения, различно не только вследствие наличия классовой дифференциации, которая обуславливает и различную классовую структуру доходов населения (у нас это имеет гораздо меньшее значение, чем в капиталистических странах), и различной степени развитости товарных отношений во всей стране (структура доходов сел.-хоз. и несел.-хоз. населения; у нас это имеет большее значение, чем в передовых капиталистических странах),¹ но и вследствие специфических условий, присущих экономике переходного периода вообще и на данном этапе ее развития в частности и в особенности. Специфичность этих условий приводит к тому, что с каждым дальнейшим успехом планового хозяйства движение материальных ценностей совершается все более по заранее предусмотренному плану и стоимостная форма проявления (цена) формирующихся новых производственных отношений, сохраняясь на поверхности экономических явлений, все менее и менее становится адекватной формой их выражения. Это ставит новые проблемы для экономического анализа вообще и анализа отношений распределения в частности, которые не разрешены еще ни теорией советского хозяйства, ни нашей статистикой. Мы вынуж-

¹ По подсчетам американских экономистов товарность народного дохода С.-А. С. Ш. составляет 90% (см. Гуверовскую „Recent economic changes in the United states“, 1929, р. 763; метод расчета в отдельных своих частях спорен). В отношении нашего народного дохода коэффициент этот, конечно, значительно ниже. Но само по себе понятие „товарности“ в наших условиях приобретает специфический смысл, ибо рост товарности не всегда идентичен с ростом стихийных производственных отношений (повышение коэффициента товарности у крестьян, объединившихся в колхозы) и рост натуральности может говорить не о деградации хозяйства, а его успехах на пути движения к социализму (система внутренних расчетов в социалистическом секторе).

ждены поэтому ограничиться использованием того, что дает нам современная статистическая практика. А эта последняя в целях ориентировки в реальных уровнях доходов прибегает, как известно, к построению специальных индексов для перевода доходов из номинального их выражения. Метод этот, неизбежно упрощающий самую задачу, ибо, в противном случае, взятая во всей своей сложности, она вообще неразрешима, является, конечно, весьма грубым, однако пока единственно возможным.

В контрольных цифрах прошлого года мы имели возможность, пользуясь бюджетным индексом рабочих и служащих, говорить о движении не только номинальных, но и реальных доходов лиц наемного труда.¹ В пятилетнем плане Госплан сделал еще один шаг вперед в этом отношении. Опираясь на ориентировочно построенный крестьянский индекс, мы получили возможность произвести расчет душевых уровней реального дохода как несельского, так и сел.-хоз. населения.² В настоящее время мы имеем возможность, опираясь на систему трех индексов (для пролетариата, крестьян и сел.-хоз. пролетариата) произвести расчет для ориентировки в движении реальных уровней доходов.

Мы приведем здесь, как и в пятилетке, не абсолютные уровни душевых доходов, а только самые темпы движения их (см. таб. на стр. 61).³

¹ „Контр. цифры на 1928/29 г.“, стр. 77—78.

² „Пятилетний план“, т. I, 2 изд., стр. 124 и т. II, гл. II, стр. 26—27.

³ Абсолютные душевые уровни номинальные и реальные, имеют большое вспомогательное значение при всех расчетах, связанных с распределительным методом исчисления народного дохода. Однако, если принять во внимание очень большую условность подобных расчетов, вследствие различной структуры доходов населения (сельского и несельского и по классовому признаку), и то обстоятельство, что сумма доходов населения содержит в различной степени элементы многократного счета не могущего в настоящее время быть выявленными и очищенными от него, то научная осторожность, заставляющая оперировать не самими абсолютными уровнями, а только их динамикой, должна считаться вполне обоснованной.

Самый расчет душевых уровней доходов населения, номинальных и реальных, произведен следующим образом.

Исходным годом для исчисления является 1926/27 г. (данные Комиссии СНК по тяжести обложения). Динамика сел.-хоз. населения исчислена по динамике роста населения в сельских местностях. Численность сел.-хоз. пролетариата, исходя из динамики самостоятельных (по данным секции труда) к базе 1926/27 г., с применением коэффициента нагрузки 1,8 за все остальные годы. Численность несел.-хоз. населения получена остатком. В том числе численность пролетариата исчислена исходя из динамики самостоятельных лиц наемного труда, с применением коэффициента нагрузки для рабочих 2,45 для 1928/29 г. и 2,43 для 1929/30 г.; для служащих за те же годы — 2,43 и 2,41; по остальным категориям он принят стабильным.

Номинальные доходы переведены в реальные — с учетом изменения индексов (по расчетам группы цен и группы баданса народного дохода): бюджетного (для доходов несел.-хоз. насел.) — крестьянского (для всех доходов крестьян) — и специального для сел.-хоз. пролетариата (в состав которого, в отличие от крестьянского, не вошло приобретение средств производства) (см. сл. стр.).

Эта таблица с большой убедительностью лишней раз доказывает правильность тех выводов о неблагоприятных явлениях в области распределения народного дохода за истекший год, о которых шла речь выше. В 1928/29 г. произошло резкое смещение в темпах роста реального душевого дохода пролетариата и крестьянства. Доходы последнего в реальном выражении выросли на 5,8%, обогнав решительно все категории доходов, реальный уровень остальных вырос незначительно (сел.-хоз. пролетариат + 2,1%; несел.-хоз. население в целом + 1%; доходы рабочих + 3%).

Рост душевых доходов в % к предшествующему году

	В номинальном выражении		В реальном выражении	
	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
I. Сел.-хоз. население	+ 15,2	+ 4,0	+ 5,6	+ 5,2
В том числе:				
а) с.-х. пролетариат	+ 10,1	+ 7,0	+ 2,1	+ 7,7
б) крестьяне	+ 15,3	+ 4,1	+ 5,8	+ 5,2
II. Несел.-хоз. населения	+ 6,7	+ 8,0	+ 1,0	+ 10,7
Пролетариат	+ 9,0	+ 8,5	+ 3,3	+ 11,2
В том числе:				
а) рабочие	+ 8,7	+ 8,3	+ 3,0	+ 11,0
б) служащие	+ 8,4	+ 7,2	+ 2,6	+ 9,9
в) прочие ¹	+ 12,0	+ 10,6	+ 6,1	+ 13,5
III. Все население	+ 11,7	+ 6,4	+ 4,0	+ 8,4

Но эта же таблица ярко резюмирует коренное изменение в отношениях распределения народного дохода, на которое мы в праве рассчитывать, осуществляя народнохозяйственный план 1929/30 г.

Самый высокий темп роста реального душевого уровня дохода закрепляется на будущий год за пролетариатом, в частности для рабочих + 11,2%. Для служащих таблица показывает также весьма значительный рост, который в действительности, однако, будет несколько ниже, так как бюджетный индекс рабочих (которым мы располагаем для расчетов на 1929/30 г.) не может быть в полной

Крестьянский индекс представляет собою средне-взвешенный из трех субиндексов: приобретения деревенной промтоваров, личного потребления сельскохозяйственных продуктов и накопления.

Динамика этих индексов такова:

	Крестьянского	Бюджетного	С.-х. пролетариата
1926/27	100,0	100,0	100,0
1927/28	104,5	98,0	99,4
1928/29	113,9	103,5	107,3
1929/30	112,7	100,9	106,5

¹ К этой группе относятся поденно-переменные рабочие, безработные, некоторая часть иждивенцев; все они располагают низким уровнем душевого дохода.

мере применен к доходам служащих, особенно для будущего года, ибо контингент нормированных продуктов с пониженными ценами — особенно для более обеспеченной части служащих, будет более ограниченным, чем для рабочих.

Высокий рост душевого реального дохода мы можем также ожидать и для сел.-хоз. пролетариата (+7,7%), в связи с успехами обобществленного сектора в сельском хозяйстве, применяющего более квалифицированную рабочую силу и вообще лучше оплачивающего ее, но также и вследствие роста потребительской кооперации на селе, в которой будет реализована часть заработной платы сел.-хоз. пролетариата, не говоря уже о том, что рост организованности этой категории пролетариата не может не сказаться на обеспечении лучших условий труда и для батраков.

Что касается доходов крестьян в целом, то мы можем ожидать прирост душевого реального уровня их доходов в размере около 5,2%, т.е. несколько ниже того, что мы имели в истекшем году для пролетариата.¹ Конечно, для крестьян, объединенных в колхозы, этот прирост будет несколько выше. Имея в виду, что абсолютный уровень доходов этой категории крестьян уже в настоящее время значительно выше индивидуальных крестьянских хозяйств (по некоторым ориентировочным данным процентов на 15—20) более высокий, чем у индивидуальных крестьян, рост реального дохода из расчета на душу, ожидаемый на 1929/30 г., означает, что наш народнохозяйственный план обеспечивает дальнейший более повышенный уровень благосостояния крестьян объединенных в колхозы, указывая вместе с тем всему трудовому коллективу крестьян подлинный путь под'ема их материального и культурного уровня.

В целом, проанализированные нами отношения распределения вытекают из производственно-экономических проектировок намечен-

¹ Еще рельефнее отношения распределения выступают, если мы в качестве показателя возьмем не только душевой доход в его реальном выражении (т.е. с учетом движения соответствующих индексов), но и в более реальном значении, т.е. за вычетом целого ряда статей из'ятий из этого дохода, — тогда мы будем иметь следующую картину:

Движение душевых доходов за вычетом из'ятий²

	Прирост в % к предш. году			
	В номинальном выражении	В реальном выражении		
	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
Пролетариат	107,6	106,9	101,9	109,7
Крестьяне	116,1	101,7	106,5	102,8

² В состав „из'ятий“ входят, госзаймы, налоги и платежи, что составляет на душу в рублях:

	1927/28	1928/29	1929/30
У пролетариата	7,65	13,19	20,05
У крестьян	6,56	6,60	10,08

ного строительства и в свою очередь они должны обусловить расширенное воспроизводство социалистических тенденций нашей экономики в темпах и масштабах, предусмотренных народнохозяйственным планом на 1929/30 г.

Какое огромное движение вперед представляет собою осуществление контрольных цифр 1929/30 г., можно видеть также из ряда других показателей. Не малый интерес представляет сравнение и с пресловутым уровнем довоенного периода.

Полезно посмотреть на сколько далеко мы от него отрываемся.

Мы вынуждены здесь пользоваться данными о народном доходе за довоенный период теми же, какие были приведены в контрольных цифрах прошлого года, отнюдь не вследствие их больших достоинств; напротив — эти данные являются результатом довольно грубых расчетов, произведенных в свое время в Госплане. Теперь есть возможность произвести пересчет довоенного народного дохода на основе новых материалов и более совершенной методики. Подготовительные работы в этом направлении в Госплане уже начаты, но результатами удастся воспользоваться только в контрольных цифрах будущего года.

Соотношение с довоенным уровнем¹

Годы	Народный доход в млн. дов. рубл.	В % к 1913 г.	Народный доход на душу населения (в дов. руб.)	В % к 1913 г.	Население на 1/1
1913	14.025	100,0	100,4	100,0	139,7
1925/26	13.079	93,3	91,1	90,7	143,6
1926/27	14.439	103,0	98,2	97,8	147,1
1927/28	15.594	111,2	103,6	103,2	150,5
1928/29	17.356	123,8	112,7	112,3	154,0
1929/30	20.810	148,4	132,1	131,5	157,5

Уже в истекшем году душевой уровень поднялся на 12,3% выше довоенного.

Осуществление контрольных цифр на 1929/30 г. будет означать, что душевой уровень дохода будет превосходить довоенный уже

¹ Довоенный размер народного дохода отличается от опубликованного в контрольных цифрах прошлого года (см. „К. Ц. на 1928/29 г.“ — стр. 71) вследствие очищения его от статей, неучтенных в современном народном доходе. Сюда относятся: выручка от пассажирского транспорта (для 1913 г. она составляла 222,3 млн. руб. — см. Струмилин „Очерки Советской Экономики“ 1928 г. стр. 198) и стоимость гужевых перевозок (для 1913 г. она составляла 329 м. н. руб. — взята из работы Струмилина „Перспективная ориентировка на 1927/28 — 1931/32 гг.“ Всего таким образом 531,3 млн. руб.).

Для исчисления душевого уровня доходов численность взята не на 1 апреля как это принято сейчас в Госплане, а на 1 января для сопоставимости с довоенными данными.

Народный доход в червонных ценах нового пересчета переведен в довоенные рубли по индексам взвешенным по отдельным отраслям, входящим в состав народного дохода на 1925/26 год, а за остальные годы по динамике народного дохода в неизменных ценах.

на 32%, а по своим абсолютным размерам народное хозяйство СССР будет располагать народным доходом почти в полтора раза большим, чем в довоенное время (+48,4).

Мы движемся чрезвычайно быстро, оставляя далеко позади себя довоенные пределы и что особенно важно, мы движемся чрезвычайно быстро, оставляя далеко позади себя старый мир капиталистических отношений.

Движение производных доходов в экономике СССР

В прошлом году при работе над контрольными цифрами народного хозяйства на 1928/29 г. мы сделали впервые попытку расчленить сумму народного дохода, исчисленную распределительным методом, на массу основных и производных доходов и подвергнуть анализу движение этой последней категории доходов.

Количественное определение массы производных доходов и в условиях капиталистической экономики представляло бы огромные трудности, заставило бы прибегнуть к целому ряду условных приемов, несмотря на то, что теоретически вопрос стоял бы более ясно, чем у нас.

Но именно потому, что речь идет о нашей советской экономике — условность расчета чрезвычайно возрастает. Некоторые из категорий капиталистического хозяйства уже прекратили свое действие в наших условиях, другие — находятся еще в процессе отмирания, уступая свое место в ожесточенной классовой борьбе новым категориям планового хозяйства, соответствующим развитию их на данном этапе движения нашей экономики к социализму.

Категория производительного труда уже перестает быть категорией труда, создающего прибавочную стоимость. Последняя в модифицированном виде сохраняет еще свое некоторое значение в капиталистическом секторе и близко за его пределами, — но в нашей экономике в целом она тем самым играет весьма подчиненную роль с явными признаками быстрого, хотя и не безболезненного, отмирания.

Возникла и развивается в противоречии со старой, новая категория производительного труда — труда, функционирующего в сфере материального производства социалистического сектора, труда, создающего фонды расширенного воспроизводства социалистических тенденций в нашей экономике. В своем конечном движении, преодолевая старую капиталистическую категорию производительного труда, она в меру дальнейших успехов социалистического строительства, охватит всю сферу материального производства, сделается единственной категорией производительного труда.

На данном же этапе развития нашей экономики, представляющей сложную и противоречивую систему движения различных экономических укладов, с решительно преобладающей тенденцией к преобразованию их в уклад социалистического типа, — в нашей экономике воспроизводятся все исторические формы производительного труда

которые по мере распада одних элементов уклада и зарождения и развития других — представляют собою картину сосуществования и борьбы, переходов одного вида в другой, взаимопроникновения, но с вполне уже определившимся превосходством во всем этом движении новой категории производительного труда.

Вместе с тем, с развитием новой формы производительного труда, идет также специфическое развитие и труда непроизводительного. Это процессы взаимосвязанные, находящиеся в определенном единстве, что не уничтожает, а предполагает и включает различие их в движении.

Производительный труд на определенном этапе своего развития порождал необходимость выделения и обособления в виде самостоятельных функций труда непроизводительного. Последний, получив обособленную форму движения, приобрел тем самым известную независимость в своем развитии от труда производительного, приобрел также более концентрированную возможность обратного влияния на сферу производительного труда. Никогда еще эта обособленная форма движения непроизводительного труда не достигала такой высоты развития как в условиях капитализма, что является продуктом еще более высокой ступени развития на антагонистической основе производительного труда. Никогда еще противоречия между этими двумя категориями труда не достигали такой остроты, как в условиях капитализма. Противоречия, которые вытекают из самой природы обособленного движения форм производительного и непроизводительного труда, являются не только противоречием внутри одного класса (производительный капитал — капитал товарный и денежный, как обособившиеся формы движения единого промышленного капитала), но в отношении ко всей системе внепроизводственных надстроек, они являются также одной из своеобразных форм антагонизма классового характера — выступают как отношения между трудом, создающим прибавочную стоимость, т.е. трудом подвергающимся эксплуатации и трудом эксплуатирующим — непосредственно или косвенно через сложные промежуточные звенья отдаленного порядка. И это вполне понятно. Непроизводительный труд может функционировать объективно лишь за счет общественного прибавочного продукта, создаваемого трудом производительным. Но так как в классовом обществе прибавочный продукт становится достоянием господствующего класса (в частности, при капитализме прибавочный продукт принимает форму прибавочной стоимости), — то последующее перераспределение этого прибавочного продукта (в части, идущей на потребление) на поддержание и развитие непроизводительного труда в интересах господствующего класса, не может не развивать непроизводительный труд, как труд враждебно противостоящий пролетариату, как труд, за которым скрываются утонченные и агрессивные формы основного классового антагонизма, присущего капиталистическому обществу, антагонизма между пролетариатом и буржуазией.

А это противоречие с ходом развития капитализма все более и более обостряется, обостряя вместе с тем и противоречия между производительным и непроизводительным трудом в его целом. Этому не противоречит то обстоятельство, что само развитие техники делает возможным включение в той или иной форме известных звеньев непроизводительного труда в общую сферу материального производства (кино—граммофон—полиграфическое производство и т. п.), ибо развитие производительных сил одновременно обуславливает возможность и необходимость применения в расширенном масштабе непроизводительного труда в другой его форме.

Все это говорит об исторически преходящей форме этого движения. В наших условиях, с развитием производительного труда в новой социальной форме, не может не меняться социальная форма, а следовательно и форма движения самого непроизводительного труда.

Не вдаваясь в подробный анализ, мы лишь отметим, что как раз в настоящее время, в самые последние годы, успехи планового социалистического строительства подвели нас вплотную к проблеме изменения анархической формы движения самых высших звеньев непроизводительного труда (планирование научных учреждений, их исследовательской работы, т. е. планирование самой науки).

Сфера непроизводительного труда будет полностью также подчинена социалистическому плану, как это имеет место в сфере труда производительного (конечно, с учетом присущих этой сфере особенностей). Анархическая форма движения непроизводительного труда в его целом есть исторически отживающееся на наших глазах явление, отражающее капиталистические корни его происхождения и объективные условия его развития в капиталистическом обществе. Анархия в сфере производства и классовый раскол общества обуславливают объективную необходимость существования для поддержания непрерывности процесса производства—целой системы политических надстроек, возглавляемых государственной организацией буржуазии, а это порождает необходимость планирования в общественном масштабе определенных масс непроизводительного труда (вспомним армию, чиновничество, церковь и отчасти просвещение).¹ Вся остальная сфера непроизводительного труда в своем движении воспроизводит в большей или меньшей степени анархическую форму движения труда производительного на основных исторических этапах его развития.

¹ Поэтому, буржуазная критика научного социализма неоднократно сама себя разоблачала представлением о плановом социалистическом хозяйстве как о хозяйстве, в котором господствуют отношения „военной казармы“—и о непосредственном общественно-организованном труде,—как о труде „чиновников“, т. е. высшее преодоление бюрократизма трактуется ими, наоборот, как форма его наивысшего расцвета. В этих воззрениях отложился богатый исторический опыт буржуазии по планированию непроизводительного труда.

Движение непроизводительного труда в наших условиях все более и более освобождается от элементов классового антагонизма в отношении труда производительного, подготавливая почву для полного его преодоления. Непроизводительный труд в своем развитии все больше становится, несмотря на наличие отчасти и противоположного движения, а следовательно и обострения классовой борьбы, и на этом участке фронта,—продолжателем социалистических тенденций, доминирующих в нашей экономике, обслуживая расширенное воспроизводство их. Непроизводительный труд тем самым перестает быть враждебным труду производительному по своим функциям в современном процессе воспроизводства. Он становится по своей тенденции различием труда внутри единого коллектива трудящихся—различием между трудом, функционирующим в сфере материального производства и трудовой деятельностью во всех вне его лежащих областях, взаимноувязанным вокруг единой цели движения—строительства социалистического общества.

Наконец, поскольку развивается система планового распределения материальных ресурсов, суживается сфера свободных рыночных взаимоотношений, и последняя сама все более и более проникается плановым началом. Относительно сферы обращения Маркс писал, что „общий закон заключается в том, что все издержки обращения, вытекающие лишь из превращения формы товара, не прибавляют к нему никакой стоимости. Это—просто издержки по реализации стоимости, или издержки, необходимые для того, чтобы перевести ее из одной формы в другую“.

Труд в сфере обращения и в наших условиях, сохраняет свой непроизводительный характер. Однако, он выступает в этой своей функции в ограниченном масштабе. Постольку, поскольку еще сохраняет свое значение противоречие между (в основном но даже не в целом еще), становящимся непосредственно общественным трудом, функционирующим в социалистическом секторе, особенно в его высших переловых звеньях, и внешне-стоимостной формой проявления продукта этого труда.¹ Та сторона труда в сфере обращения, о которой Маркс говорил, что она представляет собою процесс продолжения производ-

¹ Об этом см. интересный анализ, данный т. Г. Козловым в его статье „К вопросу о природе денег и законах денежного обращения в СССР“ („Плановое Хозяйство“ № 8, 1929 г.). Этот анализ теоретически антиципирует некоторые основные этапы, к которым несомненно движется наша система хозяйства, но отнюдь не отражает непосредственно ту конкретную фазу отмирания категорий товарнокапиталистического хозяйства, которая соответствует данному отрезку времени. Автор не всегда отдает себе ясный отчет в этом и потому его анализ, несмотря на ряд превосходных мест, в целом страдает тем недостатком, что перепрыгивает через промежуточные звенья развития.

См. также статью т. Ц. Крона. „Об издержках обращения“. („Вопросы торговли“ № 4, 1928 г.), в которой автор совершенно правильно констатирует тенденцию к возрастанию у нас так называемых „реальных“ (гетерогенных) моментов, за счет формальных, в движении издержек обращения.

ства в сфере обращения, получает гораздо большее развитие, оттесняя на второй план функции чистой реализации товарной стоимости, превращения товара в деньги и обратно. Это происходит именно потому, что товар перестает быть товаром, его движение перестает быть автономным движением на основе присущих товару противоречий (между конкретным и абстрактным трудом), а совершается согласно плану. Это в основном имеет место уже в обобществленном секторе, но отнюдь не во всех его звеньях. Это начинает постепенно захватывать область взаимоотношений между обобществленным и частным сектором. Наконец, внутри самого частного сектора автономное движение товара на основе присущих ему внутренних противоречий совершается только до известного пункта, в пределах намечаемых планом, и выходя за эти пределы — определяется борьбой и соотношением сил плана и стоимости.

Вместе с изменением социального содержания непроизводительного труда изменяется и форма его движения. Непроизводительный труд, сохраняя все свое отличие от труда производительного, не ликвидируя обособленной формы своего движения и в наших условиях — все более приближается к труду производительному в смысле его плановой формы движения. Этим самым закладываются основы для быстрых сдвигов во всей современной системе непроизводительного труда, сокращения одних его видов и развития других и уничтожения односторонне развитой противоположности между ними, исторически развившейся на основе всеобщего разделения труда и специализации.

Функции производительного и непроизводительного труда сохраняются, как самостоятельные и противоположные для общества, но перестают (к этому идет движение) быть односторонне закрепленными на всю жизнь за той или другой частью населения. Производители будут совмещать обе функции, одновременно принимая участие в обеих сферах деятельности. Для данного этапа тенденция проявляется не только в приобщении производительной части пролетариата ко всем сферам непроизводительного труда, но и в усилении элементов закрепленности за ним функцией непроизводительного труда и командной роли в нем. Этот процесс с тенденцией монополизации непроизводительного труда за одной категорией населения кажется на первый взгляд дальнейшим развитием одностороннего характера в движении непроизводительного труда.

В действительности же здесь закладываются глубокие основы для окончательного преодоления существующей односторонности.

Другими словами, все это движение в целом сводится в конечном счете к тому, что противоречие между обеими категориями труда, присущее системе капиталистического хозяйства, сменяется простой противоположностью между ними; тем самым подготавливаются условия для существования известной гармонии в их развитии,

которая в полной мере будет уже присуща системе социалистического хозяйства.

Уже эти беглые замечания показывают насколько сложна в своих противоречиях, отличается исключительной динамичностью совокупная система движения наших производственных отношений. Качественная определенность тех или других тенденций на данном этапе сможет быть познана не иначе, как только на основе теоретического анализа.

Различие между трудом производительным и непроизводительным, поскольку оно сохраняется и в наших условиях, хотя и воспроизводится на новой основе, не может не отражаться на отношениях распределения народного дохода, не может не обуславливать наличие во всей нашей системе распределения — доходов основных, источником которых является функционирование труда в сфере материального производства и доходов производных, источником которых являются разнообразные отношения, перераспределяющие по различным каналам и в различной форме наш общественный прибавочный продукт.

Количественное измерение этих явлений представляло бы громадный интерес. Оно осуществимо лишь в достаточно грубой форме, допускающей заведомо ряд неточностей совершенно недопустимых с теоретической точки зрения, но неизбежных на известном этапе наших статистических знаний и методов. Поэтому результаты, полученные нами, могут претендовать пока только на иллюстративное значение.

Количественное расчленение всех доходов на основные, возникающие в сфере общественного материального производства, и производные, которые получают в процессе перераспределения народного дохода, не может не отличаться известной условностью, а следовательно и спорностью при анализе каждого отдельного элемента расчета.

Также ясно, что доходы различных социальных групп не отличаются абсолютной однородностью и, будучи нами отнесены к группе основных доходов, могут содержать в своем составе также элементы производных доходов (например, проценты по облигациям госзаймов, которые получает фабрично-заводский рабочий; некоторые побочные доходы, кроме заработной платы, которые мы встречаем в рабочих бюджетах, например, часть дохода от сдачи комнат, углов и т. д.), и обратно в доходах производных частично имеются элементы принципиально иного происхождения: в доходах мелких торговцев — доход от производственной деятельности; соответственно в доходах служащих — та часть доходов, которая соответствует их деятельности не в качестве агентов обращения или носителей внепроизводственных административно-управленческих или чисто политических функций, а процесса дополнительного производства, продолжающегося в обращении (или в иной области).

Следовательно, выделение производных доходов представляет собою только первое приближение к задаче, только первый опыт. Расчленение произведено по главному источнику дохода.¹ В этой стадии изучения мы поставили перед собою задачу лишь обнаружить в общих чертах порядок тех величин, с которыми нам придется иметь дело при изучении основных и производных доходов в нашей экономике.

В этом году расчеты по производным доходам в Госплане были уточнены и продолжены в основном на тех же принципах, что и в прошлом году и мы имеем возможность таким образом подвергнуть анализу полученные результаты.² При всей условности подобного рода исчислений они представляют интерес во многих отношениях.

¹ На ряду с этой оговоркой необходимо иметь в виду, что по состоянию статистического материала мы не всегда располагали прямыми данными о составе таких групп доходов отдельных слоев населения, которые обозначались как „прочие доходы“. В тех случаях, когда у нас возникали сомнения, мы относили их к производным доходам.

В целом, к производным доходам нами отнесены следующие категории доходов населения:

1. По группе — сел.-хоз. пролетариата:
 - а) рабочие лесничеств (в отличие от рабочих на лесозаготовках и лесосплаве),
 - б) служащие в земледелии (часть которых работает в городе).
2. По группе — крестьяне:

(Та часть доходов крестьян, которая входит в состав неземледельческих доходов, возникающих от работы в отраслях, отнесенных нами не к сфере материального производства).
3. По группе — рабочие:
 - а) все рабочие в торговых и кредитных организациях.
 - б) рабочие, занятые в учреждениях.
 - в) рабочие и младший обслуживающий персонал „прочих“ отраслей.
4. По группе — служащие:
 - а) служащие в торговых и кредитных организациях.
 - б) служащие в „учреждениях“, за исключением работников народной связи.
 - в) служащие в управленческом аппарате промышленности (в отличие от служащих в производстве).
 - г) младший обслуживающий персонал этих учреждений.
5. „Прочие“ по группе лиц наемного труда:
 - а) личная прислуга.
 - б) безработные и иждивенцы.
6. По группе — трудовое непролетарское население:
 - а) лица свободных профессий.
 - б) торговцы без наемного труда.
 - в) „прочие“ трудящиеся не по найму (за исключением транспортников).
7. По группе — буржуазия:
 - а) крупные и мелкие торговцы с наемным трудом.
 - б) лица, живущие на доходы от сдачи домов, квартир и др. помещений.
 - в) прочие с нетрудовыми доходами (комиссионеры, рантье и спекулянты).
8. Прочие (военно-служащие; находящиеся в домах заключения и деклассированный элемент).

² В исчислении производных доходов принимал участие также аспирант Ин-та Экономических исследований Госплана т. М. Придувалов.

В итоговом виде результаты подсчетов приводятся нами здесь в таблице 5, в которой даны производные доходы в процентах к общей сумме доходов отдельных категорий населения.

Таблица 5

Производные доходы в народном доходе СССР 1925/26—1929/30 гг.

Социальные группы и классы населения	Удельный вес производ. доходов в % к сумме доходов отдельных категорий населения				
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
I. Сел.-хоз. население					
1) Сел.-хоз. пролетариат	23,8	23,9	25,8	26,8	26,3
2) Крестьяне	3,4	3,8	3,9	3,9	4,3
Итого сел.-хоз. населения . . .	4,1	4,6	4,8	4,8	5,2
II. Не сел.-хоз. население					
1) Пролетариат					
а) Рабочие	3,1	3,0	3,0	3,0	2,8
б) Служащие	71,9	71,3	71,5	71,3	70,0
в) Поденно-перемен. рабочие .	—	—	—	—	—
г) Личная прислуга	100	100	100	100	100
Весь занятый пролетариат (а—г)	36,2	35,9	35,1	34,4	33,1
д) Безработные	100	100	100	100	100
е) Иждивенцы	100	100	100	100	100
Весь пролетариат (а—е) . . .	39,0	38,9	38,2	37,7	36,3
2) Ремесленники, кустари (включая мелких торг.)	48,4	45,5	41,1	36,7	32,7
В т. ч. лица свободн. профессий	100	100	100	100	100
3) Буржуазия	65,6	60,9	60,6	62,1	57,8
4) Прочие	100	100	100	100	100
Всего не сел.-хоз. населения . .	45,7	44,2	42,5	41,0	39,0
A. Доходы всего населения . .	21,8	22,7	22,1	20,9	20,7
B. Доходы от предприятий общественного сектора . . .	24,8	19,0	21,6	23,7	18,2
Весь доход (A+B) . . .	22,0	22,5	22,1	21,2	20,3

Примечания: 1) При исчислении производных доходов в группу ремесленников и кустарей включены доходы лиц свободных профессий, вследствие чего итоги несколько не совпадают с основной таблицей распределения народного дохода (с таблицей 4).

2) В производные доходы предприятий общественного сектора не включены доходы кооперативных низовых кредитных организаций — за отсутствием данных.

3) Несовпадение с контрольными цифрами прошлого года удельных весов производных доходов вызвано изменениями в методике расчетов производных доходов по группе мелких торговцев и доходов от предприятий общественного сектора.

* * *

Общий уровень производных доходов оказался несколько выше, чем по расчетам прошлого года, но все же в пределах той же величины, равной одной пятой от всего народного дохода.

Если мы сопоставим результаты исчисления народного дохода производственным и распределительным методом, то мы найдем, что

превышение по общей сумме доходов, полученное последним методом (относительно которого у нас имеется больше оснований утверждать о наличии многократного счета), колеблется от 6,5% до 10% за разные годы:

Годы	Народный доход (в млн. руб.)		Превышение над производст. мето- дом		Сумма произ- водных доходов	То же в % к народн. доходу
	(Произ- водств. метод)	(Распре- дел.)	Абсол.	В % к итогу (гр. 3)		
1925/26	21.230	23.589	2.359	10,0	5.222	22,0
1926/27	22.937	25.276	2.339	9,3	5.714	22,5
1927/28	25.342	27.639	2.297	8,3	6.143	22,1
1928/29	30.009	32.104	2.095	6,5	6.847	21,2
1929/30	33.953	37.089	3.136	8,5	7.579	20,3

Эта таблица, между прочим, доказывает, что расчеты наши по обоим методам (несмотря на присущие им дефекты) стоят на высоте, отнюдь не уступающей лучшим образцам в мировой практике, когда несовпадение результатов исчислений по обоим методам в пределах до 10% рассматривается в качестве критерия высокого качества исчисления.¹ Однако, необходимо принять во внимание, что современное состояние методологии исчисления народного дохода в мировой литературе отнюдь не может удовлетворить строгим научным требованиям. Поэтому, сам по себе этот формальный критерий не является для нас достаточно убедительным.

Что же касается производных доходов, то эта таблица показывает, что не вся сумма доходов, отнесенных нами к категории производных, должна рассматриваться, как элемент многократного счета.

Повидимому, этот результат получается от того, что на данном этапе расчет производных доходов не может отличаться большей точностью; в его состав входит неизбежно ряд сомнительных элементов, которые преувеличивают общую сумму производных доходов. Сюда относятся, прежде всего, производные доходы крестьян (методика расчета которых очень трудна), далее, в какой-то части производные доходы служащих (в той именно части, в которой их труд функционирует в качестве агентов производства, продолжающегося за пределами непосредственного производства, — в сфере обращения или иной области). Но это относится в какой-то мере также и ко всем остальным категориям — мелким торговцам, буржуазии и даже рабочим. Этот чуждый элемент в составе производных доходов продолжает оставаться не очищенным, очевидно, на всю эту часть, преувеличивая массу производных доходов.

¹ См. классификацию по качеству исчислений народного дохода в различных странах, приводимую Stamp'ом и разделяемую также Национальным бюро экономических исследований в Нью-Йорке.

Кроме этого обстоятельства, необходимо принять во внимание еще и то, что доходы, извлекаемые через систему обращения (торговлю и кредитные отношения), будучи доходами производного характера, поскольку последняя не является сферой производительного труда, однако, могут и не приводить к многократному счету при суммировании их с остальными доходами. Происходит это вследствие того, что вновь созданная стоимость, являющаяся единственной субстанцией доходов, реализуется в форме цены не полностью у источника своего возникновения — в производстве, а завершает свою реализацию уже в сфере обращения. Отсюда, торговая прибыль, на ряду с банковской прибылью, может рассматриваться в качестве дохода производного, но не порождающего повторный счет.

Если в условиях капитализма движение капитала в сфере обращения является необходимостью, вытекающей из природы самой системы хозяйства и возможно только на основе закона стоимости, т.е. получения средней нормы прибыли, независимо от сферы функционирования капитала, то в наших условиях обстановка радикально меняется. По мере успехов социалистического строительства не только в городе, но и в деревне, по мере превращения индивидуального крестьянского хозяйства в крупное общественное хозяйство, сфера обращения будет преобразовываться в чисто распределительный аппарат материальных ценностей и в центральную бухгалтерию счетоводства непосредственно общественного производства, (сохраняя и развивая, таким образом, одну из сторон, которая начала свое развитие на почве капитализма). А это предполагает, что в условиях экономики переходного периода элементы такого перерождения должны получить особенно сильное развитие и, следовательно, не всегда, и не при всех условиях доходы в сфере обращения будут вообще являться доходами производными и труд в этой сфере — трудом непроизводительным. Однако, количественно выявить этот момент мы пока еще не смогли.

Наконец, поскольку в сумму народного дохода самостоятельной статьей входят также доходы от предприятий обобществленного сектора, к производным доходам, в составе этого последнего, отнесены доходы, извлекаемые через торговую и кредитную систему. Но так как суммирование этих доходов вообще не порождает многократного счета (о чем речь была выше), а главное в наших условиях природа торговой и кредитной системы в обобществленном секторе уже принципиально иная, чем в условиях капитализма, то сугубая условность отнесения этих доходов к „производным“, наравне с другими, настолько велика, что при дифференцированном анализе может быть совершенно игнорирована. Одно это снижает уже величину производных доходов за различные годы процентов на 6—12, соответственно понижая удельный вес производных доходов, который определится таким образом в размере от 17,6% до 21%.

Таким образом, если принять все это во внимание, то нет ничего удивительного в том, что сумма производных доходов формально оказалось выше вероятной суммы многократного счета, полученного как разница между двумя методами исчисления народного дохода.

Вывод, к которому мы приходим, заключается в том, что баланс между двумя методами исчисления народного дохода не может быть достигнут таким простым способом, как выявление по формальным внешним признакам общей суммы производных доходов и изъятием этих последних из общих доходов народного дохода, исчисленного распределительным методом.

Задача дальнейшего изучения будет заключаться в том, чтобы подойти более дифференцированно ко всем элементам производных доходов и попытаться учесть все те моменты теоретического характера, о которых речь шла выше, в связи с особенностями производных доходов, чтобы из состава последних изъять присущие им пока гетерогенные элементы.

Независимо от результатов дальнейшего изучения вопроса, уже произведенный расчет (несмотря на присущие ему дефекты) не лишен известного самостоятельного интереса, независимо от проблемы нахождения баланса между двумя методами исчисления народного дохода.

Здесь мы коснемся только некоторых явлений, связанных с движением этой категории доходов.

В то время как основные доходы растут за все эти годы чрезвычайно интенсивно, гармонируя с бурным ростом всего народного хозяйства в целом, иным выражением которого они сами являются, — массив производных доходов относительно медленнее и неровно нарастает вслед за этим определяющим их всеобщим ростом. Это видно из следующих данных:

	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
	В % к предш. году				В % к сумме доходов				
Доходы основные . . .	+6,5	+9,9	+17,4	+16,7	78,0	77,5	77,9	78,8	79,7
„ производные . . .	+9,4	+7,5	+11,5	+10,7	22,0	22,5	22,1	21,2	20,3
Вся сумма доходов	+7,1	+9,4	+16,1	+15,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Именно в силу превосходства в темпе роста основных доходов получается в основном снижающаяся тенденция для доли производных доходов во всем народном доходе страны. Исключение составляет 1926/27 г., о чем будет речь итти ниже. Это означает, что процессы индустриализации и обобществления, развертывающиеся

бурно на рассматриваемом отрезке времени, повышают темп движения, прежде всего основных доходов. В наших условиях рост производительного труда и общественного материального продукта хотя и обуславливает абсолютный рост массы производных доходов одной категории (увеличение расходов по социально-культурному сектору), но также приводит в силу движения экономики к социализму, к тенденциям противоположного характера, к сокращению других категорий непроизводительного труда и их доходов: сокращается относительно масса доходов, извлекаемая через сферу обращения по частному сектору — в силу его абсолютного свертывания и по обобществленному — в силу реконструктивных процессов в сфере общественного производства и обращения материальных ценностей.

Этим и объясняется наблюдаемая резкая, хотя и прерываемая противоположными тенденциями, в основном тенденция к снижению доли производных доходов в составе доходов от предприятий обобществленного сектора — от 24,8% до 23,7% для истекшего года и до 18% по предположениям на 1929/30 г. (См. таб. 5 на стр. 71). Исключение составляет 1926/27 г., когда производные доходы упали и 1927/28 г., когда они вновь поднялись, но с тем, чтобы стать исходным пунктом последующего снижающегося движения. Здесь нашли себе отражение конъюнктурные явления (снижение цен и торговой накладки), сократившие доходы по торговле и кооперации в 1926/27 г., и значительный последующий рост их, определившийся для 1927/28 г.

То же движение к падению доли производных доходов мы наблюдаем и в падающей вообще доле доходов буржуазии. С 65,6% в 1925/26 г. она падает до 57,8% для будущего года. Это свидетельствует о том, что торговая часть доходов, которая преобладает в доходах буржуазии, еще более резко свертывается, чем другие источники доходов. К сожалению, мы не в состоянии учесть полностью нелегальных форм и источников применения свободного денежного капитала буржуазии. Эти источники доходов, если бы они были учтены, несомненно на много умерили бы темп падения этой доли доходов, однако, нет оснований полагать, что они в состоянии были бы видоизменить на сколько-нибудь продолжительное время самое направление движения. Исключение составляет повышение доли производных доходов буржуазии в истекшем году (с 60,6% до 62,1%). Хотя эти расчеты не могут претендовать на большую точность, тем не менее основания для иной тенденции движения можно найти в конъюнктуре истекшего года, в условиях которой могли быть использованы возможности накопления и неподдающиеся прямому учету — сюда относятся всякого рода доходы спекулятивного характера.

Переходя к анализу движения других категорий населения, мы можем констатировать аналогичную тенденцию снижения доли производных доходов в составе трудовой группы — с 48,4% в 1925/26 г.

Народный доход СССР с 1925/26 по 1929/30¹
(в млн. рубл. в ценах соответствующего года)

Приложение 1

Отрасли народного хозяйства	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г. ²	В % к предыдущему году				Структура народного дохода в % к итогу				
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Земледелие	8.789	8.857	9.873	11.888	11.308	100,8	111,5	120,4	95,1	41,4	38,6	38,9	39,6	33,3
Лесное хозяйство	1.415	1.497	1.460	1.506	1.612	105,8	97,5	103,2	107,0	6,7	6,5	5,8	5,0	4,7
Рыболовство и охота	289	349	370	399	451	120,8	106,0	107,8	113,0	1,4	1,5	1,5	1,3	1,3
Вся промышлен. с акцизом	5.843	7.028	8.018	9.539	12.052	120,3	114,1	119,0	126,3	27,5	30,7	31,6	31,8	35,5
в т. ч. крупн. (цензовая)	3.959	4.571	5.252	6.428	8.307	115,5	114,9	122,4	129,2	18,6	19,9	20,7	21,4	24,5
мелкая	1.114	1.350	1.401	1.486	1.592	121,2	103,8	106,1	107,1	5,3	5,9	5,5	5,0	4,7
Акциз	770	1.107	1.365	1.625	2.153	143,8	123,3	119,0	132,5	3,6	4,9	5,4	5,4	6,3
Строительство	1.142	1.407	1.624	1.930	2.916	123,9	115,4	118,8	151,1	5,4	6,1	6,4	6,5	8,6
в т. ч. а) сельское	524	561	567	588	594	107,1	101,1	103,7	101,0	2,5	2,4	2,2	2,0	1,7
б) не сельское	618	846	1.057	1.342	2.322	136,9	124,9	127,0	173,0	2,9	3,7	4,2	4,5	6,9
Транспорт	749	949	1.144	1.377	1.758	126,7	120,5	120,4	127,7	3,5	4,1	4,5	4,6	5,2
в т. ч. железнодорожный	673	868	1.044	1.264	1.632	129,0	120,3	121,1	129,1	3,2	3,8	4,1	4,2	4,8
Народная связь	93	104	115	131	168	111,8	110,6	113,9	128,2	0,4	0,5	0,5	0,4	0,5
Торговля	2.910	2.746	2.738	3.239	3.698	94,4	99,7	118,3	114,2	13,7	12,0	10,8	10,8	10,9
Всего	21.230	22.937	25.342	30.009	33.953	108,0	110,5	118,4	113,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Подробная методика расчетов приводится в книге „Контрольные цифры народного хозяйства на 1929/30 г.“ (см. примечания к таблицам о народном доходе). Все расчеты произведены в группе бал. народн. дохода в составе: В. И. Каца, М. М. Перснца и С. Л. Иковой.

² С учетом поправок, внесенных СНК в к. ц. на 1929/30 г.

³ Внесены также поправки и в другие статьи, в частности в сельское строительство и др. вследствие выявившихся новых данных. Этим объясняется то, что темпы, приводимые в этой таблице, отличаются несколько от темпов, которые были положены в основу расчетов таблиц 1 и 2 (см. гл. 2 нашей статьи в „Плановом Хозяйстве“, № 10).

Народный доход СССР¹

(в млн. руб. в неизменных ценах 1926/27 г.)

Отрасли народного хозяйства	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	В % к предшествующему году				Структура народного дохода (в % к итогу)				
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Земледелие	8.655	9.047	8.949	9.052	9.304	104,5	98,9	101,2	102,8	41,3	39,1	35,8	32,6	27,9
Лесное хозяйство	1.415	1.497	1.555	1.735	1.938	105,8	103,9	111,6	111,6	6,8	6,5	6,2	6,2	5,8
Рыболовство и охота	324	349	376	398	454	107,7	107,7	105,9	114,1	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4
Вся промышленность с акцизом	5.579	7.028	8.337	9.791	12.329	126,0	118,6	117,4	125,9	26,6	30,4	33,4	35,3	37,0
в т. ч. крупн. (цензовая)	3.753	4.571	5.554	6.865	9.168	121,8	121,5	123,6	133,5	17,9	19,8	22,2	24,7	27,5
мелкая	1.086	1.350	1.464	1.543	1.687	124,3	108,4	105,4	109,3	5,2	5,8	5,9	5,6	5,1
Акциз	740	1.107	1.319	1.383	1.474	149,6	119,2	104,9	106,6	3,5	4,8	5,3	5,0	4,4
Строительство	1.186	1.407	1.719	2.139	3.520	118,6	122,2	124,4	164,6	5,7	6,1	6,9	7,7	10,6
в т. ч. а) сельское	598	561	575	597	600	93,8	102,5	103,8	100,5	2,9	2,4	2,3	2,1	1,8
б) несельское	588	846	1.144	1.542	2.920	143,9	135,2	134,8	189,4	2,8	3,7	4,6	5,5	8,8
Транспорт	849	949	1.096	1.313	1.624	111,8	115,5	119,8	123,7	4,1	4,1	4,4	4,7	4,8
В т. ч. железнодорожный	764	858	1.000	1.205	1.508	113,6	115,2	120,5	125,1	3,6	3,8	4,0	4,3	4,5
Народная связь	93	104	115	131	168	110,8	110,6	113,9	128,2	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5
Торговля	2.845	2.746	2.825	3.241	3.994	96,5	102,9	114,9	123,2	13,6	11,9	11,3	11,7	12,0
Всего	20.947	23.127	24.972	27.800	33.331	110,4	108,0	111,3	119,9	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Настоящий расчет несколько отличается от опубликованного в к. ц. народного хозяйства на 1929/30 г., вследствие того, что перевод в неизменные цены произведен другим методом: вычетом из валовой продукции в неизменных ценах производственного потребления дифференцировано по основным его элементам, а не путем придания непосредственно чистой продукции в ценах 1926/27 г. темпов валовой продукции по неизменным ценам.

Социальная структура народного дохода
(Удельные веса секторов по

Отрасли народного хозяйства	1925/26				1926/27			
	Госуд.	Коопер.	Весь об- общ. сектор	Частн.	Госуд.	Коопер.	Весь об- общ. сектор	Частн.
Земледелие	1,1	0,8	1,9	98,1	1,0	0,7	1,7	98,3
Лесное хозяйство	94,8	—	94,8	5,2	94,7	—	94,7	5,3
Рыболовство и охота	42,0	20,8	62,8	37,2	40,3	30,7	71,0	29,0
Промышлен. ценз.	93,0	4,4	97,4	2,6	94,0	4,0	98,0	2,0
То же, включая акциз	92,8	4,3	97,1	2,9	93,8	4,3	98,1	1,9
Промышлен. мелкая	4,3	11,5	15,8	84,2	3,4	12,0	15,4	84,6
Вся промышлен. с акцизом	75,9	5,8	81,7	18,3	76,5	5,7	82,2	17,8
Строительство	45,4	3,0	48,4	51,6	49,5	5,4	54,9	45,1
а) сельское	2,7	0,2	2,9	97,1	4,2	0,2	4,4	95,6
б) не сельское	81,7	5,3	87,0	13,0	79,9	9,0	88,9	11,1
Транспорт	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
В т. ч. жел.-дор.	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
Народная связь	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
Торговля	23,8	38,3	62,1	37,9	22,2	45,9	68,1	31,9
В с е г о	37,9	7,6	45,5	54,5	40,9	8,3	49,2	50,8

Примечание. Подробная методика расчетов приводится в книге „Контроль дохода“.

Социальная структура
(Удельные веса секторов по

Отрасли народного хозяйства	1925/26				1926/27			
	Госуд.	Коопер.	Итого обобщ.	Частн.	Госуд.	Коопер.	Итого обобщ.	Частн.
Земледелие	1,1	0,8	1,9	98,1	1,0	0,7	1,7	98,3
Лесное хозяйство	94,8	—	94,8	5,2	94,7	—	94,7	5,3
Рыболовство и охота	42,6	22,2	64,8	35,2	40,4	30,7	71,1	29,0
Промышлен. ценз.	93,0	4,4	97,4	2,6	94,0	4,1	98,1	1,9
„ „ мелкая	4,3	11,4	15,7	84,3	3,4	12,0	15,4	84,6
Акциз	91,5	4,9	96,4	3,6	93,4	5,1	98,5	1,5
Вся промышлен. с акцизом	75,6	5,8	81,4	18,6	76,5	15,8	92,3	17,7
Строительство	41,8	2,8	44,6	55,4	49,7	5,5	55,2	44,8
а) сельское	2,7	0,2	2,9	97,1	4,2	0,2	4,4	95,6
б) не сельское	81,6	5,4	87,0	13,0	79,9	9,0	88,9	11,1
Транспорт	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
В т. ч. жел.-дор.	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
Народная связь	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
Торговля	23,8	38,3	62,1	37,9	22,2	45,9	68,1	31,9
В с е г о	37,7	7,6	45,3	54,7	40,6	8,3	48,9	51,1

Примечание. Удельный вес секторов по неизменным ценам отличается от другим методом перевода в неизменные цены (см. примеч. к прилож. 2).

Приложение 3

СССР с 1925/26 по 1929/30 гг.
ценам соответств. лет)

1927/28				1928/29				1929/30			
Госуд.	Коопер.	Весь об- общ. сектор	Частн.	Госуд.	Коопер.	Весь об- общ. сектор	Частн.	Госуд.	Коопер.	Весь об- общ. сектор	Частн.
1,3	0,5	1,8	98,2	1,2	0,8	2,0	98,0	1,5	2,9	4,4	95,6
94,7	—	94,7	5,3	94,8	—	94,8	5,2	94,8	—	94,8	5,2
29,7	30,8	60,5	39,5	38,8	30,6	69,4	30,6	60,5	28,0	88,5	11,5
91,9	6,9	98,8	1,2	91,8	7,4	99,2	0,8	91,5	7,9	99,4	0,6
92,2	6,5	97,7	1,3	92,1	6,9	99,0	1,0	91,9	7,3	99,2	0,8
4,5	21,4	25,9	74,1	5,8	28,1	33,9	66,1	5,6	34,9	40,5	59,5
76,9	9,1	86,0	14,0	78,7	10,2	88,9	11,1	80,5	11,0	91,5	8,5
55,5	5,6	61,1	38,9	59,7	4,9	64,6	35,4	72,5	7,9	80,4	19,6
4,7	0,7	5,4	94,6	5,8	2,0	7,8	92,2	17,0	6,1	23,1	76,9
82,8	8,1	90,9	9,1	83,3	9,0	92,3	7,7	86,7	8,3	95,0	5,0
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
21,6	57,6	79,2	20,8	21,3	63,5	84,8	15,2	20,2	67,6	87,8	12,2
41,6	10,1	51,7	48,3	42,0	11,3	53,3	46,7	48,5	13,2	61,7	38,3

ные цифры народного хозяйства на 1929/30 г.“ (см. примечания к таблицам о народном

народного дохода
неизменным ценам 1926/27 г.)

Приложение 4

1927/28				1928/29				1929/30			
Госуд.	Коопер.	Итого обобщ.	Частн.	Госуд.	Коопер.	Итого обобщ.	Частн.	Госуд.	Коопер.	Итого обобщ.	Частн.
1,4	0,6	2,0	98,0	1,3	0,8	2,1	97,9	1,5	2,8	4,3	95,7
94,7	—	94,7	5,3	94,8	—	94,8	5,2	94,5	—	94,5	5,5
29,8	31,6	61,4	38,6	38,4	32,3	70,7	29,3	59,5	29,1	88,6	11,4
91,9	6,9	98,8	1,2	91,8	7,4	99,2	0,8	91,5	7,9	99,4	0,6
4,5	21,4	25,9	74,1	5,8	28,1	33,9	66,1	5,6	34,9	40,5	59,5
93,4	5,1	98,5	1,5	93,4	5,1	98,5	1,5	93,4	5,1	98,5	1,5
76,8	9,2	86,0	14,0	78,5	10,3	88,8	11,2	80,0	11,3	91,3	8,7
56,7	5,5	62,2	37,8	61,8	7,1	68,9	31,1	74,9	8,2	83,1	16,9
4,9	0,3	5,2	94,8	6,1	2,1	8,2	91,8	17,3	6,1	23,4	76,6
82,7	8,2	90,9	9,1	83,4	9,1	92,5	7,5	86,7	8,6	95,3	4,7
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—	100,0	—
21,6	57,6	79,2	20,8	21,3	63,5	84,8	15,2	20,2	67,6	97,8	12,2
43,7	10,6	54,3	45,7	47,0	12,3	59,3	40,7	52,0	14,3	66,3	33,7

несколько от соответствующих данных в „к. ц. народн. хоз. на 1929/30 г.“. Объясняется

Народный доход СССР и его структура по пятилетке и по контрольным цифрам на 1929/30 г.¹
(в млн. руб. по ценам соответствующего года)

Отрасли народного хозяйства	Абсолютные величины в млн. руб.					В % к предш. году					Структура в % к итогу				
	1927/28 г. по пятилетке	1928/29 г.		1929 30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1929/30 г. по к. ц. в % к 1927/28 г.	По пятилетке			Выполн. по пред. отч. д.	По контр. цифр. (в сопост. дан.)
		По пятилетке	Выполн. (по пред. отч. данным)	По пятилетке	По к.ц. (в сопостав. величинах)	По пятилетке	Выполнение	По пятилетке	По к.ц. (в сопост. данных)		1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Земледелие	9.466	10.218	11.397	11.119	10.839	107,9	120,4	108,8	95,1	114,5	38,4	37,0	36,0	39,0	32,7
Лесное хозяйство	1.459	1.565	1.506	1.669	1.611	107,3	103,2	106,6	107,0	110,4	5,9	5,7	5,4	5,1	4,9
Рыболовство и охота	360	377	388	427	439	104,7	107,8	113,3	113,0	121,9	1,5	1,4	1,4	1,3	1,3
Крупная промышленность	5.214	6.068	6.382	7.037	8.246	116,4	122,4	116,0	129,2	158,2	21,1	22,2	22,8	21,8	24,9
Мелкая	1.235	1.336	1.310	1.432	1.403	108,2	106,1	107,2	107,1	113,6	5,0	4,9	4,6	4,5	4,2
Акциз	1.360	1.595	1.618	1.783	2.144	117,3	119,0	111,8	132,5	157,6	5,5	5,8	5,8	5,5	6,5
Строительство	1.588	1.872	1.887	2.444	2.846	117,9	118,8	130,6	151,1	179,2	6,4	6,8	7,9	6,5	8,6
а) сельское	560	568	581	630	587	101,4	103,7	110,9	101,0	104,8	2,1	1,9	1,7	2,0	1,8
б) несельское	1.028	1.304	1.306	1.814	2.259	126,2	127,0	139,1	173,0	219,7	4,3	4,9	6,2	4,5	6,8
Транспорт	1.143	1.288	1.376	1.459	1.757	112,7	120,4	113,3	127,7	153,7	4,6	4,7	4,7	4,7	5,3
В том числе жел.-дор.	1.061	1.195	1.285	1.353	1.659	112,6	121,1	113,2	129,1	156,4	4,3	4,4	4,4	4,4	5,0
Народная связь	118	126	134	131	172	106,8	113,9	104,0	128,2	145,8	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5
Торговля	2.738	3.024	3.239	3.383	3.699	110,4	118,3	111,9	114,2	135,1	11,1	11,0	11,0	11,1	11,1
В с е г о	24.681	27.469	29.237	30.884	33.156	111,3	118,5	112,4	113,4	134,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Настоящая таблица печатается в дополнение к таблицам (№№ 1 — 2), помещенным в первой части нашей статьи — „Плановое Хозяйство“ № 10—1929 г. В этой таблице учтены поправки Совнаркома к контрольным цифрам на 1929/30 г., а также все последние уточнения за 1928/29 г., которые были внесены уже после одубликования первой части статьи.

Народный доход СССР и его структура по пятилетке и контрольным цифрам на 1929/30 год ¹
(в млн. руб. по неизменным ценам 1926/27 г.).

Отрасли народного хозяйства	Абсолютные итоги в млн. руб.					В процентах к предш. году				1929/30 г. (по контр. цифрам) в 0/0 к 1927/28 г.	Структура в 0/0 к итогу				
	1927/28 г. по пятилетке	1927/28 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			Пятилетка			Выполнение по предварит. отчетным данным 1928/29 г.	1929/30 г. по контр. цифр. (в сопоставимых данных).
		Пятилетка	Выполнение (по предв. отчетным данным)	Пятилетка	По контр. ц. (в сопост. величинах)	Пятилетка	Выполн. (по предв. отчетным данным)	Пятилетка	По контр. ц. (в сопост. величинах)		1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Земледелие	8.868	9.078	8.974	9.970	9.225	102,4	101,2	109,8	102,8	104,0	36,3	33,6	31,9	33,6	28,4
Лесное хозяйство	1.562	1.719	1.743	1.865	1.945	110,1	111,6	108,5	111,6	124,5	6,4	6,3	6,0	6,4	6,0
Рыболовство и охота	353	371	374	416	427	105,1	105,9	112,1	114,1	121,0	1,5	1,4	1,3	1,4	1,3
Крупная промышленность	5.349	6.377	6.611	7.766	8.826	119,2	123,6	121,8	133,5	165,0	21,9	23,6	24,8	24,3	27,2
Мелкая "	1.233	1.334	1.300	1.471	1.421	108,2	105,4	110,3	109,3	105,4	5,1	4,9	4,7	4,8	4,4
Акция	1.396	1.655	1.464	1.915	1.561	118,6	104,9	115,7	106,6	111,8	5,7	6,1	6,1	5,4	4,8
Строительство	1.667	2.102	2.062	2.897	3.354	126,1	123,7	137,8	162,7	201,2	6,8	7,8	9,2	7,6	10,3
а) сельское	597	656	620	729	623	109,9	103,8	111,1	100,5	104,4	2,3	2,2	1,9	2,3	1,9
б) несельское ²	1.070	1.446	1.442	2.168	2.731	135,1	134,8	149,9	189,4	255,2	4,5	5,6	7,3	5,3	8,4
Транспорт	1.057	1.162	1.266	1.267	1.565	109,9	119,8	109,0	123,7	148,1	4,3	4,3	4,1	4,7	4,8
В том числе жел.-дор.	982	1.080	1.183	1.176	1.480	110,0	120,5	108,9	125,1	150,7	4,0	4,0	3,8	4,4	4,6
Народная связь	119	125	136	127	174	105,0	113,9	101,6	128,2	146,2	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5
Торговая выручка	2.825	3.108	3.240	3.595	3.999	110,0	114,7	115,7	123,2	141,6	11,5	11,5	11,5	11,9	12,3
Всего	24.429	27.031	27.170	31.289	32.497	110,7	111,2	115,8	119,6	133,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ См. примечание к приложению 5.

² В состав несельского строительства только в целях сопоставимости с пятилеткой включены также сооружения по мелиорации, ирригации и сельской электрификации.

до 32,7% для будущего года. Это означает перегруппировку в деятельности отдельных элементов этой группы — падают доходы лиц свободных профессий (в силу их численного сокращения), падает абсолютно (начиная с 1927/28 г.) масса доходов мелких торговцев, что при общем росте доходов группы означает рост доходов на расширяющейся иной производственной основе, что должно быть расцениваемо, как тенденция положительного характера.

Продолжается в целом также снижение доли производных доходов служащих. Это говорит о том, что в составе служащих неизменно усиливаются элементы переходящие в сферу производительного труда, переходящие из учреждения на производство.

Если, таким образом, по доходам всего несел.-хоз. населения мы видим, что доминирует тенденция к снижению, то иное мы наблюдаем в движении производных доходов сел.-хоз. населения. Как было отмечено уже и в прошлом году, мы имели здесь противоположную тенденцию — тенденцию к возрастанию доли производных доходов в составе сельского населения и сел.-хоз. пролетариата и крестьян.

Что касается сел.-хоз. пролетариата, то это явление связано со всей нашей преобразовательной деятельностью в современной деревне. Развитие обобществленного крупного сельского хозяйства не может не сопровождаться вообще ростом категории служащих в сельском хозяйстве, при чем особенно интенсивно могут расти на первых этапах этого движения те категории служащих, которые непосредственно не связаны с самим сел.-хоз. процессом производства (в противном случае они подлежали бы занесению в категории производительного труда), а формируют лишь его регулирующий и планирующий аппарат. Нам представляется, что в динамике производных доходов в составе сел.-хоз. пролетариата отражается именно этот первоначальный этап развития. Таким образом, в дальнейшем возможно здесь возникнет иная тенденция. Симптоматично в этом отношении то, что уже для 1929/30 г. расчеты показывают снижение доли производных доходов с 26,8% до 26,3%. И это в обстановке дальнейшего развертывания совхозного и колхозного строительства.

Подойти к исчислению производных доходов крестьян мы на практике не смогли иначе, как применив косвенный прием учета.

Мы исходили при этом из той предпосылки, что доходы производные крестьян следует искать не в той части совокупного дохода их, источником которого является доход от земледелия, а от другой, — образующейся из разнообразных неземледельческих доходов. Поскольку важнейшим элементом последних являются заработки от работы их на фабриках, заводах, предприятиях и учреждениях, мы расчленили эту общую сумму по соотношению основных и производных доходов в доходах всего пролетариата.

Исчисленная таким образом доля производных доходов, будучи несколько неточной по своему абсолютному уровню, но весьма по-

казательной в смысле динамики, обнаруживает в общем и целом рост с 3,4% в 1925/26 г. до 4,3% для 1929/30 г. Эта динамика, показывающая нарастание производных доходов у крестьян по мере индустриализации страны, нам представляется вполне правильно отражающей те сдвиги, которые в структуре крестьянских доходов должны обнаруживаться.

Исключение из общего повышательного движения составляет 1928/29 г., он показывает стабильность.

Если мы вспомним, что этот год обнаруживает отставание сел.-хоз. производства от плана и повышательную тенденцию в области цен, особенно обострившуюся в истекшем году для продовольственных хлебов, то это явление станет понятным. Рост цен повышает удельный вес той части дохода крестьян, источником которого является земледелие и поэтому, несмотря на абсолютный рост производных доходов, идущий на базе индустриализации страны, удельный вес их в общей сумме крестьянского дохода не повышается за эти годы. Но это как раз и говорит о преходящем характере этой тенденции. Симптомом в этом отношении может служить то, что уже для 1929/30 г. мы можем ожидать дальнейшего роста производных доходов с 3,9% до 4,3%.

Итак, общая динамика производных доходов складывается из противоположных тенденций движения в несел.-хоз. и сельском секторе доходов. Оно отражает в противоречивой форме движение производных доходов в своеобразной обстановке переходного периода, когда процесс индустриализации и обобществления порождает одновременно и тенденцию сокращения, и тенденцию роста различных категорий непроизводительного труда.

На данном этапе преобладающей тенденцией является снижение общего уровня производных доходов, что несомненно расширяет материальную базу для еще более интенсивного развития на следующем этапе — тех именно категорий непроизводительного труда, которые будут способствовать не только закреплению уже достигнутых успехов в области социалистического строительства, но облегчать и ускорять окончательную победу социализма в нашей стране.

А. Авербух и А. Брюханов

Цены и условия реализации сельскохозяйственной продукции в 1928/29 г.¹

Ценностные условия реализации технических культур

В 1928/29 г. произошло дальнейшее значительное расширение площадей технических культур (лен $+14\%$, хлопок $+13\%$), за исключением свеклы площадь которой, оказалась почти стабильной против 1927/28 г.

Вместе с тем в отношении цен на эти культуры 1928/29 г. не принес существенных сдвигов. Цены технических культур в общем остались стабильными за исключением льна, на который цены были повышены, в соответствии с планом, на $+22\%$.

При 100% охвате плановым сектором рынков этих культур влияние частного рынка на их производство сказывается не непосредственно, но косвенно: через посредство цен на хлеб и конкурирующие с техническими культурами полеводственные продукты. При происшедшем в условиях истекшего года увеличении размеров частного хлебного рынка, сильное повышение частных цен на хлеба и картофель различно воздействовало на рынки отдельных технических культур.

Плановое повышение цен на лен, произведенное в истекшем году, было проведено в соответствии с повышением цен на хлеб и предполагало обеспечить эквиваленты льна в хлебе на несколько повышенном против 1927/28 г. уровне и повысить доходность льноводства. Фактически, в силу высоких цен на хлеб на базарах потребляющей полосы, эквиваленты льна в хлебе оказались значительно более неблагоприятными, чем во все предыдущие годы. Нижеследующая таблица дает представление о соотношениях цен льна и цен ржи в истекшем году по сравнению с предыдущим годом (см. стр. 85).

В то время как в предыдущие годы ухудшение ценностных соотношений льна и хлебов было одной из причин неблагоприятных сдвигов в области производства льна, в итоге истекшего года, несмотря на имевшее место столь резкое ухудшение этих соотношений, мы имели значительный рост площадей льна. Эти результаты были связаны с усилившимся в этом году применением в льнозаготовках системы планового снабжения льноводческих хозяйств хлебом

по твердым ценам и усилением системы контрактации льна. Это обособило рынок льна от влияния высоких базарных цен на хлеб и поставило льноводческие хозяйства в значительно более благоприятные условия по сравнению с другими крестьянскими хозяйствами, покупающими хлеб.

Эквиваленты льна по ржи

	1927/28 г.	1928/29 г.
Тверская губ.		
Цена 1 центнера льна (в коп.) . . .	4720	5810
Цена 1 центнера ржи (в коп.) . . .	900	3500
Отнош. цены ржи к цене льна = 100	19	61
Смоленская губ.		
Цена 1 центнера льна (в коп.) . . .	4240	5210
Цена 1 центнера ржи (в коп.) . . .	1120	2680
Отнош. цены ржи к цене льна = 100	26	51

Однако, если в отношении льна влияние высоких цен частного рынка на хлеба было парализовано системой плановых мероприятий, этот вольный рынок с его высокими ценами неблагоприятно сказался на другой технической культуре — свекле. В связи с высоким уровнем реализационных — цена хлебов и картофеля, доходность свеклы относительно этих культур значительно понизилась.

Эквиваленты свеклы в ржи и пшенице (по базарным ценам)

	1927/28 г.	1928/29 г.
ЦЧО		
Цена 1 центнера свеклы (в коп.)	125	125
Цена 1 центнера ржи (в коп.)	550	1.660
Отнош. цены ржи к цене свеклы = 1	4,4	13,3
УССР		
Цена 1 центнера свеклы (в коп.)	121	121
Цена 1 центнера пшеницы (в коп.)	790	1.980
Отнош. цены пшеницы к цене свеклы = 1	6,5	16,4

Превышение цены хлеба над ценами свеклы в 1928/29 г. в 2, 5—3 раза больше, чем в предыдущем 1927/28 г., даже при условии существующей системы контрактации, понижает стимул к дальнейшему производству свеклы, отвлекая труд и ресурсы свеклосеющих хозяйств на производство хлебных культур и картофеля.

Общий уровень заготовительных цен и „ножницы“

В итоге проанализированных сдвигов в ценах сел.-хоз. продуктов и роли социальных секторов на сел.-хоз. рынках, в истекшем году уровень общих реализационных цен крестьянства по всей товарной

¹ Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 10, 1929 г.

массе, отчуждаемой на внедеревенский рынок, по исчисляемому Госпланом общеторговому индексу заготовительных цен, изменился следующим образом.

Общеторговый индекс заготовительных цен с довоенной базой = 100¹

	1927/28 г.	1928/29 г.		% к предыд. году	
		5 летний план	Отчетн. данные	5 летний план	Отчетн. данные
Все сельское хозяйство	156,4	165,0	183,3	105,5	117,0
Зерновые	134,6	156,8	190,4	116,5	141,5
Технические	139,8	144,6	146,0	103,4	104,4
Животн. прод.	178,7	181,7	199,7	101,7	111,8
Животн. сырье	193,6	192,2	189,9	99,3	98,1
Животноводство	181,8	183,4	197,6	100,9	108,7

Общеторговый индекс заготовительных цен превысил плановые предположения на значительную величину 17% против 5,5% по плану. Индекс же плановых заготовительных цен, хотя также превысил плановые предположения, но на значительно меньшую величину (11% против 7% по плану).

Таким образом, плановый сектор, в условиях истекшего года, в обстановке резкого повышения цен на сел.-хоз. продукты, явился сдерживающим началом для всех стадий ценообразования в народном хозяйстве.

Благодаря такому повышению уровня сел.-хоз. заготовительных цен в отношениях обмена между городом и деревней произошли сдвиги, в результате которых в истекшем 1928/29 г. произошло сближение „генеральных ножниц“.

В основном сжатие ножниц происходило за счет цен сел.-хоз. товаров, ибо повышение розничных цен на промышленные товары, которое имело место в 1928/29 г., значительно уступало в своем темпе (2,0%). Вследствие этого соотношение между общеторговым индексом промышленных розничных цен и плановым заготовительным индексом сел.-хоз. цен составило в 1928/29 г. 123,6% вместо 140,0 в 1927/28 г., т.е. сблизились на 7,9%. Значительно большее сближение „ножниц“ произошло по общеторговому сел.-хоз. индексу: против 126,6 в 1927/28 г. до 109,9 в 1928/29 г., в то время как по плану предполагалось, что раствор этот будет равняться 115,7%. Если учесть, что по пятилетнему плану проектировалось сжатие раствора „ножниц“ на конец пятилетия до 106,7%, следует признать, что в отношении реализации установок пятилетнего плана на сближение ножниц в истекшем 1928/29 г. были сделаны большие шаги.

¹ Методологию исчисления индекса смотри в приложении к нашей статье „Условия ценообразования зерновых хлебов по районам СССР“ журнал „Плановое Хозяйство“ № 8 за 1929 г.

Это обусловило значительную перекачку средств из города в деревню, которая, как будет нами показано ниже, произошла в размерах, далеко превосходящих плановые предположения. Если учесть, что средства эти поступали из города преимущественно через механизм ценообразования частного рынка, представителями которого в деревни являлась в значительной мере верхушечная часть ее, то средства эти в большой степени аккумулировались из этих слоев крестьянского населения.

Так как в основном эта перекачка средств произошла через рынок зерновых хлебов, поскольку повышение цен на этом рынке имело место в наибольшей степени, то интересным представляется проследить, как сложились в истекшем году соотношения цен на промтовары и зерновые хлеба отдельно по обобществленному и частному секторам.

Имеющиеся в нашем распоряжении районные розничные индексы ЦСУ на промтовары по секторам торговли дают возможность проследить, как конкретно складывались соотношения по розничным индексам цен промтоваров и индексам заготовительных цен планового и частного секторов.

Отношение индексов розничных цен промтоваров к индексам заготовительных цен хлебов = 100

Р а й о н ы	Обобществленный сектор				Частный сектор			
	Индексы цен хлебов		Отношение индексов цен промтоваров к индексам зерновых		Индексы цен хлебов		Отношение индексов цен промтоваров к индексам зерновых	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1927/28 г.	1928/29 г.
УССР	131	153	152	131	146	349	139	72
Сев. Кавказ	124	160	148	114	160	369	136	63
ЦЧО	126	153	159	131	158	397	141	63
Нижне-Волжский	137	160	146	125	174	239	128	105
Средне-Волжский	137	161	146	124	192	265	116	95
Башкирия	141	168	142	119	195	281	114	89
Урал	118	149	169	134	156	278	143	90
Сибирь	118	146	157	127	157	219	129	101

Как видно из этой таблицы, в истекшем году при значительном сближении „ножниц“ в обобществленном секторе, в частном секторе сложились „обратные ножницы“. Эти „ножницы“, делая более выгодным для товаропроизводителя сбыт хлеба на частном рынке, сыграли свою роль в хлебозаготовках и, способствуя оформлению обособленного частного рынка, обусловили экономическую и политическую смычку частного-торгового капитала города с кулацкой верхушкой деревни.

Роль цен в распределении народного дохода

Ценностные сдвиги и соотношения, происшедшие в рыночном обороте между городом и деревней в процессе реализации и приобретения сел.-хоз. продуктов, повлекли за собой существенные изменения в распределении народного дохода. Конечно, распределение народного дохода происходит у нас, в СССР, далеко не через один только механизм цен. Более того, с каждым годом стихийная роль этой формы распределения все больше и больше ограничивается. Однако, роль рыночного распределения народного дохода через цены еще настолько велика, что, не вдаваясь в специальный теоретический экскурс по этому вопросу (он требует специального рассмотрения), мы считаем необходимым остановиться на практических результатах влияния цен на народный доход и его распределение.

Деревня получила через механизм ценсообразования значительно больше денежных средств, чем это предусматривалось планом, учитывая повышение сел.-хоз. цен на основе постановления июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП (б) по этому вопросу. Дополнительные денежные средства, поступившие в деревню, шли в основном из двух источников: от реализации и отчуждения сел.-хоз. продуктов, т.-е. от так называемых земледельческих заработков и от всевозможных так называемых неземледельческих доходов. Мы попытаемся проследить размеры, в которых притекали эти дополнительные средства в деревню по каналам реализации, отчуждения и приобретения сел.-хоз. продукции и промтоваров; этим самым мы стремимся, несколько ограничив рамки самой проблемы, выявив роль цены и ценностных соотношений в этом процессе. Особо важно в данной связи проследить не столько общие размеры превышения поступлений деревни над планом, сколько другой момент, а именно: принимая во внимание сложный переплет взаимно перекрещивающихся потоков товаров, идущих как из города в деревню и обратно, так и обращающихся внутри деревни, требует специального рассмотрения вопрос о чистом приросте или сальдо выигрышей и проигрышей в этом перераспределении.

Из всей совокупности элементов, участвующих в сложном механизме распределения и перераспределения доходов сельского населения, статистически определимы лишь некоторые из них. В такого рода расчетах мы принуждены оперировать рядом величин, не отчетного характера, но так сказать конструктивного, т.-е. нами же сконструированных и исчисленных. Совершенно ясно, что гоняться за точностью цифр, при несовершенстве статистических материалов и уровне наших знаний в этом вопросе не приходится, ибо в погоне за скупуплезной точностью есть опасность потерять основную экономическо-политическую нить изучаемого явления. Основным условием понимания и осознания этого сложного явления представляется построение такой модели процесса распределения доходов, которая

учла бы возможно полнее основные части механизма этого явления и с достаточной адекватностью отразила бы самый процесс. Ведь совершенно ясно, что в основном проблема доходов есть проблема классов, ибо за товарами, приобретаемыми и отчуждаемыми по тем или иным ценам, стоят живые носители социально-классовых сил в СССР. Аксиомой является то, что мы имеем перед собою социально-дифференцированную деревню с обостренной классовой борьбой, принявшей особенно большие размеры в прошлом хозяйственном году.

1928/29 г. с его обостренной классовой борьбой в деревне, с тем саботажем со стороны кулаков и подкулачников плановых мероприятий государства, направленных на решительную реконструкцию сельского хозяйства, обязывает к величайшей осторожности и тщательности в построении схемы распределения народного дохода между городом и деревней, а внутри деревни между отдельными группами.

По каким же каналам и через какой рыночный обмен, протекающий в ценностной форме, могла происходить эта перекачка средств из сектора в сектор и от одной социальной формации к другой? В основном мы намечаем два потока таких рыночных отношений, по которым происходит обмен продуктами и товарами. Первый из них это — обмен продуктами между городом и деревней и второй — обмен продуктами внутри самой деревни между отдельными ее составляющими хозяйствами между отдельными ее группами.

По произведенным нами подсчетам, деревня в целом реализовала на так называемый внедеревенский рынок (по нашей классификации — на рынок первого вида) в 1928/29 г. сельскохозяйственной продукции на общую сумму 3.500 млн. руб.¹ С другой стороны, деревня приобрела на 4.450 млн. руб. продуктов городской промышленности. Кроме того, крестьянство помимо промышленных товаров приобретает еще продукты сел.-хоз. производства. В этом обмене принимают участие как маломощные группы крестьянства, докупающие продукты сельского хозяйства, произведенные в недостаточных размерах внутри своего хозяйства, так и зажиточные верхушечные слои деревни, покупающие их как в целях коммерческих, так и в целях дополнения ими своего хозяйства теми продуктами, которые этими группами не производятся. Этот вид приобретения (обратные закупки), обычно недостаточно учитываемый в подобных расчетах, определяется нами в сумме около 1.000 млн. руб.²

¹ В приложении к статье дается расчет доходов деревни от реализации сел.-хоз. продуктов. Так как в таблице учтены только 14 главнейших товаров, то общая сумма, называемая в тексте, больше, ибо здесь мы учли все отчуждение и второстепенных продуктов (птица — мясо; картофель, сено, овощи, фрукты).

² По расчетам А. Г. Михайловского, обратные покупки хлеба в 1928/29 г. составили 52 млн. центнеров, из них ржи и пшеницы было куплено 38,5 центнера. Мы считали, что роль обобщественного сектора в продажах по обратным покупкам равнялась 60% и частного 40%. В обобщественном секторе цены на муку и зерно

На внутридеревенском рынке (второй вид обмена) приобретение и реализация сел.-хоз. продуктов, происходящих между отдельными хозяйствами в деревне, определяется в сумме порядка в 1.250 млн. руб.³ В этой сумме мы не учитываем отчуждение живого скота, составляющее цифру порядка 1.200—1.300 млн. руб., так как цены на живой скот в истекшем году не испытали повышения, были в общем стабильны с некоторой тенденцией к понижению и, таким образом, на распределение дополнительных средств, полученных крестьянством или обращающихся в деревне, влияния не оказали. Мы не учитываем здесь еще того обмена, который происходит внутри деревни продуктами кустарной промышленности (цифра дополнительного дохода, порядка 8—10 млн. руб.), так как вследствие своих малых размеров, не изменяя общей картины, это усложнило бы расчет.

Учтя структуру и объем рынка и те сдвиги, как в ценностных отношениях, так и в социальных секторах, как в отчуждении, так и приобретении, мы получили следующие величины. Деревня в целом получила дополнительных средств от реализации сел.-хоз. продукции из города 500 млн. руб. (повышение цен $+14\%$), потеряла же на приобретении сел.-хоз. продуктов 180 млн. руб. и на промтоварах сумму порядка 100 млн. руб. (повышение цен на промтовары по крестьянскому набору приобретения составляет $+2,0\%$). На внутридеревенском рынке сумма дополнительных средств определилась в порядке 350 млн. руб.

Эта сумма была получена крестьянским населением не из доходов от реализации сел.-хоз. продукции на внедеревенском рынке, а из всей совокупности роста доходов от неземледельческих заработков как в городе, так и внутри деревни и составляет переплату против цен 1927/28 г., дефицитных по производству сел.-хоз. продуктов хозяйств (в первую очередь бедняцких и середняцких групп) закупленные ими внутри деревни сел.-хоз. продукты.

Таким образом, если вычислить общее сальдо, то деревня получила дополнительных средств (чистое сальдо) около 570 млн. руб.

в 1928/29 г. в общем остались стабильными на уровне 1927/28 г. Частные цены на муку, взвешенные по обратным покупкам, повысились в 1928/29 г. на 70% против 1927/28 г. Учтя абсолютные размеры обратных покупок, сдвиги в ценах и роль секторов, мы получили, что обратные покупки хлеба в 1928/29 г. выразились в сумме 860—900 млн. руб. Прямая оценка обратных покупок других сел.-хоз. продуктов (преимущественно мясо, затем картофель, сено, масло коровье) по ценам приобретения дала сумму 100—140 млн. руб. В итоге по нашим исчислениям общее повышение цен по обратным покупкам определилось в $+22\%$.

³ По исчислениям, произведенным в Госплане к пятилетнему плану, общий размер внутридеревенского оборота с обратными покупками для 1928/29 г., был определен в сумме 3.300 млн. руб. (см. „Пятилетний план народнохозяйственного развития СССР“ т. I. Сводная таблица стр. 132). Вычитая из этой цифры вышеопределенную нами сумму обратных покупок в размере 1.000 млн. руб. и внутриселенный оборот по скоту, мы получили, с поправкой на недоучет повышения цен, который имел место в подсчетах, произведенных при составлении пятилетнего плана, сумму в 1.250 млн. руб. внутридеревенского оборота (без скота).

Часть этих средств—около 150—170 млн. руб.—была предусмотрена в порядке того планового маневра по повышению цен на сел.-хоз. продукты, о котором говорилось выше. Остальная же часть была снята деревней, и как будет показано ниже, преимущественно ее верхушечной частью, в порядке стихийного роста цен, в порядке нарушения плана, в порядке срыва плановых заданий. Однако, такой суммарный расчет в условиях социально-дифференцированной деревни является недостаточным. 1928/29 г. с его обостренной классовой борьбой в деревне, с его резкими ценностными сдвигами по различным использованным и воздействовавшим на результаты обмена, обязывает, хотя бы в грубой форме, определить порядок величин полученных различными социальными группировками деревни. Здесь перед нами стоят величайшие статистические трудности. Статистика, вообще отстающая от быстро растущих потребностей действительности, на вопросы такого порядка, когда требуется дать социальный разрез явлению, ответа не дает, а в лучшем случае предоставляет возможность найти лишь опорные пункты. Для приблизительного и грубого ответа на интересующие нас вопросы перераспределения дополнительных средств, полученных деревней в результате рыночного обмена, мы использовали данные бюджетного обследования 1926/27 г., произведенного и разработанного ЦСУ СССР. Однако, было бы ошибкой те структурные отношения, которые получаются по бюджетам 1926/27 г. с его относительным рыночным равновесием, некритически переносить в условия истекшего 1928/29 г. Мы внесли в эти структурные соотношения все необходимые поправки, исходя из всей конъюнктуры 1928/29 г. и всего того, что нам известно из хода всего народно-хозяйственного процесса.

Определив социальную структуру деревни, социальную структуру приобретения отчуждения, мы экстраполировали полученные результаты на всю массу крестьянства.¹ Помятуя о всей условности и грубости такого метода, мы получили следующие показатели:

Группы	Общая сумма дополн. средств, получ. через рыноч. обмен с городом (в млн. руб.)	Общая сумма потерь на обрат. покупках сел.-хоз. продуктов в городе (в млн. руб.)	Общая сумма потерь на покупках продуктов гор. промышл. (в млн. руб.)	Общие потери на покупки (в млн. руб.)	Итого сальдо (полученных дополнительных средств).
I. Бедняцкое . .	55	— 60	— 18	— 78	— 23
II. Средняцкое . .	220	— 95	— 52	— 147	+ 77
III. Верхушечное	225	— 25	— 30	— 55	+ 170
	500	— 180	— 100	— 300	+ 243
					— 23

¹ Структура деревни принята—бедняцкие хозяйства 30,4; середняцкие—51,0 и верхушечная часть—18,6 от всех хозяйств деревни. В последнюю группу вклю-

Таким образом, из обмена между городом и деревней последняя получила в целом дополнительных средств 240 млн. руб., из них на долю верхушечной части деревни приходится сумма в 170 млн. руб. Бедняцкие же слои деревни в результате обмена вынуждены были из других источников, в основном из средств от продажи своей рабочей силы внутри и вне деревни, восполнить тот дефицит, который образовался у них в результате рыночных процессов приобретения и отчуждения.¹

Если в отношении распределения по группам дополнительно полученных средств деревней из обмена между городом и деревней, мы допустили целый ряд условностей и потому являющимся ориентировочным, то в отношении перераспределения 350 млн. руб. средств, обращавшихся внутри деревни, дело обстоит еще сложнее. Здесь мы можем только установить, что сумму эту в основном уплатили бедняцкие и отчасти середняцкие слои деревни. Не мешает в частности вспомнить, что на юге вследствие неурожая целый ряд середняцких хозяйств, ранее удовлетворявших свои потребности продукцией собственного производства, перешли в категорию хозяйств, покупающих хлеб.

В итоге мы приходим к выводу, что в результате сложного переплета товарного обращения, в результате сложного социального соотношения сил, верхушечная часть деревни получила через механизм ценообразования значительные денежные средства (сумма порядка 420 млн. руб.). Эта часть деревни перераспределила в свою пользу не только дополнительные средства полученные путем рыночного оборота из города, но и значительную часть средств, вырученных деревней и особенно ее бедняцкой частью от неземельческих заработков как в городе, так и внутри деревни. Средняцкие слои деревни, составляющие основной массив последней, на повышенных ценах, на механизме ценообразования также „подзаработали“, но сумму значительно меньшую (порядка 150 млн. руб.). И если часть этих дополнительных средств, вырученных середняцкой массой деревни, в основном была предусмотрена мероприятиями по подъему сельского хозяйства, то тот результат, который мы выявили и для бедняцких масс деревни с их значительными потерями, и для верхушечной части с их значительными выигрышами должен быть расценен как неблагоприятный итог процессов распределения народного дохода в 1928/29 г.

Члены как чисто кулацкие-предпринимательские группы (4—5%), так и верхушечные (выше средних) зажиточные слои массива деревни (14—15%). Мы считаем, что для подобного расчета, размеры верхушечной части деревни (18%) соответствуют той роли которую сыграли эти слои в условиях конъюнктуры истекшего года.

¹ Структуры отчуждения и приобретения взяты по всему отчуждению и приобретению, включая внутрикрестьянский оборот. Учитывая, что в отчуждении этот оборот без скота составляет 25—30% всего отчуждения, следует считать, что ошибка, допускаемая нами в этом случае, невелика.

Мы считаем свой анализ роли цены, как фактора перераспределения народного дохода, далеко не полным и не лишенным ряда методологических и статистических упрощений. Тема эта столь теоретически сложна, что требует самостоятельного углубленного анализа. Мы стремились лишь привлечь внимание к этому вопросу и для целей активного планирования процессов перераспределения наметить порядок величин.

Заключение

На основе тех явлений, которые имели место в 1928/29 г. и тех сдвигов, которые были отмечены выше в ценностных соотношениях сельского хозяйства, должны быть намечены основные выводы для предстоящего 1929/30 г.

Предстоящий 1929/30 г. является годом решающим для выполнения задач индустриализации страны, поставленных в пятилетнем плане развития народного хозяйства, а потому все условия, необходимые для реализации этого плана, должны быть подчинены этой основной генеральной установке. Этой же установке должны быть подчинены и ценностные отношения, в частности те ценностные отношения, которые должны сложиться в сельском хозяйстве.

Особое внимание должно быть уделено тем стихийным процессам ценообразования, которые имели место в 1928/29 г. на оформившемся обособленном частном рынке, ибо высокие цены частного рынка не только влекут за собой накопление денежного капитала в верхушечной части деревни и капиталистической части города, но только к нежелательному перераспределению народного дохода, но и к срыву основных установок на повышение реального уровня заработной платы индустриальных рабочих. Основной предпосылкой для устранения этого фактора — повышательной тенденции уровня цен в стране — является максимальное вытеснение частного капитала с заготовительного рынка, и в первую очередь с рынка продовольственных продуктов.

По мере планового охвата внедеревенского рынка сел.-хоз. продукции, обобществленный сектор подчиняет своему влиянию через политику цен механизм ценообразования.

На ряду с внедеревенским рынком сел.-хоз. продуктов имеется значительный по своему объему внутридеревенский, внутриселенный рынок, влияние на который является минимальным и где процессы ценообразования складываются преимущественно под воздействием стихийных факторов. Этот момент ограничивает в целом сферу влияния социалистического сектора на движение и соотношения сел.-хоз. цен и тем самым ограничивает роль плановых цен как рычага социалистического перераспределения доходов сельского населения.

Итоги 1928/29 г. привели к иному перераспределению народного дохода, чем это предполагалось по плану. Деревня получила

Доходы деревни от реализации сел.-хоз. продукции на внедеревенский рынок
в 1928/29 г.

НАИМЕНОВАНИЕ	Количество		Стоимость по ценам 1927/28 г.		Стоимость по плану на 1928/29 г.		Фактическая стоимость на 1928/29 г.		Должно было поступить +, или изъять — средств по плану (7—5)	Поступило +, или изъято — сверх плана (9—7)	Фактически всего поступило +, или изъято — средств деревни (9—5)
	Единицы измерения	Всего реализовано	Цена	Сумма (в тыс. руб.)	Цена	Сумма (в тыс. руб.)	Цена	Сумма (в тыс. руб.)			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Зерновые	декатонны	1.292.943	580	749.907	660	853.342	807	1.043.405	+103.435	+190 063	+293 498
2. Масличные	„	172 370	812	139.964	879	151.513	885	152 547	+ 11.549	+ 1.034	+ 12.583
3. Лен	„	17.500	4 180	73.150	5 100	89.250	5 100	89.250	+ 16.100	± 0	+ 16.100
4. Пенька	„	9 650	3 765	36.332	3 720	35.898	3 720	35.898	— 434	± 0	— 434
5. Хлопок	„	78.790	2 820	222.188	2 820	222.1 8	2 820	222.188	± 0	± 0	± 0
6. Свекла	„	935.850	122	114.174	122	114.174	122	114.174	± 0	± 0	± 0
7. Табак	„	2.803	8 700	24.386	8 700	24.386	9 435	26.446	± 0	+ 2.060	+ 2.060
8. Махорка	„	8.260	1 465	12.101	1 465	12.101	1 530	12.638	± 0	+ 537	+ 537
1—8 итого растениеводство . .	—	—	—	1.372.202	—	1.502.852	1 834	1.696.546	+ 130.650	+ 193.694	+ 324.344
9. Масло коровье	декатонны	18.750	14 970	280.688	16 018	300.338	18 934	355.013	+ 19.650	+ 54.675	+ 74.325
10. Яйца	тыс. штук	3.606 192	3 152	113.667	3 152	113.667	3 675	132.528	± 0	+ 18.861	+ 18 861
11. Мясо	декатонны	169.000	3 957	668.733	3 797	641.693	4 185	707.265	— 27.040	+ 65.572	+ 38.532
12. Кожии крупные	тыс. штук	15.450	1 035	159.908	1 035	159.908	1 030	159.135	± 0	— 773	— 773
13. Кожии мелкие	„	38.543	212	82.156	210	81.381	210	81.381	— 775	± 0	— 775
14. Шерсть	декатонны	7.186	12 493	89.775	12 296	88.359	11 930	85.729	— 1.416	— 2.630	— 4.046
9—14 итого животноводство . .	—	—	—	1.394.927	—	1.385.346	—	1.521.051	— 9.581	+ 135.705	+ 126.124
1—14 всего по сельскому хозяйству .	—	—	—	2.767.129	—	2.888.298	—	3.217.597	+ 121.169	+ 329.299	+ 450.468

Примечание: Цены продуктов: 1—8, 9, 11 и 14—в рублях за декатонну, 10—в копейках за тысячу штук; 12 и 13—в коп. за штуку.

больше денежных средств, чем это было предусмотрено планом, при чем эти средства аккумулировались в верхушечной части крестьянства. В основном это перераспределение осуществилось через механизм цен. Цены перераспределили в пользу верхушечной части не только доходы, полученные через механизм рыночного продуктообмена между городом и деревней, но и через механизм внутрикрестьянского оборота, захватили и принесенные в деревню, и полученные в деревне бедняцкими и середняцкими слоями значительные средства от неземледельческих заработков.

В условиях товарного обращения деньги следуют за товарами и, поэтому цена действуя, как фактор перераспределения, направляет деньги туда, откуда исходят товарные массы. В условиях истекшего года, когда в современной деревне значительная часть товарной продукции еще производилась и отчуждалась верхушечной частью деревни, то и дополнительные денежные средства, которые поступили в деревню через механизм цен, поступили к этим слоям крестьянства.

Неблагоприятный социально-классовый эффект, который принесли цены в распределении доходов, должен быть выправлен при помощи бюджетно-кредитного механизма, который следует значительно более гибко сочетать с динамикой и политикой цен.

Расширение посевов и производства бедняцкими и маломощными середняцкими хозяйствами в 1928/29 г. в основном было связано с их производственным техническим обслуживанием обобществленным сектором и в меньшей мере произошло за счет повышенных цен, поскольку являясь хозяйствами мало товарными, дефицитными, прикупающими хлеб, в условиях истекшего года они теряли на высоких ценах, которые экспроприировали значительную часть их доходов. Поэтому основной генеральный путь, принятый партией, к поднятию производственной мощности этих хозяйств лежит по линии их непосредственного кооперирования, объединения в колхозы и внедрения в самое производство, минуя рыночные отношения.

1928/29 г. вскрыл целый ряд специфических моментов в ценообразовании, выявив социально-классовое содержание цены. В этом смысле 1928/29 г. является интереснейшим объектом для дальнейшего исследования.

А. Кессель

Контрактация и коллективизация

I

Колхозное движение захватило в последние годы уже не только бедноту, но и широкие слои середнячества. Коллективизация стала подлинно массовым движением. Колхозы в массе своей, однако, и поныне еще имеют мелкие размеры, в среднем не превышающие 90 га.

Массовость с одной стороны и мелкие размеры колхозов — таковы два основных момента, характеризующие состояние колхозного строительства на данной стадии его развития. Колхозное движение получило огромный количественный размах. Центральная задача в настоящее время — улучшить его качественную сторону, укрупнить существующие колхозы и раскинуть сеть новых крупных коллективных хозяйств. Энергию роста коллективизация ныне черпает в массовом производственном кооперировании крестьянских хозяйств. Массовая коллективизация вырастает из производственного кооперирования.

В чем сущность производственного кооперирования и что нового оно внесло во взаимоотношения рабочего класса и крестьянства?

В первый период нэпа связь между городом и деревней основывалась на товарном обороте, на рыночных взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. Эта связь была стихийной, неорганизованной. Промышленность была слаба; государство же не было в состоянии оказывать достаточное регулирующее и плановое воздействие на сел.-хоз. производство.

Бурный рост промышленности в последние годы, явившийся результатом индустриализации, в корне изменил основы смычки города и деревни. Рыночная связь заменяется связью производственной. Рабочий класс, восстановивший и переустроивший на социалистических началах свою промышленную базу, вплотную подошел к гигантской задаче технического и социального переустройства сельского хозяйства. Прежняя стихийная смычка города и деревни заменилась организационным воздействием промышленности на сел.-хоз. производство. Стихийная связь уступила место плановому началу, охватывающему всю систему народного хозяйства во всех ее частях.

Это плановое, организующее воздействие на сельское хозяйство осуществляется в форме контракта, договора, заключаемого через сел.-хоз. кооперацию с основными массами крестьянства, на проведение определенного цикла агротехнических и организационно-хозяйственных мероприятий, имеющих целью коренное переустройство крестьянского хозяйства и плановую организацию сел.-хоз. сбыта. Смычка рабочего класса и крестьянства превращается в систему производственно-договорных связей с посевщиками, получающую свое оформление в контрактации посевов.

В наших условиях, т.-е. в условиях строящегося социалистического хозяйства непосредственной целью контрактации является не организация заготовок, а реорганизация самого производства. Обеспечение заготовок посредством организации производства, посредством коренного переустройства крестьянского хозяйства — таково новое содержание контрактации.

И поскольку мы направляем развитие сельского хозяйства по пути его обобществления, постольку целью контрактации должно явиться объединение распыленных мелких крестьянских хозяйств посредством их массового производственного кооперирования и последовательной коллективизации, организация сплошных массивов путем сведения воедино сотен и тысяч крестьянских наделов. Эти массовые производственные объединения носят вначале простейшую форму посевных товариществ, постепенно накапливающих элементы коллективизации и перерастающих в более высокие формы обобществленного хозяйства.

Практика последних трех посевных кампаний выявила гигантский рост этих простейших производственных объединений и массовую тягу к ним не только бедноты, но и середнячества. Мы приведем несколько цифр, показывающих рост зерновых товариществ, организованных системой хлебной кооперации:

	Зерновых т-в	Размер по- сев. площад- (в тыс. га)	Общее число хозяйств, орга- низованных в т-ва
На 1 октября 1928 г. насчитывалось . .	5.008	909	158.000
На 1 июня 1928 г. . .	18.582	точных свед. нет	799.700
На 1 октября 1929 г. . .	25 000	7.263	1.334.000

Число зерновых товариществ, как мы видим, за один лишь год увеличилось в 5 раз, охваченная ими посевная площадь — почти в 8 раз, а число вовлеченных в товарищества крестьянских хозяйств — больше, чем в 8 раз.

Эти массовые производственные объединения должны быть рассматриваемы как зародыши колхозов, как первая ступень, как подготовительная стадия в процессе создания подлинно-крупного коллективного сельского хозяйства. Посевные товарищества растут не только количественно, но и качественно. Они сплошь и рядом охватывают уже не отдельные группы посевщиков, а целые земельные общества, целые селения. Они становятся поселковыми объединениями. Растут паевые накопления средств и степень обобществления внутри товариществ. В деле коллективизации накапливаются огромные фонды, мобилизуемые широчайшими слоями крестьянства. Производственное кооперирование на основе контрактации,—главнейшая база массовой коллективизации и ее основные резервы, откуда пласт за пластом, слой за слоем будет наращиваться на колхозных массивах.

Важнейший момент производственной работы всех систем сел.-хоз. кооперации и хлебной кооперации, в особенности состоит ныне в перерастании массового производственного кооперирования в колхозное строительство, в превращении низового звена сел.-хоз. кооперации—поселкового посевного товарищества, вырастающего на основе контрактации, в полный колхоз, охватывающий все стороны хозяйства. Этот процесс перерастания кооперирования в коллективизацию нужно организовать, ему необходимо придать какие-то организационные формы.

Каковы же эти формы? В основу кладется тот же принцип договорной связи, т.-е. контрактации, как системы реорганизации хозяйства. Но содержание договора уже значительно видоизменяется. Связь на основе контрактации становится более сложной и глубокой.

Основным видом контрактации до сих пор являлась однолетняя, или, точнее, сезонная контрактация. Производственная связь с посевщиком устанавливалась на краткий хозяйственный период в пределах весенней или озимой сел.-хоз. кампании.

Этот вид контрактации создавал объединение, кооперирование крестьянских хозяйств в части их основной полевой отрасли. Но и эту свою роль годичная контрактация могла с успехом выполнить лишь при том условии, если она проводилась из года в год на одной и той же хозяйственной территории. Ибо уже первая, исходная задача контрактации—сведение разрозненных крестьянских наделов в массивы, внедрение в них многопольного севооборота, чистосортных посевов и проч.—осуществима лишь в результате длительного, непрерывного в течение ряда лет организационного воздействия.

Проникновение вглубь хозяйства, его коренное переустройство на основе последовательного обобществления всех его элементов, всех сторон его хозяйственной деятельности—а в этом именно и заключается сущность коллективизации—превышало организационные возможности годичной контрактации. Вот почему кон-

трактация, проводимая в порядке однолетнего договора, выращивала лишь простейшие производственные объединения, которые охватывали одну какую-нибудь конкретную отрасль хозяйства и по существу не затрагивала остальные.

Задача коллективизации требует более длительной, многолетней связи с хозяйствующим населением. Если годичная контрактация явилась мощным фактором производственного кооперирования в его простейших формах, то основным методом коллективизации, т.-е. реорганизации всего хозяйства в целом, на базе полного обобществления всех его отраслей, средств производства и труда, должна явиться долголетняя контрактация.

Долголетняя контрактация до последнего времени занимала относительно незначительное место в производственной работе сел.-хоз. хлебной кооперации. В последней яровой кампании площадь зерновых посевов, охваченная долголетней контрактацией, составила лишь 2,5% всей законтрактованной площади—3,20 тыс. из 12.250 тыс. га. Это пока еще незначительное развитие долголетней контрактации совершенно понятно. Только укрепив свою исходную базу, внедрив производственное кооперирование в широчайшие слои крестьянства, сел.-хоз. хлебная кооперация могла приступить к более высокой форме обобществления на основе долголетней контрактации. В 1929/30 г. хлебная кооперация по плану должна провести долголетнюю контрактацию, в целях организации крупных зерновых колхозов, на площади в 3.507 тыс. га, 1.602,4 тыс. га яровых посевов и 712,5 тыс. га озимых.

Являясь дальнейшим развитием однолетней контрактации, долголетняя должна развернуться прежде всего в районах, наиболее охваченных в предыдущие годы однолетней контрактацией.

Непосредственная цель долголетней контрактации—организация крупного коллективного хозяйства. Вся указанная выше площадь долголетней контрактации является в то же время площадью организации крупных зерновых колхозов.

Эта цель предопределяет и размер тех объединений, с которыми долголетняя контрактация должна заключаться. Уже при однолетней контрактации договор заключается не с отдельными хозяйствами, а с целыми обществами и селениями. Иначе терялся бы весь социально-производственный смысл контрактации, ибо осуществление тех начальных, основных агротехнических мероприятий, которые обусловлены договором, возможно лишь при уничтожении меж, мелкополосицы, чресполосицы и сведения искромсанных крестьянских наделов в массивы, охватывающие целые земельные общества, целые селения. При долголетней контрактации принцип охвата целых селений должен стать еще более жестким. Она должна охватывать земельные массивы одного или нескольких смежных земельных обществ или селений в целях построения на них единого крупного обобществленного хозяйства. Колхозное строительство на основе долголет-

ней контрактации означает в то же время сплошную коллективизацию целых селений, целых районов. Долголетняя контрактация, следовательно, не только является мощным средством достижения подлинно-массовой коллективизации сельского хозяйства, но и наиболее действительным способом укрупнения существующих колхозных единиц. Вот почему задача укрупнения колхозов есть прежде всего и, главным образом, задача развития долголетней контрактации.

Договор о долголетней контрактации, заключаемый с уставным производственным объединением, в пределах по меньшей мере целого селения, имеет в своей основе сложный, рассчитанный на ряд лет, организационно-производственный план, предусматривающий переход в определенный срок к общественной обработке земли, к обобществлению машинной базы и тягловой силы, проведение целой системы агротехнических и организационных мероприятий, скрепляющих и последовательно превращающих первоначальное объединение в полный колхоз. Поселковое посевное товарищество, это низовое звено сел.-хоз. кооперации в условиях долголетней контрактации, становится той хозяйственно-административной формой, через которую земельное общество превращается в крупное коллективное хозяйство.

Отсюда ясно, что поскольку долголетняя контрактация становится основной, ведущей организационной силой сельского хозяйства, целых селений и районов, постольку все мероприятия, проводимые в данном районе в целях поднятия и реконструкции крестьянского хозяйства, все виды снабжения, производственное кредитование и агрообслуживание, должны быть теснейшим образом увязаны с контрактацией и подчинены ей. Так именно и подошел ЦК ВКП(б) в своем недавнем постановлении „об организационном строительстве сел.-хоз. кооперации“. Это постановление ЦК приобретает решающее значение для развития производственной работы сел.-хоз. кооперации. В чем сущность постановления ЦК?

Постановление ЦК указывает, что массовой низовой производственной ячейкой сел.-хоз. кооперации должно стать поселковое производственное товарищество специального типа, например, зерновое, свеклосевное. На эти первичные объединения, создаваемые на основе контрактации, ложится основная работа по организации крестьянских хозяйств на коллективных началах. На поселковом товариществе строится вся производственная работа сел.-хоз. кооперации. Это низовое производственное товарищество, накапливая элементы обобществления, призвано стать основой массового строительства крупных колхозов. И поэтому оно должно быть наделено всеми экономическими рычагами реконструкции крестьянского хозяйства. Вся материальная помощь, направляемая нами в деревню в виде производственного кредита, снабжения и т. д., должна проводиться через поселковое товарищество и распределяться по его

планам в целях развития массового производственного кооперирования и коллективизации.

Но ведь специальная низовая ячейка входит в соответствующую систему сел.-хоз. кооперации, которая организует определенную сел.-хоз. отрасль, например, зерновую. А долголетняя контрактация, проводимая той или иной специальной системой сел.-хоз. кооперации, направлена на обобществление всех отраслей хозяйства. При долголетней контрактации, следовательно, должна как-то сочетаться работа нескольких специальных систем. Вопрос этот разрешается следующим образом. С хозяйствующим населением данного коллективизируемого селения или района, объединенного в производственный кооператив, заключается единый договор о долголетней контрактации, предусматривающий реорганизацию всего хозяйства в целом, т. е. обобществление всех его отраслей. Этот единый договор заключается основной для данного района системой сел.-хоз. кооперации, например, в зерновых районах — хлебной кооперацией. Организация же остальных, второстепенных хозяйственных отраслей производится на основании особых договоров и соглашений между основной системой сел.-хоз. кооперации и другими соответствующими специальными системами. Эти соглашения разграничивают функции между отдельными системами, обеспечивая за основной в данном районе кооперативной системой руководящую роль в организации крупного коллективного хозяйства. Например, руководство строительством крупных зерновых колхозов принадлежит хлебной кооперации. Такова сущность постановления ЦК об организационном строительстве сел.-хоз. кооперации. Оно прокладывает прочные пути социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Мы находимся только у начала процесса перерастания производственного кооперирования в коллективизацию. Недостаточное производственное содержание контрактации, которое имело место в предыдущих кампаниях, объясняется именно тем, что контрактация не была увязана с производственным снабжением и кредитованием, что вся производственная работа земорганов, все средства, которые мы бросали в деревню, не были подчинены задаче массового производственного кооперирования и коллективизации. Постановление ЦК кладет конец этому положению. Отныне система экономических стимулов — кредиты, снабжение, агрообслуживание, налоговые льготы и преимущества, надбавки к государственной цене (за сортность, партионность, срочность сдачи продукции) получают единую целеустремленность — развитие контрактации, как средства производственного кооперирования и коллективизации.

Сосредоточение всех этих рычагов воздействия на крестьянское хозяйство открывает широчайшие перспективы в деле контрактации. Вся производственная помощь крестьянству, все средства общественного и административного воздействия, направлены на достижение двух основных целей: объединение хозяйствующего насе-

ления в поселковые производственные товарищества и заключение с ним коллективного договора о контрактации посевов.

Новые условия производственной работы сел.-хоз. кооперации уже сейчас позволяют поставить совершенно реальную, вполне осуществимую задачу—охватить в ближайшие два года контрактацией (и на ее основе вовлечь в поселковые посевные товарищества) всю массу крестьянских хозяйств зерновых районов. Это вместе с тем открывает большие перспективы строительства крупных зерновых колхозов. Контрактация как средство поголовного производственного кооперирования крестьянских хозяйств и долголетняя контрактация как фактор подлинно массового колхозного строительства—вот столбовая дорога, по которой пойдет распыленное крестьянское хозяйство к плановому коллективному сел.-хоз. производству.

Долголетняя контрактация скрепляет первоначальные объединения и создает социальные формы коллективного хозяйствования. Но эти новые социальные формы только тогда будут прочны и жизненны, если под ними будет подведен необходимый технический фундамент.

Машинная сел.-хоз. техника переросла не только рамки единоличного хозяйства, но и мелкого колхоза. Она является техническим отрицанием индивидуального хозяйства, она ломает его пределы и требует простора огромных земельных массивов. Это прежде всего относится к трактору.

Вместе с тем условием наиболее рационального и экономного использования сложных машин и тракторов является их концентрация и комплектное действие. Этим достигается более высокая производительность, значительное снижение непроизводительных затрат и следовательно удешевление единицы продукта.

Наиболее совершенный вид концентрации механической энергии дан в межселенных тракторных станциях и тракторных колоннах с целой системой прицепных орудий. Тракторная колонна устраняет основные отрицательные моменты, которые до сих пор имелись в практике тракторопользования. Она сокращает холостые пробеги, вследствие охвата больших массивов, уменьшает простой тракторов, благодаря лучшему их техобслуживанию и, следовательно, снижает себестоимость всех работ. Соединение трактора с важнейшими сел.-хоз. машинами, в виде прицепных орудий, ускоряет процесс работ, что, конечно, имеет огромное значение для правильной обработки почвы, организации уборки урожая и проч.

Тракторная колонна при исключительной доступности для широчайших крестьянских масс становится могучим фактором не только уничтожения меж, мелкополосицы, чресполосицы и сведения разбросанных полосками крестьянских наделов в массивы, занимающие

тысячи и десятки тысяч га, но и ломки рамок индивидуального хозяйства и создания базы для крупного обобщественного производства. Но помимо этого тракторные колонны влекут за собой величайшие сдвиги в социальных отношениях деревни. Подходя под все сельское хозяйство данного земельного общества, селения или района высокую техническую базу, они выравнивают технические условия производства в различных прослойках деревни. Аренда бедняцкой земли исчезает, кулацкая кабала и эксплуатация на почве проката инвентаря и найма рабочих рук теряют почву. Отсюда становится понятным бешеное сопротивление кулачества организации тракторных колонн и его бессильные попытки сорвать их работу.

Если долголетняя контрактация организует основные крестьянские массы для перехода к обобщественному производству, строит формы этого нового хозяйства, то тракторные колонны образуют его фундамент. И поэтому метод долголетней контрактации неотделим от работы тракторных колонн. Это две стороны одной и той же задачи—массовой коллективизации крестьянских хозяйств.

Поскольку в главу угла мы ставим массовое производственное кооперирование и коллективизацию зернового хозяйства, интересно проследить работу основной контрактующей организации—хлебной кооперации, которая в настоящее время (по данным на 1 ноября 1929 г.) насчитывает 62 тракторные колонны и машино-тракторные станции в составе 2.056 тракторов.

Эти машино-тракторные станции и колонны охватили своей деятельностью массив в 1.150.000 га. На этой площади расположены 547 земельных обществ с 55.250 хозяйствами. Работа тракторных колонн вызвала организацию на этой территории 400 зерновых товариществ и товариществ по общественной обработке земли.

Для того, чтобы получить представление о темпе роста работы тракторных колонн, достаточно привести следующие несколько цифр. В 1928 г. хлебная кооперация организовала первые 13 тракторных колонн в составе 442 тракторов. Они охватили 78 земельных обществ, на площади в 68,5 тыс. га. Эти первые тракторные колонны создали в процессе своей работы 51 зерновое товарищество. В яровую кампанию 1929 г. число тракторных колонн в системе хлебной кооперации достигло 45, а число тракторов в них—1.128 штук. Эти 45 тракторных колонн обслуживали площадь почти в пять раз большую, чем в 1928 г.,—300.600 га, охватили 219 земельных обществ и организовали 193 зерновых товариществ и колхозов низших видов (товарищества по общественной обработке земли). В эти объединения вошли 16.037 крестьянских хозяйств. Сравнивая эти цифры с данными о состоянии тракторных колонн и размере сделанной ими работы на 1 ноября текущего года, мы получаем полное представление о темпе их развития.

Как же строятся взаимоотношения между тракторной колонной и обслуживаемыми хозяйствами. В основе этих взаимоотношений ле-

жит тот же принцип договора. Крестьянские хозяйства, входящие в состав обслуживаемых тракторными колоннами земельных обществ, должны обязательно организоваться в зерновые товарищества или другие уставные формы простейших производственных объединений и в колхозы. Между тракторной колонной и указанными производственными объединениями заключается договор о долголетней контрактации. Этот договор предусматривает уничтожение меж и объединение крестьянских наделов в один сплошной массив, введение многополья, правильного севооборота и чистосортных посевов, применение улучшенных приемов ведения хозяйства (зяблевая вспашка, очистка и протравливание семян, борьба с вредителями и сорняками и т. д.), организованный сбыт через хлебную систему сел.-хоз. кооперации всего товарного зерна. Всю необходимую рабочую и тягловую силу во все периоды сел.-хоз. работ производственное объединение представляет безвозмездно из среды своих членов, без права найма рабочей силы со стороны. На покрытие расходов тракторной колонны и на образование обобществленных капиталов отчисляется определенная доля урожая, колеблющаяся между 25 и 30 процентами валового сбора. В работу колонны вовлекаются посредством организации производственных совещаний обслуживаемое население и представители местных органов. Договор предусматривает также организацию подсобных предприятий по переработке продуктов зернового хозяйства.

В основе работы тракторных колонн лежит договор, предусматривающий постепенное обобществление всех процессов производства. Тракторные станции начинают свою работу с общественной обработки земли, создавая, таким образом, основу для последовательного перевода организованных производственных объединений в более высокие формы коллективного хозяйства.

Массовый перевод простейших производственных объединений на общественную обработку земли и последовательную дальнейшую коллективизацию возможен, однако, не только на основе тракторных колонн. К строительству крупных колхозов можно и следует приступить также и на базе организованного использования живой тягловой силы в сочетании со сложными машинами. Как исходная форма здесь должно найти применение обобществление тягловой силы в производственном объединении и организация специальных тягловых баз (конных, воловьих и т. д.), на принципе тракторных колонн. Особого внимания заслуживает вопрос рационализации практики прокатных пунктов и их укомплектования сложными машинами, тракторной и живой тягловой силой. Прокатные пункты должны быть сосредоточены в поселковом посевном товариществе и стать основной технической базой коллективизации села. Прокатный пункт должен рассматриваться как зачаточная форма кооперативных машино-тракторных колонн, как орудие сплошной коллективизации основных масс крестьянства. Реорганизуя прокатный пункт на нача-

лах обобществленного его пользования, неразрывно связывая его пользование с контрактацией, мы в огромной мере расширяем техническую базу массового обобществления крестьянских хозяйств.

Массовая коллективизация на основе тракторных колонн чрезвычайно остро ставит вопрос об использовании освобождающейся рабочей и тягловой силы. От правильного разрешения этого вопроса зависит устойчивость колхоза, его товарность и доходность. Этот вопрос может быть разрешен лишь путем индустриализации колхозов, открывающей широчайшие возможности приложения освобождающейся силы. Колхозы должны стать индустриальными центрами по первичной переработке сел.-хоз. продукции как самих колхозов, так и единоличных хозяйств. Вместе с тем при колхозах должно быть начато строительство предприятий ремесленного и кустарного характера и предприятий по обслуживанию колхозов (кирпичные и черепичные заводы, кузницы, слесарные и ремонтные мастерские и проч.). Самого серьезного внимания под этим углом зрения заслуживает задача насаждения в крупных колхозах технических и пропашных культур, увеличивающих трудоемкость хозяйства.

II

До сих пор мы говорили об основных путях массовой коллективизации в формах крупных хозяйств, занимающих сплошные массивы. Нам следует еще остановиться на вопросе укрупнения уже существующих колхозов, размер которых, как мы отметили выше, все еще чрезвычайно мал.

Жизнь показала, что укрупнение колхозов путем их постепенного сращивания наиболее успешно протекает в тех именно районах, где производственное кооперирование пустило глубокие корни и где, следовательно, население уже прошло подготовительную стадию обобществления.

При наличии густой колхозной сети процесс перерастания производственного кооперирования в коллективизацию выражается прежде всего в массовой тяге членов зерновых товариществ и прочих объединений в существующие колхозы. Нарастание колхозных массивов путем присоединения новых крестьянских наделов и прогрессивно суживающиеся слои неорганизованного населения между колхозами, создают условия для их объединения.

Одним из наиболее ценных видов укрупнения колхозов является их кустование, т.-е. объединение близлежащих колхозов, вкрапленных в гуще единоличных хозяйств. Объединение колхозов в форме куста обычно начинается с обобществления основной отрасли хозяйства и затем постепенно переходит к коллективизации второстепенных отраслей. Куст объединяет всю техническую и агрономическую базу входящих в его состав колхозов, организует общие ремонтные мастерские, зерноочистительную сеть, случайный пункт и пр.

Сосредоточивая в себе единое руководство всеми колхозами данного селения или района, распоряжаясь их объединенной технической базой, куст в то же время стимулирует массовое вступление в колхозы как кооперированного в простейших объединениях, так и неорганизованного населения. Практика показывает, что развитие кустовых объединений колхозов служит переходной ступенью к их полному слиянию и строительству колхозов-гигантов, которые являются уже коллективизирующими центрами целых районов.

Наиболее законченным видом куста является образовавшееся в феврале 1929 г. в Николаевском округе кустовое объединение колхозов, носящее название „Баштанка“.¹ Это один из наиболее удачных опытов кустования колхозов на машино-тракторной базе. „Баштанка“ организована на началах договора между колхозами, вступившими членами куста. Это кустовое объединение образовалось с целью общего использования сложных машин, главным образом тракторов. Тракторы и машины, имеющиеся в отдельных колхозах, были переданы в виде паевого взноса кустовому объединению. Куст организовал общие мастерские по ремонту тракторов и инвентаря, создал общую нефтяную базу и гараж. Куст ставит себе также целью общее использование и сооружение перерабатывающих предприятий — мельниц, маслозаводов, сыроварен, организацию зерноочистительных пунктов, питомников, рассадников и пр., возведение общих хозяйственных построек и пр.

В состав куста „Баштанка“ вошли 38 товариществ по общественной обработке земли, охватывающих в селе Баштанке 50% и колонии Ефингарь 72% всего крестьянского землепользования. Общая земельная площадь куста составляет 15 тыс. га. При кусте „Баштанка“ создана машино-тракторная станция, имеющая 40 тракторов. Средства, необходимые для производства работ, составляются из паевых взносов колхозов и отчислений из прибылей колхозов и куста в неделимые капиталы. Неделимые капиталы куста состояются из отчислений от чистых прибылей в размере 50%, из стоимости переданного кусту государственного имущества и ежегодных отчислений от условно чистого дохода колхозов — членов куста — в размере 2%. Вступительный взнос каждого колхоза был определен в размере 50% от суммы вступительных взносов членов колхоза. Кроме того, колхоз вносит пай в размере полной стоимости приобретаемых кустом тракторов и прицепных орудий из расчета на 1 га земли каждого колхоза.

Машино-тракторной станции „Баштанка“ приходится работать в условиях чресполосицы в землепользовании входящих в куст колхозов. Вследствие этого машино-тракторная станция разбита на 11 отрядов. Вся рабочая и тяговая сила поставляется колхозами соответственно размерам их земли.

¹ Сведения о „Баштанке“ взяты из материалов Укрколгоспа о колхозном строительстве Украины.

О влиянии куста на укрупнение самих колхозов, входящих в его состав, можно судить по тому, что в результате его работы в течение первой весенней кампании произошло слияние участвующих в кусте 38 товариществ в 5 крупных товариществ.

В предстоящей осенней кампании куст предполагает охватить дополнительно 3.840 дворов, довести общий размер территории, обрабатываемой машино-тракторной станцией, до 56.400 га.

Опыт „Баштанки“ показывает, что в кустовании колхозов мы имеем ценнейший метод строительства крупного коллективного хозяйства. Этот метод наиболее широко прививается в районах, где имеется густая сеть мелких колхозов и высокий процент населения, охваченного производственным кооперированием.

Куст prepares почву для второго, более высокого вида коллективизации — слияния близко расположенных мелких колхозов и простых производственных объединений в крупные колхозы. Если в кусте отдельные, входящие в его состав колхозы, на ряду с обобществлением основных отраслей хозяйства сохраняют свою самостоятельность в остальных хозяйственных отраслях, то слияние их ведет уже к полному уничтожению их границ и к созданию полного крупного колхоза, охватывающего все элементы хозяйства.

Как на один из опытов создания крупного зернового колхоза, в результате слияния целой группы колхозов, можно указать на образование весной 1929 г. сел.-хоз. артели „Буденовец“ в Хоперском округе Нижне-Волжского края. Предпосылкой образования этого крупного колхоза и здесь явилась значительная производственная кооперированность этого района, охватывающая 25% всего населения. В районе имелись четыре простейших объединения, охвативших большинство организованного крестьянства, три сел.-хоз. артели и четыре товарищества по общественной обработке земли.

Второй предпосылкой создания „Буденовца“ явилось то обстоятельство, что в районе прочно привились кустовые объединения на основе совместного агрообслуживания и обобществленных предприятий по переработке сел.-хоз. продуктов. Все это дало возможность провести слияние ряда колхозов в одну крупную сел.-хоз. артель.

Колхоз „Буденовец“ объединяет 11 колхозов, расположенных в 8 хуторах, с 341 хозяйством и 1.875 едоками. По своему социальному составу колхоз „Буденовец“ — бедняцко-середняцкий. Общая площадь колхозных земель, удобных и неудобных, равна 7.160 га, из которой пахотной 6.200 га. Кроме этого участка, колхоз имеет еще арендованный участок в 1.200 га. Интересно отметить, что посевная площадь колхозов, входящих в „Буденовец“, увеличилась в нынешнем году на 45%. Резко увеличилась вместе с тем и товарность хозяйства. В прошлом году товарность составляла 45% валовой про-

дукции, в нынешнем же году колхоз рассчитывает иметь товарность в 60—65%. Это повышение товарности является прямым результатом укрупнения более правильной организации хозяйства и лучшего использования средств производства.

Следует указать на то, что „Буденовец“ образовался в условиях бешеного сопротивления со стороны кулачества. Кулаки развили систематическую антиколхозную пропаганду, в которой самое деятельное участие принимали погы. Антиколхозники раз'езжали по хуторам и проводили индивидуальную обработку крестьян, при этом пускались в ход испытанные средства — спаивание, подкупы, потравы хлебов у колхозников, насилия, поджоги и проч. Кулаки вкупе с попами пытались, главным образом, воздействовать на женщин. И все же колхоз строился и рос. Живой пример работы колхоза разбил кулацкую агитацию. Несомненные хозяйственные успехи „Буденовца“, поднятие производительности и товарности объединенных хозяйств вызвали массовую тягу в колхозы в окружных хуторах. Возникают новые колхозы, охватывающие целые хутора в 200 и больше хозяйств. Вследствие этого к весне будущего года уже имеется возможность расширить колхоз „Буденовец“ за счет окружающих хуторов, некоторые из которых, как, например, хутор „Красный“ все уже коллективизированы. Состав будущего колхоза-гиганта сможет быть доведен до 2.100 хозяйств с 12.600 едоками и площадью в 52 тыс. га. Эту огромную площадь предполагается разбить на 6 частей — пять по 10.000 га и один в 3.000 га с тем, чтобы установить для каждого участка колхоза определенный севооборот и, таким образом, наиболее рационально использовать природные особенности каждого участка. Будущий колхоз-гигант, в который должен превратиться „Буденовец“, примет форму уже не артели, а коммуны, что естественно, наиболее полно обеспечит четкость и плановость организации хозяйства, необходимые для такого комбината.

Образование в ряде мест единых колхозов-гигантов, простирающихся на массивах в 50 и больше тысяч гектар, т.е. на территории, далеко выходящей за пределы отдельных земельных обществ и селений, создало предпосылки к сплошной коллективизации целых районов. Ярким примером такого массового обобществления крестьянских хозяйств является проведенная в этом году сплошная коллективизация массива, расположенного на стыке трех административных районов, — Еланского, Байкаловского и Знаменского Ирбитского округа. Этот район сплошной коллективизации охватывает три четверти Еланского, половину Байкаловского и одну треть Знаменского районов. Территория всего массива равна 134.600 га, из которых пашни 49.779 га, сенокоса 28.108 га, выгона 16.792 га, лесных площадей 25.701 га, прочих угодий 4.879 га, неудобной земли 9.341 га. Охвачено сплошной коллективизацией 3.776 хозяйств с 17.906 едоками.

Этот район издавна считался очагом передового революционного крестьянства. В 1905 г. здесь разыгрался известный Еланский бунт. В годы гражданской войны советская власть нашла в местном крестьянстве надежную боевую опору в борьбе с колчаковскими бандами. Естественно поэтому, что идея коллективизации здесь нашла богатую почву. Процент кооперированности населения, исключительно высок: по Еланскому — 67,5%, по Байкаловскому — 48,4%, по Знаменскому — 32,6%, а по всем трем районам вместе взятым — 54,5%. За последний год число колхозов в районе увеличилось почти вдвое. За одну лишь яровую кампанию были организованы 51 колхоз, из которых 7 коммун, 24 сел.-хоз. артели и 20 товариществ по общественной обработке земли. Колхозное строительство района отличалось сильнейшим участием в нем середнячества. 38% общего числа хозяйств в колхозах составляли середняки.

Почва для перехода к массовой коллективизации района была, как видно, в достаточной мере подготовлена. Несмотря на организованный саботаж кулачества, коллективизация ширилась, охватывая целиком одно земельное общество за другим.

Сплошной коллективизации огромного массива на стыке названных трех районов в значительной мере способствовала весьма развитая сеть кустовых объединений. В районах имеются 5 кустовых объединений, проводящих среди крестьянства большую организационную и культурную работу. Кроме того, большую роль в деле коллективизации района сыграло проведение землеустройства, уничтожившее дальнеземелье и чресполосицу разбившее участки колхозов и обеспечившее возможность их постепенного сращивания.

Опыт коллективизации массива „на стыке трех районов“ взбудоражил и окружающие районы. Соседние крестьяне устраивают экскурсии в район сплошного обобществления, наблюдают за его хозяйственной жизнью, изучают его опыт и, возвращаясь к себе, сплошь и рядом начинают следовать примеру своих передовых соседей.

Наблюдающийся рост колхозов во всех окружающих районах побудил колхозный актив приступить к созданию колхоза-гиганта, который охватит не только существующий район сплошного обобществления, но присоединит к себе в Еланском районе Чубаровский сельсовет и в Байкаловском районе — Ляпуновский, Серховский и Койповский сельсоветы. Это позволит довести площадь колхоза-гиганта до 175.000 га. Колхозное строительство, как мы видим, рождает подлинных гигантов.

Опыт Елани не единичен. Тракторные колонны, обновляющим потоком пр'шедшие по сотням тысяч гектаров крестьянских полей, уже в ряде мест создали условия для поголовной коллективизации крестьянства на территориях целых административных районов. Перерастание производственного кооперирования в коллективизацию

осуществляется в районах работы тракторных колонн и машино-тракторных станций с быстротой, о которой мы еще совсем недавно не могли и мечтать, при чем надо отметить, что этот переход к сплошной коллективизации происходит не в результате руководящего влияния центра, а сплошь и рядом стихийно, творческой инициативой самих масс. Ряд районов, в которых производственное кооперирование на основе тракторных колонн получило большой размах и созданы условия для охвата крупных массивов, сам переходит на путь сплошного обобществления крестьянских хозяйств. Так, район Чапаевской тракторной колонны (Средняя Волга, Самарский округ), в котором производственная кооперированность населения достигла 70%, принял решение произвести поголовную коллективизацию хозяйств. С этой целью район разбит на 14 хозяйств, которые должны будут обслуживаться 4—5 колоннами, имеющих единый центр в Чапаеве.

В настоящее время системы хлебной кооперации и Колхоз-центра выделили для сплошной коллективизации и механизации восемь административных районов, в которых работают наиболее мощные кооперативные машино-тракторные станции: районы Таловской, Охочевской и Иловой-Дмитриевской тракторных колонн (ЦЧО); район Евпаторийской колонны (Крым), Балашовской колонны (Нижняя Волга), Чапаевской колонны (Средняя Волга), Канглисской колонны (Сев. Кавказ) и район Еглдаевской колонны (ЦПО).

В этих районах уже имеется густая сеть колхозов, обладающих значительным числом тракторов и сложных машин. При проведении работы по сплошной коллективизации все технические средства, вся агрономическая база, вся квалифицированная сила, находившаяся в машино-тракторных станциях и колхозах, сосредоточивается в едином районном кусте колхозов и простых производственных объединений.

Объединенными силами тракторных колонн и существующих в этих районах колхозов создана совершенно реальная возможность охватить уже в ближайший год земельные массивы, в общей сложности составляющие около миллиона гектаров, при чем массивы в отдельных районах колеблются от 50 тыс. до 200 тыс. га.

Колхозное строительство неудержимо движется вперед, охватывая уже не только сплошные земельные общества, не только целые населенные пункты, а целые административные районы. Жизнь опережает наши планы, практика идет дальше самых смелых контрольных цифр. Ведь еще год тому назад миллион гектаров сплошной коллективизации казался бы сторонникам „развязывания кулака“ нелепым вымыслом. Теперь же это живейший факт и притом лишь начало великого процесса. К концу пятилетки план развития народного хозяйства предусматривает охват колхозами не менее 22 млн. га. Но гигантский размах сплошной коллективизации, измеряющейся уже не десятками, не сотнями тысяч, а миллионами гектаров, позво-

ляет считать этот план не только совершенно реальным, но недооценивающим наши возможности.

Тракторные колонны становятся притягательными центрами бедноты и середнячества. Основные массы крестьянства рвутся в тракторные колонны, рвутся к новым коллективным формам хозяйства. Нам приходится сдерживать эту тягу из-за недостаточности тракторов. „Больше тракторных колонн“ — вот вопль многомиллионных масс бедняцко-середняцкого крестьянства. И на этот вопль нужно ответить мощным нажимом на все педали индустриализации.

Особое место в деле колхозного строительства занимает использование переселенческих земель для организации крупных колхозов. Правительственный план предусматривает освоение в ближайшее пятилетие 10 млн. га новых, незаселенных земель. До сих пор на переселенческих землях насаждались, главным образом, лишь индивидуальные хозяйства. От этой системы переселения необходимо решительно отказаться.¹ Создавать единые хозяйства на переселенческих землях, используя для этого огромные фонды, которые государство отпускает для целей переселения, — значит идти в разрез с проводимой советской властью линией социальной реконструкции сельского хозяйства.

Земли, отведенные для переселения, должны быть, главным образом, использованы для строительства прочных коллективных хозяйств. Необходимость наиболее быстрого развития наших окраин, куда направляются значительные массы переселенцев, требует создания крупных мощных колхозов, ибо единоличному хозяйству не по плечу полностью использовать природные ресурсы и получить наибольший производственный эффект влагаемых средств и труда. Переселенческие земли должны стать важным участком колхозного строительства.

Работа по организации переселения должна начинаться с производственного кооперирования и коллективизации переселяющихся хозяйств в местах выхода. Они должны прибыть на места водворения, как хозяйства, организованные в производственные коллективы. Здесь коллективизация сможет развернуться тем легче, что переселенческая среда будет состоять исключительно из бедняцких и середняцких слоев крестьянства.

На новых землях — новые формы хозяйства, — под таким углом зрения должно проводиться переселение. На 1929/30 г. предпо-

¹ Инициатива широкой постановки этого вопроса в печати принадлежит журналу „Плановое Хозяйство“, поместившему в № 5 за 1929 г. интересную статью Н. Лежнина „За революцию в переселенческом деле“.

жено коллективизировать не меньше 30% всех переселенческих хозяйств и затем держаться такого темпа обобществления, который позволил бы к концу пятилетия охватить коллективизацией до 70% хозяйств.

Массовая коллективизация на основе долголетней контрактации и тракторных колонн, естественно, наталкивается на отчаянное сопротивление кулачества. Массовая коллективизация—это наш последний и решительный бой с аграрным капитализмом. Вокруг колхозов разгорается в самой ожесточенной форме классовая борьба в деревне. Сопротивление кулачества выражается не только в открытых враждебных выступлениях и саботаже хлебозаготовок, контрактации, работы тракторных колонн и организованной борьбе с колхозами. Кулаки прибегают также к скрытым формам борьбы. Они проникают в правления производственных объединений, с целью разложения и разрушения их изнутри, используют льготы и преимущества, которые даются кооперированному населению, для укрепления своих классовых позиций.

Борьба с этими открытыми и явными вылазками кулачества должна вестись главным образом, путем широчайшей мобилизации бедняцко-середняцкой общественности для решительной борьбы с капиталистическими элементами деревни. Сел.-хоз. кооперация, становящаяся основным организатором крестьянского хозяйства и его переустройства на новой технической и социальной базе, должна вместе с тем стать главнейшей силой, организующей основное крестьянство для борьбы за ограничение кулачества и его последовательное экономическое вытеснение.

Развертывание массового производственного кооперирования и коллективизации должно сочетаться с неослабной борьбой против кулачества и созданием таких условий, которые исключают возможность его вредительской работы.

К вопросу о планировании внешней торговли¹

I

Если методология планирования внутренней торговли разработана слабо, то не в лучшем положении находится методология планирования внешней торговли. Формально тут все благополучно: из года в год составляются единые планы внешней торговли, балансовый метод соблюдается в полной мере, по всем линиям экспорт и импорт увязываются с народнохозяйственными планами; планы внешней торговли и их реализация не всегда совпадают между собой, но расхождения между ними не таковы, чтобы вызывали в планах большие сомнения. Однако, за этим формальным благополучием скрывается много такого, что требует к себе серьезнейшего внимания.

Внешняя торговля связывает советское хозяйство с хозяйством мировым, с хозяйством других стран. Учитывается ли эта связь при составлении планов внешней торговли? Многих, конечно, удивит этот вопрос. Разве мы не считаемся с мировыми ценами, когда определяем эффективность экспорта или стоимость импорта? Разве мы игнорируем в планах вопрос о странах, куда вывозим или откуда привозим? Разве мы не учитываем мировой конъюнктуры в целом и в отдельных ее проявлениях?

Однако, поставим вопрос иначе. В какой мере задачи внешней торговли учитываются в построении наших хозяйственных планов вообще и планов строительства промышленности и сельского хозяйства в частности? Долгое время эти задачи не учитывались вовсе. Теперь как-будто их начинают учитывать, но это своеобразный учет, логически вытекающий из характера планирования у нас внешней торговли. Свои планы внешней торговли мы выводим из того факта, что наша собственная продукция во многих случаях дефицитна, почему необходим импорт, для покрытия которого требуется экспорт. И можно было бы сделать отсюда такой вывод: так как дефицит-

¹ Помещая интересную статью т. Зака, Редакция считает необходимым отметить, что у автора отсутствует достаточная четкость в постановке вопроса как о внешней торговле Советского Союза, так и передовых капиталистических и недостаточно развитых в капиталистическом отношении стран, что может повлечь неправильные теоретические выводы. Вместе с тем Редакция отмечает спорность таких практических предложений, выдвигаемых автором, как равенство импорта (или части его) отдельных районов по их экспорту. *Ред.*

ность нашей продукции явление временное, то импорт должен расти до известного срока, после которого он начнет сокращаться; соответственная же судьба ждет и экспорт. Отражение такой установки имеется в пятилетке внешней торговле. И если она в пятилетие не доводится до логического конца, то повидимому только потому, что достаточный рост собственной продукции выходит за рамки пятилетнего развития нашего народного хозяйства.

Правилен ли этот подход? Действительно ли наша внешняя торговля будет развиваться лишь до известного срока, а затем она начнет сходить на-нет?

От того или другого разрешения этого вопроса зависит очень многое в нашем хозяйственном строительстве и прежде всего в методологии планирования внешней торговли — погодного и перспективного, но главным образом, планирования генерального. В области внутренней торговли мы генеральный план должны понимать, как план самоуничтожения торговли — не замены одних форм товарообмена другими, что мы не считаем уничтожением торговли, а уничтожения всякого товарообмена, ибо коммунизм не знает никакого обмена, следовательно, и никакого товара. Следует ли такое содержание вложить в генеральный план всего советского народного хозяйства (в том числе и внешней торговли), как план перехода на коммунистические рельсы, независимо от судеб капитализма в других странах? Можно было бы пойти дальше и поставить вопрос о роли внешнего товарооборота в условиях мирового коммунизма. Но для той практической задачи, которую мы себе ставим, именно для вопроса о методах планирования внешней торговли в рамках генерального плана, т.е. о методах погодного и перспективного планирования внешней торговли, имеющего руководящей нитью те, предусматриваемые генеральным планом, процессы, которые должны довести советское хозяйство до коммунизма, — для этой практической задачи нет надобности выходить за рамки советской экономики.

II

Как известно, капитализм дает яркую картину роста внешней торговли во всех странах. В итогах мирового товарооборота этот рост иллюстрируется такими цифрами. Первый более или менее полный подсчет мирового товарооборота, сделанный Нейманом-Спаллартом для середины 70-х гг. прошлого столетия, определяет его в 25,6 млрд. руб. Накануне войны (в 1913 г.) мировой товарооборот оценивается в 79,8 млрд. За сорок лет, следовательно, мировой товарооборот увеличился на 211,4%, что дает более 5% за год в среднем. В физическом объеме мировой товарооборот увеличился еще сильнее, так как товарные цены накануне войны были значительно ниже, чем в середине 70-х гг. прошлого столетия. Послевоенные годы сначала проходили в условиях восстановления нарушенных войной мировых торговых отношений. Процесс восстановления окончился

в 1924 г., когда мировой товарооборот, оцененный по довоенным ценам, опять вернулся к цифре 1913 г., составив 79,8 млрд. руб.; в 1925 г. мировой товарооборот, оцененный по довоенным ценам, достигает уже 88,1 млрд. руб., в 1927 г. — 92,1 млрд. руб. и в 1928 г. — 94 млрд. рублей.

Что рост мирового товарооборота не только приходится на эпоху развития капитализма, но органически связан с капитализмом, нет надобности доказывать, так как в экономической литературе этот вопрос достаточно выяснен. Для нас важен другой вопрос: связан ли рост внешней торговли только с капитализмом? Для прямого ответа на этот вопрос фактических данных, конечно, не может быть, ибо иных путей развития кроме капиталистического не знала до сих пор ни одна страна культурного мира; среди последних на путь некапиталистического развития впервые стал СССР. Приходится поэтому подойти к вопросу косвенным образом. Если бы капитализм был единственной причиной роста внешней торговли, то роль ее в народном хозяйстве разных стран находилась бы в прямой зависимости от степени развития у них капитализма. Имеется ли налицо этот факт? Роль внешней торговли в народном хозяйстве можно измерить соотношением ее оборота к национальной продукции. Если под национальной продукцией условно понимать сумму валовой продукции сельского хозяйства, горноделия и обрабатывающей промышленности, то оборот внешней торговли (экспорт + импорт) выразится в следующих процентах от национальной продукции:

Страны	Довоенные годы		Послевоенные годы		% увеличения оборота внешней торговли
	Годы, к которым относятся данные	%	Годы, к которым относятся данные	%	
Англия	1907	90,6	1924	44,2	14,8
Австралия	1911	54,0	1925	46,5	120,7
Германия	1913	35,9	1925	34,0	4,1
Канада	1911	35,0	1925	34,2	147,5
Венгрия	—	—	1925	50,6	—
Швеция	1913	31,9	1926	40,6	74,9
Югославия	—	—	1926	25,9	—
Польша	—	—	1925	23,5	—
Россия	1913	14,6	—	—	—
Соед. Штаты	1909	9,6	1925	10,7	206,6

Для послевоенных годов таблица показывает сокращение удельного веса внешней торговли в национальной продукции четырех стран. Поскольку это касается, главным образом, Англии и отчасти Германии, сокращение может быть объяснено тем, что в 1924 г. в Англии и в 1925 г. в Германии внешняя торговля еще не оправилась после войны. Но интересно сокращение удельного веса

внешней торговли Австралии и Канады. Эти две страны за годы войны и последующее время сделали большие успехи в своей индустриализации, а, следовательно, продвинулись вперед и по линии капитализации своего народного хозяйства. В результате их внешняя торговля сильно увеличилась, но роль ее в их народном хозяйстве снизилась, особенно в Австралии, которая по развитию промышленности пошла дальше Канады: за десятилетие 1911—1921 гг. промышленное население Канады увеличилось всего на 10,5% при 27,6% в Австралии.

Однако, в таблице особенный интерес представляет общее размещение стран по размерам удельного веса их внешней торговли в отношении национальной продукции. Неудивительно, что в довоенное время Англия по роли внешней торговли в народном хозяйстве шла впереди других стран. Но почему за нею следовала Австралия, которая в то время еще не поднималась над уровнем аграрной страны? Конечно, не силой капиталистического развития объяснимо то, что Германия по роли внешней торговли шла и идет позади Австралии и рядом с Канадой, между тем как Венгрия обгоняет в послевоенные годы страны с максимальным развитием капитализма, а Швеция, шедшая в довоенное время после Германии, теперь становится между последней и Англией. Но исключительное место занимают Соед. Штаты. Роль внешней торговли у них усилилась всего с 9,6% до 10,7%, между тем как в Швеции она усилилась с 31,9% до 40,6%. При этом Соед. Штаты продолжают идти позади не только Югославии и Польши, но также и довоенной России; Соед. Штаты были и остаются страной, у которой внешняя торговля продолжает в народном хозяйстве играть ничтожную роль, хотя по развитию капитализма они теперь стоят вне конкуренции. И это объясняется не только тем, что в Соед. Штатах большое значение до сих пор имеет сельское хозяйство, как источник национальной продукции. Если всю их современную внешнюю торговлю сопоставить только с продукцией промышленности, то все-таки получится коэффициент в 13,4%, между тем как по этому же расчету для Англии получится коэффициент в 49%, для Германии в 24% и для довоенной России 18%.

Очевидно, когда мы говорим, что рост мирового товарооборота обязан капитализму, то этого нельзя понимать в том же смысле, в каком мы говорим, что внутренняя торговля связана с капитализмом. Это феномены различного характера. По создаваемым капитализмом формам посредничества в сношениях между народами, мировой товарооборот капиталистической эпохи действительно можно рассматривать как продолжение внутренней торговли. Но внутренняя сущность мирового товарообмена иная. Различная роль внешней торговли в разных странах вне зависимости от степени развития у них капитализма свидетельствует, что ее капиталистическое строение является только формой осуществления, регулирования и направ-

ления таких хозяйственных взаимоотношений в мировом масштабе, которые имеют свои корни во всем укладе народного хозяйства каждой страны в отдельности. Капитализм, раздираемый внутренними и внешними противоречиями, вскрыл вместе с тем ту глубокую международную связь, которая базируется на особенностях стран по состоянию их естественных производительных сил. Чтобы пояснить нашу мысль остановимся несколько подробнее на двух странах, занимающих крайние места в нашей табличке — на Англии и Соед. Штатах.

По пищевкусовым товарам, сырью и полуфабрикатам Англия ведет пассивную торговлю: в трехлетие 1925/27 гг. экспортом этих продуктов Англия покрывала только 13% их импорта. Соед. Штаты, наоборот, по пищевкусовым товарам ведут активную торговлю с перевесом за то же трехлетие экспорта над импортом на 8,7%. Их торговля по сырью и полуфабрикатам пассивна, но экспортом этих товаров покрывается 79% их импорта. В целом же по категории пищевкусовых товаров, сырья и полуфабрикатов Соед. Штаты экспортируют меньше, чем импортируют всего лишь на 21%. Этим сопоставлением иллюстрируется чрезвычайная скудость Англии сырьевыми ресурсами. В 1924 г. Англия чистым привозом (привоз без вывоза) должна была покрыть 13,6% всей потребности ее промышленности в материалах; между тем как в Соед. Штатах потребность промышленности в материалах была покрыта чистым импортом в размере всего лишь 1,5%. Такова, если можно так выразиться, органическая разница между этими двумя странами в их отношениях к мировому товарообороту. Из нее вытекает другая отличающая их друг от друга особенность: значение промэкспорта в торговом балансе. Свою бедность сырьевыми ресурсами Англия компенсирует напряженными связями с мировым товарооборотом, поддерживая экспорт готовых изделий на уровне 80% всего экспорта при импорте пищевкусовых товаров, сырья и полуфабрикатов в размере 74,4% всего импорта. В Соед. Штатах экспорт готовых изделий также играет заметную роль, но она в два раза слабее, чем в Англии — всего лишь 40% всего экспорта, при чем и этот экспорт изделий гораздо более заполняет собой активность торгового баланса страны, чем ее потребность в оплате привозного сырья, именно активность торгового баланса Соед. Штатов поглощает около 45% всего чистого вывоза готовых изделий.

Этот поверхностный анализ внешней торговли двух стран уже показывает, насколько неправилен взгляд старой экономики на существо мирового товарооборота. Не по линии товарооборота, базирующегося на различных природных богатствах, ведет свою внешнюю торговлю Англия, а по линии компенсации своей скудости сырьевыми ресурсами. Именно сырьевая нищета заставляет Англию максимально развивать свою внешнюю торговлю. Однако, было бы ошибочно отсюда сделать тот вывод, что там, где имеется богат-

ство сырьевых ресурсов и большое их разнообразие, нет почвы для развития внешней торговли. Редко встречается страна с большим богатством и разнообразием сырьевых ресурсов, чем Соед. Штаты тем не менее они не только имеют значительный импорт сырья и полуфабрикатов, но, как мы видели, они ведут по этим товарам даже пассивную торговлю. На этом факте важно остановиться подробнее, особенно потому что в этом отношении на Соед. Штаты можно смотреть, как на прототип СССР, который по богатству и разнообразию источников для сырья мало отличается от Соед. Штатов.

Остановимся прежде всего на наиболее ярком примере. Своим хлопком Соед. Штаты обслуживают весь мир. И все-таки они не обходятся без привоза чужого хлопка, при чем привоз этот растет и абсолютно и относительно, как показывает следующая таблица:

Г о д ы	Потребление промышленности Соед. Штатов хлопка (млн. англ. ф.)	Ввоз чужого хлопка (млн. англ. ф.)	Чужой хлопок в % к потреблению	% экспорта собственного хлопка
1890—99	1.501,1	38,9	2,6	67,1
1900—09	2.056,9	73,0	3,5	65,3
1910—19	3.291,9	132,7	4,0	50,9
1920—26	3.176,0	192,7	6,1	53,1

Доля экспортируемого Соед. Штатами хлопка собственной продукции постепенно снижается. Но и теперь Соед. Штаты вывозят не менее половины всего производимого ими хлопка. И тем не менее за 25—30 лет привоз Соед. Штатами чужого хлопка для своей промышленности поднялся с 2,6% всего перерабатываемого промышленностью Соед. Штатов хлопка до 6,1%. Если таково отношение Соед. Штатов к ввозу хлопка, то не удивительно, что они развивают свой ввоз шерсти. Весь рост промышленной обработки шерсти за время от 1890—99 гг. по 1920—26 гг., выразившийся в ее увеличении на 37,8% (с 444,8 до 613,0 млн. англ. ф.), происходил не столько за счет собственной продукции шерсти, которая колебалась около одного уровня (284 млн. англ. ф. в 1890—1899 гг. и 283,7 млн. англ. ф. в 1920—1926 гг.), сколько за счет импорта, возросшего с 160,8 млн. англ. ф. до 342,2 млн. Отметим, наконец, что по импорту сырья в целом богатые сырьевыми ресурсами Соед. Штаты за годы интенсивного развития их промышленности сделали колоссальные успехи, подняв этот импорт со 104,1 млн. долл. в конце 80-х годов прошлого столетия до 1.414 млн. долл. в 1924—1928 гг.

Но еще более интересно, что интенсивное развитие промышленности Соед. Штатов шло рука об руку с еще более быстрым ростом импорта полуфабрикатов (см. стр. 119).

Наконец, если по готовым изделиям Соед. Штаты за годы интенсивного развития своей промышленности далеко пошли по линии экспорта, то это не мешает ро-ту также их импорта готовых изделий, который в отношении 1876—85 гг. составлял в 1896—1905 гг. 120,6%, в 1906—15 гг. 199% и в 1921—28 гг. 434,2%.

Г о д ы	Потребление „материалов“ промышленностью Соед. Штатов (млн. долл.)	Ввоз полуфабрикатов (млн. долл.)	Ввоз полуфабрикатов в % к потреблению „материалов“
1888—90	5.162,0	19,9	2,40
1908—10	12.142,8	101,0	3,69
1924—28	35.512,0	670,0	5,90

О чем говорят приводимые данные? В известных случаях и Соед. Штаты страдают от недостатка сырьевых ресурсов. Но и в этих случаях только необходимостью разнообразить свою продукцию можно объяснить растущую связь Соед. Штатов с импортом, ибо вне этой необходимости Соед. Штаты могли бы собственными сырьевыми ресурсами наполнить все развитие своей промышленности. Тем сильнее необходимость разнообразить продукцию выступает в качестве руководящего мотива в импорте такого сырья, которое в самих Соед. Штатах производится в избытке, например, хлопка. Мало того, самую свою промышленность Соед. Штаты строят так, что не ослабляется, а усиливается их связь с импортом. Нельзя же серьезно говорить о том, что Соед. Штаты потому увеличивают свой импорт полуфабрикатов, что собственного необходимого им ассортимента полуфабрикатов они производить не могут. Очевидно тут действует иной мотив, родственному тому, который вызывает рост импорта готовых изделий, несмотря на еще более быстрый рост промэкспорта. Мотив этот тот же самый, о котором мы говорили в отношении импорта сырья — необходимость разнообразить, в данном случае, не только продукцию, но и потребление. Эта необходимость вызывается различными интересами. Хлопок Соед. Штаты привозят потому, что в одних случаях для ассортимента им нужен хлопок лучшего качества, чем тот, который они сами производят (египетский хлопок), в других — худшего качества. Силам и капиталам, вкладываемым в обработку привозной шерсти, Соед. Штаты могли бы легко дать другое применение, но они этого не делают, отнюдь, не потому, что иное применение было бы менее рентабельно. Большую часть привозимых Соед. Штатами полуфабрикатов они могли бы производить у себя, но выгоднее их получать извне. Если привозом полуфабрикатов Соед. Штаты улучшают свое производственное потребление, то привозом готовых изделий они улучшают в одних случаях личное потребление (усиливая его разнообразие) и в других — производственное, а обоими видами импорта

(готовых изделий и полуфабрикатов) они увязываются с прогрессом мировой техники и экономики, используя их для развития собственного народного хозяйства.

Очень слабо оценивается тот факт, что, несмотря на поразительные качественные и количественные успехи машиностроения в Соед. Штатах последних десятилетий, выдвинувшие их на первое место и по производству машин, и по снабжению ими мирового товарооборота, привоз машин в Соед. Штаты увеличился в 1926—28 гг. сравнительно с 1911—13 гг. с 13,9 млн. руб. до 41,7 млн. руб., т.е. в три раза. Между тем, этот факт чрезвычайно интересен для иллюстрации той сложной и многогранной связи развивающих свое народное хозяйство стран с мировым товарооборотом, которая является для них не только ареной для разрешения выдвигаемых капитализмом проблем (борьба за рынки и проч.), но и фундаментом, на котором строится народное хозяйство, наивыгоднейшим образом использующее как свои собственные производственные ресурсы, так и производственные ресурсы других стран, в том числе все достижения опыта и знаний в международном объеме.

Пример растущего привоза машин в Соед. Штаты сам по себе достаточно показательный, усиливает свою яркость в сопоставлении с тем же процессом, который характеризует долгий путь развития — сношений с мировым товарооборотом Англии и Германии. Еще в середине 90-х гг. прошлого столетия об Англии можно было говорить, что она знает только экспорт машин. Покрывая 55,6% всего мирового вывоза машин, Англия в мировом импорте машин участвовала лишь на 0,8%. Через 15 лет эта картина резко меняется: если экспорт машин из Англии в 1909 г. сравнительно с 1894 г. дает увеличение на 87,6%, то импорт увеличивается в 19,4 раза. И в дальнейшем импорт машин в Англию растет из года в год: при ввозе машин в 1909 г. на 36,6 млн. руб. ввоз машин в Англию в 1913 г. выразился в 55,6 млн. руб., в 1926 г. в 104,9 млн. руб., в 1927 г. в 132,6 млн. руб. и в 1928 г. в 139,9 млн. руб. Аналогичное происходит в Германии. В эпоху расцвета своего машиностроения она с 1894 г. по 1909 г. увеличила свой импорт машин с 12,5 млн. руб. до 35,5 млн. руб. и довела его в 1913 г. до 46,6 млн. руб.; урезанная после империалистической войны Германия ввезла в 1925 г. машин на 45,5 млн. руб., каковая сумма выросла в 1927 г. до 76,7 млн. руб.

Капитализм, конечно, налагает свою руку на внешнюю торговлю всех капиталистических стран. Он влияет на размеры ее и качественный состав. „Расточительство“, характеризующее капиталистическое хозяйствование в целом, оказывает свое влияние и на внешнюю торговлю. Форсирование вывоза во имя капиталистической прибыли слишком дорого обходится народному хозяйству страны; точно так же и привоз не всегда согласуется с внутренними производственными возможностями и потребностями внутреннего хозяйства. Но туман капиталистической анархии не

должен заслонять собой могущественной творческой силы, которую национальные хозяйства черпают в мировом товарообмене, — творческой силы, которая должна увеличиваться, а не сокращаться с заменой капиталистической анархии плановым началом в народно-хозяйственном строительстве. Все дело в том, что самая связь с мировым товарооборотом в планирующей свое хозяйство стране требует строгого подчинения тому же плановому началу.

Выше мы видели, что и в капиталистических странах роль внешней торговли не везде одинакова. Очевидно каждая страна для внешней торговли имеет свой оптимум. Во времени этот оптимум может колебаться. Если, как мы видели выше, удельный вес оборота внешней торговли Соед. Штатов в их валовой продукции теперь выражается в 10,7%, то в конце 70-х годов, в эпоху формирования экономики Соед. Штатов, он выражался в 15,7% и в конце 80-х годов в 12,2%. Оптимум внешней торговли может колебаться также в зависимости от внеэкономических условий. Вынужденная спешить с усилением своей независимости от враждебного окружения страна не может не форсировать необходимого ей использования мирового товарооборота. Но при этом нельзя смешивать ни оптимума с временной необходимостью отклонения от минимума, ни задачи обеспечения независимости с идеей изоляции от мирового товарооборота.

Та связь с мировым товарооборотом, которую поддерживают Соед. Штаты, связь, как мы показали выше, весьма сложная и многогранная, не создает для них зависимости, которая опасна была бы для их народного хозяйства при каком бы то ни было враждебном окружении. Независимость СССР следует также понимать не в количественном, а в качественном смысле. И, разумеется, совершенно наивны опасения, как-то высказанные немецким „экспертом“, что помощь, оказываемая СССР в деле строительства нашего народного хозяйства, грозит сокращением нашего рынка для сбыта немецких товаров. Наоборот, вся история мирового товарооборота свидетельствует, что чем более индустриализируется страна, тем более увеличиваются ее связи с мировым товарооборотом не только в смысле экспорта, но и в смысле импорта, — меняется только ассортимент последнего.

III

Если Соед. Штаты и Англию считать выражением двух крайних типов увязки народного хозяйства с мировым товарооборотом, то оптимум внешней торговли СССР будет близок к первому типу. Суть не в том, что Соед. Штаты и Россия близко стояли друг от друга по роли внешней торговли в их народном хозяйстве в довоенное время, когда стихийное народнохозяйственное строительство царило в обеих странах. Близость к Соед. Штатам определяется богатством СССР природными источниками сырья, с одной стороны, и емкостью внутреннего рынка, обуславливающейся разнообраз-

ными связями между отдельными частями страны (районами), — с другой.

Как и в Соед. Штатах, процесс индустриализации постепенно будет захватывать в СССР все районы. Более того, этот процесс будет в СССР проходить несравненно скорее и глубже, чем в Соед. Штатах, где капитализм способствует порабощению одних районов другими, в то время как переходное время в СССР открывает всем его районам одинаковые пути хозяйственного развития, а следовательно, и индустриализации. Однако, именно свобода хозяйственного развития районов не может не связать его с их природными особенностями. Каждый район, индустриализируясь, должен стержнем своего хозяйственного строительства иметь те природные источники приложения человеческого труда, которые отличают его от других районов. Отсюда не следует, что между районами должно сохраняться то одностороннее территориальное разделение хозяйственных функций, которое обеспечивает при капитализме эксплуатацию одних районов другими. Но на базе полноты и разносторонности хозяйственного уклада отдельных районов должно развернуться их хозяйственное разнообразие, которое потребует иной, но не менее тесной, их увязки между собой, чем та, которую СССР унаследовал от старой России. На большую емкость внутреннего рынка, по которой ни одна из европейских стран не может идти рядом с СССР, и по которой рядом с СССР идут Соед. Штаты и отчасти пойдет Китай, — следует смотреть не как на временное и преходящее явление, а как на органическую особенность СССР.

Еще меньше сомнения вызывает богатство СССР естественными источниками сырья. Тем обстоятельством, что наше народное хозяйство находится теперь в теснейшей зависимости от импорта сырья и полуфабрикатов, отличаясь этим от Соед. Штатов, которые тут пользуются импортом, главным образом, лишь в целях улучшения производственного потребления, — этим обстоятельством измеряется не недостаток наших природных ресурсов, а наша крайняя отсталость в их использовании. Абстрактно можно себе рисовать широко развитое, глубоко индустриализированное народное хозяйство СССР вне каких бы то ни было связей с мировым товарооборотом. И утописты самодержавной идеологии на подобие „знаменитого“ когда-то, — и по заслугам глубоко забытого теперь, — С. Шарапова и др. вовсе не далеки были от потенциальных наших возможностей, когда они мечтали о народном хозяйстве России, изолированном от всего мира. Все дело только в разнообразии производственного и личного потребления, с одной стороны, — и с другой стороны — в общении с мировым опытом и мировыми знаниями, которые, как мы видели выше, толкают на связи с мировым товарооборотом Соед. Штаты, и от которых тем более не может отказаться СССР, строящий не капиталистическое хозяйство, вдохновляемое погоней за капиталистической прибылью, а хозяйство социалистическое, руководящим

мотивом коего служит максимальное и наилучшее использование производительных сил ради наилучшего и наиболее разностороннего удовлетворения постоянно развивающихся и усложняющихся человеческих потребностей.

Какие трудности нам предстоит одолеть, чтобы дойти до оптимума внешней торговли, как мы его себе представляем, видно из настоящего ее состояния у нас. Важно не только качественное строение нашей внешней торговли; имеет значение и количественное ее состояние. Вопрос о размерах нашей внешней торговли обостряется с каждым годом, в соответствии с успехами, которые делает плановое начало в нашем народнохозяйственном строительстве. Пока у нас не было определенной картины пятилетней народнохозяйственной перспективы, в планировании внешней торговли мы „по одежке протягивали ножки“. „Одежку“ мы, разумеется, старались растягивать как можно больше, но дальше этого не шли, не замечая, что этим методом планирования внешней торговли мы создаем Прокрустово ложе для нашего народнохозяйственного развития. Тот факт, что еще в 1927/28 г. наша внешняя торговля не достигла и половины довоенной (46,3% по довоенным ценам), понятно, ничего не доказывает, ибо резко изменилась структура нашей внешней торговли. Но поучительно другое: за пять только лет с 1923/24 по 1927/28 гг. наша внешняя торговля удвоилась (с 602,7 млн. руб. по довоенным ценам поднялась до 1.223,2 млн. руб.). Среднее увеличение на 20% в год говорит только об одном — о чрезвычайно недостаточном использовании наличных ресурсов. Когда в 1928/29 г. под давлением серьезных причин был сделан в плане внешней торговли новый скачок, скептицизму „реалистов“ не было предела, а „утопический“ план оправдался на 95%! Новый скачок в „неизвестность“ делается на 1929/30 г., и все-таки мы относимся к плану на настоящий год без всякого скептицизма, ибо и опыт прошлых лет, и все то, что мы знаем о наших ресурсах, — даже не потенциальных, а наличных — свидетельствует, что не о нормальном развитии внешней торговли нам приходится пока говорить, а о ее построении, о создании первоначальной базы, с которой только и начнется нормальное развитие.

Исходным моментом в наших планировках следует принять развитие нашей внешней торговли за счет собственных ресурсов. Можно думать, что наши кредитные связи с капиталистическими странами в дальнейшем будут не ухудшаться, а улучшаться. Этого требуют интересы самих капиталистических стран, интересы, которые тем сильнее будут проявлять себя, чем более мы углубимся в индустриализацию своего народного хозяйства. Однако, на увеличение кредитных связей с капиталистическим миром мы должны смотреть как на ресурс для развития своего народного хозяйства сверх того темпа, который предусматривается пятилетним народнохозяйственным планом; самый же план должен базироваться на соб-

ственных наших возможностях. Таким образом, строение внешней торговли должно идти по линии обеспечения необходимого нам импорта и выгодных условий закупок за границей, за счет правильно построенного и нормально развивающегося экспорта.

Конкретно говоря, экспорт в ближайшие годы должен разрешать три задачи. План строительства народного хозяйства рассчитан на то, чтобы к концу первой перспективной пятилетки были ликвидированы дефициты в средствах производства, получающиеся в результате недостаточности собственной продукции. Но и в этот период отношения с мировым товарооборотом не могут замыкаться в рамках борьбы только с дефицитами; определенное место уже теперь должно быть отведено операциям с мировым товарооборотом, диктуемым необходимостью улучшать производственное, — отчасти и личное, — потребление, а также усиливать связь с мировым опытом и знаниями. Третья задача — образование такого валютного запаса, который давал бы возможность не держать наших закупок за границей в неразрывной зависимости от выручки по экспорту, что лишает наш импорт способности использовать выгоды конъюнктурных и сезонных колебаний на мировых рынках.

Таковы задачи, период которыми стоит наш экспорт. Наш экспорт уже в том, что мы называем его построением, должен явиться фундаментом для удовлетворения указанных необходимых требований импорта. Имеются ли для такого построения экспорта необходимые предпосылки в нашем народном хозяйстве и какими путями следует идти в его планировании? Ответ на этот вопрос лежит в двух плоскостях. Выше мы отметили недостаточность использования наличных ресурсов в целях экспорта. Как велики эти наличные ресурсы, сказать трудно. Речь тут идет прежде всего о таких ресурсах, которые слабо реализуются отчасти вследствие недостаточной их выявленности, отчасти вследствие неудовлетворительной организации их заготовки. В обоих случаях многое может сделать децентрализация внутренней работы по внешней торговле, а именно по всей нашей внешней торговле, а не только по экспорту.

Централизованное в плановом порядке выступление на мировых рынках как по экспорту, так и по импорту представляет такое колоссальное преимущество нашей системы внешней торговли, сравнительно с капиталистическими странами, что из-за одного его ни в коем случае нельзя отказаться от внешнеторговой монополии, не говоря о других положительных ее достоинствах. Но то, что на внешних рынках представляет нашу силу, превращается внутри страны в нашу слабость. Централизация внутренней работы по внешней торговле бюрократизирует ее, ослабляя то сотрудничество мест с центром, которое является наиболее могущественным фактором экономического творчества вообще и внешнеторгового творчества в том числе. Всеми способами следует бороться с местничеством, с политикой провинциальной „колокольни“. Наша экономическая

сила лежит в народнохозяйственной целостности СССР, в правильном сцеплении между отдельными частями страны (районами) и их экономическом развитии в соответствии с требованиями народнохозяйственного целого. Но в условиях советской экономики, подготовляющей почву для коммунистического государства, территориальное разделение общественного труда между районами носит, как мы отметили выше, иной характер, чем в капиталистических странах. У нас район входит в государственное целое не только как служебная, но и как самодовлеющая единица. В организации внутренней работы по внешней торговле этот принцип до сих пор не проводится. Было время, когда места знали лишь задания по экспорту, исходившие от центра. Этот порядок подвергся теперь некоторой, если можно так выразиться, демократизации: места привлекаются к обсуждению вырабатываемых для них в центре экспортных контингентов. Но все еще они имеют дело с планом, не ими составленным, и потому в процессе реализации экспортных планов они отвечать должны не за свое, а за чужое творчество. Если к этому прибавить, что при общем нашем плохом знании своих ресурсов места все-таки их лучше знают, чем центр, то нечего удивляться, что то, что мы называем местными планами экспорта, особенно по товарам второстепенного значения, далеко не заслуживает этого названия, так как по районам часто фактически заготовки на экспорт весьма мало общего имеют с плановыми заготовками.

С другой стороны, нельзя ждать от районов достаточной энергии в выявлении их экспортных ресурсов, пока для них нет хозяйственной увязки между требуемым от них экспортом и предоставляемым им импортом, пока экспорт выступает перед ними как „повинность“, а импорт предоставляется им в виде чего-то, в роде „подарка“.

Совершенно нездоровой и экономически ошибочной является тенденция некоторых районов строить свою внешнюю торговлю по принципу „нетто-баланса“, т. е. покрытия всего экспорта импортом. Товарообменные связи между районами балансируются у нас гораздо больше за счет обмена внутренней продукции, чем привозной. Район с активным внешнеторговым балансом часто имеет пассивный торговый баланс, если в расчет принять и ту продукцию отечественного происхождения, которую он получает от других районов. И, наоборот, районы с пассивным внешнеторговым балансом часто ведут активную торговлю, отдавая другим районам больше продукции, чем получают от них. Все дело в том, что хозяйственный уклад одних районов нуждается больше в импортной продукции и меньше в продукции отечественного происхождения, и тогда внешнеторговый баланс носит активный характер, а другие районы находятся в обратном положении. И это не только особенность СССР. Например, в Австралии в 1928 г. было такое порайонное строение внешней торговли (в тыс. фунт. ст.) (см. стр. 126).

Таким образом, в Австралии на два штата с пассивным внешнеторговым балансом приходится пять штатов с активным внешнеторговым балансом различной силы — от четверти до половины экспорта. Если таково положение в капиталистической Австралии,

Ш т а т ы	Импорт	Экспорт	Импорт в % к экспорту
Новый Южный Уэльс	63.503	49 291	128,8
Виктория	46.001	39 437	116,7
Южная Австралия	11.307	14.850	76,2
Тасмания	1.767	2.713	65,5
Западная Австралия	9.492	15.310	61,5
Северная Австралия	32	54	59,4
Квинсленд	11.595	23.125	50,1

то тем более оно понятно у нас, где плановое начало охватывает все союзное народнохозяйственное строительство как единую систему. Наш метод индустриализации страны ставит себе целью постепенное повышение индустриального уровня отставших в промышленном отношении районов. Но до тех пор, пока задача эта не разрешена в полной мере, абсолютные расходы на индустриальное строительство в большей мере выпадают на промышленные районы, чем на районы непромышленного характера. А так как наш импорт связан, главным образом, с потребностями индустриализации, экспорт же в значительной степени базируется на сырье, то создается „неравенство“ районов в отношении внешнеторгового баланса, которое, однако, в одинаковой мере, в конечном итоге, выгодно и для „счастливых“ и для „обделенных“ районов, так как последние вознаграждаются за счет ускоренного роста индустриальной продукции „счастливых“ районов.

Итак, хозяйственную увязку между экспортом и импортом в районном разрезе нельзя понимать в смысле порайонного „нетто-баланса“. Тем не менее если отсталые районы получают относительно мало импорта, то это не значит, что экономика Союза в целом не выигрывала бы от того, что была бы возможность удовлетворять их импортом в большей степени. Препятствует только недостаточность общего нашего импорта, объясняемая слабым экспортом. Этот факт необходимо использовать в интересах последнего. Контрольные цифры, исходя из порайонного пятилетнего плана индустриального строительства, ежегодно устанавливают ту процентную долю экспорта, которая каждому району предоставляется в виде импорта, с тем, чтобы абсолютные размеры последнего увеличивались в соответствии с абсолютным увеличением экспорта. Таким образом, без вреда для общего плана индустриального строительства, а, наоборот, — ему на пользу, районам будет дана возможность за счет усиления экспорта повысить свое удовлетворение импортом. Такая хозяйственная увязка экспорта с импортом поднимет в сильнейшей степени экспортную энергию районов. Попутно

получится и другой положительный результат. Сближение районов с интересами внешней торговли в целом повысит качественную сторону экспортной работы, равно как ослабит то бесхозяйственное использование импорта, которое мы видим теперь в условиях централизации внутренней работы по внешней торговле, когда все интересы последней сосредоточены в центре, имеющем слабое представление о том, что делается на местах.

Не может быть никаких сомнений, что децентрализация того, что мы называем внутренней работой по внешней торговле, оздоровив ее в целом, сыграет значительную роль в деле построения нашего экспорта. Этот метод тем более заслуживает внимания, что он дает определенный экспортный эффект без всяких капитальных затрат и за счет таких товаров, экспорт коих большей частью наименее болезненно отзывается на внутреннем потреблении. Опыт с „второстепенным экспортом“ чрезвычайно поучителен. Но было бы наивно думать, что в использовании для экспорта без пользы пропадающих у нас предметов, мы дошли уже до предела. Не увлекаясь можно оценить наши возможности в этой области в 50—60 млн. руб. дополнительных, по меньшей мере.

IV

Другой путь, на который мы становимся для построения экспорта, — это специальное строительство для экспортных целей. В деле проведения в нашей внешней торговле планового начала — это наиболее важный путь. В последние годы наш импорт подвергался резким колебаниям. Увеличившись за один только 1924/25 г. почти в два с половиной раза, он за 1925/26 г. дал прирост всего лишь на 4,5%, чтобы в 1926/27 г. снизиться на 5,8%; в 1927/28 г. получается новый скачок в 32,6%, за которым следует опять снижение на 14,5%. Так как на импорт следует смотреть, как на один из факторов, от которых зависит все наше народнохозяйственное строительство, то ясно, какое влияние на наши народнохозяйственные планы должны оказывать такие колебания импорта. Очевидно, чтобы завершить процесс подчинения нашего хозяйственного развития плановому началу, последнее должно подчинить себе также импорт, тесно увязанный с задачами всего народнохозяйственного строительства. Тут мы должны быть застрахованы от случайностей в той же мере, в какой плановое начало требует преодоления стихии во всем комплексе советской экономики. С другой стороны, возможный у нас, а потому и желательный, мы бы сказали, необходимый темп и характер хозяйственного развития требуют такого импорта, который не укладывается в рамки экспорта, даже исчерпывающего все имеющиеся для этого потенциальные ресурсы. Все это говорит за то, что под наш импорт необходимо подвести новый фундамент в виде целесообразно и достаточно широко построенного экспорта. Отсюда вытекает необходимость в специальном строительстве для

экспорта. Все равно, как осуществление наших хозяйственных планов мы связываем с соответственным развитием энергетической базы, источников сырья, капиталонакопления и т. д., ибо иначе все наше хозяйственное планирование было бы беспочвенно, — точно так же импорт, а следовательно, и экспорт должны занять в наших планах место обуславливающих их выполнение факторов. Дальше держать нашу внешнюю торговлю на случайных балансовых разницах между производством, учитывающим одно только внутреннее потребление, — и регулируемые размерами последнего — нельзя. Необходимо стать на путь производства для экспорта. По существу, в этой мысли нет ничего нового. Идея специального строительства для экспорта пустила у нас в последние 2 — 3 года значительные корни, но она не отлилась еще в конкретную программу, почему она не чувствуется не только в перспективной пятилетке, но и в контрольных цифрах 1929/30 г.

Дело в том, что под специальным строительством для экспорта нельзя понимать одно только построение известного числа новых предприятий или приспособление для этой цели некоторого числа старых предприятий. Задача вырисовывается в несравненно более сложных контурах. Важнейшим преимуществом нашего хозяйственного планирования, сравнительно с планированием, проводимым монополистическим капитализмом, нужно признать то, что у нас оно имеет универсальный характер, что плановому началу мы подчиняем не ту или другую отрасль хозяйства, а все его в целом, что мы заставляем служить этому началу не только обобществленные силы хозяйственного строительства, но и те остатки стихии, которые нам не удалось еще искоренить. В ином положении мы оказываемся в вопросах внешней торговли. Было бы ошибкой забывать о преимуществах, которые наша внешняя торговля имеет в своей опирающейся на планируемое хозяйство монополии, из-за одного того, что до сих пор мы не сумели их использовать в достаточной степени. Но вместе с тем нельзя игнорировать и того факта, что на мировых рынках со своим планируемым хозяйством мы сталкиваемся с хозяйственной стихией, которая пытается подчинить нас себе. Поскольку внутри страны мы боремся против всяких проявлений конкуренции, заменяя ее социалистическим соревнованием, постольку на мировых рынках мы попадаем в самую гущу конкуренции, притом новейшей конкуренции, т. е. конкуренции, в которой решается судьба каждого капиталистического государства в отдельности и всего капиталистического мира в целом.

В этой обостренной конкурентной борьбе, характеризующей повоем миром товарооборот, наш импорт попадает в благоприятные условия, которые нужно только уметь использовать; но чрезвычайно усложняется проблема нашего экспорта. Одно время большой популярностью пользовалась у нас мысль, что мы достаточно нужны мировому товарообороту, чтобы быть уверенными

в своем месте на мировых рынках. Надежды строились, главным образом, на нашей сел.-хоз. продукции. При этом мы не учитывали двух обстоятельств. Забывали о новом нашем социально-экономическом укладе, влияющем на рост внутреннего потребления сел.-хоз. продукции, а потому и на ослабление ее экспортальности. Не меньший просчет получился бы у нас, если бы мы не учитывали конкурентоспособность других стран.

Нам предстоит жестокая борьба в области внешней торговли не столько в смысле отстаивания старых рынков, сколько в смысле завоевания новых. Большую помощь тут будет оказывать СССР его монополия внешней торговли, опирающаяся на плановое его хозяйство. Но и все наши преимущества окажутся мало эффективными, если мы наш экспорт не подкуем плановым началом, которое в данном случае усложняется тем, что в нем необходимо учитывать не только условия нашего собственного хозяйства, планируемого и регулируемого, но и условия мирового хозяйства, остающегося во власти капиталистической анархии.

Когда у нас речь заходит о планировании экспорта на фундаменте не только наших потребностей, но и мировой обстановки, получается обыкновенно ироническое возражение в том смысле, что мирового хозяйства мы не планируем. Разумеется, гораздо легче проблема планирования разрешается, когда плановым началом охвачены все моменты хозяйствования. Этим объясняется сила нашего планирования и слабость капиталистического планирования, проводимого капиталистическими монополиями. Но в своих сношениях с мировым хозяйством у нас нет иного выхода, как стать на путь последних. В своем планировании отдельных отраслей хозяйства они лишены возможности опираться на планируемые народные хозяйства в целом и им приходится идти по пути хозяйственных прогнозов. Этот плановый паллиатив не гарантирует от ошибок, но известную ориентировку он все-таки дает. И там, где нашему плановому хозяйству приходится сталкиваться с капиталистической анархией, у нас не остается ничего иного, как использовать этот паллиатив. Мирового хозяйства мы не планируем и не будем планировать, — наши силы воздействия на мировое хозяйство для этого недостаточны, — но в самой своей анархии капитализм подчиняется известным закономерностям, которые мы должны учитывать в плановом построении своего экспорта. Когда мы ставим себе задачей специальное строительство для экспорта, нельзя считать только со своими устремлениями, а необходимо отдать себе ясный отчет в том, как наши собственные устремления преломляются в обстановке мировых перспектив.

Перспективная пятилетка предусматривает возможность восстановления хлебного экспорта, но мы должны обратить не меньше усилий на форсирование экспорта животноводческой продукции, имеющей на мировых рынках довольно прочное будущее. Разные

перспективы на мировых рынках имеют отдельные виды животного-водческой продукции и т. д. Суть не в том, чтобы что-нибудь строить в интересах сел.-хоз. экспорта; суть в том, чтобы строить то, что должно иметь наиболее обеспеченный и наиболее эффективный сбыт за границей.

Еще сложнее этот вопрос стоит в отношении строительства в целях промэкспорта. Опыт капиталистических стран показывает, что в разных странах экспортность отдельных отраслей промышленности различна. Так, в процентах к валовой продукции экспортность отдельных отраслей составляла:

Отрасли промышленности	Германия 1925 г.	С. Штаты 1925 г.	Довоенная Россия		СССР	
			1908 г.	1912 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Пищевая и табачная	2,14	5,00	8,03	8,92	3,17	3,36
Текстильная	16,85	2,39	1,87	2,86	0,80	1,50
В том числе хлопчатобумажная	18,98	8,14	2,33	3,65	0,99	2,01
Черная металлургия и изделия из железа и стали	24,81	2,83	3,03	1,49	0,76	0,55
Прочие металлы	34,76	8,14	16,00	22,71	1,01	1,11
Деревообрабатывающая	5,70	3,72	53,82	56,80	17,32	12,61
Кожевенная	36,49	4,11	1,63	2,61	0,09	0,09
Резиновая	34,00	3,87	7,00	6,79	1,45	3,56
Бумажно-полиграфическая	21,12	1,22	1,95	2,23	0,47	0,47
Химическая	40,08	12,12	18,74	20,09	10,38	12,18
Керамическая	33,24	2,09	2,72	2,52	0,76	1,17
Машиностроительная	19,18	7,07	2,40	1,29	0,13	0,14
Всего	14,13	4,77	7,33	7,65	2,69	2,90

Вряд ли можно сказать, что в Германии или Соед. Штатах различная экспортность отдельных отраслей промышленности имеет корни свои в недостатке капиталов для соответственного своего расширения, либо вообще в невозможности необходимого развития. Внутренних причин нет ни у машиностроительной, ни у ряда других промышленности Соед. Штатов, чтобы держать свою экспортность в несколько раз ниже, чем в Германии. Особенно характерна хлопчатобумажная промышленность. Снабжая весь мир хлопком, богатые капиталами Соед. Штаты дают экспортность хлопчатобумажной промышленности в два с половиной раза меньшую, чем Германия, которая обрабатывает привозной хлопок. Да что говорить о Германии, которую Соед. Штаты как никак все-таки опережают, когда Англия вывозит более 60% продукции своей хлопчатобумажной промышленности, т.е. в девять раз больше, чем родина хлопка! Очевидно экспортность той или другой отрасли

промышленности зависит не столько от воли данной страны, сколько от того, как эта воля преломляется в обстановке мирового товарооборота. Как и торговля в целом, капиталистический экспорт направляется не только потребностью стран в связях с мировым товарооборотом, но и погоней капиталиста за более высокой прибылью.

В советских условиях вопрос как-будто упрощается; мы можем равняться только по потребности в связях с мировым товарооборотом. Однако эти связи не только не должны быть убыточны для нашего народного хозяйства, но они требуют также известной даже коммерческой рентабельности; во всяком случае к ней необходимо стремиться. Это значит, что в особенности в строительстве для экспорта необходимо ориентироваться на такие объекты, которые обеспечивали бы нам наиболее высокую реализацию за границей. Когда мы строим завод для внутренних надобностей, мы также учитываем потребителя для его продукции. Но тут серьезных просчетов не может быть. При нашем недостатке в продукции почти по всей линии промышленности можно построить завод менее нужный, чем какой-либо другой, но построить вовсе ненужный завод мы не можем. Иное дело при строительстве для экспорта. Если мы строим для экспорта завод, не зная, на какой конкретный внешний рынок его продукция пойдет, с каким конкурентом она там встретится, с каким технико-экономическим вооружением нам придется состязаться, с какой придется считаться торговой организацией и т. д., то вовсе не реальна опасность, что затраты окажутся малоэффективными, а то даже и вовсе бесцельными. Рассматривая план капитальных работ по экспортной промышленности для 1929/30 г., экспортное совещание РСФСР сделало ВСНХ РСФСР указание, что такие планы должны составляться с учетом условий мирового товарооборота. Задача эта нелегкая, ибо экспортный завод строится не на год, даже не на пятилетие, и, следовательно, считаться приходится не только с тем, что есть и что будет в ближайшее время, а приходится строить прогноз на далекие сроки. Но плановое строительство для экспорта иначе невозможно. Не может быть при этом, конечно, речи о предупреждении каких бы то ни было ошибок и просчетов. Ошибки и просчеты неизбежны даже при планировании внутри планируемого народного хозяйства; тем более они возможны при смычке планируемого народного хозяйства с мировым хозяйством, пока еще насквозь пропитанным капиталистической анархией. Но возможность ошибок не должна превращаться в их необходимость и обязательность.

V

Когда мы говорили о планировании экспорта, мы вовсе не касались общего нашего неумения продавать за границей. Не выше наше умение покупать на иностранных рынках. Суть, однако, не в этом. Само собой разумеется, что если на период переходного

времени нам нужен умелый красный купец во внутренней торговле, то еще сильнее значение умелого красного купца во внешней торговле. Наше неумение торговать за границей нам обходится, вероятно, не в малую сумму полноценной валюты. Далека от совершенства сама техника нашего планирования импорта. Этим, а вовсе не какой-нибудь злой волей (во всяком случае не ею одной) объясняются те безобразия, которые в связи с импортом раскрыла в последнее время РКИ. Импорт, в сущности, мы планируем „на-глаз“. Потребности в импорте у нас не учитываются, а определяются приблизительно по спорным нормам, по весьма вольным „обобщениям“, иногда даже по интуиции. Нет у нас достаточно детально унифицированной номенклатуры, дающей возможность надлежащим образом увязать импорт с собственной продукцией, которую в необходимых деталях мы к тому же плохо знаем. Попытки выбраться из этого хаоса делаются и нужно думать, что в ближайшее время они увенчаются успехом, особенно если планирование импорта будет доведено до низов и будет отдано под наблюдение и контроль „мест“ как в смысле участия в составлении планов импорта, так и в смысле использования импортных богатств. Однако теперь в вопросе о планировании импорта нас занимают те же принципиальные основные установки, с которыми мы имели дело, когда говорили об организации экспорта.

Тут необходимо различать два момента — перспективный момент и генеральный. Под перспективным моментом мы разумеем тот период переходного времени в обстановке „вооруженного окружения“, в течение которого нам приходится вести борьбу с „узкими местами“ в нашей собственной продукции. Для этого периода необходима, конечно, специальная, мы бы сказали, специфическая импортная политика. Не всегда в ней приходится учитывать наиболее выгодные связи с мировым товарооборотом. Экономическим мотивам часто нельзя не противопоставлять мотивов политических и даже просто тактических. Однако и для самих наших политических и тактических соображений важно иметь маяком экономическую целесообразность. Наивны, конечно, рассуждения старой экономики о разделении труда между народами по линии естественно-исторических богатств. Вряд ли и М. Спектатор прав, когда он высоту нормы прибыли объявляет „всеопределяющим фактором развития той или другой страны“ и, следовательно, ее отношений к мировому товарообороту. Стоит хорошо подумать хотя бы в приведенную нами на стр. 133 таблицу, чтобы ясно было, что товарообменные связи между народами представляют собой явление гораздо более сложное, чем это кажется на поверхностный взгляд. Во всяком случае, факт тот, что отдельные страны приходят на мировой рынок со своими не простыми, а чрезвычайно сложными особенностями, использование коих требует большего знания и умения, но настойчиво диктуется экономической целесообразностью для стран, приходящих на мировые рынки со

своим спросом. Например, по данным комиссии Бальфура, одна тонна вывозимых машин стоит фунтов стерлингов:

	Сел.-хоз. машины	Котлы	Станки	Двигате- ли	Тек- стильные машины
Швейцария	91	79	170	119	140
Англия	77	52	109	96	99
Швеция	44	92	96	131	164
Голландия	42	37	107	95	102
Франция	41	33	71	82	70
Германия	40	46	86	90	100
Бельгия	29	36	61	56	96

Конечно, и в настоящую стадию народнохозяйственного строительства СССР наш импорт, помимо политических мотивов, необходимо равнять не только по ценам — в интересах экономических и технических; часто выгоднее именно дорогая машина. Однако приведенный пример достаточно иллюстрирует необходимость при построении плана импорта иметь перед собой экономический маяк, по которому ориентируются тактика и политика. С другой стороны, особенности настоящей стадии переходного времени требуют, чтобы и экономическое планирование импорта всегда имело перед собой политический маяк. Направление, которое мы даем всему нашему народнохозяйственному строительству, в значительной степени объясняется „вооруженным окружением“, в котором мы находимся. В импорте мы это должны особенно помнить. В процессе вытеснения импорта собственной продукцией следует идти по пути собственного удовлетворения, прежде всего, текущих и постоянных потребностей, оставляя на импорт такие объекты, от которых в случае политической заминки можно отказаться без потрясения для народного хозяйства. При недостаточности, например, собственного нашего машиностроения, вряд ли целесообразно отвлекать его на такие нужды, которые имеют временный и случайный характер. Другой пример: дорожка валютой, мы установили практику ввоза крупных сепараторов для заводского маслоделия, удовлетворяя кустарное маслоделие собственной продукцией; между тем, при необходимости, легче отказаться от снабжения сепараторами кустарного маслоделия, чем заводского.

Планирование импорта в наших политических условиях — задача чрезвычайно сложная, запутанная сетью глубоких противоречий исторического момента. Мы все время должны помнить, что настоящий исторический момент имеет для нас не самодовлеющее значение, а значение подсобное, как отрезок всего переходного времени, которое должно дать в результате коммунизацию нашего народного хозяйства, следовательно, и сношений с другими народными хозяйствами, в том числе также и по импорту. В конечном итоге, как мы уже подчеркнули выше, связь наша с мировым товарооборотом должна стать исключительно связью по линии использования мировой техники, мировой экономики и мирового опыта, с одной стороны, и

улучшения производственного и личного потребления—с другой. Обеими ногами мы станем на эту дорогу лишь тогда, когда ликвидируем „узкие места“ в нашей собственной продукции и дадим нашему экспорту прочную, целесообразно построенную базу. Это задача не одного года. Однако и до тех пор нельзя понимать борьбу с „узкими местами“ только как заботу о количественном равновесии. Генеральный план импорта в целом и каждый из его отрезков в отдельности должны иметь у нас руководящей идеей ту целесообразно построенную экономическую связь между народами, которая станет возможна после ликвидации мирового капитализма, но в отношении которой коммунистический авангард должен сыграть роль застрельщика и руководителя.

* * *

Проблема планирования внешней торговли слишком велика, чтобы можно было ее охватить во всем объеме и во всех деталях в журнальной статье. Задача наша гораздо уже. Мы попытались установить основные вехи, по которым должно идти планирование внешней торговли. В особенности мы имеем в виду обратить внимание на место, которое должно быть отведено планированию внешней торговли в отличие от торговли внутренней в процессе трансформации хозяйства переходного времени в хозяйство коммунистическое. Интересен вопрос о хозяйственных связях, которые при коммунизме будут существовать между самостоятельными и самодеятельными коммунами, которые исторически были сцеплены в отжившем государстве и поэтому получили тесную хозяйственную между собой спайку. Еще труднее вопрос о хозяйственных связях, которые в настоящее время определяются как „внешние“. Коммунизм не знает торговли ни внутренней, ни внешней. Но до тех пор, пока не установится единый мировой союз свободных коммун, можно себе рисовать объединения коммун в каких-либо тесных более узких границах, объединения, которые потребуют хозяйственной (товарообменной либо продуктообменной) увязки между собой. Тем более необходимо считаться с этой возможностью стране, строящей социализм в условиях капиталистического окружения. Для нее эта проблема, которая разрешается при помощи внешней торговли в течение переходного состояния, в том или ином виде и на тот или другой период времени перейдет и за границу этого исторического фазиса. Очевидно генеральный план народного хозяйства СССР как план трансформации нэпа в коммунизм должен дать не только пути трансформации нашей внешней торговли вообще, но и ее трансформации для определенной цели, трансформации, которая создаст некоторый новый вид хозяйственных сношений с другими странами,— коммунистическими и некоммунистическими,—соответствующих нашему коммунистическому укладу.

Ценообразование в системе народного хозяйства

Уровень, система и структура цены

Всякую цену можно изучать с точки зрения: 1) ее абсолютной величины или уровня, 2) ее относительного значения в отношении других цен и 3) составных элементов, на которые цена распадается. В первом случае мы имеем дело с уровнем цены, с ее размером, с ее высотой; познание уровня цен мыслится, в первую очередь, в динамическом разрезе, в сопоставлении данного абсолютного выражения цены с ее предыдущим выражением. Вместе с тем, в понятие уровня включается также пространственное представление. Уровень цен на зерно может быть в производящей полосе низок в отношении потребляющей и высок в отношении Канады.

Каждое абсолютное выражение данной цены или каждому уровню цены в каждый отрезок времени соответствует определенное ценностное выражение. Во втором случае мы имеем в виду определенную систему цен или соотношение уровней цен отдельных товаров. В зависимости от этого соотношения мы всегда можем определить эквивалентное выражение каждого товара в отношении всех прочих товаров. Система цен, таким образом, предполагает статическое выражение цен на разноименные товары и группы товаров. В этом случае, с системой цен тесно связано понятие эквивалентов, как частное от системы, а так же как еще более производное понятие — конкурентно-способность.

Наконец, в третьем случае речь идет о том, на какие основные элементы раскладывается цена. Если уровень и систему цен можно фигурально назвать „физиологией“ ценообразования, то под структурой следует разуметь „анатомию“ цены — основные материальные факторы и элементы ценообразования.

Однако ни уровень цены, ни система цен сами по себе не понятны вне анализа структуры цены. Обычно в анализе цену расчленяют на три основные части: элементы производства, обращения и накопления. Ниже мы остановимся на этом подробнее, но сейчас для нас важно установить, что уровень, система и структура цен находятся между собой в постоянном взаимодействии и при изучении процессов ценообразования не могут быть изолированы друг от друга. Вместе с тем, ни уровень, ни систему и ни структуру цен нельзя изучать и рассматривать вне состояния производительных сил и производствен-

ных отношений страны. При одном и том же относительном уровне цен различные социально-классовые отношения получают свое неминуемое отражение в различной системе и структуре цен. Если средний уровень цен страны в целом является прямым производным от состояния производительных сил страны, то в структуре и в системе цен находят свое непосредственное отражение производственные социально-классовые отношения.

Соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен, отношение цены легкой и тяжелой индустрии, удельный вес фиска в цене — все это является функцией экономической политики. Обычно под политикой цен принято понимать комплекс экономических мероприятий, направленных в отношении уровня цен, такая „узость“, имевшая зачастую место в нашей экономической политике, ни к чему положительному, конечно, привести не может. Если мы не будем заранее учитывать, какая система цен сложится в результате измененного уровня и за счет каких составных элементов это произойдет — эффект может быть обратный. В самом деле, разве при всяких условиях достигнутый пониженный уровень цен можно считать явлением положительным? Мы можем иметь пониженный уровень цен на иных нежелательных основах. Система цен и структура их при этом может сложиться в неблагоприятную сторону с точки зрения экономической политики.

Ярким примером теснейшей взаимозависимости этих трех факторов являются в наших условиях цены на продукты тяжелой и легкой индустрии. Здесь находят свое отражение генеральные вехи социалистического строительства нашей страны. Если исходить из довоенного уровня, то здесь мы имеем неравномерный рост цен на продукты производства средств производства и средств потребления — мы имеем различный уровень цен и в силу этого — резко изменившуюся систему промышленных цен. Эквиваленты ситца и чугуна абсолютно не похожи на довоенные эквиваленты. Если теперь посмотреть на этот процесс с точки зрения структуры, то здесь мы видим резко изменившийся удельный вес отдельных элементов в ценах тяжелой и легкой индустрии, при чем это изменение в первую очередь относится к удельному весу элементов накопления в ценах тяжелой и легкой индустрии. Отсутствие единой нормы прибыли, установка на массу накопления, соразмерной расширенному воспроизводству, перераспределение этой последней через финансовые русла — нашло свое неминуемое отражение в уровне, системе и структуре цен социалистической промышленности.

Если пойти по линии выявления соотношений цен промышленности и сельского хозяйства, то и здесь мы сталкиваемся с измененным уровнем на основе иной системы, соответствующей нашей социально-экономической установке. Но здесь нужно снова подчеркнуть, что никакой экономической ясности в системе соотношений цен промышленности и сельскохозяйственных не может быть вне

анализа структуры цен. В данном случае это в большей мере относится к структуре крестьянской цены.

Наше представление об эквивалентах, об эквивалентном обмене ограничивается зачастую поверхностью явлений. Мы берем цену, по которой крестьянство реализовало свою продукцию до войны, относим ее, скажем, к довоенной цене ситца, то же самое проделываем с современными ценами на те же товары; беря, таким образом, и там, и здесь абсолютные уровни цен, делаем выводы об эквивалентах. Отсюда, далее, пытаемся делать вывод о перекачке „прибавочной стоимости“. Такая манипуляция видимостью явлений не может вскрыть действительных процессов ценообразования. Сложившийся уровень и система цен — вне структуры цены экономически ничего не вскрывают. Ниже мы, на основе проделанного большого анализа, на этом остановимся подробнее. Но можно сказать априори, что сельскохозяйственные цены теперь и до войны — это далеко не однородные понятия.

Понятие эквивалентов, связанное с соотношением размеров трудовых затрат на обмениваемые продукты, нельзя смешивать с понятием покупательной силы рубля. Если, скажем, до войны 10 единицам труда крестьянина противостояло 10 единиц промышленного труда, то в силу того, что крестьянство часть труда безвозмездно тратило на воспроизводство деревенской буржуазии, оно не в состоянии было реализовать в промтоварах всего затраченного труда. Предположим, что 2 единицы тратились „непроизводительно“, тогда десяти единицам фактически затраченного труда противопоставлялись для крестьянства лишь восемь единиц промышленного труда. Остальные две единицы в виде получаемой ренты и арендной платы реализовались на промтовары буржуазией. Таким образом покупательная сила рубля крестьянства не совпадала с эквивалентными отношениями. Если в годы восстановительного периода фонд воспроизводства феодально-помещичьей знати перераспределился таким образом, что известная доля его пошла в фонд социалистического строительства, а остальная часть осела в деревне (увеличивая благосостояние крестьянства), то это означает, что крестьянство за те же 10 единиц (исходя из неизменной технической базы) реализует не 8, а скажем 9 единиц промтоваров, т.е. на каждую единицу затраченного труда приходится по сравнению с довоенным большее количество промтоваров.

Таким образом, неэквивалентность между сельским хозяйством и промышленностью может быть понята лишь в том смысле, что известная доля довоенной, некапитализируемой прибавочной стоимости теперь пошла в фонд социалистического воспроизводства, а отнюдь не в том, что на единицу приобретаемой промпродукции бедняцко-середняцкими слоями деревни теперь приходится большее, чем до войны, количество труда этих социальных групп деревни.

Наоборот, как показывает дальнейший анализ, индекс цен сельскохозяйственного производителя теперь выше, чем индекс себестоимости.

Еще одну существенную поправку нужно внести при эквивалентах на самый уровень современной сельскохозяйственной цены и довоенной. В последней (поскольку мы оперируем довоенной базарной ценой), как известно, фигурировала довольно значительная торговая прибыль перекупщика; у нас же мы берем цену сельскохозяйственного производителя.

Далее, если подойти к ценообразованию внутри сельского хозяйства с точки зрения нашего триединого критерия, то здесь мы имеем принципиально иную базу для сложившихся соотношений. Если система промышленных цен сложилась в результате индустриализации страны, то система цен в сельском хозяйстве сложилась в большей мере в результате факторов стихийного порядка. Ведь значительно более низкий уровень цен продуктов тяжелой индустрии сложился при значительно меньшей восстановленности отраслей производства средств производства, т.е. мы имели, процесс, совершенно непонятный с точки зрения анархии капиталистического производства и перелива капиталов. Весь процесс ценообразования в сельском хозяйстве за прошлые годы являлся в основном функцией: 1) относительной восстановленности сельского хозяйства,¹ и 2) влияния социалистического сектора через производственно-организационную помощь и товарооборот на отдельные отрасли сельского хозяйства. В частности, в отношении отдельных культур и продуктов играли роль и ряд других факторов.

С восстановлением „нормального“ рынка, сельское хозяйство вступает в торговый оборот страны с относительно большим количеством товарно-материальных ценностей, нежели промышленность — этот период соответствует наиболее низкому уровню сельскохозяйственных цен при слабости рычагов регулирующего действия социалистического сектора. В дальнейшем форсированный рост промышленности, значительно обгоняющий рост товарной продукции сельского хозяйства, означает снижение удельного веса сельскохозяйственных продуктов в товарном обороте страны. Весь этот период проходит под знаком сжатия „ножниц“ по линии обоих „лезвий“ — цены на сельскохозяйственные продукты растут, а на промтовары падают. Однако это движение цен находится в зависимости в большей мере от планового воздействия, нежели от изменяющихся удельных весов продукции (сельского хозяйства и промышленности) в народном хозяйстве. Несколько „ублюдочным“ на этом фоне выглядит 1926/27 г., давший большие разрывы в системе цен внутри сельского хозяйства. Реакцией на 1926/27 г. является 1928/29 г., восстановивший с лихвой цены 1925/26 г. Несмотря на такой процесс

¹ Это, конечно, не относится к таким культурам, как хлопок и свекла, обобщественным по сбыту на все 100%.

удельный вес промышленности, даже в ценностном выражении, из года в год повышается.

Нужно безусловно признать, что то снижение цен на зерно, которое имело место в 1926/27 г., не соразмерилось ни с резко изменяющейся конфигурацией системы сельскохозяйственных цен (зерно, животноводство и технические культуры), ни со структурой цены, точнее, с соотношением цен и себестоимостью на отдельные сельскохозяйственные продукты. „Реакция“ 1928/29 г. при наличии продовольственных затруднений была в значительной мере связана с „интенсификацией“ кулацкой части деревни и частника. В результате мы имеем рост цен, значительно превышающий наши плановые предположения (по всему сельскому хозяйству вместо роста цен по плану на 7%, они выросли на 17%).

Выравнивание степени восстановленности зерна и животноводства в сельском хозяйстве влекло за собою тенденцию к выравниванию уровней цен, тенденцию к установлению довоенной системы цен внутри отдельных отраслей сельского хозяйства, относительно слабо вовлеченных в орбиту воздействия обобщественного сектора.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в сфере действия и воздействия социалистического сектора изменение цен не являлось функцией изменяющихся соотношений размеров товарной продукции между отдельными отраслями, культурами и между промышленностью и сельским хозяйством в целом.

Последние годы мы наблюдали более резкое повышение цен отраслей сельского хозяйства, где индекс цен производителя был относительно ниже. Старая „техническая“ база сельского хозяйства, почти не изменившаяся вооруженность крестьянского труда влечет за собою восстановление, примерно, довоенных отношений между ценой и затратами (себестоимостью), являющихся функцией уровня технического развития. Отсюда и тяготение современной системы цен сельского хозяйства к довоенной. Коррективы в эту систему цен вносят степень восстановленности отдельных отраслей сельского хозяйства, степень обобществления производства и сбыта, степень экономического воздействия на самый процесс производства (контрактация, кредитование), степень товарности. При наличии такой тенденции по культурам и отраслям мы имеем более резкий интервал колебания цен по сравнению с довоенным в пределах отдельных культур в географическом разрезе. В то же время, как показывает анализ, по размерам затрат (себестоимость) районы распределяются, примерно, в той же системе. Различный удельный вес частного сектора в отдельных районах значительно модифицировал, в пределах отдельных культур, соотношение между ценой и себестоимостью.

Отсюда и географический разрез в области ценообразования не может быть объяснен одним лишь уровнем цен. Межрайонные разрывы цен на те или иные группы продуктов, вне соотношений

цен, вне системы цен отдельных районов, непонятны. Система же цен необъяснима вне структуры цены.

Движущийся процесс социальной перекройки сельскохозяйственного производства, обновление технической базы, перевооружение сельскохозяйственного труда должны внести иные соотношения в условия воспроизводства отдельных отраслей и культур. Сохранение для отдельных культур довоенных условий производства не могло повлиять на заметное изменение системы и структуры затрат на воспроизводство этих культур. Обобществление сбыта в размере значительно меньшем 100% предоставляло известный простор частнику в игре на конъюнктуре. В этих условиях сельскохозяйственное производство не могло быть всецело подчинено задачам индустриализации страны.

Продукция сельского хозяйства, являясь сырьевой базой для промышленности и продовольственной базой для трудящихся, должна своими количественными и качественными показателями удовлетворять требованиям бурного хозяйственного роста. Как количественные, так и качественные (себестоимость, цены) показатели сельского хозяйства являются функцией: роста производства (урожайность, посевные площади), увеличения товарности и денатурализации, снижения затрат на единицу продукции.

Переход сельского хозяйства на более высокую техническую основу, широкое строительство совхозов и колхозов, ведение его на основах машинной техники являются основными условиями обеспечения всех этих факторов. Кроме того, форсированный темп вытеснения частного сектора из заготовок, изолирование кулацкой верхушки дает возможность более свободного маневрирования сельскохозяйственными ценами, ставя их на службу индустриализации. Тенденция системы цен к довоенным соотношениям должна прекратиться; она должна отражать иную техническую и социальную основу сельского хозяйства. Вместе с тем, должен будет иметь место процесс сужения интервала колебания цен между районами и уменьшения столь резкой разницы в рентабельности отдельных культур. Структура затрат должна будет измениться в сторону увеличения удельного веса средств производства и амортизации при снижении удельного веса труда, что соответствует хозяйству с повышенной технической базой.

Конкурентоспособность культур является частным понятием от системы цен и себестоимости. Если считать, что в цене находят непосредственное отражение процессы производства, то конкурентоспособность зависит лишь от изменения соотношения цен. Стабильные условия производства по сравнению с довоенными делали конкурентоспособность функцией достаточности данного продукта, как сырьевой или продовольственной базы и роли необобществленного сектора в заготовках; точнее говоря, конкурентоспособность является

функцией спроса и предложения в условиях более или менее свободного товарооборота. Кроме того, тенденция к выравниванию индексов (к довоенной базе) изменяла конкурентоспособность, приближая ее к довоенным выражениям.

Производство на основе неизменной техники предполагает примерную неизменность размера затрат; отсюда, всякое изменение цен есть и изменение конкурентоспособности. Изменение же цен в результате увеличения или уменьшения размеров затрат на воспроизводство не означает изменения конкурентоспособности. Правда, измененной цене противостоит иное количество продуктов других отраслей производства, но это еще не означает изменение эквивалентов. Правильное представление об эквивалентности на основе одних только цен, вне изучения их структуры невозможно. Если цена изменяется вне зависимости от размера затрат (при их стабильности), в результате изменения удельного веса элементов накопления в цене, в силу стихийных рыночных факторов, — конкурентоспособность выдвигается со всей своей силой. Поэтому, за прошлое время при почти неизменных затратах (старая техническая и социальная основа сельского хозяйства) цены могут быть более или менее условно отразить эквивалентность и конкурентоспособность. В условиях изменяющейся технической и социальной базы конкурентоспособность может определяться размером рентабельности или величиной чистой продукции (цена минус материальные затраты). Таким образом, конкурентоспособность может определяться не ценой *suü generis*, а соотношением элементов накопления и элементов затрат в цене. Иначе говоря, изучение эквивалентности вне анализа структуры цены — дело бесплодное.

Если на производство центнера ржи затрачено теперь 6 руб. против 5 прошлогодних, а цена вместо 5 руб. 50 к. выросла до 5 руб. 80 к., то при одинаковых ценах на прочие продукты рост конкурентоспособности ржи в связи с ростом ее цены обычно принимается в 5,0%. При таком „росте“ „конкурентоспособности“ ржи она может быть вытеснена другими культурами. Здесь ценностная оболочка сама по себе лишь извращает действительный процесс соотношений, взаимной связи и взаимной зависимости.

Мы отнюдь не предполагаем одинаковой рентабельности всех культур (единая „норма прибыли“); это будет зависеть от размеров расширенного воспроизводства той или иной культуры, подчиненной потребностям народного хозяйства. Система цен, которая должна сложиться в результате происходящей перекройки сельского хозяйства, не будет одновременно предполагать конкурентоспособность, как стихийное явление. Резкие интервалы колебания цен по районам, вследствие различного удельного веса частника в заготовках, должны сократиться — межрайонные ценностные отношения приобретают в этих условиях иное выражение и иное значение.

Уровень, система и структура цен должны „реконструироваться“, не отставая и тем более не являясь помехой для темпов развертывания хозяйственного строительства.

Цепная связь в ценообразовании

Если система цен выражает ценностные соотношения на определенной стадии ценообразования и отражает всю совокупность эквивалентных соотношений равноименных продуктов, то цепная связь должна вскрыть, зависимость ценообразования последующих стадий от предыдущих на данный определенный продукт и зависимость ценообразования данного продукта от цен других продуктов, входящих составной частью в издержки производства данного продукта. Цепная связь в ценообразовании предполагает органическое влияние сложившейся цены определенного продукта на определенной ступени ценообразования на последующую стадию ценообразования того же продукта или на начальный процесс ценообразования (издержек производства) другого продукта. Здесь мы предполагаем одновременность процесса в отличие от системы цен, отражающей одновременность явлений. Если говорить о цепной связи отдельной стадии ценообразования какого-либо товара (или группы товаров), то здесь мы имеем дело с ценообразованием в процессе продвижения товаров в сфере обращения от производителя к потребителю. Принципиально иной является цепная связь второго порядка, когда речь идет о влиянии цен на себестоимость, где сфера производства сталкивается с рыночными факторами, поскольку средства производства (совокупность товаров) входят в издержки производства своими ценностными выражениями, определившимися в сфере рыночных отношений.

Говоря о стадиях ценообразования, мы имеем в виду те различные ступени ценообразования, которые располагаются между ценой производителя и ценой потребителя. Выражаясь абстрактно-теоретически, мы имеем дело с постепенной реализацией в сфере обращения прибавочной стоимости, созданной в сфере производства.

Абсолютный размер издержек производства (себестоимость) является величиной неизменной на всех стадиях ценообразования. Прежде всего, необходимо остановиться на вопросе — обязательна ли пропорциональная последовательность во всех ступенях ценообразования в наших условиях, начиная от себестоимости, кончая ценой потребителя. Как мы уже указывали выше, никакого прямого соответствия между себестоимостью и ценой производителя (отпускной ценой) в социалистической промышленности не имеется. Поскольку мы говорим не о норме прибыли, а о массе прибыли, планово-распределяемой между отдельными отраслями и продуктами как в сфере производства, так и в сфере обращения, постольку прямая, для всех товаров однородная, функциональная взаимосвязь между

различными стадиями ценообразования не обязательна внутри социалистического сектора.

Цена продуктов средств производства и широкого потребления по своей структуре резко отличается от цен прочих товаров. Наш обобществленный товарооборот имеет возможность маневрирования ценами в пределах положенных ему размеров накопления. Это относится не только к продуктам социалистической промышленности, но и к товарам сельскохозяйственного происхождения, которые производитель отчуждает обобществленному сектору. Интервалы между розничной ценой и ценой производителя на одни продукты сельского хозяйства могут резко отличаться и отличаются от соответствующего интервала других продуктов.

Обобществленный сектор товарооборота в известных условиях может реализовать отдельные продукты ниже цены производителя, компенсируя это более высоким уровнем цен на другие продукты. Сфера подобного маневрирования ценами прямо пропорциональна темпу вытеснения частного сектора из сферы товарооборота. Если мы до сего времени имели дело с ценами отдельных социальных секторов, то на очереди дня стоит вопрос о классовых ценах. Проблема классовых цен разрешима в полной мере с упразднением цен отдельных социальных секторов, вернее с вытеснением частного из сферы обслуживания потребителя. Классовая цена означает, с одной стороны, установление различных цен на одни и те же товары для различных социальных групп потребителей и, с другой, — установление единой подлинно-классовой цены на товары, монопольным потребителем коих (в отдельные отрезки времени) является та или иная социальная группа. Классовая цена, имея своей предпосылкой возможность свободы маневрирования, по своей природе и своему характеру исключает последовательную цепную связь на отдельных ступенях и стадиях ценообразования. Цена в этих условиях превращается в подлинный рычаг распределения и перераспределения национального дохода в социально-классовом разрезе. Если покупательная сила рубля отдельных социальных группировок в городе определялась главным образом (в условиях бесклассовых цен) различной структурой приобретения отдельных классов, являющейся функцией благосостояния, то покупательная сила рубля крестьянства является равнодействующей от реализационного рубля и рубля по приобретению. Если в 1928/29 г. цены не сел.-хоз. товары росли, то имущая часть деревни в значительной мере обогащалась за счет середняцкой и бедняцкой части деревни, являющейся покупателем хлеба. Различная структура приобретения отдельных социальных группировок в деревне и различный удельный вес социальных секторов в проведении к потребителю товаров создает иную неоднородную динамику цен для различных классов и социальных групп по приобретению. Если в 1928/29 г.

цены в деревне по приобретению возросли в среднем на 6%, то для верхушечных слоев это составляло примерно 3,5—4%.

Введение классовых цен при различной социальной структуре приобретения создает еще более резкую социальную динамику цен. Отсюда, должно быть устранено представление о средней покупательной силе рубля страны; при классовых ценах покупательную силу рубля страны должен представлять рубль доминирующего большинства населения трудящихся. Проблема классовых цен является темой для самостоятельного анализа, которую мы затронули в связи с вопросом цепной связи в ценообразовании.

Переходя к вопросу о цепной связи в ценообразовании отдельных отраслей народного хозяйства, необходимо остановиться на влиянии цен: 1) сельского хозяйства, на издержки производства промышленности, 2) отдельных отраслей промышленности, на издержки производства прочих отраслей, 3) промтоваров на себестоимость сельского хозяйства и 4) сельского хозяйства на себестоимость сельского хозяйства.

В первом случае мы имеем дело с сельским хозяйством, как с сырьевой базой для промышленности и продовольственной базой для рабочего класса. Удельный вес продуктов сельскохозяйственного происхождения в издержках производства средств потребления определяется свыше 50%. Удельный вес заработной платы в себестоимости всей промышленности составляет около 35%, а в тяжелой индустрии около 60%. Размер заработной платы (номинальной) находится в тесной зависимости от цен товаров, входящих в бюджетный набор рабочего. Основным условием снижения себестоимости в наших условиях является рост благосостояния трудящихся, который зависит, с одной стороны, от размера номинальной зарплаты, а с другой, — от уровня цен. Таким образом, всякое проектируемое повышение производительности труда сопровождается известной проектировкой в росте реальной зарплаты, как по линии номинала, так и по линии цен. Если цены не снижаются до проектируемого уровня или даже повышаются вопреки плану, промышленность вынуждена идти по пути повышения номинала, что означает не что иное, как удар по себестоимости. Прорыв цен имел место у нас главным образом со стороны сельскохозяйственных товаров, составляющих около 60% всего товарного приобретения рабочих. Таким образом, прорыв цен в области продовольственных сельскохозяйственных продуктов отражается посредством цепной связи на себестоимости промышленности по линии зарплаты основного элемента издержек производства. Повышение цен на сел.-хоз. сырье бьет по себестоимости легкой индустрии, а при одинаковых ценах на продукты легкой индустрии бьет по накоплению промышленности. Если же цены отраслей легкой индустрии подымутся соответственно росту себестоимости в связи с ростом цен на сел.-хоз. сырье, то это должно отразиться на реальной зарплате рабочих, поскольку промтовары легкой индустрии

занимают свыше 40% товарной части бюджетного набора рабочего. Повышение же бюджетного индекса в свою очередь повлечет повышение номинальной зарплаты, что при прочих равных условиях означает рост себестоимости, главным образом отраслей тяжелой индустрии. Всякое изменение цен на каком-либо участке влечет за собой по линии цепной связи определенные последствия в прочей сфере ценообразования. Получается некая карусель, при чем, в конечном результате, мы имеем процесс перераспределения народного дохода. Конечно, такое механическое представление о процессах ценообразования в наших условиях было бы неправильным. Плановое хозяйство обладает достаточно мощными приводами для предотвращения на какой-либо стадии нежелательных процессов ценообразования. Однако, нельзя отрицать того, что явления в области ценообразования из одной сферы передаются цепным образом в другие смежные сферы. Отсюда и влияние в известной мере стихийных факторов на процессы социалистического сектора. Межсекторальное диффундирование (от частного в обобществленный) протекает главным образом по линии ценообразования. Именно в сфере рыночных отношений приходят в соприкосновение социально неоднородные хозяйствующие субъекты. Если социалистический сектор через целый ряд рычагов влияет на необобществленную еще часть народного хозяйства, то частный сектор, помимо цен, никакого непосредственного влияния на обобществленный сектор оказать не может. Налоговая система, система дифференцированных цен социалистического сектора и другие приводы могут в известной мере нивелировать это влияние, урегулировав тем самым процессы накопления, и привести в определенное русло распределение национального дохода.

Ряд лет (после 1924/25 г.) не принес почти никаких успехов в области себестоимости. Если отдельные отрасли промышленности и давали снижение себестоимости (в 1925/26 г. и 1926/27 г.), то это были отрасли легкой промышленности, где ценностные явления рынка сельскохозяйственного сырья играли в определенные периоды роль благоприятного фактора для себестоимости этих отраслей. Поэтому, те отрасли промышленности, где преобладающим элементом себестоимости являются средства производства сельскохозяйственного происхождения, а не труд и его вооружение, давали вплоть до 1927/28 г. более благоприятные показатели, нежели отрасли тяжелой индустрии. Относительно большая восстановленность сельского хозяйства в первые годы восстановительного периода влияла своими относительно низкими ценами на себестоимость легкой индустрии. (Анализ показывает, что в отношении довоенного уровня мы имеем более низкий индекс себестоимости в легкой промышленности, нежели в тяжелой). 1927/28 г. и в особенности 1928/29 г. дает картину обратную: отрасли, зависящие в производстве от сельского хозяйства, дают гораздо более неблагоприятные показатели себестоимости,

чем отрасли тяжелой индустрии. Подобное явление вполне понятно, если учесть, что перевооружение промышленного труда значительно обогнало рост технической вооруженности труда в сельском хозяйстве. Цены на сельскохозяйственное сырье в течение последних лет как бы замерли на одной точке; себестоимость сельскохозяйственного производства, при почти неизменной технической базе, находилась во власти природных явлений; урожайность, недород, полевые вредители и пр. благоприятные или неблагоприятные факторы гнали себестоимость продуктов сельского хозяйства вверх и вниз, что получало свое отображение на ценах в особенности тех продуктов, которые по сбыту слабо были обобществлены. Это не могло не сказаться на себестоимости отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье.

Промышленный труд (в широком смысле этого слова), технически значительно перевооружившись, особенно за последний год, содержит все данные для снижения себестоимости, в первую очередь в отраслях тяжелой индустрии, основанной исключительно на этом промышленном труде. Значительно меньший удельный вес этого вида труда в легкой индустрии не обеспечивает здесь на ближайший отрезок времени аналогичного снижения себестоимости. Отсюда мы имеем в 1928/29 г., фактически в первом году, значительно более быстрый рост производительности труда над ростом зарплаты, выполнение плана себестоимости по легкой индустрии, примерно, на 40%, а по тяжелой индустрии почти на 80%. Снижение себестоимости по тяжелой индустрии в 1929/30 г. должно превысить снижение по легкой промышленности на 70—80%. Сельское хозяйство не дает для себестоимости легкой индустрии благоприятных видов на 1929/30 г. Таким образом, в 1929/30 г., как и в 1928/29 г., в отличие от прошлых лет мы будем иметь значительно большее снижение себестоимости тяжелой индустрии, что является следствием различной структуры себестоимости.

Уроки 1928/29 г. вскрыли то, что продовольственные затруднения и обострение на этой почве классово-борьбы, активизация кулацкой верхушки, деревни в союзе с городским спекулянтом повлекли за собой значительное недовыполнение плана по поднятию благосостояния трудящихся. Такое положение не могло способствовать выполнению плана производительности труда и заставило пойти (по пути большего повышения номинальной зарплаты, дабы удержать благосостояние трудящихся, хотя бы на несколько повышенном уровне. Это не могло не отразиться на себестоимости. В результате, мы имеем недовыполнение снижения себестоимости, на ряду с недовыполнением задания по реальной зарплате рабочих. Как мы указывали выше, реальная заработная плата в наших условиях не может вступить в коллизию с себестоимостью. Если та часть роста зарплаты, которая идет за счет роста номинала, обеспечена при соответствующем росте производительности труда, то остальная часть,

связанная с бюджетным индексом, находится в условиях рыночной конъюнктуры. Поэтому, весь вопрос в данном случае сводится к разрешению проблемы снабжения обобществленным сектором торговли рабочего населения в первую очередь сельскохозяйственными продуктами. Необходимо парализовать влияние капиталистической верхушки города и деревни на уровень благосостояния трудящихся и только с освобождением рабочего от необходимости прибегать к услугам частника возможно будет обеспечить намечаемые темпы роста его благосостояния.

Если цепная связь в ценообразовании между промышленностью и сельским хозяйством связана с социальными сдвигами, со столкновением различных секторов, то цепная связь между отдельными отраслями промышленности связана с внутрисекторными процессами. Средства производства промышленного происхождения составляют в себестоимости промышленности почти 30%. Это промышленное сырье и материалы вступают в издержки производства отдельных отраслей своим ценностным выражением. Продукты основных отраслей тяжелой индустрии являются средствами и орудиями производства других отраслей тяжелой индустрии или отраслей промышленного производства средств личного потребления. Всю промышленность социалистического сектора в целом можно рассматривать, как грандиозный комбинат последующих стадий производства. Цена на средства производства в этих условиях сохраняет лишь счетное, чисто условное значение. Основную роль здесь приобретает себестоимость отраслей тяжелой индустрии, где цены должны следовать за изменениями размеров производственных затрат. Ряд продуктов промышленности входит составной частью в издержки производства всех почти отраслей промышленности (топливо), отсюда всякое изменение цен на эти продукты неминуемо должно отразиться на себестоимости всех отраслей.

На основе данных балансов 45 крупнейших трестов союзной промышленности (счет движения материалов за 1925/26 г.), мы попытались построить „шахматку“ взаимной зависимости 20 основных отраслей по линии средств производства (см. приложение 1).¹ Несмотря на ряд условностей, все же на основе этой работы мы можем судить, в какой мере каждая отрасль влияет на другие и в какой мере, в свою очередь, она находится в зависимости от них. Если мы имеем в каком-либо году то или иное изменение цен на черный металл, мы можем заключить, как это отразится на стоимости средств производства (отсюда и всей себестоимости), скажем, руды, — машиностроения, каменного угля, химии, нефти и т. д., в зависимости от удельного веса металла в себестоимости этих отраслей. Если удельный вес черного металла в средствах производства,

¹ Все приложения к настоящей статье будут даны одновременно со второй ее частью, которая печатается в № 12 журнала „Плановое Хозяйство“.

машиностроения составляет свыше 56%, то, скажем, в цементной промышленности его удельный вес едва достигает 0,5%. Если цены продуктов основной химической промышленности вырастут всего лишь на 3%, то стоимость средств производства лакокрасочной возрастет более чем на 1%, рудной примерно на 0,7%, стекловой — свыше 0,5% и т. д. Повышение цен на лес и стройматериалы в различной мере отражается на себестоимости отдельных отраслей, в зависимости от структуры издержек производства каждой отрасли.

По всей союзной промышленности в целом (если принять средства производства за 100), удельный вес черного металла составит 14,0%, горной — 3,9%, электротехники — 1,1%, основной химии — 3,4%, нефтяной — 2,7%, каменноугольной — 7,4%, дров и леса — 3,8%, лесных стройматериалов и деревообделочной — 7,2%, кирпича — 1,8%, стекла — 0,5%, и т. д.

В условиях планирования чрезвычайно важно знать, какое народнохозяйственное отражение получается в результате того или иного изменения цен. Познавание это, вне изучения цепной связи в ценообразовании, вне установления взаимной зависимости отраслей, невозможно. Задача построения баланса средства производства является актуальнейшей задачей для освещения ряда процессов в области ценообразования. Если бы мы знали более и менее точно всю стройную систему взаимных связей и зависимости, тогда мы в состоянии были бы придать каждому шагу в области изменения цен более осмысленное, более плановое значение.

Влияние цен промышленности на себестоимость сельского хозяйства по линии средств и орудий производства до настоящего времени было чрезвычайно ничтожно. Сельскохозяйственные машины играют еще весьма незаметную роль в качестве орудий производства сельского хозяйства.¹ Вся „стоимость пользования“ (амортизация) не только орудий производства, но и сельскохозяйственных построек и сооружений занимает в себестоимости (зерновых культур) всего лишь 3—4%. Тяговая сила, занимает в себестоимости крестьянских хозяйств — 10—11%, состоит главным образом из живой тяги; механическая же тяга исчисляется всего десятными долями процента. Минеральное удобрение еще только начинает внедряться в сельскохозяйственное производство индивидуальных хозяйств.

Совершенно иную картину мы имеем по совхозам, где удельный вес тяги в себестоимости (зерновых) составляет свыше 20%, при чем свыше половины приходится на механическую тягу. Здесь роль минеральных удобрений значительно больше. Таким образом, полунатуральный характер средств и орудий производства крестьянства „эмансипировал“ сельскохозяйственную себестоимость по этой линии от влияния промышленных цен. Значительно большая зависи-

мость, в силу иной материальной (и социальной) структуры себестоимости, имела в крупных государственных сельских хозяйствах. Процесс коллективизации, укрупнение крестьянских хозяйств на базе машинной техники и перевооружения сельскохозяйственного труда должны будут приблизить структуру себестоимости крестьянских хозяйств к структуре крупных товарных хозяйств. Отсюда мы будем иметь значительно большее влияние промышленности на себестоимость сельского хозяйства по линии цен на орудия и средства производства.

Нужно сказать, что уровень цен на сельскохозяйственные машины занимает почти самое низкое место в системе промышленных цен и влияние, с этой стороны, на сельское хозяйство может быть исключительно по линии стимулирования внедрения машинной техники в сельскохозяйственное производство. Если зависимость себестоимости в сельском хозяйстве по части средств и орудий производства пока еще чрезвычайно мала, то в отношении стоимости рабочей силы эта зависимость чрезмерно велика. Крестьянский труд мы оцениваем по стоимости наемной (батрацкой) рабочей силы. Заработная же плата батраков находится в тесной зависимости от цен промышленных товаров, производимых в отраслях легкой индустрии. Удельный вес промышленных товаров в приобретении наименее обеспеченных групп крестьянства (по размерам посевных площадей) составляет свыше 50% (см. приложение 2). Всякое изменение цен на промтовары получает непосредственное отражение на уровне заработной платы сельскохозяйственных рабочих, к которой мы и приравняем цену крестьянского труда. Довольно заметная роль частного (выше 20%) в снабжении крестьянства промтоварами зачастую нивелировала положительную роль (снижение в течение ряда лет до 1928/29 г.) промцен обобщественного сектора. Резкое сокращение частного деревенского оборота влечет за собою непосредственное влияние социалистического сектора на цену крестьянского труда. Переход сельского хозяйства на иную, повышенную, основу означает снижение удельного веса труда в себестоимости единицы сельскохозяйственной продукции. Повышение „органического строения“ затрат в сельском хозяйстве влечет за собою уменьшение влияния на сельское хозяйство себестоимости цен легкой индустрии при росте зависимости от цен продуктов тяжелой промышленности (сельскохозяйственные машины, орудия, удобрение и пр. средства производства промышленного происхождения).

Наконец, цепная связь в ценообразовании внутри сельского хозяйства протекает также по линии средств производства и стоимости рабочей силы. Если цепная связь внутри промышленности не связана с какими-либо социальными процессами, то в сельском хозяйстве она отражает социально-классовые отношения крестьянства. К приобретению средств производства (покупка семян, корм скота, аренда тяги и сельскохозяйственного инвентаря) при-

¹ См. нашу статью „К вопросу о процессах ценообразования в сельском хозяйстве“, „Плановое хозяйство“ № 6 за 1929 г.

нуждены прибегать неимущие слои деревни; эти же слои крестьянства вынуждены покупать хлеб и прочие продукты сельского хозяйства у обеспеченной части деревни. Через механизм внутрикрестьянского оборота мы можем прощупать процесс классовых отношений деревни. Необеспеченность средствами и орудиями производства части середняцкой и бедняцкой массы деревни и необходимость, в связи с этим, обращаться к „услугам“ деревенской верхушки ставит процессы ценообразования (себестоимость) различных социальных групп крестьянства в различные условия. Влияние в значительной мере кабальных цен внутрикрестьянского оборота не может не сказаться на структуре и размерах себестоимости менее обеспеченных крестьянских хозяйств. В то время как в покупательном рубле низших групп (по посевной площади) приобретение сельскохозяйственных продуктов занимает свыше 30%, в высших группах оно составляет лишь около 10%. Имеющийся в нашем распоряжении разработанный ЦСУ по бюджетам материал о себестоимости продуктов в различных социальных группах крестьянства¹ учитывает лишь разницу организационной структуры этих групп. В этой работе учитывается лишь различная структура материальных затрат, оцененных по одним и тем же ценам. Здесь не учитываются внутридеревенские классовые отношения, которые вносят еще большую дифференциацию в размеры и структуру себестоимости отдельных социальных групп деревни.

Данные крестьянских бюджетов за 1926/27 г. указывают, что остаток долга (по линии кредитных сделок) к концу года в пролетарских и полупролетарских хозяйствах составляет около 16% суммы реализации сельскохозяйственных продуктов этими хозяйствами. Соответствующий процент для мелко-капиталистических хозяйств равен несколько выше 5%; сумма, отданная в долг этой группой в 6—7 раз превышает соответствующую сумму низшей группы. От сдачи в наем инвентаря и скота высшая группа выручает в несколько десятков раз больше низшей группы; этому корреспондирует обратное явление по размерам затрат на наем скота и инвентаря. Если за продажу своей рабочей силы полупролетарское хозяйство выручает свыше 43 руб., то на одно мелко-капиталистическое хозяйство приходится всего 1 руб. 65 коп.

Продажа сельскохозяйственных продуктов односельчанам мелко-капиталистическими хозяйствами в пять раз превышает внутрикрестьянский оборот полупролетарского хозяйства. Здесь явно выступают межклассовые отношения в деревне, идущие в значительной мере по линии деревенских рыночных и ценностных отношений. Размер инвентаря в высших группах превышает низшие в 15 раз, а количество скота в 10 с лишним раз.

¹ На этом мы остановимся во 2 части статьи.

Затраты на сельскохозяйственный инвентарь в мелко-капиталистическом хозяйстве составляют около 50 руб., а в полупролетарском — 5 руб. 76 к., при чем, если интервал этих затрат между низшими и высшими группами выражается пропорцией 1:8, то соответствующее соотношение по размерам затрат на приобретение машин и орудий выражается в 1:20. Таким образом, социально иной природе хозяйства соответствует иная организационная и техническая структура. Так, в среднем на одно хозяйство по данным крестьянских бюджетов за 1926/27 г. приходилось:

Социальные группы	К началу года (в руб.)		Валовая продук- ция сельского хозяйства	Отчуждение всех прод. сельского хозяйства	Приобретение сел.-хоз. инвен- таря	В том числе машин и орудий
	Весь инвентарь	Весь скот				
	1	2	3	4	5	6
Пролетарий и полупролетарий . . .	34,72	100,51	379,40	119,09	5,76	1,40
Простые товаропроизводители . . .	173,29	401,13	973,67	248,70	19,94	8,44
Мелкие капиталисты	478,64	843,16	1.756,59	605,46	49,09	28,98

Социальные группы	Остается долга к концу года	Наем скота и инв. в сел.-хоз. (без рабсилы), всего	В том числе деньгами	Уплачено за наем рабсилы	В том числе деньгами	Получено (в руб.) за продажу своей рабсилы	В том числе деньгами
	7	8	9	10	11	12	13
Пролетарий и полупролетарий . . .	17,82	4,59	2,59	0,70	0,34	43,06	16,18
Простые товаропроизводители . . .	21,62	2,39	1,32	3,29	1,36	5,89	2,99
Мелкие капиталисты	32,89	4,27	1,74	80,46	22,71	1,65	0,61

Все рыночные отношения в народном хозяйстве, все секториальные и классовые отношения должны найти и находят свое неминуемое отражение в цепной связи ценообразования. Процесс кругооборота и метаморфоз отдельных продуктов создает непрерывную цепь взаимно-переплетающихся зависимостей отдельных хозяйственных сфер. Эта взаимосвязь социально-однородных и социально-различных хозяйственных сфер в первую очередь протекает через механизм ценообразования.

(Продолжение следует)

Об одной неудачной теории¹

(по поводу теории рационализации О. А. Ерманского)

Общие замечания

В 1928 г. и затем в 1929 г. вышла двумя изданиями книга О. А. Ерманского „Теория и практика рационализации“. Достоинства этой работы неоднократно и вполне заслуженно освещались в нашей печати. Были отмечены также и недостатки. Однако, основная идея автора, являющаяся стержнем всей книги,—категорическое отождествление принципа оптимума с принципом рациональности—была почти совершенно обойдена критикой, и автор, тем самым, получил некоторое право утверждать, что его метод „может считаться общепризнанным“. Между тем, основная ошибка автора, определяющая собой все остальные его частные ошибки, лежит именно в плоскости построения понятия „рационального“. Предлагаемое О. А. Ерманским понимание рационального является не только односторонним и по тому методологически неправильным, но и просто вредным в условиях нашего развития.

Задача построения теории рационализации, само собой разумеется, далеко выходит за рамки простого описания методов рационализации. Мало сказать, что конвейерная система или стандартизация производства представляют собою методы рационализации. Нужно, кроме того, показать почему они являются методами рационализации и что в них рационального. Поэтому О. А. Ерманский совершенно прав, когда описанию практики рационализации предпосылает очерк теории рационализации. Бесспорная заслуга автора в том, что он едва ли не первый в русской литературе поставил вопросы рационализации в теоретической плоскости. Однако, выдвинутая им теория рационализации, несмотря на кажущуюся ее стройность и убедительность, имеет чрезвычайно существенные дефекты и пробелы.

О подлинной рационализации

Прежде всего мы не находим в работе О. А. Ерманского самого основного: определения понятия „рационализация“. Автор ставит нас в известность о целях рационализации: „рациональная органи-

¹ В порядке обсуждения. Ред.

зация производственных процессов имеет целью увеличить их полезный результат“ (стр. 3). Затем мы узнаем, каким образом достигается рациональная организация: „организация задача не количественного, а качественного порядка. Это значит следующее: если мне, как организатору или рационализатору, даны определенные силы или элементы производства, то извлечь из них больше полезного результата я должен не обязательно введением в дело новых сил, т.е. увеличением количества наличных сил, а качественным улучшением или изменением соотношения между имеющимися силами“ (стр. 3).¹ Далее автор сам разъясняет, что „качественное улучшение или изменение сочетания сил, как средство; количественное увеличение достигаемого полезного результата, как цель,—такова следовательно, характеристика работы по рациональной организации производства“. Иными словами, мы пока знаем лишь цели и средства рациональной организации. Это, однако, не определение понятия, ибо одной цели могут служить различные средства так же как и определенное средство может служить разным целям.

Для того, чтобы дать правильное определение такому понятию, как „рациональная организация производства“ или „рационализация производства“, следует предварительно установить, что означает собою „рациональность“, как таковая. Без правильного понимания идеи рационального нельзя правильно подойти к изучению рационализации промышленности. Между тем, правильное понимание столь отвлеченной идеи, как рациональность, крайне затрудняется тем, что объективной рациональности не существует. Рациональность есть не больше, как качественная характеристика или оценка, даваемая нами явлению. Любое явление может быть рассмотрено с различных сторон и точек зрения, и в каждом отдельном случае оно будет иметь иную характеристику степени своей рациональности. Одно и то же явление может быть рациональным в одном отношении и нерациональным в другом. Применение детского труда в промышленности отнюдь не является рациональным с точки зрения интересов здоровья населения, но вполне рационально с точки зрения капиталиста. Поэтому, наиболее обобщающее содержание, какое может быть нами раскрыто в идее рационального, представляет собой ни что иное, как наиболее полное использование данного явления в желательном направлении. Чем больше соответствие между тем результатом, который есть, и тем, который здесь в определенном направлении объективно возможен, тем больше оснований считать данное явление рациональным.

Таким образом, для того, чтобы говорить о степени или наличии рациональности в том или ином явлении, нужно иметь представление о следующих трех моментах: 1) содержание явления, 2) обек-

¹ Здесь и ниже стр. указаны по второму изданию „Теории и практики рационализации“. ГИЗ 1929 г.

тивно возможный результат и 3) наличный результат. Содержание явления или наличие некоторых сил или средств предопределяет собою направление, в котором они используются и в котором должен быть найден результат. Конечно, это не значит, что каждая данная комбинация сил или средств может быть использована только в одном направлении. Но из всех возможных применений есть одно, наиболее эффективное, по сути вещей вытекающее из данного комплекса сил и потому наиболее рациональное. Это значит, что когда мы говорим о рациональности, то необходимо различать о какой рациональности идет речь: о направлении, в котором данный запас сил может быть наиболее рационально использован или о достижении наиболее рационального результата в уже принятом направлении, независимо от того является ли оно само по себе правильным или неправильным. О. А. Ерманский не проводит этого различия и потому не может на деле провести грань между рационализацией социалистической и рационализацией капиталистической. Замечания его об „условности“ капиталистической рационализации весьма туманны, и нет ничего удивительного в том, что он в конце концов приходит к парадоксальному выводу — полному отрицанию капиталистической рационализации: „научно-теоретическая беспомощность буржуазных экономистов, — читаем мы в отдельной статье О. А. Ерманского, — есть только отражение социально-классовой неспособности буржуазии к проведению в жизнь полной и подлинной рационализации“.¹ Как легко разрешается вопрос о разнице между капиталистической и социалистической рационализацией! Оказывается разницы никакой нет, ибо есть только одна рационализация, а все остальное сплошная мистификация. „Рационализация социалистическая, пишет О. А. Ерманский, — тавтология, ибо рационализация для настоящего исторического периода может быть только социалистической, а рационализация капиталистическая — вовсе не рационализация; она — „рационализация“ в кавычках“.²

Здесь, своим категорическим отрицанием капиталистической рационализации, О. А. Ерманский не только совершает ошибку против фактов, но и впадает в противоречие с самим собой. В самом деле, каковы должны быть предпосылки отрицания капиталистической рационализации? Для этого нужно исходить из следующих положений: 1) цели и средства капиталистической рационализации отличны от целей и средств рационализации социалистической и 2) рационализация есть сочетание только одних средств, ведущих к одной только цели. Исходя из таких предпосылок, конечно, можно сделать вывод, что капиталистическая рационализация „вовсе не рационализация“, ибо она действительно характеризуется другими средствами и целями нежели рационализация социалистическая. Но ведь

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 207.

² „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 213.

О. А. Ерманский сам утверждает, что рационализация не есть сочетание определенных средств, направленных к одной только цели, а есть соответствующая организация средств, направленных к достижению любой цели. Это значит, что могут быть различные цели, в зависимости от рода деятельности, и тем не менее явление будет рациональным, если средства, ведущие к данной цели, надлежащим образом организованы. А если так, то почему не может быть капиталистической рационализации? Конечно, для социалистического хозяйства цели и методы капиталистической рационализации неприемлемы, ибо они дезорганизуют хозяйство. Точно так же и для капиталистического хозяйства неприемлемы цели и методы социалистической рационализации. Но цели и методы капиталистической рационализации, применяемые в капиталистическом хозяйстве, будут вполне на своем месте, ибо они путем надлежащей организации сил и средств ведут к повышению искомого результата. Поэтому, отрицание существования капиталистической рационализации равносильно отрицанию существования рационального отношения во всяком явлении, где известное сочетание сил и средств приводит к некоторому результату, за исключением социалистического хозяйства. Расположение гнезд внутри бедренной кости человека, на которое ссылается О. А. Ерманский, не может быть, следовательно, примером рациональности, ибо как на данном историческом этапе, так и на всяком ином этапе, оно служит не тем целям, которым служит рациональная организация социалистического хозяйства.

Утверждение О. А. Ерманского, что существует только одна рационализация, является недопустимой ошибкой и к тому же совершенно не вытекает из его же собственного понимания рационального. Всюду, где у него речь идет о содержании рационального отношения, мы не находим никаких ограничений ни в выборе средств, ни результатов. Напротив всюду подчеркивается, что существенным является не характер или количество средств, и не характер или количество результатов, а только соотношение между ними. Мы имеем прямое и категорическое утверждение, что цель того или иного явления не имеет значения, „важна объективная сторона дела: обеспечение рациональности путем соответствия средства деятельности и ее цели, путем планомерного согласования между собою всех элементов деятельности. Не важна — вернее, в стороне стоит — субъективная сторона, цель, которая преследуется данной деятельностью“.¹ После этого совершенно справедливого заявления нам не понятно утверждение, что есть только одна рационализация. Другое дело, если бы автор хотел осудить методы капиталистической рационализации, как основанные на эксплуатации рабочей силы и направленные не к увеличению благосостояния широких масс, а к повышению доходов капиталистов. В этом случае автор

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 204.

был бы безусловно прав. Но осуждая то или иное явление, не-зачем закрывать глаза на его существование. „Когда мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть,— пишет Энгельс,— то такие приговоры не касаются политической экономии. Мы выражаем ими простое противоречие нашего нравственного чувства с данным экономическим фактом“.¹

Правильная постановка вопроса была бы такова. Между известным количеством сил или средств и результатом их деятельности могут быть достигнуты различные отношения. Одно из этих отношений будет наиболее рациональным, ибо оно отвечает такому-то принципу. Всякое рациональное отношение должно отвечать этому принципу, что означает, что существует только одно подлинно рациональное отношение. Но элементы, которые составляют это рациональное отношение, могут быть самые разнообразные. Мы имеем дело с различными явлениями, с различными результатами и т. п. Вследствие этого мы не можем говорить о примате какой-либо одной цели или результата над всеми прочими и считать рациональным только соответствие этой цели. Мы должны на первый план выдвинуть именно идею рационального, т. е. подчеркнуть, что речь идет не о данном результате, не о данных силах и средствах не о данном историческом этапе и т. п., а о всякой комбинации сил и результатов, возникающих на любом историческом этапе. Рациональное отношение может быть всюду, но в одном случае это будет рациональность социалистического хозяйства, в другом — капиталистического хозяйства, в третьем — расположения гнезд в бедренной кости человека и т. д. В каждом отдельном случае принцип, по которому строится отношение между средствами и результатом, будет один и тот же, но сами средства и результаты будут глубоко различны.

Цели и средства рациональной организации

Признавая только одну подлинную рационализацию, О. А. Ерманский впадает в ошибку именно потому, что не отличает выбора цели от организации средств для достижения поставленной цели. Подходя к рационализации того или иного явления, мы должны последовательно разрешить ряд задач. Первая задача, которая должна быть разрешена, сводится к установлению органического соответствия между данным комплексом сил или средств и результатом их действия. Иными словами, мы должны в зависимости от того, что нам дано, цель или средства, найти либо наиболее рациональную цель при данных средствах, либо наиболее рациональные средства для данной цели. Для того, чтобы эта задача была правильно разрешена нужно подойти к характеристике целей и средств

¹ Ф. Энгельс. Предисловие к I немецкому изданию „Ницше философия“ К. Маркса.

значительно глубже, чем это делает О. А. Ерманский. Прежде всего следует, поскольку речь идет о рационализации такого социального явления как хозяйство, отказаться от вульгарной натуралистической точки зрения, на которой стоит О. А. Ерманский. Для О. А. Ерманского хозяйство есть всего лишь материальный процесс, лишенный социальной формы, благодаря чему он ограничивает проблему рационализации одними технико-организационными мероприятиями. На самом же деле, это далеко не так. Материальное явление, лишенное социальной формы, может быть использовано в различных направлениях, при чем мы сможем выбрать лишь наиболее желательное направление, но никогда не можем определить, какое направление будет наиболее рациональным. В самом деле, какое может быть дано наиболее рациональное использование имеющейся суммы денег? Сказать, что наиболее рациональное использование денег заключается в обмене их на товары или услуги, а не в украшении жилищ, значит признать социальную функцию денег и отказаться от натуралистического взгляда на вещи. Но этого мало. Необходимо, кроме того, знать, на какие товары или услуги было бы наиболее рационально истратить имеющиеся деньги. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать не только социальную функцию денег в меновом обществе, но и их социальную форму в обществе капиталистическом. Одна и та же сумма денег может быть наиболее рационально использована в различных направлениях в зависимости от ее социальной формы. Если эта сумма денег имеет форму заработной платы, то наиболее рациональным ее использованием будет воспроизводство рабочей силы. Если же эта сумма денег имеет форму денежного капитала, то наиболее рациональным использованием, в этом случае, будет извлечение прибыли. Пока сумма денег лишена определенной социальной формы, до тех пор мы не можем решить вопроса о наиболее рациональном ее использовании. Напротив, зная социальную форму интересующего нас явления, мы легко укажем направление, в котором оно должно быть использовано. Короче говоря, в отношении материальных явлений, воспринимаемых нами без определенной формы, нельзя ставить вопроса о наиболее рациональном их использовании, ибо здесь будет столько же наиболее рациональных использований, сколько различных форм может принять изучаемое явление.

Таким образом, для того, чтобы говорить о выборе наиболее рациональной цели при данных средствах, нужно понять социальную природу имеющихся средств, т. е. рассмотреть их с одной неизменной точки зрения.

Марксистская теоретическая экономия рассматривает явления хозяйственной жизни с точки зрения отношений между людьми. Под таким углом зрения основные явления хозяйственной жизни принимают форму экономических категорий. Для каждой экономической категории есть только одно направление, в котором она

может себя наиболее рационально проявить. Это именно та функция данного фактора в хозяйственной жизни, успешное выполнение которой является экономическим оправданием его существования, или невыполнение которой делает его существование бессмысленным. Речь идет именно об экономической целесообразности, т.е. о целесообразности, критерий которой обусловлен капиталистической формой производства. Само собой разумеется, что целесообразность экономическая далеко не всегда совпадает с целесообразностью технической, моральной, эстетической и т. п. Но мы не можем измерять целесообразность и успешность функционирования экономических категорий, как капитал, наемный труд и др. критериями лежащими вне сферы экономики. Для этого необходимо отказаться от экономической точки зрения.

Таким образом, выбор цели или направления, в котором может быть наиболее рационально использовано то или иное хозяйственное явление, целиком предопределяется его социальной формой, а никак не его материальным содержанием. Когда О. А. Ерманский пишет, что для настоящего исторического периода рационализация может быть только социалистической, совершенно очевидно, что он пишет не о капиталистическом хозяйстве, т.е. о хозяйстве, имеющем определенную социальную форму, а о хозяйстве „вообще“. Хозяйство для О. А. Ерманского не социальная организация, а всего лишь материальный процесс, который он хочет заставить служить одной определенной цели. Такая постановка вопроса вряд ли может рассчитывать на „всеобщее признание“. Мы были бы совершенно согласны с О. А. Ерманским, если бы он сформулировал свою мысль, примерно, следующим образом. Человек может по-разному относиться к целям хозяйственной жизни: он может строить хозяйственную систему для удовлетворения потребностей общества (социалистическая форма хозяйства), но может строить ее и для извлечения дохода (капиталистическая форма хозяйства). Это — две точки зрения на одно явление, определяющее собой различные цели хозяйственной деятельности. В первом случае движущим стимулом хозяйственной системы будет обслуживание общества; во втором — стремление к прибыли, к частной наживе, получаемой путем эксплуатации одного класса другим. На известном историческом этапе стремление к прибыли настолько обеспечивает обслуживание общественных потребностей, что капиталистическое хозяйство может считаться наиболее рациональной формой хозяйства для этого периода. Однако, на современном историческом этапе мы наблюдаем столь значительный разрыв между стремлением к прибыли и удовлетворением общественных потребностей, что с точки зрения интересов широких масс населения материальная база современного хозяйства сможет быть наиболее рационально использована лишь при изменении формы хозяйства, преобразовании ее из капиталистической в социалистическую. Иными словами, вместо того, чтобы говорить

о том, что есть только одна рационализация, О. А. Ерманский должен был бы сказать, что с определенной классовой точки зрения производственная база хозяйства капиталистических стран может быть наиболее рационально использована только в социалистическом направлении. Говорить же про капиталистическое хозяйство, т.е. про социальную организацию, преследующую цели извлечения дохода, что единственным видом рационализации для нее является рационализация социалистическая, по меньшей мере наивно.

Капиталистическое хозяйство будет рациональным в том случае, если оно отвечает своему назначению (получение дохода), и если организовано так, что при данных средствах и силах получает наилучший эффект. Существует ли на данном историческом этапе капиталистическая рационализация? Существует и это признает и О. А. Ерманский, хотя и называет ее „мнимой“, „условной“ и т. п. Капиталистическое хозяйство, действительно, всеми мерами стремится к повышению доходности, оно осуществляет ту свою жизненную функцию, без которой существование подобной системы общественных отношений становится бессмысленным. Капиталистическое хозяйство рационализируется „в себе“.

Одновременно с капитализмом рационализируется и советское хозяйство. Но советское хозяйство рационализируется не потому, что оно подобно капитализму стремится к частной прибыли, а именно, потому, что цели рационализации советского хозяйства совершенно иные. Представляя собой иную систему общественных отношений, нежели капитализм, советское хозяйство рационально потому, что оно идет навстречу той задаче, которая заложена в его системе общественных отношений. Поскольку же это соответствие имеет место, постольку и советское хозяйство рационально в себе.

Таким образом, выбор или соответствие цели данным средствам определяется социальной формой последних. Капиталистическое хозяйство может иметь только одну цель — рентабельность. О. А. Ерманский совершенно напрасно нападает на распространенное в Германии и Соед. Штатах понимание рационализации, как совокупности мероприятий, повышающих рентабельность предприятия. „По существу, пишет О. А. Ерманский, это — грубый эмпиризм, сводящийся к отказу от объяснения и определения рационализации, как исторического явления“.¹ Как-раз наоборот, именно те, кто считает рентабельность критерием рационализации, именно они стоят на исторической точке зрения, ибо они говорят о рационализации капиталистического хозяйства, а не рационализации „вообще“.

Но если принцип рентабельности является наиболее рациональной целью капиталистического хозяйства, а принцип удовлетворения потребностей наиболее рациональной целью социалистического хо-

¹ „Плановое Хозяйство“ 1929 г., № 2, стр. 211.

зайства, то мы можем сказать, что наиболее рациональной целью всякого комплекса сил или средств является осуществление той функции, которая придает данному явлению его социальную форму. Иначе говоря, каждое социальное явление будет лишь тогда рациональным в себе, когда оно будет поддерживать и сохранять свою социальную форму. В этом заключается выбор цели при данных средствах.

Форма рационализации

Выбор цели или средств является первой задачей рационализации. Но это не более, как выбор элементов для второй более сложной задачи. Полное соответствие между имеющимися средствами и целью или направлением, в котором они должны быть использованы, конечно, облегчит достижение нужного результата. Однако, сплошь и рядом, приходится прибегать к использованию средств не по их прямому назначению, или, что то же самое, стремиться к достижению определенной цели не с помощью тех средств, какие были бы рациональнее всего использовать, а с помощью тех средств, которые имеются. В этом случае, так же как и тогда, когда между имеющимися средствами и поставленной целью достигнуто полное соответствие, мы имеем всего лишь элементы задачи. Теперь эти элементы должны послужить основанием для точно сформулированного непосредственного задания. После того, как цель рационализации и ее средства нам уже известны, нужно выбрать лучший путь, каким эта цель может быть достигнута.

Целью деятельности капиталистического промышленного предприятия является получение прибыли; непосредственным результатом его деятельности является создание продуктов. Средством получения прибыли является известное отношение между затратами предприятия и непосредственным результатом его деятельности.

Таким образом, рационализация деятельности данного предприятия должна свестись к изменению соотношения между затратами и продукцией. К изменению этого соотношения можно прийти различными путями и второй задачей рационализации является выбор наиболее целесообразного пути, или формы рационализации.

Основным содержанием теории рационализации О. А. Ерманского является доказательство того, что наилучшим путем, ведущим к достижению наиболее рационального отношения между затратами и результатом, является построение этого отношения по принципу оптимума. Содержание принципа оптимума сводится к следующему. Имеется определенное количество средств (E), которое дает определенный результат (R). Отношение R к E или результат на единицу затрачиваемых средств представляет собою величину m . Благодаря тем или иным организационным мероприятиям можно уменьшать величину E , а также увеличивать или уменьшать величину R . Увеличение E исключается, так как всякое увеличение имею-

щихся средств представляет собою явление, выходящее за рамки организационно-рационализаторских мероприятий. Всего, следовательно, возможны следующие 6 комбинаций:

E	R
1. Без изменения.	Без изменения.
2. Без изменения.	Увеличение.
3. Без изменения.	Уменьшение.
4. Уменьшение.	Без изменения.
5. Уменьшение.	Увеличение.
6. Уменьшение.	Уменьшение.

Каждая из этих комбинаций дает свою особую величину m . Наиболее рациональным, утверждает О. А. Ерманский, будет такое сочетание средств и результатов, при котором величина m будет наибольшей. Это оптимальное отношение является основой рационализации и „по этому пути идет вся культура человечества, в особенности техническая культура“ (стр. 29).

Так ли это на самом деле? Возьмем пример, которым пользуется Кларк при обосновании теории падения производительности капитала. Лодка, в которой находится один гребец, движется с определенной скоростью. Для того, чтобы увеличить скорость движения лодки, туда садится второй гребец. Однако, несмотря на то, что расход энергии увеличивается вдвое, скорость движения лодки увеличивается менее, чем вдвое. Если в лодку садится третий гребец, то скорость движения увеличивается еще более, но, несмотря на тройное увеличение количества расходуемой энергии, скорость движения лодки в лучшем случае увеличивается вдвое. Допустим далее, что О. А. Ерманский приглашен рационализировать работу гребцов. Не трудно догадаться, что верный своему принципу оптимума, он оставит в лодке только одного гребца, благодаря чему величина m , т.-е. отношение скорости лодки к расходуемой энергии, будет наибольшей из всех возможных. Но напрасно вы будете пытаться убедить О. А. Ерманского, что лодка должна к определенному сроку прибыть в какое-либо место, что с одним гребцом она этого не сделает и, следовательно, вся проделанная „рационализация“ становится бессмысленной. Ерманский ответит, что подобные соображения являются „бытовой мудростью“ (стр. 21).

Очевидно, что в ряде случаев приходится стремиться не к наиболее рациональному отношению между E и R , а, прежде всего, к определенной величине E или R . Отсюда и вытекает необходимость точной формулировки задания для рационализатора. О. А. Ерманский полагает, что долг рационализатора обязывает его воспользоваться таким сочетанием средств и результатов, при котором будет наиболее благоприятное отношение между ними. Это неверно. В подавляющем большинстве случаев задачей рационализации является не отыскание одного лишь оптимального отношения между

E и R , при различном варьировании их абсолютных величин, а достижение оптимального результата при условии обязательного достижения определенной величины R , или при условии полного использования E . Единственное исключение, какое допускает О. А. Ерманский для принципа оптимума, относится к пожарным лестницам (стр. 136). А между тем обязательность выполнения определенного задания в определенный срок встречается не только при пожарах, но в подавляющем большинстве случаев, начиная от одной из основных задач советского хозяйства — „догнать и перегнать капиталистические страны в кратчайший срок“ до своевременного представления справки в домоуправление.

О. А. Ерманский совершенно прав, когда пишет следующее: „Можем ли мы сказать, что работа выполнена тем рациональнее, чем больше величина R ? Очевидно, нет. Можно выполнить работу весьма нерационально и все-таки получить большое R , — благодаря затрате огромного количества сил. Можно ли сказать, что работа выполнена тем рациональнее, чем меньше величина E ? Опять-таки, нет. Можно нерационально выполнять работу с весьма небольшим расходом сил, но зато и полезного результата получить ничтожное количество“ (стр. 19—20). Действительно, стремление к максимуму результатов, ценою каких угодно усилий, можно оправдать лишь в самых редких случаях. Точно так же крайне редко может быть оправдано доведение затрат до минимума ценой любого сокращения результата. Отсюда вытекает совершенно правильный вывод: „очевидно критерием рациональности работы не может служить ни R , ни E : таким критерием может служить лишь сопоставление их друг с другом, отношение между этими величинами“ (стр. 20). Какое же отношение между R и E будет рациональным. О. А. Ерманский считает, что только то отношение будет наиболее рациональным, которое на единицу E даст наибольший результат, или на единицу R требует наименьших затрат. В этом и заключается основной порок принципа оптимума. Если О. А. Ерманский правильно отказывается от стремления к максимуму R или к минимуму E , то он совершенно не прав, когда забывает о минимуме R и максимуме E . В подавляющем большинстве случаев дело не просто в отношении между E и R , а в обязательном достижении минимума R или в максимальном использовании E . Только после того, как достижение известного минимума R обеспечено, тогда лишь можно искать более рационального отношения между R и E . Иначе говоря, прежде чем приступить к рационализации, нужно знать, какое сочетание, какая форма рационализации должна быть достигнута в том или ином случае. Не любое отношение R к E будет рациональным, если только оно дает наибольшую величину m , а только то отношение, которое прежде всего обеспечивает абсолютный минимум R или абсолютный максимум E . Это значит, что при выборе рационального сочетания мы связаны определенными рамками.

Выше были приведены 6 возможных сочетаний R и E , среди которых для каждого конкретного случая должно быть найдено одно наиболее рациональное отношение. Возьмем следующий пример: студент должен в течение остающихся 24 часов подготовиться к экзамену, для чего ему нужно прочесть книгу в 400 страниц. Если бы этот студент обратился к О. А. Ерманскому, тот посоветовал бы ему примерно следующее. „В течение первых 4 часов вы прочтете 120 стр., в течение вторых 4 часов вы прочтете 100 страниц, в течение третьих 4 часов — 80 страниц и т. д. Для того, чтобы ваш труд был рациональным, чтение нужно прекратить в тот момент, когда каждый лишний час начнет понижать среднюю величину m . По всей вероятности этот момент наступит с седьмого часа работы, когда вместо 30 страниц в час вы будете прочитывать только 25 страниц. Поэтому, наиболее рациональным отношением между затраченной энергией и полученными результатами будет в том случае, если E составит не более 6 часов, а R — 180 страниц“. Иначе говоря, О. А. Ерманский предложит шестое сочетание, как наиболее рациональное для данного случая. Очевидно, что студент откажется от применения принципа оптимума и согласится на последние страницы своего учебника тратить не по 2 минуты, как в начале работы, а по 15—20 минут, лишь бы к сроку приготовить зачет. Если изложить этому студенту все 6 возможных сочетаний, то он скажет, что поскольку его работа имеет определенный размер и определенные сроки, постольку выбор наиболее рационального сочетания или формы рационализации его работы должен быть ограничен лишь двумя сочетаниями, а именно первым и четвертым. Утверждение О. А. Ерманского, что в принципе оптимума „заключается решающий, исчерпывающий критерий рациональности“ (стр. 135) является, таким образом, как-будто не совсем обоснованным.

Подобно тому, как в приведенном примере обязательным условием рационализации входило сохранение абсолютной величины R и, следовательно, выбор наиболее рационального отношения был ограничен только теми сочетаниями, где R остается неизменным, точно так же обязательным условием рационализации может входить сохранение величины E . В этом последнем случае выбор наиболее рационального отношения также будет ограничен немногими сочетаниями. В зависимости от конкретных условий и характера явления число сочетаний, среди которых нужно выбрать наиболее рациональное отношение, может колебаться от 1 до 6. При выборе этого отношения принцип оптимума действительно будет критерием рациональности, но лишь после того, как форма рационального отношения будет наперед установлена. О. А. Ерманский этого ограничения очевидно не признает, поскольку считает принцип оптимума решающим критерием рациональности. Благодаря этому развиваемая им теория рационализации неизбежно должна привести к ряду неправильных и политически-вредных выводов.

Два вывода из теории рационализации О. А. Ерманского

Мы рассмотрим всего лишь два вывода, которые сами напрашиваются при изучении теории рационализации О. А. Ерманского. Первый из них относится к задаче „догнать и перегнать“, второй — к использованию рабочей силы.

Как ставится у нас задача: догнать и перегнать капиталистические страны? Не говоря о том, что эта задача совершенно точная, отнюдь не идентичная неопределенной установке — „повышать уровень развития производительных сил“, она кроме того должна быть выполнена „в относительно минимальный исторический срок“. Переводя это задание на язык О. А. Ерманского, мы получаем R , при чем R совершенно точное. Если мы не можем сейчас точно указать год и месяц, когда эта задача будет решена, то самый момент осуществления задания сможет быть совершенно точно установлен. В отличие от какого-либо неопределенного задания, указывающего лишь направление развития, в этом случае мы имеем точную границу, достижение которой легко сможет быть установлено при помощи сравнительного статистического анализа. Средства, с помощью которых это задание сможет быть выполнено, заключаются в трудовых ресурсах и материальных производительных силах народного хозяйства СССР. Эти средства достаточны для выполнения поставленной задачи, но они требуют от участников величайшего напряжения. Совместимо ли величайшее напряжение с принципом оптимума? Ни в какой мере, ибо величайшее напряжение означает повышение расхода сил на единицу результата с целью обязательного достижения поставленного задания в минимальный срок. Если следовать принципу оптимума, то нужно сократить рабочий день до 5–6 часов, сократить норму накопления, ослабить темп индустриализации и т. п. Напряжение тогда уменьшится в большей степени, чем сократятся получаемые результаты и, следовательно, отношение R к E увеличится. Но тогда придется отказаться и от задачи перегнать капиталистические страны. Ведь, очевидно, что тот, кто догоняет, должен тратить больше сил на единицу пройденного расстояния, чем тот, кто идет не спеша, с принципом оптимума в кармане.

В вопросе использования рабочей силы принцип оптимума также приводит к неправильным и вредным выводам. О. А. Ерманский рекомендует следующим образом определять нормы выработки. Измеряя ежедневный расход энергии и давая рабочему разные задания, мы получаем различные величины. Допустим, что опыт показал, что выработка рабочего на единицу затраченной энергии начинает падать после того, как его дневная продукция начинает превышать 100 единиц изделий. О. А. Ерманский делает отсюда вывод, что норма выработки должна быть определена отныне в 100 единиц изделий в день. В отличие от О. А. Ерманского капита-

лист, который совсем не интересуется расходом энергии рабочего, считает, что норма выработки должна быть установлена в 200 единиц в день, хотя бы это привело к полному изматыванию рабочей силы. О. А. Ерманский мечет громы и молнии против этого несознательного капиталиста, упрекая его в том, что он нерационально ведет свое предприятие. С нашей точки зрения капиталист, конечно, глубоко сознателен и в полном соответствии со своими капиталистическими принципами поступает совершенно рационально, стремясь максимально использовать затраченные средства. Капиталист вкладывает в дело не мускульную силу рабочего, а переменный капитал в виде заработной платы и чем больше мускульной силы придется на всю сумму зарплаты, тем рациональнее использует он затраченный капитал. Именно в этом заключается капиталистическая рационализация использования рабочей силы. Однако, осуждая вместе с О. А. Ерманским подобное использование рабочей силы, мы не можем согласиться с ним, что наиболее рациональное использование рабочей силы в советском хозяйстве будет в установлении норм выработки по принципу оптимума. Дело в том, что между оптимальной нормой в 100 единиц изделий в день и хищнической нормой в 200 единиц изделий в день находится где-то посередине наиболее рациональная для нашего периода норма, которая, являясь безвредной для рабочего, с одной стороны, и превышая несколько оптимальный расход энергии на единицу продукции — с другой, дает тем не менее абсолютный итог трудового дня больший, чем при 100 единицах в день. При определении этой нормы нужно исходить не из оптимального расхода энергии на единицу продукции, а из общей суммы энергии, которую может затратить рабочий в течение трудового дня, без ущерба для своего здоровья. Это количество энергии, конечно, превысит то количество, которое требуется для производства 100 единиц изделий, но то обстоятельство, что, начиная со 101 единицы, рабочий вследствие некоторого утомления начинает слегка снижать эффективность своего труда, еще далеко не говорит о том, что здесь начинается разрушение его здоровья. В конце-концов всякий труд утомителен. Вряд ли О. А. Ерманский считает, что установленный в нашей промышленности семичасовой рабочий день совпадает с оптимальной величиной трудового дня, т. е. что увеличение расхода энергии на единицу изделий начинается только с 8 часа работы. По всей вероятности оптимальная точка приходится на 4 или 5 час работы, а в течение 6 и 7 часа выработка дается рабочему с несколько большим трудом, чем в течение первых 4 часов. Однако это не означает, что мы должны немедленно ввести 4–5-час. рабочий день. Поскольку 7-час. рабочий день является для здоровья рабочего безвредным и дает дневную выработку большую, чем 4–5-час. рабочий день, постольку советское хозяйство, ставящее перед собою труднейшие исторические задачи, не в праве на ближайший период времени вводить 4–5-час. день

О. А. Ерманский совершенно прав, когда возражает против такого принципа рационализации: максимальный результат хотя бы ценою любых затрат. Однако он не прав, противопоставляя этому принципу другой принцип: максимум результата на единицу затрат хотя бы ценою сокращения абсолютных размеров результата. Правильный принцип рационализации будет такой: достижение определенного результата ценою минимума затрат. Принцип рационализации О. А. Ерманского предполагает рационализацию для рационализации. Наш принцип рационализации предполагает рационализацию для достижения определенной цели. Критерий рациональности у О. А. Ерманского заложен в соотношении между единицей затрат и результатом. Наш критерий опирается на соотношение между всей суммой затрат и полностью достигнутым результатом. Объективно, рационализация О. А. Ерманского есть служение отвлеченному принципу, в то время как рационализация должна служить живым конкретным целям.

Если выше мы называли теорию рационализации О. А. Ерманского вредной теорией, то не потому, что мы опасаемся, будто она может причинить какой-либо вред практической работе по рационализации нашего хозяйства. Вся наша хозяйственная работа, от основных задач, в разрешении которых участвует народное хозяйство в целом, до самых малых, настолько проникнута целеустремленностью, что было бы наивно думать, что принцип оптимума О. А. Ерманского, столкнувшись на практике с каким-либо заданием, смог бы причинить тот или иной вред. Так же, как студент в приведенном выше примере не смог бы воспользоваться принципом оптимума, точно так же и любой практический работник, занятый вопросами рационализации, откажется от принципа оптимума, если ему в целях получения наилучшего соотношения между единицей затрат и результатом придется отказаться от выполнения своего задания в целом. Поэтому в области практической работы теория рационализации О. А. Ерманского не сможет причинить никакого вреда. Она просто останется в стороне. Однако в области теоретической разработки проблемы рационализации теория О. А. Ерманского принесла чрезвычайно большой вред тем, что правильную постановку вопроса подменила постановкой ошибочной. Успех работы О. А. Ерманского и отсутствие сколько-нибудь серьезных возражений против его точки зрения привели к тому, что в области теории рационализации взгляды Ерманского как бы доминируют. Самый факт существования теории, почти не встречающей серьезных принципиальных возражений, вызывает у многочисленных читателей О. А. Ерманского то доверие, которого его теория отнюдь не заслуживает и тем самым тормозит распространение правильных взглядов на процессы рационализации.

Пять лет контрольных цифр

Высшими партийными и государственными органами обсуждены и утверждены контрольные цифры на 1929/30 г. Контрольные цифры этого года являются пятыми по счету. Четыре года тому назад Госпланом СССР была выпущена первая книжечка контрольных цифр на 1925/26 г. об'емом в 50 страничек с несколькими таблицами.

Пять актов годичного планирования знаменуют собою огромную, содержательную полосу в нашем развитии. Тем более необходима хотя бы слабая попытка беглого обзора богатого опыта планирования. За истекшее пятилетие мы без чужой помощи удвоили народный доход и почти на две трети обобществили его, при росте благосостояния трудящихся.

Этот славный путь, конечно, был устлан не только розами. Соответственно, и плановая мысль не сразу развернулась во всей своей научной организованности и социальной мощи.

При наличии в советском хозяйстве разных классов, социальных секторов и элементов неоднородных укладов, каждому из которых присущи особые формы и стимулы развития, народное хозяйство развивается в противоречиях. Рост плановых методов работы за счет стихийных факторов должен был вызвать появление такого акта самособранности, каковыми явились первые контрольные цифры.

Контрольные цифры были теми рамками плана, тем уровнем, вокруг которого могла колебаться действительность и в пределах которого предоставлялся простор для оперативных маневров. При таком понимании контрольных цифр недовыполнение или перевыполнение плана на несколько процентов по какому-нибудь показателю само по себе не является плановым просчетом, если оно (отклонение) не опрокидывает основных установок плана. Основным условием появления первых контрольных цифр является более высокая ступень — пролетарской диктатуры и рост плановости в самом народном хозяйстве на базе укрупнения производства. Кроме того, необходимо учесть два обстоятельства:

1. В смысле наличия статистических доброкачественных материалов и систематизированных знаний о нашем дореволюционном и пореволюционном хозяйстве контрольные цифры строились почти на пустом месте. Большая заслуга контрольных цифр состоит в

том, что они собрали и мобилизовали огромный материал. Это соби- рание, сопровождавшееся методологическим заказом ЦСУ, ведом- ствам и республикам, сыграло организующую роль только для после- дующих контрольных цифр, но вследствие скудости материала при- ходилось вначале ставить себе скромные задачи.

2. Над работниками Госплана тяготела боязнь бюрократизации планирования, как следствие малой эффективности планирования в эпоху военного коммунизма и в первый период нэпа. Поэтому в предисловии к первым контрольным цифрам мы находим странно- звучащий теперь призыв к хозяйственной периферии: „Стройте свои планы с учетом наших контрольных цифр“. Контрольные цифры были, значит, только ориентировкой. Однако эта боязнь „перепла- нирования“ экономических связей не задержала процесса перера- стания ориентировки в директивный народнохозяйственный план, хотя классовые связи в контрольных цифрах 1925/26 г. не были четко поставлены.

Контрольные цифры 1927/28 г. уже являются шагом по превра- щению сводки в народнохозяйственный план. Контрольные цифры вырабатываются на основе предварительных директив, их обсуждает пленум ЦК и ЦКК. Вокруг них мобилизуется общественное мнение. Вокруг них идут политические бои.

Контрольные цифры 1928/29 г. являются прямым планом, каче- ственные установки которого связаны с работой над пятилеткой, которая велась в то время. Позднее появление этих цифр из печати, запоздалое раз'яснение всему активу и массам страны послужило одной из причин того, что качественные установки контрольных цифр стали выполняться энергично лишь во второй половине минув- шего года. Таким образом, даже и в этом отрицательном моменте сказывается значение контрольных цифр. Это значение растет в меру внедрения планового режима в нашу экономику, в меру роста круп- ного обобщественного производства. Само планирование является одним из главнейших факторов такого роста.

Эволюции идеи контрольных цифр из необязательной для всех ориентировки в план соответствовала и эволюция их содержания и формы от сводки, вначале весьма механической, к сводке более систематизированной, а от последней — к синтетическому, директив- ному плану. Переход от сводки к постановке синтетических задач, от анализа к синтезу, от непродуманной организации работы к си- стеме выражает степень достигнутой зрелости методологии состав- ления плана и является критерием этой зрелости. От планирования отраслей переходим к планированию народного хозяйства в целом, что способствует и усилению отраслевого планирования. Переход от отрасли к охвату народнохозяйственного комплекса только и мо- жет совершаться при посредстве синтетической точки зрения на ряд отдельных участков плана. Непосредственный синтез от отрасли к народнохозяйственной совокупности невозможен.

Методология является производной от той или иной политиче- ской и теоретической концепции. Какая же методология положена в основу трудов по составлению контрольных цифр и какими прин- ципиальными предпосылками эта методология руководилась?

Метод экспертных оценок, сравнений с довоенным, а затем и мировым хозяйством, метод динамических и статических коэффи- циев и примыкающий к нему балансовый метод — таков тот арсенал приемов, посредством которых выковывались контрольные цифры. Эти методы неоднородны по своему значению и по границам их применения. Значение метода экспертных оценок возрастет в эпоху реконструкции, но применение этого метода требует, в свою очередь, тщательно разработанной методики составления планов и продуман- ной схемы организации работы (под методикой, в отличие от мето- дологии, т.-е. принципов составления плана, мы подразумеваем те более технические по своему содержанию приемы, при помощи которых план составляется и оформляется). В самом деле, спрашивая у специалиста, каковы возможности той или иной отрасли, возможно во многих случаях натолкнуться на узкий подход. Сами возможности отдельного предприятия вырисовываются в ином, более оптимисти- ческом свете, если учиываешь их на фоне ресурсов народнохозяй- ственного целого. Следовательно, экспертная оценка может носить научный, а не произвольный характер, если заказ дан будет экспер- тизе в виде конкретного, продуманного вопроса. Например, у эксперта надо спрашивать не о том, сколько мы можем получить в год всего чугуна, а какие имеются новые возможности или препятствия в такой-то группе металлургических заводов или какие могут быть пути, варианты преодоления отсталого участка и форсирования его развития. Кроме того, самый круг экспертов должен быть расширен посредством привлечения общественности, коллективов инже- неров и ученых, опытных, способных рабочих и низовых недипло- мированных хозяйственников.

Что касается метода статических и динамических коэффи- циентов, то практика его применения сильно искажена, поскольку именно этот метод служит базой для ошибочных методологических и политических построений. Под статическим коэффициентом надо понимать структурное отношение, так сказать, коэффициент пропор- циональности. Динамический коэффициент есть изменение этого от- ношения во времени, переход какой-либо пропорции на иной уро- вень; это реконструктивное значение динамических коэффициентов и было искажено тем, что им придали генетический характер. Стати- ческий коэффициент переходит в динамический, воспроизведясь на иной (расширенной) основе. Вот этого перехода количества в каче- ство методолог-генетик не замечает, между прочим, и потому, что в политике он пессимистически относится к темпу качественного роста экономики Советского Союза, как экономики переходной к социализму, смотрит на нее сквозь призму, объективное значение

которой льет воду на мельницу социал-демократии и сменевеховства (эта методологическая проблема требует подробного разбора, поскольку мы встретимся с ней и при работе над генеральным планом). К таким структурным статическим отношениям относится пресловутый „закон“ В. Г. Громана о неизменности соотношений по ценности товарных масс промышленности и земледелия, сформулированный в контрольных цифрах 1925/26 г. Экономический смысл этого „закона“ может заключаться только в том, чтобы воспринимать это неизменное соотношение как „условие равновесия“ и нарушение этого соотношения (37% и 63%), возрастание, например, промышленной товарной массы должно явиться с этой точки зрения нарушением равновесия, вредным шагом по пути к кризису.

Авторы этого эмпирического закона произвольно включают в товарную массу сельского хозяйства и внутрикрестьянский оборот. Чтобы выяснить правильность такого приема „эмпириков“, следует подойти к вопросу с точки зрения цели, а цель может быть одна, а именно: выяснение баланса обмена между городом и деревней, распределение народного дохода, словом, выяснение степени эквивалентности. Здесь-то и обнаруживается незакономерность включения внутрикрестьянского оборота в сел.-хоз. товарную массу, так как последняя не участвует в обмене между городом и деревней. Кроме того, в состав товарной массы промышленности входит и товарная часть группы „А“, цены по которой мы резко снижаем, чтобы не переплачивать самому себе, так как эта продукция в своей подавляющей части потребляется в обобщественном секторе. Надо сказать, что здесь влияет также и мелкая промышленность, размеры товарной продукции которой самое темное дело и темпы которой не характерны для развития промышленной товарной массы. Обрадовавшись эмпирической закономерности, эмпирики делают этот уровень исходной позицией баланса народного хозяйства, моделью равновесия, между тем, как проблема баланса в действительности должна формулироваться совершенно по-иному: „как выглядит баланс на разных уровнях развития“. Отношение оборотного капитала к основному, потребления к накоплению, пропорция между „А“ и „Б“, все эти коэффициенты являются „устойчивыми“ лишь для данной стадии, и задача баланса заключается не в том, чтобы плавно двигать, хотя бы и вперед, всю систему отношений, а в том, чтобы находить новые соотношения и переходы к ним.

Неизменное соотношение может быть только на суженной основе. А в этом и кроется смысл мелкобуржуазной концепции „равновесия“. Ни одно народное хозяйство в мире еще не развивалось по гармонической формуле последователей тоже любителя равновесия и „эквивалентника“—Ж. Сэя: „по одежке протягивай ножки“.

Было бы несправедливо в отношении контрольных цифр сказать, что они хотели некритически перенести закономерность и темпы

восстановительного периода на реконструктивный. В контрольных цифрах имеется указание на то, что это было бы неправильно, но не потому, что восстановительные тенденции не улавливают возможности реконструкции, а потому, что эти темпы велики, непосильны для эпохи реконструкции.

Вообще-то говоря, не может быть постоянного закона темпов для разных времен и стран. Но речь шла о характеристике ближайшего этапа. По этому поводу контрольные цифры на 1925/26 г. утверждали: „Практика показывает, что более быстрый по сравнению с общим темпом развития рост народнохозяйственных факторов, оказавшихся в минимуме, с каждым годом замедляется тем сильнее, чем меньше остающиеся расстояния между отставшими и нормально развивающимися факторами“, ибо „силы, форсирующие рост отставших факторов, действуют, конечно, тем энергичнее, чем значительнее самоотставание“.

Здесь та же идеологическая и методологическая ошибка: забвение вопроса об уровне, с которого движутся „отставшие факторы“. Замедленное развитие восстановительных факторов перекрывается усилением темпа, вследствие достижения более высокого уровня и вызываемых им более благоприятных организационных условий.

В соответствии с такой концепцией контрольные цифры на 1925/26, 1926/27 и, в некоторой мере, 1927/28 гг. отождествляют план с провизорным балансом народного хозяйства. По этому поводу нам уже приходилось писать следующее („Плановое Хозяйство“ № 9 за 1928 г. „О единой таблице плана“): „Надо четко высказаться против открытого и скрытого отождествления плана с провизорным балансом народного хозяйства. Это значило бы разводить план, превратить его из плана строительных работ и схемы расширенного воспроизводства в систему экстраполяции во времени существующего положения“.

В унисон с этим звучат и другие места из тех же контрольных цифр о том, что нельзя выскакивать за рамки сущего, нельзя рвать с генетикой. Но отрывать от генетики свойственно утопическому, а не научному коммунизму. Спор шел (и идет) не об этом, а о том, как подходить к действительности: находить ли в ней потенциальные возможности или же видеть в ней только ограничивающее начало, лимит. Надо, однако, подчеркнуть, что контрольные цифры по ряду вопросов преодолели генетическую точку зрения: они, например, не стали на точку зрения таких лимитов, как емкость рынка и т. п., и в этом одна из их сильнейших сторон.

Чем дальше, тем марксистски выдержаннее становятся контрольные цифры. Они улучшаются методологически и становятся политически более четкими. Но отдельные „прорывы“ со стороны мелкобуржуазных идеологов встречаются вплоть до 1928/29 г. Например, в разделе „условия рыночного равновесия“ в контрольных

цифрах на 1928/29 г. проскользнул такой пространный тезис: „проблема увеличения товарности сельского хозяйства вытекает из директив ноябрьского пленума ЦК. Наша торговая политика должна полностью учесть эти директивы, и через рыночные отношения всемерно усиливать хозяйственные стимулы бедняцко-середняцких масс. Выполнение этих директив требует такой организации рынка, которая предусматривает: 1) усиление товароснабжения деревни, 2) более выгодное для крестьянства отчуждение сел.-хоз. продуктов путем увеличения доли производителя в конечной цене, 3) установление форм товарообмена, содействующих сохранению и укреплению покупательной силы червонца, 4) такую организацию торгово-заготовительного аппарата, которая обеспечивает индивидуальному производителю возможность извлечь известные выгоды из своего хозяйства“. Философия более чем правая: свободный обмен, высокие цены, дорогу индивидуальному производителю. И ни звука в данной связи о коллективизации, об этом методе повышения товарности, игнорирование того, что тот же пленум ЦК ставит задачу коллективизации в качестве ударной. Но в других разделах тех же контрольных цифр (обобществление, кооперация, сельское хозяйство) довольно энергично проводится идея производственного кооперирования.

Было бы, однако, глубочайшей ошибкой считать, что контрольные цифры целиком бывали проникнуты неверными взглядами. Наоборот, они играют все больше и больше роль политически организующего документа.

Контрольные цифры с самого начала связывали годовые планы с задачами перспективных планов (постановление Президиума Госплана по контрольным цифрам в 1925/26 г.). Они неуклонно проводили энергетическую идеологию.

Контрольные цифры 1926/27 г. в отношении самих себя выдвигают лозунг самокритики. Эту черту самокритики и самосовершенствования надо сохранить, борясь с ложным престижем незыблемости напечатанных „истин“. Дело планирования нельзя бюрократизировать.

Контрольные цифры довольно полно освещают специфические особенности каждого года. Контрольные цифры каждого года имеют свою физиономию, выдвигают свои задачи, играя ведущую роль в деле планирования.

Контрольные цифры 1925/26 г. выдвигают основной задачей стопроцентное использование основного капитала. Контрольные цифры 1926/27 г. ставят проблему подтягивания технических культур, борьбы за экспорт и импорт. Контрольные цифры 1927/28 г. подчеркивают проблему обороны, ставят вопросы о качественных показателях, резко выпячивают проблему упорядочения капитального строительства. Они выдвигают, хотя и недостаточно развернуто, вопрос о внутрипромышленном планировании и о системе снабжения промышленности (раздел „промышленность“). Важность этой

проблемы только теперь начинает вырисовываться. Надо сказать, что контрольные цифры 1927/28 г. не предусмотрели ту классовую борьбу, которая развернулась в середине этого года. И одним из существенных дефектов их является отсутствие дифференцированного анализа деревни.

Контрольные цифры 1928/29 г. выдвигают проблему металла и зерна. Во весь рост ставится проблема снижения себестоимости. План характеризуется двумя семерками: 7% расширение посевов, 7% снижение себестоимости. Борьбу с топливным напряжением они ставят как одну из задач плана. Кроме того, выдвигается задача переключения контракции на рельсы долгосрочной, производственной контракции.

Контрольные цифры 1929/30 г. характерны резким сдвигом в сторону накопления, выдвигают проблему организованного распределения и классового снабжения. Заостряется внимание на сплошной коллективизации. Ставится вопрос о дифференцированных ценах. А центральная черта — исключительно высокие темпы индустриализации со всеми вытекающими отсюда выводами для народного дохода и обобществления.

Контрольные цифры 1928/29 г. уже могут быть проверены на опыте. Три черты характерны для результатов истекшего года и подтверждают правильность основных установок контрольных цифр на 1928/29 г.: 1) Несмотря на непредвиденный рост сел.-хоз. индекса, мы не только в отличие от прошлых лет чувствовали приближение кризисного состояния, но, наоборот, не задержали развития основных элементов народного хозяйства в обобществленном секторе и перевыполнили пятилетку. 2) В этом году на отдельных участках мы решили проблему темпа строительства. Научившись торговать, мы теперь почти научились и строить. 3) В этом году впервые за историю советской власти произошел перелом в росте безработицы. Мы еще недостаточно осознали значение этих социально-экономических достижений.

Следующая табличка сопоставлений контрольных цифр и их реализации является иллюстрацией степени выполнения планов (в процентах к предыдущему году). (См. стр. 174).

Таблица показывает, что мы недоучитывали возможности промышленного роста, примерно, правильно предусмотрели уровень производительности труда, а по прочим показателям (в особенности по сельскому хозяйству) реализуем свои установки, но с опозданием: очевидно, мы еще не умеем плановую идею немедленно превращать в оперативную практику. Нам требуется иногда много времени для раскочки.

Необходимо сочетать планирование, т.-е. распределение трудовых затрат и производительных сил, с регулированием, т.-е. с рационализацией существующих ресурсов, с оперативным планированием.

Необходимо так продумать план работ над контрольными цифрами, чтобы самый процесс их выработки являлся одновременно процессом их проработки всей советской общественностью сверху донизу. И, наконец, надо сохранить тот народнохозяйственный под-

Контрольные цифры и их выполнение	1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.	
	План	Выпол- нение	План	Выпол- нение	План	Выпол- нение	План	Выпол- нение
Выработка элек- троэнергии. . . .	—	—	—	120,7	—	132	128	125,3
В т. ч. от район. станций.	—	—	128,8	128,8	130,8	126,9	140,4	132,3 ¹
Продукты цензо- вой промышлен.	134	145	114	118	114	123	117	121,2
Продукция земле- делия.	126	120,6	105	107,5	103	98,7	104,4	101,8
Товарн. часть зем- леделия.	124	21,8	108	103,5	109,4	107,0	104,5	109,6
Выручка жел. дор.	—	136,2	112	122,6	115,9	115,6	109,2	115
Строительство. .	—	128,3	117	125,9	121,6	120	128	124
Индекс цен произв.								
а) земледелие. .	—	102,4	100	96,1	96,1	105,7	104,2	112,1
б) промышлен.	—	100,8	100	97,3	93,5	96,1	99,1	99,6
Выраб. на 1 раб.	110,3	112,5	107,6	112,5	112,9	110,6	117	114,8
Себестоимость. .	95	101,7	95	98,2	94	94	93	95
Прирост рабочих цензов.	121,0	127,6	106,5	106,7	103	106,7	104,4	—
Индекс строител.	—	115	—	95,5	91	96	90	92
Продукция совхоз.	—	130,3	—	101,6	115	127	—	104,4
Колхозов.	—	135,5	—	90,5	—	97,9	—	150,4

ход, который является ценной заслугой предыдущих контрольных цифр. Рычаг контрольных цифр будет служить с каждым годом все лучше и лучше, тем более, что они опираются на пятилетку, и в не-далеком будущем сумеют опереться и на генеральный план.

¹ Пятилетний план в части, относящейся к 1928/29 г., перевыполнен на 30/0.

² Продукция промышленности, планируемой ВСНХ сравнительно с наметкой пятилетки на 1928/29 г., возросла почти на 240/0.

Энергетические противоречия капитализма¹

Сравнительная оценка степени электрификации в главнейших странах

Выше мы упоминали о недостатках статистики электроэнергии. Вследствие расхождения в методах учета, вследствие различия даже основных рубрик, по которым производится, например, регистрация производства, — данные отдельных стран лишь с трудом сопоставимы. Тем не менее, если не абсолютно, то с известным приближением, сравнимые данные могут быть получены. Сопоставляя имеющиеся цифры, оценивая недостающие моменты, «Международная Экономическая Конференция», происходившая в мае 1927 г. в Женеве, опубликовала (от имени Лиги Наций) следующую таблицу относительно производства электроэнергии в главнейших странах. В то же время таблица сообщает данные относительно числа киловаттов, приходящихся в каждой стране на голову населения.

Таблица 18

Производство электроэнергии по странам и на голову населения в 1925 г.

Страны	Производство электроэнергии (мрд. кватч)	На голову населения (кватч)
Соединенные Штаты	77,93	675 —
Германия	20,3	325
Канада (1926)	13,1	1.400 —
Великобритания	11,0	250
Франция	9,8	245
Италия	7,6	185
Япония	6,7	112
Норвегия	6,2	2.270 —
СССР	4,1	29
Швейцария	3,9	1.000 —
Швеция	3,8	630 —
Бельгия	1,7	220
Австрия	1,6	246
Польша	1,3	45
Голландия	0,9	123
Румыния	0,4	23
Дания	0,35	103
Все остальные страны	6,0	—
Всего	178,38	—

Эти данные относительно хорошо резюмируют то, что сказано выше о производстве электроэнергии в различных странах. От указаний таблицы 7, заимствованной у Юза Киглея, они отличаются тем, что последние исчислены в лошадиных сило-часах. Таким образом, в части, совпадающей с данными Киглея по странам, обе таблицы дополняют друг друга.

¹ Окончание. См. „Плановое Хозяйство“ № 10, 1929 г.

Но как судить о степени электрификации каждой страны и как сравнивать в этом отношении одну страну с другой? Очевидно, количество всей электроэнергии, приходящееся на единицу населения, является основной мерой для этого. Киглей, однако, делает шаг дальше и, принимая количество

Черт. 1.

электроэнергии на голову населения в Соед. Штатах за 100, исчисляет индекс электрификации для других стран. При этом он исходит из того, что с точки зрения электрификации Соед. Штаты представляют собою наилучшую комбинацию. Считая, что Соед. Штаты являются также идеальной страной в смысле индустриализации, Киглей сопоставляет индекс электрификации с индексом индустриализации, который он исчисляет, точно также принимая степень индустриализации Соед. Штатов равной 100. Степень же индустриализации есть, по его мнению, ни что иное, как количество потребляемой энергии вообще на единицу населения. Киглей получает следующую картину:

Таблица 19

Степень индустриального и электрического развития некоторых стран

Страны	Мощность энергии на голову насел. (лош. сил)	Индекс (С.Ш. = 100)	Количество элек.-энерг. на гол. насел. (лош. сил)	Индекс (С.Ш. = 100)
Соединенные Штаты	500	100	844	100,0
Англия	374	75	356	42,2
Германия	350	70	402	47,6
Франция	272	54	325	38,5
Италия	216	43	236	27,9
Канада	540	108	1.600	185,0
Швейцария	434	87	1.175	139,0
Голландия	147	29	179	21,2
Япония	73	15	180	21,3
Польша	61	12	77	9,1
В о б щ е м	317	63	475	56,3

Ближайшее рассмотрение данных этой таблицы позволяет довольно точно судить о степени индустриализации и электрификации различных стран. Так, например, весьма характерно, что индекс индустриализации

Англии превосходит индекс Германии, тогда как английский индекс электрификации отстает от германского. Непомерно большие цифры Канады и Швейцарии объясняются существующей в них специальной экспортной индустрией (бумага и древесная масса в Канаде и электрохимия и электрометаллургия в Швейцарии), равно как и вывозом электроэнергии. Сопоставление обоих индексов указывает степень отсталости, или степень превосходства электрификации по сравнению с индустриализацией. Полагая, что между обеими величинами должно быть известное соответствие, близкое к соотношению их в Соед. Штатах, — Киглей определяет, каким должен быть «оптимум» („optimum“) электрификации, какое количество электрических лошадиных сил-часов должно было бы приходиться на голову населения и скольких единиц до этой величины недостает в той или другой стране. Затем он выражает весь «дефицит» данной страны в тех же единицах. Таким образом, он получает следующую, весьма интересную таблицу наилучшего, «оптимального» электрического развития. При этом действительное число лошадиных сил-часов на голову населения определено на этот раз — за вычетом энергии, потребной для экспорта и потребляемой в электрохимической и электрометаллургической промышленности.

Таблица 20

„Оптимум“ электрического развития

Страны	Колич. лош. сил-час. на един. насел. i.	Оптимальн. колич. лош. сил-час. на гол.	Не достает	
			На гол. лош. сил-час.	Всего (в млн. единиц)
Соединенные Штаты	844	844	—	—
Англия	356	630	274	12.100
Германия	402	590	188	11.700
Франция	260	454	194	7.760
Италия	236	360	124	6.800
Канада	1.429	—	—	—
Швейцария	705	730	25	97
Голландия	179	244	65	481
Япония	180	—	—	—
Польша	77	101	24	650

Уже эта таблица представляет большой интерес. Как бы ни относиться к методу установления оптимального количества лошадиных сил-часов на единицу населения — а здесь, конечно, возможны и необходимы дальнейшие уточнения, — нельзя не видеть, что столбец недостающих лошадиных сил-часов на голову дает ясное представление о степени электрификации данной страны. Сопоставление этого столбца с предыдущим («оптимальным») красноречиво свидетельствует о том, что в области электрификации всеми названными странами сделано уже больше, чем им предстоит сделать. Что же касается Канады и Японии, то здесь оптимум оказывается превзойденным уже в настоящее время. Киглей, однако, на этом не останавливается. Складывая фактическое производство электроэнергии (таблица 7) с общим количеством недостающей до оптимума, он получает оптимальное количество электроэнергии для каждой страны — уже не на голову населения, а в целом для всей страны. А это позволяет ему также вычислить процентное отношение оптимальной энергии к действительной — другими словами, построить нечто вроде «контрольных цифр» электрического развития названных стран.

Из этой таблицы мы можем усмотреть, что больше всех нужно было бы развить производство электрической энергии Англии. Эта страна должна увеличить его на 78%, если она желает достичь уровня электрификации Соед. Штатов. За Англией следует Франция (60%), Италия (53%), Германия (46%) и т. д. Только Канада и Япония оказываются достигшими

Таблица 21
Сумма оптимального производства электроэнергии

Страны	Оптимальн. колич. электро-энергии. (млн. лощ. сил-час)	В % к фактическому производству
Соединенные Штаты	97.000	100
Англия	27.700	178
Германия	36.34	146
Франция	20.760	160
Италия	13.950	153
Канада	15.000	100
Швейцария	4.690	102
Голландия	1.804	136
Япония	10.550	100
Польша	2.750	131
Всего	231.047	120

американской высоты. Если, как это мы сделали выше, примем, что производство названных стран составляет по крайней мере 75% производства всего мира, то оптимальное производство земного шара составило бы около 300 млрд. лошадиных сил-часов. Так как фактически в настоящее время во всем мире производится, как мы видели, около 240 млрд. лошадиных сил-часов, то «контрольной» максимумой мирового производства было бы увеличение его на 60 млрд. лошадиных сил-часов или на 20%.

Концентрация производства электроэнергии и его обобществление

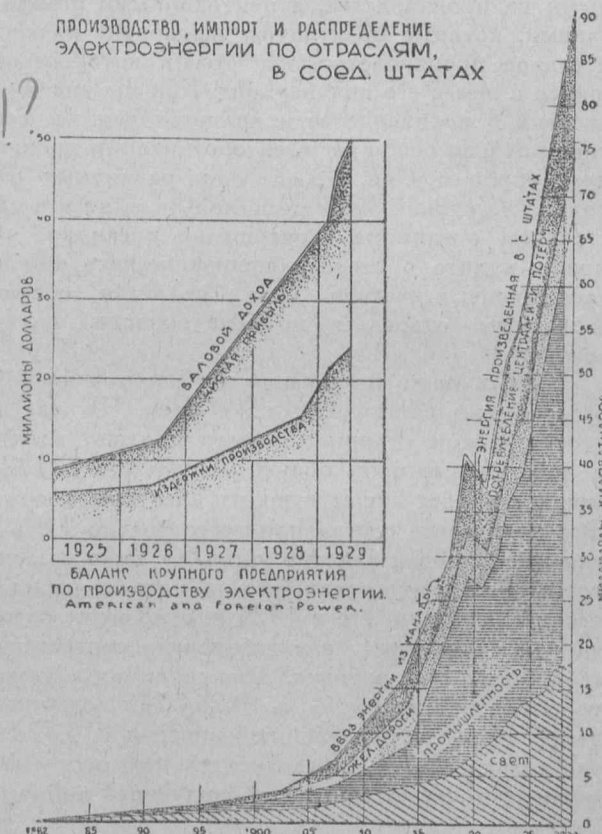
Итак, интенсивный рост электрификации, стремительное распространение электрической энергии в качестве энергетической базы, неудержимый процесс превращения всех первичных видов энергии в электрическую — вместо ее непосредственного употребления в производстве, — факт бесспорный. Больше того, на основании данных, приведенных выше, мы можем утверждать, что указанные явления превратились в характернейший признак современного капиталистического производства. Мы видели, что электрификация в общем осуществлена больше, чем на 50%, что для осуществления полной электрификации — главнейшим капиталистическим странам надо сделать меньше, чем ими проделано до сих пор. В недрах современного капиталистического — точнее империалистического — общества, в силу естественных законов капиталистического развития, возникло явление, неизвестное капитализму не только в эпоху его раннего развития, в эпоху промышленного капитализма, но и накануне развития империализма. В описании «развитого фабричного производства», сделанном Марксом¹ — электрической энергии отнюдь не отводится того места, какое она занимает в современном производстве. И новое явление, о котором идет

¹ См. К. Marx. „Zur Kritik der politischen Ökonomie“. Herausgegeben von Karl Kautsky. G-te Auflage Stuttgart-Berlin 1922.

речь, отнюдь не составляет какого-либо второстепенного маловажного аксессуара «материальных производительных сил» современного империалистического общества. Напротив дело идет об энергетической базе, о самом основании промышленной организации, о явлении, которое неизбежно самым радикальным образом должно изменить всю структуру материальных производительных сил, ибо оно является в этой области активным организующим началом. Та высокая степень развития этого явления, какая наблюдается в наше время, широкое распространение смертельной болезни — и явилось причиной, которая заставила т. Варгу счесть электрификацию энергетической базой империализма. Увы! он не понял, что электроэнергетическая база как раз и есть то противоположное начало по отношению к империалистической стадии капитализма, которое превращает производительные силы империалистического общества в роковое диалектическое противоречие к их производственным отношениям. Наличия болезни отрицать нельзя. Каковы же ход и формы ее развития?

Так как появление и рост электрической энергетической базы совершается в недрах капиталистического общества, то ему неизбежно свойственны все особенности развития явлений капитализма. Поэтому, мы уже а priori должны предполагать, что в этой отрасли промышленности, как и во всех других, происходит концентрация производства, т. е. рост крупных предприятий за счет мелких. Действительность, как мы отчасти уже видели, вполне подтверждает этот вывод. Можно сказать, что она даже превосходит все ожидания, ибо процесс концентрации совершается здесь с исключительной быстротой. Так, например, в одной из наиболее электрифицированных стран, в Соед. Штатах — средняя мощность электроэнергетических установок за 8 лет — от 1920 по 1928 г. возросла в два с половиной раза.¹ При этом, несмотря на рост общей мощности всех установок, число их не только не возросло, но даже уменьшилось. В 1920 г. 4.283 центральных станции обладали мощностью в 13.093.972 квт. Средняя мощность одной централи составляла, следовательно, около 3.060 квт. В 1928 г. число центральных

ПРОИЗВОДСТВО, ИМПОРТ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ ПО ОТРАСЛЯМ,
В СОЕД. ШТАТАХ

Черт. 2.

¹ По данным „U. S. Geological Survey“, учитывающего все централи в 100 квт и выше.

упало до 3.740 с общей мощностью в 27.690.891 квт. Средняя мощность на одну центральную станцию, следовательно, поднялась до 7.400 квт.

Процесс интенсивного укрупнения и концентрации производства электрической энергии, таким образом, не подлежит сомнению. Интереснее, однако, процесс обобществления производства электроэнергии, развитие того явления, о котором мы говорили уже выше, и которое состоит в том, что снабжение промышленности электроэнергией производится не «собственными» центральными станциями, оборудованными на производстве, а центральными станциями, находящимися вне его, такими, которые практикуют выработку электрического тока, как самостоятельное производство, как товар, которым они снабжают всех нуждающихся в нем и его покупающих. Как мы видели, эта форма участия электроэнергии в производстве и является для нее собственно специфической, такою, которая сообщает всей организации производства новую черту, объединения, обобществляя целый ряд различных отраслей промышленности не только на единой энергетической базе, но и в едином по существу производственном организме. Совершенно очевидно, что признаком, по которому можно судить о степени специфического обобществления производства на электроэнергетической базе, является общее количество доставленной отдельным отраслям промышленности, продаваемой им электроэнергии.

Количество покупаемой промышленными предприятиями энергии непрерывно растет. В тех же Соед. Штатах в 1899 г. самостоятельными центральными станциями было продано электроэнергии для приведения в действие моторов общей мощностью в 182.562 лошадиных силы, при мощности всех существующих электромоторов в 492.936 лошадиных сил. Это количество составляло всего только 1,8% потребляемой страной энергии всех видов и заметно уступало даже количеству электроэнергии, производимой на самих предприятиях, которое равнялось 3,1% всей потребляемой страной энергии. Но в 1925 г. отношение оказывается уже обратным. Тогда как «купленная» электроэнергия соответствовала мощности 15.868.828 лошадиных сил, энергия, производимая «домашним способом», питала моторы общей мощностью в 10.254.745 лошадиных сил. Первая цифра составляет 44,3% всей первичной энергии (35.772.628 лошадиных сил), а вторая только 28,7%. Последовательный рост «покупной» и «домашней» электроэнергии иллюстрируется следующей таблицей:

Таблица 22

Рост мощности покупаемой и производимой на предприятиях промышленной электроэнергии
(в лошадиных силах)

Годы	Покупаемая энергия	Производимая на предпр.
1899	182.562	310.374
1919	9.260.449	6.965.174
1923	13.342.780	8.819.217
1925	15.868.828	10.254.745
1927	19.132.310	11.206.979

Точными цифрами относительно 1928 и 1929 гг. мы пока не обладаем. Тем не менее, по мнению столь компетентного источника, как «Electric World», если в 1927 г. вся американская промышленность была электрифицирована на три четверти, то в настоящее время она электрифицирована на 80%. Процент же «покупаемой» электроэнергии по отношению к общей сумме первичной энергии никак не меньше 50%.

Под «силовыми системами» („Power Systems“) в Соед. Штатах разумеются агрегаты электроцентралей и проводящей сети, практикующие самостоятельное энергетическое хозяйство. „Electrical World“ ведет особый

учет силовым системам, производительность которых достигает не меньше, чем 100 млн. квтч. В 1928 г. таких «систем» насчитывалось в Соед. Штатах 134, и произвели эти системы ни больше, ни меньше, как 72.826.693.215 квтч электроэнергии, которую они распределили по своим клиентам в месте с прикупленными 11.388.254. 888 квтч: всего 84.214.948.103 квтч! Едва ли кто-либо стал бы оспаривать, что в области производства электроэнергии в Соед. Штатах первенство принадлежит крупным предприятиям!

Место не позволяет нам проследить производство электрического тока в других странах с точки зрения его происхождения. Остановимся только в нескольких словах на двух странах: на стране с весьма высокой степенью электрификации и, по сравнению с Соед. Штатами, в промышленном отношении гораздо более молодой, какою является Канада, — и на стране, менее электрифицированной, чем Соед. Штаты, хотя и наиболее индустриальной в Европе, — Германии.

Промышленная молодость Канады позволяет ей насаждать у себя промышленность в самых развитых, в самых современных формах. И в высшей степени характерно то, что Канада потребляет гораздо больше «покупной» электроэнергии, чем даже Соед. Штаты. Канада «покупает» производство 56% всех наличных лошадиных сил электроэнергии, тогда как Соед. Штаты только 44%. Обратное имеет место по отношению к энергии «домашнего» происхождения. В Канаде потребляется в таком виде производство 13% всех установленных лошадиных сил, в Соед. Штатах — 29%. Следующая таблица указывает относительные размеры «покупной» и производимой самими предприятиями электрической энергии в производстве некоторых отраслей промышленности в Канаде и Соед. Штатах.

Таблица 23

Купленная и произведенная предприятиями электроэнергия
(в 0/0 к общему числу установленных лошадиных сил)

Производство	Канада (1926 г.)		Соед. Штаты (1925 г.)	
	Купленн.	Принзв.	Купленн.	Принзв.
Древесн. масса и бумага . . .	52	17	20	34
Сталь и прокатка	39	16	30	49
Мучные, питательные и молотые продукты	10	2	45	6
Хлопчатобумажное производство	52	26	42	23
Цемент	99	1	49	41
Электр. аппараты	74	24	59	41
Каучук	94	0	74	16
Мясные консервы	78	2	47	24
Автомобили	21	79	70	30

Разница в 1 год, конечно, не лишает эти цифры показательности. Из них с полной ясностью вытекает преобладание в Канаде покупной энергии и в Соед. Штатах произведенной — по сравнению с соседней страной. Кроме того, не менее ясна тенденция в обеих странах к расширению потребления покупной электроэнергии и сокращению применения энергии, произведенной на самих промышленных предприятиях.

Что касается Германии, то в ней процесс перехода к покупной электроэнергии также весьма заметен. Размеров американского он, однако, еще не достиг. Как показывает нижеследующая таблица, число и мощность «собственных» центральных станций в промышленных предприятиях в Германии еще в 1928 г. были достаточно велики (см. табл. 24 на 184 стр.).

Таблица 24

Самоснабжение германской промышленности электроэнергией в 1928 г.

Производство	Число предпр.	Средняя мощность предприятия	Произв. энергии (млн. квтч)
Железная добывающ. промышл. . .	95	8.420	3.010,0
Горное дело	333	3.969	3.349 6
Химическая и металлургичес. пром.	281	2.662	3.142,7
Бумажная промышл.	589	527	1.106,5
Железодобывающая промышл. . . .	939	471	613,5
Текстильная промышл.	1.338	261	546,7

Очевидно, значительное производство «домашней» энергии в Германии находится в связи с меньшей степенью электрификации этой страны по сравнению с Соед. Штатами.

Мировые электрические и электроэнергетические концерны

Распространение Power Systems предполагает объединение в одно органическое целое ряда самых разнообразных предприятий. Такая «система» по своей внешней структуре чрезвычайно напоминает фабрику. В ней точно так же есть «движущая машина», «силовая машина», которая накапливает энергию, в данном случае — электрическую энергию. В ней есть и трансмиссионный передаточный аппарат, который представляет собой высоковольтную передаточную электропроводящую сеть. И, наконец, она обладает рабочими «машинами» — работающими механизмами, из которых каждый представляет собой производящую те или иные товары фабрику. В наше время это — система, Power-System, целый агрегат электроцентралей, электропроводов, фабрик. Развитый машинный аппарат попрежнему состоит из трех частей. Но части эти существенно изменились. «Силовая машина» состоит из одной или, чаще всего, нескольких центральных станций, которые скопляют вырабатываемую ими энергию в одной, единой, проводящей сети. Трансмиссионный механизм также вырос; из передаточных, ограниченных размерами одной фабрики, он превратился в огромное число, целую сеть насыщенных электрической энергией проводов, длина которых, простирается на сотни, а иногда и тысячи километров, бесконечно нарастая в совокупности. И уже совершенно исключительного развития достигли «рабочие машины». Это теперь уже не механизмы, производящие части одного какого-либо товара, а целые массы машин, группами объединенные на отдельных фабриках и в своем разделении труда, в своем бесконечном разнообразии охватывающие все разнообразие предметов потребления, предлагаемых на современном рынке.

Подобно тому, как первые силовые — тогда паровые — машины объединили в производстве разрозненные цеховой системой процессы труда, вызвав целую «промышленную революцию», так и теперь, «системы», с электрической энергией в центре, на ее базе организованные — вводят совершенно новый принцип в производство, объединяя в единый организм отрасли индустрии, ничего общего, казалось, между собою не имеющие. Объединение производства происходит теперь в таком масштабе, в таких размерах, что уже нельзя, в сущности, говорить об «объединении» в том же смысле, как это можно по отношению к фабрикам. Это не объединение просто, а обобществление, если оно происходит на частно-капиталистической основе. Необъединение процессов, создающих единый товар, а

обобществление единиц, производящих эти товары — обобществление, превращающее в экономическую бессмыслицу конкуренцию всех тех производителей, которые связаны единым источником энергии, электроэнергией, получаемой из одного и того же энергетического центра. Именно в этом обстоятельстве и заключается противоположность этого начала, этого типа «объединений» — объединений на электроэнергетической базе — частно-капиталистическому началу, принципу конкуренции, существующей, как известно, в империалистическом обществе на ряду с монополистическими объединениями. Именно здесь заложено то революционное начало производительных сил, которое находится в непримиримом противоречии с производственными отношениями империализма, целиком выросшими на частно-капиталистической основе. Распространение электроэнергии принципиально противоположно самой сущности империализма.

Так как энергетическая база охватывает все производства, то и в настоящий, все еще переходный, момент мы найдем переплетение всех производств, производств точно на какую-то крепкую нить нанизанных на электроэнергетическую базу. Мы видим, что предприятия химические, металлургические, текстильные, железнодобывающие, машиностроительные, горные, прокатные, нефтедобывающие, деревообрабатывающие, швейные, сахарные и т. д., и т. д. — могут объединяться то в производственно-логической последовательности, то в самых причудливых, на первый взгляд комбинациях. Тем теснее связанными между собою оказываются отрасли, производительная деятельность которых сочетается с превращением электрической энергии не в производственную только, а и в потребительную форму. Наиболее тесные объединения — вплоть до слияния в единой организации — происходят поэтому как-раз между предприятиями, производящими электрическую энергию, и теми, которые производят электрическое оборудование.

«Когда счастливый гражданин Чили повертывает выключатель в своем доме, в Сант-Яго, в лампочки и люстры устремляется ток Чилийской электрической компании. Но эта последняя принадлежит Южно-американской силовой компании, в свою очередь принадлежащей «Американской и иностранной силовой компании». Однако, и это еще не все, ибо последняя, точно так же принадлежит финансовому тресту «Electric Bond and Share Company», собственниками которого являются некоторые особы в Соед. Штатах, владеющие лишними деньгами. Снимая телефонную трубку, чилийский гражданин пользуется собственностью «Чилийского телефонного общества», Limited, которое, однако, принадлежит Международной телефонной и телеграфной корпорации в Нью-Йорке. Отправляясь в Вальпараисо по Чилийской государственной железной дороге, недавно электрифицированной, он пользуется электрическим оборудованием, поставленным Вестингаузом. И т. д.». Так иллюстрирует переплетение электрических предприятий всякого рода автор статьи в американском журнале «The Nation»¹. И, если мы от потребителя обратимся к производителю, мы встретимся с тем же самым переплетением, хотя и совсем в других формах.

Прежде всего, мы увидим, что развитие электрификации в индустриальных странах естественно способствует образованию таких капиталистических объединений, которые одною ногою стоят в производстве электрических машин и аппаратов, всяческого электрического оборудования, другою же смело шагают в сторону производства электрической энергии. Само собою разумеется, как это вытекает из всего, сказанного выше, наиболее яркие образцы этого рода образований, концернов, объединяющих все области

¹ „Unele Sam's Electric Empire“, 10. VI. 1929 г.

электрического хозяйства, — мы найдем прежде всего в Соед. Штатах и в Германии.

Такие имена, как Сименс, Гальске, Шукерт; такие обозначения, как «Всеобщая Компания Электричества» или сокращенно «А. Э. Г.» — пользуются широкой популярностью. Нет почти уголка земного шара, где они не были бы известны. И эти имена представляют собой своеобразную «историю» развития электрической промышленности Германии. В настоящий момент эта история создала форму двух гигантских концернов: «Сименс-Шукерт-Рейнско-Эльбское объединение» (Siemens Rhein-Elbe-Schuckert-Union. В свою очередь входит в „Stinnes-Konzern“) и «А.Э.Г. — концерн». Оба эти концерна, относительно которых трудно сказать, какой из них могущественнее, известны в особенности как производители электрического оборудования. Но они производят также огромные количества электрической энергии. Объединяя, кроме того, целый ряд предприятий машиностроительных, металлургических, горных банков и т. д., — они распространили свое влияние далеко за пределы Германии. Трудно было бы назвать капитал каждого из этих концернов, — до такой степени здесь переплетены различные предприятия и разнообразны формы участия в них. Капитал одного только «материнского» общества «А.Э.Г.» составлял до недавнего времени 150 млн. марок. Образование каждого из этих концернов, объединявшее целый ряд производств, — в то же самое время объединяло и принадлежавшие им целиком или частями предприятия, вырабатывающие электрический ток. Аналогичный процесс объединения происходил и в Соед. Штатах с той только разницей, что здесь он совершался в еще более крупном масштабе. Всего в Соед. Штатах около 80 крупных электрических предприятий, производство которых в последние годы характеризуется следующей таблицей:

Таблица 25

Заказы 81 электрического общества Соед. Штатов с 1924 по 1929 г.
(в млн. долл.)

Годы	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал
1924	221,7	216,6	181,2	225,1
1925	227,8	222,1	225,2	237,2
1926	255,9	240,9	23,9	251,4
1927	235,9	223,4	228,6	232,9
1928	275	245,5	264,5	284,2
1929	321,7	—	—	—

Как видим, в 1928 г. общая сумма заказов обществ превышала миллиард долларов. Среди этих гигантов выделяются 4 концерна, роль которых достаточно ярко изображена в приводимых в т. 26 (стр. 187) цифрах.

Уже из этой таблицы видно, что представляет собою «Дженерал Электрик». Еще отчетливее об этом говорит цифра оборотов «компаний». В 1910 г. средний оборот за квартал составлял 17,9 млн. долл., и уже в 1913 г. он поднялся до 26,6 млн. В 1927 г. средний квартальный оборот достигал 77,4 млн. долл. Что касается же 1928 и 1929 гг., то здесь поступление заказов развивалось следующим образом: 1 квартал соответственно 79,93 и 101,42 млн. долл.; 2 квартал — 90,43 и 119,35; 3 квартал — 90,33 (1928 г.) и 4 квартал — 80,20 (1928 г.). За весь 1928 г. оборот составлял 353,9 млн. долл., а за первое полугодие 1929 г. сумма заказов достигла — 220,77 млн. Этими цифрами достаточно ярко характеризуется мощь «Дженерал-Электрик». По сравнению с оборотом этой «компаний», оборот «А.Э.Г.», достигавший в 1928 г. 500 млн. марок, представляется незначительным. Что же касается дохода «А.Э.Г.», составляв-

шего в 1928 г. 34,93 млн. марок, то он оказался в 6 раз меньше дохода «Дженерал Электрик». Помимо бесконечного числа различных «контрольных пакетов», «Дженерал-Электрик» обладает от 30 до 40 собственными предприятиями в Соед. Штатах.

Таблица 26

Крупнейшие концерны американской электрической промышленности

Название	Число рабочих	Акции. капитал (в млн. долл.)	Чистая прибыль (млн. долл.)	
			1927 г.	1928 г.
«Дженерал-Электрик» (General Electric Co)	75.000	223,22	48,80	54,15
Вестингауз-электр. и производств. компания	41.800	118,50	17,36	19,71
Эллис-Челмерс производств. комп.	7.000	26,00	3,18	2,93
Броун-Боври, америк. электр. корпорация	3.500	3,00	0,05	0,61

Тенденция электрических предприятий к объединению, далеко выходящая за пределы политических границ, сказала в высшей степени ярко в заключенном совсем недавно «соглашении» между «Дженерал-Электрик» и «А.Э.Г.».

«Всеобщая Компания Электричества» возникла в 1887 г. из «Немецкого Эдиссоновского Общества», созданного Эмилем Ратенау при посредстве «Континентальной Компании Эдиссон», в Париже — дочернего предприятия американской «Компании Электрического Освещения Эдиссона» («Edison Electric Light Co» в Нью-Йорке). В 1903 г. «А.Э.Г.» слалась с «Электрическим Обществом Унион» — филиалом другой американской фирмы, «Th mson Houst n Electric Co». Эти факты интересны постольку, поскольку они почти повторяют образование американской компании «Дженерал-Электрик». Последняя точно так же образовалась, но на американской почве — из слияния Эдиссоновской и Томсон-Гоустоновской (Th mson-Houst n) групп. Такое близкое «родство» происхождения дополнялось близкими деловыми отношениями, если «А.Э.Г.» и «Дженерал-Электрик» и оставались вполне самостоятельными концернами. И лишь за самое последнее время американский концерн сделал попытку теснее объединиться с германским. Согласно «официальным» оповещениям, это объединение выразилось в том, что «Дженерал-Электрик» приобрел у «А.Э.Г.» на 30 млн. марок акций, а акционерный капитал немецкого концерна увеличен до 210 млн. марок. При этом усиленно подчеркивается, что «Дженерал-Электрик» не обладает контрольным пакетом «А.Э.Г.». Так ли это обстоит в действительности и не является ли весь «эпизод» попыткой американцев овладеть немцами — сказать трудно. Во всяком случае, американцы путем свободной покупки на бирже еще до заключения договора приобрели также не мало немецких акций. С другой стороны, «соединение» с американцами как-раз чрезвычайно усилило финансовую мощь «А. Э. Г.», которая через «Дженерал-Электрик» получила связь с финансовой группой Моргана. Небезынтересно отметить, что во главе «Дженерал-Электрик» стоит тот самый Ауэн Юнг, который является автором известного — плана Юнга», открывающего американцам (в частности, группе Моргана) путь влияния на хозяйственную и политическую жизнь Европы и помимо приобретения акций «А.Э.Г.»...

Как бы то ни было, слияние таких могучих концернов электрической промышленности вообще — включает implitе также и тенденцию к слия-

нию тех производств электроэнергии, которые составляют отдельную часть всего производства этих концернов. «Дженерал-Электрик» и «А. Э. Г.» — образования столь мощные, концерны столь крупные и широко распространенные, что их объединение представляет собою один из заметнейших фактов мировой хозяйственной жизни в текущем году. Здесь монополистический капитал почти достиг пределов возможного в области обобществления на частно-капиталистической базе. Создавшаяся организация окутывает своими сетями весь мир и, по влиянию, смело может соперничать с такими образованиями, как „Standard Oil Trust“, „U. S. Steel Corporation“ и т. д.

Вслед за электрическими концернами на путь концентрации производства и слияния вступили и концерны, производящие электрическую энергию. Выше мы уже имели случай познакомиться с некоторыми техническими и экономическими предпосылками, в силу которых в области производства электроэнергии концентрация производства и объединение производителей диктуется гораздо более властно, чем это имеет место в какой бы то ни было другой области производства. Эти предпосылки весьма существенно дополняются тем обстоятельством, что никакое другое объединение, никакая другая монополия не дает таких преимуществ и такого могущества в руки монополистических союзов капиталистов, как именно монополистическое производство электроэнергии. Являясь силовым, электрическим центром целого производственного комплекса, Power-System, вырабатывающий электроэнергию имеет для всего комплекса точно такое же значение, как и силовая машина для отдельной фабрики. Останавливается машина — прекращается и производство. Наступает перерыв в доставке электроэнергии — замирает вся производственная жизнь заводов и фабрик, шахт и железных дорог, этой энергией питающихся.

Монополистически производящий электроэнергию концерн обладает, следовательно, средствами воздействия, орудиями власти в большей степени, чем всякий иной, не-силовой, не-энергетический, монополистический союз. У такого концерна есть полная возможность не только влиять на производство и потребление в его специфической области, как это делает всякий концерн, но и просто-на-просто грубо обрывать производство чуть ли не во всех других областях — в пределах предприятий, связанных получением от него энергии. Что такое «влияние» отнюдь не миф, не «теория», — показывают «факты» действительности. До войны многочисленные производства Северной Италии получали электроэнергию от централей, находившихся в руках немецкого по происхождению и руководству банка — „Banca Commerciale Italiana“. Не один раз этим производствам пришлось чувствовать тяжелую руку банка, диктовавшего им свою волю. И само собою разумеется, что влияние энергетического концерна или треста тем сильнее, чем более широко производство электроэнергии им охвачено. Поэтому, силовые концерны стремятся к овладению силовым хозяйством целых районов („Super-Power-System“) и областей, вплоть до пределов государства („Giant-Power-System“) — и даже того больше. Познакомимся конкретно с этого рода образованиями и тенденциями — по крайней мере в Германии и Соед. Штатах. Вот несколько цифр, относящихся к 1926 г.:

Таблица 27

Число крупных производителей электроэнергии в Соед. Штатах и Германии

Общества	Германия	Соед. Штаты
С производством свыше 1 млрд. квтч	2	18
С производством свыше 100 млн. квтч	24	126

Как и следовало ожидать, количество обществ, производящих большие количества электроэнергии, в Соед. Штатах значительно больше, чем в Германии.

Объединение отдельных предприятий в Германии, как мы это уже видели, стоит на очереди дня. За последнее время выдвинут проект слияния всех производителей электроэнергии для образования единого энергетического центра: так называемой „Sammel-Schiene Deutschland“ (энергособирающий центр Германии). На ряду с этим, более или менее заманчивым для капиталистов и буржуазного государства «проектом» — в электрической практике Германии появилось и кое-что более реальное.

В мае 1928 г. три мощных предприятия по производству электроэнергии опубликовали сообщение о состоявшемся их объединении. Эти предприятия были: 1) «Акционерное общество электрических предприятий» („Elektrische Werke A. G.“); 2) «Прусское акционерное общество электричества» („Preussische Elektrizität A. G.“) и 3) «Акц. Общество Баварских предприятий» („Bayernwerk A. G.“). Около полутора лет проходила внутренняя организационная работа, невидимая глазу публики. В результате ее, в настоящее время возник мощный концерн — «Акционерное общество германского электрического хозяйства» („A. G. für deutsche Elektrizitätswirtschaft“), к которому принадлежат нижеследующие предприятия. Об их размерах говорят как их капитал, так и их производство.

Таблица 28

Предприятия, составляющие монополистический концерн Акц. О-ва германского электрического хозяйства

Название общества	Капитал (млн. марок)	Производство в 1928 г. (мрд. квтч)
Акц. о-во электрич. предприятий	60,0	3,09
Прусское акц. о-во электричества	8,0	0,54
Акц. о-во Баварских предприятий	18,0	0,69
Акц. о-во Саксонских предприятий	100,0	0,79
Группа Гезфюрель	75,0	0,75
Вюртембергское электрическое о-во	7,5	0,11
Рейн-Вестфальское электро-производство	181,0	2,10
Объединенные Вестфальские электрические предприятия	60,0	0,45
Баденское производство	2,0	2,01
Всего	602,5	10,53

Как видим, дело идет о колоссальном образовании с капиталом, в общем превышающим 600 млн. марок и годовым производством в 10,5 мрд. квтч — составляющим свыше трети всего производства электроэнергии в Германии. Отдельные участники нового монополистического союза, в свою очередь, являются мощными концернами. Так, например, группа Гезфюрель включает «Акц. О-во газовых, водных и электрических установок», «Акц. О-во Юго-Западного электрического производства», Эсслингские предприятия Неккар, «Акц. О-во силезского электрического и газового производства», «Акц. О-во Амперовского электрического производства», «Кобленцское О-во трамваев», «Акц. О-во электрического производства Вестервальд», и т. д. — не считая иностранных связей группы. Руководители нового гигантского концерна имеют в виду объединение всех энергетических предприятий Германии. Правда, пока к нему не присоединились такие общества, как «Электрическое производство бывш. Шукерт и К^о», «Электрические световые и силовые предприятия Рейн-Электра», «Тюрингское производство» и др. Но некоторые из них

находятся все же в связи с новым концерном через третьи общества, по принципу «отдаленного родства».

Как мы уже видели, крупных предприятий в Соед. Штатах больше, чем в Германии. Процесс объединения совершается здесь вообще еще интенсивнее. В следующей таблице собраны данные относительно крупнейших американских производителей электрической энергии.

Таблица 29

Монополистические объединения в производстве электроэнергии в Соед. Штатах

Название общества	Капитал (млн. долл.)	Производство (млн. квтч)	Год
Бэффело-Ниагара и Восточная Силовая К ⁰	78,0	4,5	1926
Республиканская К ⁰	108,8	3,5	1926
Эдиссон	—	3,8	1927
Средне-Западная К ⁰	105,0	2,06	1926
Нью-Йоркская К ⁰ Эдиссон	125,0	2,06	1926
Объединение Нью-Джерсейская корпорация, Филадельфийская электр. К ⁰ и Пенсильванская силовое-световая К ⁰	—	2,5	1927
„Компания для обслуживания городов“	—	1,3	1926
Юго-Западная силовая К ⁰	—	1,4	1926
Южно Калифорнийская Эдиссон К ⁰	—	3,0	1926
Тихоокеанская газовая и электрическая К ⁰	—	3,0	1926

Цифры показывают, что дело идет здесь о гораздо более крупных единицах, чем те, которые составляют «Акц. О-во германского электрического хозяйства». Производство названных концернов только немногим меньше 30 мрд. квтч в год, т.-е. около одной трети всего производства Соед. Штатов.¹ И здесь каждое из названных предприятий представляет собою мощный концерн, объединяющий целый ряд других предприятий. Так «Бэффело-Ниагара и Восточная Силовая К⁰» („Buffalo Niagara and Eastern Power C⁰“) объединяют такие мощные общества, как «Ниагарская Силовая К⁰» („Niagara Falls Power C⁰“) «Бэффело генеральная силовая К⁰» („Buffalo General Electric C⁰“) «Ниагарская Корпорация электрического обслуживания» („Niagara Electric Service Corporation“), «Ниагарская Локпорт и силовая компания» („Niagara, Lockport and Power C⁰“) и др. Базируясь на водной энергии Ниагарского водопада по преимуществу, концерн, объединяющий все эти общества, поставляет энергию многочисленным крупным и крупнейшим производствам лесной, бумажной и алюминиевой промышленности. Кроме того, он снабжает энергией около 450 городов и коммун. «Средне-Западная Компания» („Middle West Utilities C⁰“) точно так же объединяет целый ряд концернов. К ее организму ей в 1927 г. принадлежали 204 паросиловых установки, 133 гидравлических станции, 63 газовых централи, 8 — с тепловой передачей и 14.454 мили (ок. 23.126 км) высоковольтных линий. В таком же роде крупные объединения — если и с несколько меньшим числом участников — представляют собою и другие монополистические союзы вышеприведенной таблицы.

Представляют ли перечисленные в таблице гигантские концерны материал для дальнейших объединений? Это не подлежит никакому сомнению.

¹ В Соед. Штатах — вместе с „частным“ производством — в 1927 г. было добыто 98 мрд. квтч.

Само собою разумеется, при этом, что такие вещи, как соглашения, делаются достоянием гласности только тогда, когда они совершившийся факт. О переговорах, происходящих в пресловутой «тихий кабинетов», общественность бывает плохо осведомлена. Тем не менее, („Giant, Power-Systems“) к типу которых принадлежали бы объединения перечисленных концернов, представляющих собою типичные Super-Power-Systems, — стоят в Соед. Штатах на очереди дня. Мало того. За последнее время в печати появились сообщения о попытках конкретизировать уже несколько лет тому назад высказанную идею мирового электрического треста.

Мало-по-малу крупные американские электроэнергетические концерны приобретают акции европейских предприятий. Кроме скупки акций уже существующих, американцы активно выступают с целью организации новых предприятий в союзе с теми или иными европейскими капиталистическими группами. Особою активностью в последнее время отличаются «Софина» („S. fina“) или группа Гейнемана (Heinemann, Бельгия) и общество финансирования (уже упомянутое нами выше) „Electric Bond and Share C⁰, Limited“. Обе группы контролируют в настоящее время ряд внеамериканских электрических концернов, главным образом вырабатывающих электроэнергию. Делают они это прямо или через посредство связанных с ними обществ, как, например, связанная с „Electric Bond“ — „American and Foreign Power C⁰“ („Американская и иностранная силовая компания“). Влияние эти групп простирается на Бельгию, Испанию, Францию, Германию, Южную Америку, Канаду, Дальний Восток, Ближний Восток и т. д. В самое последнее время обе эти группы обнаруживают друг к другу весьма нежные чувства: ходят слухи, что „Electric Bond“ овладел уже значительной частью акций «Софины», а «Софина», в свою очередь, приобрела соответствующее количество акций „Electric Bond“. И если принять во внимание связи каждой из этих групп во всех частях света, то перед нами действительно вырисовываются контуры предстоящего «мирового электрического треста».

Какое может быть значение этого будущего мирового треста, владеющего большинством предприятий, производящих электроэнергию, этого гигантского мирового паука, пытающегося охватить всю производственную жизнь капиталистического мира, — нам понятно из всего предыдущего. Небезынтересно отметить, что „Electric Bond and Share C⁰, Limited“ является экспонентом «Дженерал-Электрик». Объединение групп, контролирующих производство электроэнергии, идет таким образом, рука об руку с объединением таких «электрических» концернов, как «Дженерал-Электрик» и «А.Э.Г.».

В электрическом хозяйстве мира явственно сказывается та самая тенденция к объединению и обобществлению на частно-капиталистической базе, о которой мы говорили выше.

Электроэнергетическая база в противоречии с производственными отношениями империализма

На основании всего предыдущего изложения мы можем, таким образом, констатировать, что все виды механической энергии, участвующие в современном производстве, обладают тенденцией к превращению в электрическую энергию. Это — общий процесс, охвативший все капиталистические государства. В одних, как например, в Соед. Штатах, этот процесс зашел уже очень далеко; в других, как например, в Англии, он развит значительно меньше. В общем капиталистические государства охвачены им во всяком случае больше, чем наполовину. В организации производства, в созидании

его энергетической базы — электрическая энергия представляет столь значительные преимущества, что капитализм не может от нее отказаться. Переход к ней соответствует самой сущности капитализма, ибо создает на первых порах лучшие условия выколачивания прибавочной стоимости.

Электрификация производства представляет прежде всего технический процесс столь очевидный и действительный, что обратиться к ней побуждает самый элементарный инстинкт капиталистического общества, стремление к прибыли и конкуренция. В особенности это справедливо не относительно конкуренции отдельных мелких предприятий, для которых переход к электрификации мог бы оказаться слишком расточительным, а относительно предприятий крупных, в первую очередь тех или иных производственных объединений. Совершенно естественно, поэтому, что применение электрической энергии получает резкий толчок, к своему развитию как-раз в эпоху монополистического капитализма, в эпоху гигантских капиталистических объединений. Поскольку в последних налицо элемент обобществления, постольку он является, в свою очередь, условием, благоприятствующим распространению электрификации. Применение электрической энергии не только возникает, следовательно, в недрах капиталистического общества, но находит в них условия своего дальнейшего развития, — того развития, которое из простого усовершенствования производства превращает электрификацию в могучий фактор его объединения, его обобществления. Если монополистические союзы вызвали к жизни создание Power Systems, организацию производства на многочисленных фабриках с электрической центральной станцией или станциями — в качестве «двигательной», «силовой» машины в центре, — то огромные технические и экономические преимущества такой организации стали сильнейшим побудительным мотивом к дальнейшему объединению, к дальнейшему «обобществлению» производства, которое вызывает к жизни уже не просто „Power Systems“, а „Super Power“ и даже „Giant-Power-Systems“. На примере попыток создания «мирового электроэнергетического треста» мы видели, до каких пределов, уже в настоящее время простирается возможность обобществления, благодаря электроэнергии. Каким же представляется с этой точки зрения, «мыслимое» будущее?

Если бы мы стали на точку зрения, скажем, Ауэна Юнга, ибо инициатором «мирового электроэнергетического треста» является, повидимому, директор «Генеральной электрической компании», то «идеальной» представилась бы следующая схема.

Электрификация достигает полного стопроцентного развития. Вся механическая энергия мира, в форме электрической энергии, находится в руках мирового треста. В этих цепких руках сосредоточивается производство электроэнергии на базе угля, нефти и гидравлической энергии. Все силовое хозяйство — промышленности, земледелия, транспорта — ставится достоянием гигантского спрута, каким должен быть всеобщий, мировой электроэнергетический трест. Что же это значит? Какую особенность сообщает мировой электроэнергетический трест организации всего народного хозяйства?

Не трудно видеть, что по существу это будет обозначать ни больше, ни меньше, как переход всего производства вообще под контроль и во власть треста. Ибо, уже в настоящее время производство электрифицировано настолько, что прекращение притока электроэнергии означает его полную дезорганизацию. Тем более это должно произойти тогда, когда электрификация будет осуществлена не на 50 с лишним процентов, а на все сто. Прекращение притока электроэнергии в этом случае будет равносильно выпадению основного из трех факторов современного производства: «движущей», «силовой машины» его, его активного начала. Могут сохраниться «рабочие

машины» — многочисленные фабрики и заводы. Но они, лишенные энергии, мгновенно превратятся в мертвые, бесполезные скелеты. Что же касается третьего звена, «трансмиссии», то в значительной части поскольку дело идет о наружной, высоковольтной передаче — она будет принадлежать тресту и должна будет подчиняться его директивам. И только «внутренняя», фабричная передача останется во власти рабочих организмов — фабрик. Но лишенная тока — она ни на ноту не изменит положения этих последних.

Не явствует ли отсюда, что мировой электроэнергетический трест, обобществление энергетической базы производства на основе частной собственности, явился бы первым и решительным шагом к обобществлению всего производства вообще? Не энергетической базы только, а и всего того, что на этой базе воздвигнуто и воздвигается? А если это так, то мировой электроэнергетический трест явился бы частью «всемирной монополии, одного всемирного треста», т. е. того «ультраимпериализма», который Ленин называет «ультрапустяками»,¹ потому что он совершенно невозможен в конкретной действительности и существует только как «чистая» абстракция.

Если бы мировой электроэнергетический трест осуществился, то этим было бы создано ни что иное, как новая система рабства, как господство группы, кучки капиталистов над всем остальным человечеством. Обладание источниками энергии создало бы для электроэнергетического треста положение привилегированное даже в среде капиталистов, выделило бы их из всего класса буржуазии. Создались бы, следовательно, общественные формы, производственные отношения, раскалывающие класс буржуазии и ведущие к созданию чего-то вроде сверх-буржуазной олигархии.

Как видим, такое общественное устройство представляло бы собою ряд вопиющих нелепостей и противоречий. По существу, это — красноречивейшее deductio ad absurdum частно-капиталистического принципа при условиях обобществления производства. «Не подлежит сомнению, — писал Ленин, — что развитие идет в направлении к одному единственному тресту — всемирному, поглощающему все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр., и пр., что непременно раньше, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратиться в свою противоположность».²

В этих словах Ленина дана всеобъемлющая характеристика «того, что будет» — процесса превращения капитализма в свою противоположность.

Но целое обнимает часть. То, что относится к капитализму, как целому, как к известной форме общественного производства в целом, относится и к энергетической базе, к его основной части. Прежде чем дело дойдет до всемирного электроэнергетического треста, до всеобъемлющей организации электроэнергетической базы на принципе частной собственности, произойдут «не только экономические, но и политические, национальные и пр. конфликты и потрясения», которые превратят электроэнергию в базу не частно-капиталистического производства, а производства социалистического. Ибо, как мы видели, переход к электроэнергетической базе неизбеж-

¹ В. И. Ленин. «Империализм, как высшая стадия капитализма». Соч., т. XIX, изд. 2-е 1929 г., стр. 147.

² Предисловие к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» «Московский Рабочий», Москва-Ленинград, 1927 г. Стр. 7—8.

но вызывает такую степень обобществления производства, которая совершенно невозможна на частно-капиталистической основе. Другими словами, она предполагает развитие производительных сил, неизбежно становящееся непримиримое противоречие с производственными отношениями капитализма.

На современной ступени своего развития материальные производительные силы капиталистического общества уже оказываются, таким образом, в противоречии с устоявшимися производственными отношениями. Из форм, содействующих развитию производительных сил, эти отношения уже превратились в их оковы. Всякий новый шаг в развитии производительных сил — только усиливает это противоречие. Следовательно, наступает время социальной революции. Новые производственные отношения должны стать на место старых, ибо те производительные силы, которые уничтожают производственные отношения «старого общества», близки к своей полной зрелости. И они несут с собою его гибель.

Диалектика истории в недрах капиталистического общества вырастила производительные силы, энергетическую базу социализма. Производственные отношения капитализма должны рухнуть. Им на смену идут производственные отношения социализма. «Капитализм превратится в свою противоположность».

Финансовое положение Великобритании¹

Основная особенность послевоенного экономического положения британского капитализма заключается в изменении его места в общей системе мирового хозяйства. В XIX столетии британский капитализм извлекал значительную «сверхприбыль» из своей внешней торговли. Эта «сверхприбыль» была результатом его более передовой техники, более совершенного строения капитала и монопольного обладания важными минеральными ресурсами. Когда же в конце прошлого века британский капитализм начал терять это преимущество, то утрату «сверхприбыли» он возместил себе новыми мерами империалистической эксплуатации некапиталистических аграрных стран мира. Еще ранее 1914 г. британский капитализм вступил в новую фазу упадка; и эти упадочные тенденции, значительно усилившиеся вследствие войны, обнаружились в жестоком кризисе британской промышленности в течение последних десяти лет. Усиливающаяся конкуренция Соед. Штатов, частичная индустриализация важнейших районов Азии, Центральной и Южной Америки и Австралии, нарастание волны восстаний среди колониальных народов — все эти факторы вызвали резкое сокращение «сверхприбыли», которую британский капитализм имел возможность получать в прежние времена, и сказались прежде всего в жестоком кризисе и в тяжелой безработице в пяти главных отраслях промышленности, продукция которых поступает, главным образом, на мировой рынок. Процент безработицы в этих отраслях (уголь, железо и сталь, машиностроение и судостроение, хлопок и шерсть) почти вдвое выше процента безработицы в остальных отраслях промышленности, производящих, главным образом, на внутренний рынок.²

«Неравномерное развитие мирового капитализма сказывается в основной диспропорции британского капитализма: капитал не только стремится извлекать прежнюю долю прибыли из уменьшившейся массы прибавочной стоимости, но, вдобавок к тому, в пропорциональном отношении слишком много капитала вкладывается во внешнюю торговлю. Прои стекающие отсюда «ножницы» британского хозяйства заключа-

¹ Статья Мориса Добба доцента Кембриджского университета написана специально для журнала „Плановое Хозяйство“.

² Около 80% продукции британской промышленности производится на внутренний рынок и около 20% рассчитано на экспорт. С трудом поддается удовлетворительному объяснению следующая важная особенность: в то время как британский экспорт упал в количественном отношении по сравнению с довоенным периодом, импорт сократился в меньшей степени. Другими словами, на каждую единицу экспорта приходится сейчас большее количество импорта, чем до войны, между тем условия торговли изменились в благоприятную для Англии сторону. Очевидно, что иностранный спрос на британский экспорт не мог увеличиться. Остаются два возможных объяснения: во-первых, то, что более высокие издержки производства и более высокие цены в отраслях экспортной промышленности, на ряду с неэластичным иностранным спросом, имеют результатом увеличение общей стоимости экспорта, даже при сокращении его количества; во-вторых, то, что мировые цены на сел.-хоз. продукты (которые составляют основную массу британского импорта) понизились сравнительно с ценами на изделия промышленности.

ются в ненормально низком уровне цен в группе «незащищенных» отраслей экспортной промышленности и в ненормально высоком уровне цен в так называемых «защищенных» отраслях промышленности, производящих на внутренний рынок. Таковы основные силы, толкающие британский капитализм в сторону более интенсивной монополизации, в сторону рационализации (как средства увеличения «относительной прибавочной стоимости»), в сторону «промышленного мира» и наступления на пролетариат.

На таком экономическом фоне и разыгрались недавние события в финансовой жизни Великобритании. Послевоенный кризис британского хозяйства усугубился под влиянием трех финансовых факторов: национального долга, денежной дефляции и соперничества между Лондоном и Нью-Йорком из-за роли мирового финансового центра. Уже до войны некоторые отрасли британской промышленности испытывали на себе всю тяжесть ренты и были обременены чрезмерно высокими нормами потребления чисто паразитического и бездеятельного класса ренты. Так, например, британские железные дороги были отягощены высокими процентами по привилегированным акциям и обязательствам — этому «балласту», доставшемуся в наследство от прошлого времени. Но в довоенные времена бремя это не было так тяжело, ибо нейтрализовалось условиями возраставшего экономического благосостояния страны и дешевизны денег, которая являлась результатом изменений курса золота на мировом рынке. После войны к этому бремени присоединилось бремя государственного долга в 7.000 млн. ф. ст., проценты по которому составляют в настоящее время 300 млн. ф. ст. в год, иначе говоря, 37% всего национального бюджета. Правда, платежи этих процентов до некоторой степени сводятся к простому перемещению ценностей внутри капиталистического класса и не затрагивают всей массы свободных излишков. Но дело не только в этом. Если это и перемещение, то перемещение от одной секции капиталистического класса к другой: от более активных промышленников, накапливающих капиталы для того, чтобы вкладывать их в промышленные предприятия, к пассивной группе ренты, более склонных пользоваться своими сверхизлишками для увеличения своего паразитического потребления, а поскольку они накапливают и инвестируют капиталы, то скорее вкладывают их в наиболее «верные» ценные бумаги — внутренние и иностранные облигации, нежели в менее надежные акции промышленных предприятий. Поэтому, с точки зрения промышленности, существование внутреннего государственного долга является вполне реальным, а не мнимым бюджетным бременем. Это бремя такого же рода, как и долг Соед. Штатов, хотя и менее значительное.¹

О результатах этого можно судить по положению с капиталонакоплением со времени войны. Ежегодное капиталонакопление (путем выпуска акций и т. п.) до войны оценивалось в 350—400 млн. ф. ст. Денежный эквивалент этого накопления, по курсу 1926 г., составлял, приблизительно, 650 млн. ф. ст. Однако, надежные оценки в 1925 и 1926 гг. определяли цифру ежегодного накопления приблизительно в 450—500 млн. ф. ст. Другими словами, британское капиталонакопление после войны сократилось на 20—30%, если принять во внимание изменения в денежном курсе. Кроме того, из этого уменьшившегося фонда вложения большая часть была вложена в фиксированные государственные и муниципальные облигации и меньшая часть (20% биржевых промышленных вложений, против 40% в довоенное время) в обыкновенные промышленные акции.²

¹ Из всей суммы английского национального долга в 7.500 млн. ф. ст. около 1.100 ф. ст. составляет долг Соед. Штатам. Довоенный национальный долг определялся в 645 млн. ф. ст. В силу соглашения 1923 г., долг Соед. Штатам превращен в аннуитет, т. е. в обязательство ежегодной уплаты процентов и капитальной суммы в размере 33 млн. ф. ст. в течение первых десяти лет и 38 млн. ф. ст. ежегодно после 1933 г.

² Отчет комиссии Кольвина о национальном долге, стр. 16—33, 355—368.

Это бремя процентов ренты усугублялось валютной политикой британского правительства начиная с 1920 г. Денежной единицей, сменившей золото во время войны, были казначейские знаки, которые отдел денежных знаков (Note Department) при Казначействе передавал Английскому Банку в обмен на гарантированные ценные бумаги. Суть дела заключалась в том, что правительство занимало деньги у Английского Банка на военные расходы и в обмен за это передавало Английскому Банку казначейские знаки, в качестве законного платежного средства. А так как банковская система действует на основе существования известной пропорции между денежными резервами банка и совокупностью его обязательств, то такое увеличение денежных резервов за счет выпуска бумажных денег имело своим результатом поощрение банков к увеличению своих ссуд и кредитных авансов, предоставляемых частной торговле и промышленности, а также правительству. В 1920 г. правительство, в соответствии с докладом пресловутой комиссии Кэнлиффа, приняло решение в возможно более близком будущем вернуться к золотому паритету при помощи дефляции. С этой целью оно установило предельную норму выпуска казначейских знаков, которая с каждым годом должна была понижаться против предыдущего года; перед лицом уменьшения своих денежных резервов, банки вынуждены были предпринять решительное сокращение кредитных авансов торговле и промышленности. Вследствие этого, промышленный кризис, разразившийся в марте 1920 г., еще усилился, ибо частные предприниматели не только оказались вынуждены производить и продавать в условиях понижающегося уровня цен, но также нести на себе бремя увеличившейся ренты и др. фиксированных расходов, а также увеличившейся ставки банковского учетного процента по кредитованию торговли и промышленности. В результате этой решительной дефляции индекс британских цен упал с 308¹ в марте 1920 г. до 164 в марте 1925 г. В конечном итоге реальное бремя всех рентных прав, выраженное в фунтах стерлингов, включая государственный долг, почти удвоилось, а проценты по государственному долгу возросли от 23 процентов всей расходной части государственного бюджета в 1920/21 г. до 38 процентов в 1925/26 г.

В 1925 г. актом парламента, который известен под названием «Акта Черчилля», обратимость казначейских билетов в золото была наконец восстановлена. Номинально такая обратимость существовала и прежде; но установление амбарго на вывоз золота лишало это номинальное право всякого практического значения. Существенной особенностью этого акта было, таким образом, прекращение амбарго на вывоз золота, восстановление свободного золотого обмена и, как результат этого, возврат к положению, созданному первоначально так называемым «Банк-Чартер-Актом» (Bank Charter Act) 1844 г., в силу которого на Английский Банк возлагалась обязанность по требованию покупать и продавать золото по твердой цене в 3 фунта 17 шиллингов 10½ пенсов за унцию. Однако, новый акт заключал в себе значительное изменение по сравнению со старым в том смысле, что он приближался к предложениям, сделанным около ста лет назад Рикардо. До того каждое частное лицо, купившее золотой слиток в банке, имело право доставить этот слиток на монетный двор и за небольшую плату вычеканить из него имеющие законное хождение золотые монеты. Это право было теперь отменено. Отныне только Английский Банк имел право отправлять золото на монетный двор для чеканки из него монет; притом на банк была возложена обязанность продавать золото в количестве не менее 400 унций. Изменения эти имели целью воспрепятствовать

¹ Эта цифра представляет индекс оптовых цен журн. „The Statist“ (1913-100).

возврату к свободному обращению золотой монеты и ограничить обмен центральным банком бумажных денег на золото для нужд международной торговли и международных валютных сделок. Последним шагом послевоенного законодательства о валюте был парламентский акт 1928 г., в силу которого право выпуска казначейских знаков было передано Английскому Банку и, таким образом, этот выпуск превращался в выпуск банкнот.

При действии «Банк-Чартер-Акта» 1844 г., которым регулировался выпуск банкнот в прежнее время, фидуциарный выпуск¹ был ограничен известным пределом (сначала 14 млн. ф. ст., впоследствии 20 млн. ф. ст.), все же банкноты, выпускаемые сверх этой нормы, должны были обеспечиваться соответствующим количеством золота, хранящегося в подвалах банка. Новым актом 1928 г. проводилась та же политика фиксированного максимума, при чем новый амальгамированный выпуск был ограничен предельной суммой фидуциарного выпуска в 260 млн. ф. ст. Всякий выпуск банкнот сверх этой суммы был возможен лишь в соответствии с количеством золотого запаса в подвалах Эмиссионного отдела (Issue Department) Английского Банка.

Политика восстановления золотой валюты встретила в 1925 г. критическое отношение, главным образом, со стороны представителей промышленного капитала. Они считали эту меру слишком «внезапной» и опасались, что она повлечет за собой новое бремя дефляции, которое окажется непосильным для ослабленной кризисом британской промышленности. Заявление Черчилля о восстановлении золотого паритета было сделано в то время, когда курс английского фунта равнялся только 3,80 долл. вместо довоенного паритета 1 ф. = 3,86 долл. Результатом заявления Черчилля был спекулятивный скачок курса доллара к последней цифре — золотому паритету; в течение последующих 12 месяцев отношение доллара и фунта стерлингов поддерживалось в пользу последнего передвижением к Лондону сальдо баланса (которое в течение предыдущих 10 лет неустойчивого положения текло к Нью-Йорку), притоком американского капитала в Европу в результате плана Дауэса и неофициальным амбарго на экспорт капитала, который проводился в 1925 г. со специальной целью поддержать иностранный курс фунта стерлингов и тем самым облегчить переход к золотой валюте. Но многие указывали, что определение курса фунта стерлингов в 3,86 долл. является результатом переоценки фунта, которая объясняется чисто временными влияниями, и что, если этот курс должен быть взят за основу золотого обращения, то необходима будет дальнейшая дефляция британских цен, доходящая, по крайней мере, до 10%. Несмотря на то, что уровень британских цен был все еще на 60 процентов выше довоенного, возврат к золотой валюте все же был возможен, ибо это повышение уровня цен нейтрализовалось соответствующим падением международного курса золота (в товарах) за время войны, и, следовательно, многое зависело от будущих изменений в курсе золота. Однако, делались указания на то, что английский уровень цен был все еще значительно выше американского уровня цен по сравнению с довоенным временем.

Пока будет существовать это несоответствие между внутренней покупательной силой английского фунта и американского доллара, до тех пор торговый баланс будет оставаться «неуравновешенным», ибо высокий уро-

¹ Фидуциарный выпуск составляет ту часть выпуска денежных знаков, которая не «покрывается» золотом и обеспечивается только ценными бумагами. До войны Английский Банк выпускал кредитные билеты достоинством в 5 ф. ст. и выше, но не ниже этой суммы. Единицы меньшего достоинства обращались в золотой монете. Во время войны место этой золотой монеты заняли казначейские билеты.

вень цен в Англии будет привлекать к ней излишек импорта. Кроме того, серьезным препятствием для экспортной торговли будет служить то обстоятельство, что в то время как количество фунтов стерлингов, получаемых экспортером за каждую партию проданного за границу товара стоимостью в сто долларов, уменьшилось, его собственные издержки не уменьшились, оставаясь на более высоком уровне внутренних цен.

Главными представителями этой точки зрения были Мак-Кенна, председатель Мидлэнд Банка, и Дж. М. Кэйнс, либеральный экономист. Кэйнс выпустил блестящий полемический памфлет «Экономические последствия политики Черчилля» («The Economic Consequences of Mr. Churchill») В этом памфлете он писал:

«Когда мы повышаем курс фунта стерлингов на 10%, мы кладем около 1 млрд. ф. ст. в карманы рэнтье и увеличиваем реальное бремя национального долга приблизительно на 750 млн. ф. ст.»

Кроме того, если бы уровень цен можно было так произвольно понизить на 10%, то необходимо было бы на соответствующую величину понизить и уровень номинальной заработной платы. А это, говорил он, можно было бы сделать «не иначе как путем сознательного усугубления безработицы. Целью сокращения кредита, в таком случае, является отнятие у предпринимателей финансовых возможностей для применения рабочей силы при существующем уровне цен и заработной платы. Эта политика может привести к цели лишь при условии неограниченного усиления безработицы до тех пор, пока рабочие не будут готовы принять необходимое сокращение заработной платы под давлением жестокой действительности».

Мак Кенна¹ утверждал, что, возвращаясь к золотой валюте, британский капитализм фактически возвращался к «валюте доллара», так как курс золота фактически определяется его покупательной ценой в долларах, а эта последняя, в свою очередь, кредитной политикой Федерального резервного Комитета (Federal Reserve Board). Британия, заявлял он, привязывала себя к колеснице американских финансов.

Поэтому, говорили эти критики, было бы лучше отсрочить возврат к золотой валюте, вместе с сопутствующими ему бедствиями дефляции. Лучше поддерживать английский уровень цен в устойчивом состоянии в надежде на то, что предстоящий подъем американского уровня цен и падение курса золота смогут сделать возможным возврат к золотому паритету в будущем. Эта точка зрения встретила поддержку в официальных заявлениях Федерации британской промышленности, представляющей основные секции британского промышленного капитала.

Кассандровы пророчества этих критиков, в общем, оправдались последующими событиями. Английский уровень цен не только пришлось понизить по крайней мере на 10% для того, чтобы привести его в соответствие с мировым уровнем цен; но американский уровень цен продолжал падать после 1925 г., а курс золота на мировом рынке продолжал повышаться; это вызывало необходимость в дальнейшей дефляции в Англии, сопровождаемой увеличением бремени ренты, усилением безработицы, сокращением заработной платы и обострением классовой борьбы, которая выразилась в генеральной стачке в мае 1926 г. Эта дальнейшая дефляция с 1925 г. составляла приблизительно от 15 до 20%. Индекс оптовых цен упал с 160

¹ Мак Кенна сам не является банкиром. Это бывший либеральный министр, назначенный председателем Мидлэнд Банка, как связующее звено с промышленностью, с которой этот банк находится в особенно близких отношениях. Таким образом, его точка зрения отражает интересы, главным образом, промышленности, а не финансов.

в 1925 г. до 135 летом 1929 г.¹ Финансовые интересы Лондона в его борьбе с Нью-Йорком за преобладание на международном финансовом рынке не могли, конечно, мириться с той политикой, которую проводили представители промышленного капитала, требовавшие, чтобы стабильность иностранного курса была принесена в жертву стабильности внутреннего уровня цен. Эти финансовые интересы требовали как можно более скорого восстановления золотого паритета, хотя бы ценой обострения промышленного кризиса. Вся финансовая история Англии за последние два-три года сводилась к борьбе за сохранение золотого паритета перед лицом трудностей, связанных с международным курсом золота.

В тесной связи с проблемой уменьшения капиталонакопления и с проблемой восстановления золотого паритета стоит проблема «неблагоприятного торгового баланса» Англии. Этот последний фактически был одним из симптомов более общих болезней. Термин «неблагоприятный баланс» торговли (пережиток меркантилистской терминологии), как показывают цифры импорта и экспорта департамента торговли, применяется в Англии только по отношению к торговле товарами. Этот, так называемый «неблагоприятный баланс» является, таким образом, синонимом превышения «видимого» импорта товаров над экспортом; Англия имела такое превышение импорта в течение более полувека. Фактически, однако, это превышение импорта с лихвой возмещается различными видами так называемого «невидимого» экспорта, т.е. услугами британского судоходства, банковым и страховым делом, процентами по иностранным вложениям, — оставляющими такой излишек на стороне кредита, который дает возможность ежегодного вывоза новых капиталов. Департамент торговли обычно оценивает эти «невидимые» статьи экспорта и противопоставляет их «неблагоприятному балансу», определяя получающийся в результате излишек на стороне кредита, как «излишек, пригодный для иностранного вложения», т.е. как излишек, который может уходить за границу в виде иностранного вложения, не нарушая платежного баланса Великобритании и, следовательно, иностранного курса ее валюты. Знаменательным фактом в послевоенной ситуации было значительное увеличение сальдо «неблагоприятного баланса» и, следовательно, уменьшение «излишка, пригодного для иностранного вложения». Этот факт иллюстрируется следующей таблицей, составленной по данным департамента торговли (в млн. фунт. ст.):

Наименование статей	1913 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Чистый доход от иностранных вложений	210	220	250	270	270
Чистый доход от судоходства	94	140	124	120	120
0/0 по краткосрочным займам и комиссии	25	60	60	60	60
Доход от других услуг	10	15	15	15	15
Чистый „невидимый“ экспорт	339	435	449	465	465
Чистое сальдо импорта товаров над экспортом („неблагоприятный баланс“)	158	324	384	477	391
Чистый излишек, пригодный для иностранных вложений	181	111	165	12	74

¹ За время с 1925 г. по июнь 1929 г. индекс цен журнала „Economist“ упал с 161 до 131,7; индекс департамента торговли — с 159 до 135,6; индекс журнала „Statist“ с 160 до 133. Все эти индексы оптовых цен были получены, принимая цифры 1913=100. На ряду с этим, розничные цены падали более медленно. Индекс прожиточного минимума министерства труда упал за тот же период времени с 173 до 161. В то же время американский уровень цен, как показывает индекс Бредстрия, упал с 151 до 135 (1913 г.=100).

В этой таблице особого внимания заслуживают цифры увеличения «неблагоприятного баланса» после войны (если даже принять во внимание изменения курса фунта стерлингов), увеличения, которое достигло максимума в 1926 г., т.е. спустя год после восстановления золотого паритета. Это увеличение, по всей вероятности, являлось симптомом трудностей, связанных с переходом к золотому паритету: искусственное повышение внешнего или иностранного курса фунта стерлингов до паритета, в то время как внутренний курс его оставался на прежнем, более низком уровне, привело к расширению импорта и сокращению экспорта. Но более высокий уровень этого «неблагоприятного баланса» со времени войны, по всей вероятности, объясняется ростом чрезмерного потребления капиталистического класса и мелкой буржуазии и уменьшением капиталонакопления, следствием чего явилось увеличение импорта и уменьшение экспорта товаров сравнительно с довоенным временем. Однако, это объяснение не является исчерпывающим. Необходимо иметь в виду и другую замечательную особенность сложившейся ситуации. Хотя приведенные цифры показывают, что способность Великобритании к иностранным вложениям была весьма незначительна, фактически вложения английского капитала в иностранные бумаги на лондонском рынке за те же годы были гораздо больше.

До войны Великобритания ежегодно инвестировала в другие страны от 180 млн. ф. ст. до 200 млн. ф. ст., т.е. сумму приблизительно равную годовому проценту, который она получала от прошлых иностранных вложений. За четырехлетний период с 1924 по 1927 г. соответствующие цифры вложения были таковы (в млн. фунт. ст.):

Наименование статей	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Новые иностранные вложения английского капитала на Лондонском рынке	134	88	112	139

Эти цифры представляют менее половины реальных ценностей, помещенных за границей до войны. Но если даже допустить, что часть из них представляла акции, купленные в Лондоне иностранцами, то все-таки они будут значительно больше того «излишка, пригодного для помещения за границей», который фигурировал в статистике департамента торговли. Как объяснить такое противоречие? Правда, департамент торговли впоследствии изменил некоторые свои оценки «невидимого экспорта» в сторону увеличения; однако, это объясняет лишь часть этой разницы. Частичное объяснение, особенно, в отношении исключительного высокого сальдо «неблагоприятного баланса» за 1925, 1926 и 1927 гг., заключалось, конечно, в том, что английский уровень цен был все еще слишком высок по сравнению с новым золотым паритетом. Но все-таки это не объясняет всего явления в целом. Остается еще то объяснение, что экспорт капитала уравнивался притоком меняющегося сальдо и краткосрочных займов из Нью-Йорка в Лондон. Этот приток отчасти был связан с общим притоком в Европу американских фондов, отчасти объяснялся высотой учетного процента в Лондоне, которая делала этот город удобным рынком для предоставления краткосрочных ссуд путем учета векселей. По выражению одного автора. Англия делала долгосрочные вложения из доходов от краткосрочных займов.

Совершенно очевидно, что эта ситуация была весьма неустойчивой и недолговечной. Передвижение иностранных сальдо из Нью-Йорка на лондонский учетный рынок могло продолжаться лишь до тех пор, покуда нормы учетного процента в Лондоне были выше, чем в Нью-Йорке. Но даже и при этом условии, этот приток должен был скоро приостановиться и мог в любой

момент смениться обратным течением, которое привело бы к внезапной утечке золота. А если бы это случилось, разразился бы новый финансовый кризис, и для сохранения устойчивости золотого паритета пришлось бы прибегнуть к новой решительной дефляции. Доказательством неизбежности этого дальнейшего кризиса служат финансовые события последних полутора лет. Кроме того, многие английские экономисты предсказывают теперь дальнейшее повышение курса золота на мировом рынке, в течение ближайших двух-трех лет;¹ неизбежность этого повышения они усматривают в ожесточенной «борьбе из-за золота» на международном золотом рынке, которую ведут страны, создающие крупные золотые запасы с целью восстановления у себя золотого паритета. Если это действительно так, то британский капитализм стоит накануне нового периода дефляции, со всеми сопровождающими ее тяжелыми последствиями для промышленного капитала.

Далее представители промышленности высказывались против положений нового акта 1928 г., в силу которого выпуск казначейских билетов был передан Английскому Банку. Предельная норма фидуциарного выпуска была признана слишком низкой. Она была на 4,5 млн. ф. ст. меньше того количества знаков, которое в то время фактически находилось в обращении. В то время, когда пишутся эти строки, в обращении находится около 370 млн. ф. ст. денежных знаков. Из этой суммы 260 млн. ф. ст. представляют фидуциарный выпуск. Остальные 110 млн. ф. ст. должны «покрываться» золотом, хранящимся в эмиссионном отделе банка. Этот золотой запас «покрывает» почти 80% всей выпущенной суммы денежных знаков. Таким образом, в банковском отделе (Banking Department) остается всего лишь 30 млн. золота для удовлетворения внезапного спроса на него для целей экспорта, в связи с неблагоприятным изменением иностранных курсов. Всякий спрос, выходящий за пределы этой суммы, сможет быть удовлетворен лишь путем сокращения нынешнего количества денежных знаков, другими словами, путем дальнейшей дефляции. Кэйнс высказал остроумный парадокс, что золотой запас был бы полезен лишь в том случае, если бы он мог быть утрачен. Пока же этот запас, говорил Кэйнс, покоится в подвалах эмиссионного отдела, от него нет пользы никому, если не считать того, что он обеспечивает душевный покой суеверных поклонников золота. Золотой запас полезен лишь постольку, поскольку он дает возможность заполнить временную брешь в международном балансе платежей (которая может возникнуть в результате сезонных влияний) без сокращения количества денежных знаков и, следовательно, без ущерба для торговли и промышленности. А для этой цели, говорил Кэйнс, запас в 30—50 млн. ф. ст. слишком незначителен. Он почти не оставляет свободы для маневрирования и к тому же ставит внутреннее положение с кредитом и валютой в слишком большую зависимость от любой перемены ветра в международной финансовой сфере. Новый акт 1928 г. фактически предоставил казначейству право, путем специального постановления, превышать законный максимум фидуциарного выпуска на срок до 6 месяцев; но Черчилль заявил, что правительство намерено пользоваться этим правом лишь в самых крайних случаях.

Чтобы понять финансовые события последнего года, необходимо вспомнить некоторые отличительные особенности английской банковской системы. Во-первых, Английский Банк, хотя и является «банком банкиров», все же не есть переучетный банк, каковыми являются Федеральные резервные банки в Соед. Штатах. Депозитные банки (Joint-Stock Banks) обычно держат свои резервы в Английском Банке. Они смотрят на него как на свою «кассу», ибо в любой момент могут забрать из него свои резервы.

¹ Например, „The Statist“, май 11, 1929 г.

в виде имеющих законное хождение денег; в своих балансах они относят эти резервы к статье «наличность в кассе и в Английском Банке». Во-вторых, в балансе Английского Банка эти резервы фигурируют, как «вклады банков». Последние составляют сейчас около 64 млн. ф. ст., иначе говоря, от 50 до 60% всех вкладов, находящихся в Английском Банке. Вдобавок к тому, в Английском Банке содержатся так называемые «публичные вклады» правительства и около 36 млн. ф. ст. вкладов частных лиц. Но депозитные банки не имеют обыкновения переучитывать часть своих векселей в центральном банке; учетный процент Английского Банка не есть переучетный процент, но все же он выше рыночного учетного процента, обычно взимаемого акционерными банками и маклерами при выдаче ссуд. Лишь в тех случаях, когда на рынке краткосрочного кредита ощущается недостаток фондов (сравнительно со спросом) и когда в результате конкуренции рыночный учетный процент повышается до уровня учетного процента Английского Банка, — другие банки и маклера прибегают к займам в Английском Банке, путем учета в нем своих векселей. В таких, и только в таких случаях норма учетного процента Английского Банка становится эффективной — в том смысле, что ею определяется объем кредитных сделок, совершаемых на рынке краткосрочных займов.

Из этого, казалось бы, можно заключить, что Английский Банк, нормой своего учетного процента и своей кредитной политикой, оказывает весьма незначительное влияние на общую кредитную ситуацию. Но фактически дело обстоит иначе. Английский Банк выработал технику сознательного воздействия на рыночную ставку учетного процента для того, чтобы «сделать эффективной свою собственную ставку». Он достигает этого путем так называемых «операций на вольном рынке» (open market dealings). Так, например, если Английский Банк желает уменьшить общее количество учетных операций на рынке краткосрочных займов и сократить кредит, он обычно прибегает к одному из следующих двух методов, или к обоим одновременно. Во-первых, он может выступить на рынке в роли заемщика и тем самым уменьшить запас фондов, которые могли бы быть использованы для учета векселей. Во-вторых, он может продать часть своих долгосрочных вложений (состоящих преимущественно из государственных облигаций). Это равносильно привлечению фондов из других банков для покупки этих паев и, следовательно, сокращению тех резервов, которые эти банки держат в Английском Банке. Когда, вследствие утечки золота за границу, в Английском Банке истощается золотой запас, банк прибегает к этим мерам дефляции и тем сокращает спрос на валюту. Когда же запасы золота в Английском Банке велики и имеют тенденцию к дальнейшему росту, он обычно прибегает к противоположной мере — к покупке государственных облигаций на вольном рынке; в результате этого фонды сосредоточиваются в других банках, резервы их в Английском Банке разбухают, и это способствует расширению их учетных операций, а, следовательно, и увеличению денежного обращения.

Другая важная особенность английской банковской системы заключается в том, что английские депозитные банки обычно ограничивают свою деятельность вкладными и учетными операциями и, в отличие от континентальных банков, не занимаются долгосрочным финансированием промышленности. Кроме того, в Англии, как ни в одной другой стране, за исключением Соед. Штатов, широко применяются чеки. Фактически все сделки на сумму более 1—2 ф. ст. совершаются буржуазией при помощи чеков. Система чеков придает большую гибкость операциям английских банков и позволяет им расширять свои кредитные возможности на весьма незначительной денежной основе.

Когда какой-нибудь банк предоставляет ссуду своему клиенту, то в большинстве случаев почти вся сумма этой ссуды выдается в виде чеков, и фактически для финансирования таких сделок вовсе не требуется денег. Таким образом, в весьма значительных пределах, банки могут увеличивать чековое обращение (путем расширения кредитных авансов и учета векселей), не увеличивая при этом размеров денежного обращения. А между тем, увеличение количества находящихся в обращении, чеков, оказывает такое же влияние на рынок и на уровень цен, какое оказало бы эквивалентное увеличение денежного обращения. Таким образом, описанные выше действия Английского Банка, влияя на объем кредитов, предоставляемых депозитными банками, тем самым будет оказывать серьезное влияние на покупательные возможности товарного рынка (например, путем регулирования количества обращающихся чеков), а, следовательно, и на внутренний уровень цен. Поэтому, повышение учетного процента (в соединении с необходимыми «операциями на вольном рынке», которые делают это повышение «эффективным») будет иметь двойной результат: во-первых, оно будет иметь тенденцию произвести немедленное благоприятное изменение в иностранных курсах, привлекая иностранные фонды на лондонский учетный рынок преимуществами высоких учетных ставок. Во-вторых, оно будет иметь тенденцию вызвать кредитную дефляцию и падение внутреннего уровня цен и, воздействуя тем самым на импорт и экспорт, в конечном счете будет оказывать влияние на международный баланс платежей Великобритании.

Эти особенности английской системы кредита оказали большое влияние на английскую теорию денег, особенно со времени мировой войны. Усиленное внимание было обращено на объем кредитных авансов, выдаваемых банками, как на фактор, регулирующий размеры чекового обращения, а, следовательно, и колебания уровня цен.

Кроме того, в Англии, в отличие от крестьянских стран, денежные сбережения частных лиц весьма незначительны. Денежные сбережения, которые играли важную роль в теории денег К. Маркса, состоят из вкладов в банке. Если банк, параллельно с приемом каждого вклада, выдает соответствующую ссуду, то это значит, что денежное сбережение выпускается в обращение с самого своего возникновения. Но если банки предоставляют кредиты более быстрым темпом, чем принимают сбережения в виде вкладов, то происходит процесс «истощения запасов» (dishoarding).¹ В теории денег Кэйнса² (а) общий объем кредитов, выдаваемых банками, (б) количество товаров на рынке и (в) доля богатств, сохраняемая в виде сбережений, фигурируют как переменные величины, которыми определяется уровень цен в любое данное время. Другой автор Р. Г. Хотри (R. Hawtrey), представитель казначейства, пошел в своих утверждениях еще дальше: он говорит, что в настоящее время не стоимость золота определяет собою стоимость денег, но, наоборот, покупательная сила денег экономически господствующих стран (в частности, доллара), определяемая кредитной политикой руководящих банков, определяет мировой спрос на золото, а, стало быть, и его стоимость.³ В защиту этого положения он выдвинул два довода: во-первых, говорит он, золото, как товар, имеет ту особенность, что ежегодное увеличение его количества составляет лишь незначительную (менее 3%) долю всего его запаса, находящегося в употреблении, а, следовательно, дол-

¹ D. H. Robertson. „Banking Policy and the Price-level“ и „Money“. („Банковская политика и уровень цен“ и „Деньги“).

² Например, в его работе „Tract on Monetary Reform“ („Трактат о денежной реформе“).

³ Этот взгляд был подробно изложен в работах Hawtrey: „Currency and Credit“ и „Gold Standard in Theory and Practice“. (Хотри: „Деньги и Кредит“ и „Золотая валюта в теории и на практике“).

жно пройти не менее полувека для того, чтобы изменения в его добыче и в годичном увеличении его количества могли повлиять на стоимость его на мировом рынке; во-вторых, мировой рынок золота фактически приобретает характер монополии — монополии покупателя в виде Федерального резервного комитета (Federal Reserve Board), который владеет половиной всего мирового запаса золота и фактически определяет стоимость его на мировом рынке своей кредитной политикой, влияющей на товарный курс доллара и на покупательную цену золота в долларах. На основе этой теории, Хотри выдвинул предложение установить сотрудничество между главными центральными банками, в целях контроля и стабилизации курса золота путем согласования их кредитной политики.

В первой половине 1928 г. можно было думать, что финансовое напряжение, возникшее в результате восстановления золотого паритета, уже прошло, что наступил конец дефляции и что более легкие условия кредита смогут облегчить процесс рационализации и обеспечить тот «промышленный мир», который так настойчиво проповедуют капиталисты-промышленники в союзе с профсоюзной бюрократией. Британский уровень цен, казалось, пришел в соответствие с американским уровнем цен: индекс журнала «Statist» за июнь 1928 г. равнялся 144, индекс журнала «Economist» составлял 142, а американский индекс Брэдстрита за тот же месяц составлял 142,7. «Неблагоприятное сальдо» торгового баланса уменьшилось от 391 млн. ф. ст. в 1925 г. до 359 млн. ф. ст. в 1928 г.; к тому же, после проверки своих оценок «невидимого экспорта», департамент торговли показал «чистый излишек, могущий быть использованным для иностранного вложения» в 149 млн. ф. ст.

В 1928 г. в Лондоне было продано иностранных бумаг на 149 млн. ф. ст. Кроме того, в течение первых 8 месяцев того же года финансовая ситуация была столь благоприятна, что, благодаря притоку золота из-за границы, Английский Банк смог увеличить свой золотой запас на чистых 24 млн. ф. ст.

Однако, это устойчивое положение длилось недолго: уже осенью 1928 г. появились симптомы нового кризиса. Благоприятная ситуация первой половины этого года объяснялась в значительной степени тем, что в течение двух предшествовавших лет лондонская ставка учетного процента была значительно выше нью-йоркской; двойным результатом этого было, во-первых, привлечение иностранных фондов на лондонский учетный рынок (а, следовательно, укрепление иностранного курса); во-вторых, резкая дефляция внутренних цен. Но в феврале 1928 г. переучетный процент нью-йоркского Федерального резервного банка поднялся с 3,5 до 4, а в мае до 4,5, т.е. до уровня учетного процента Английского Банка. В июле нью-йоркский процент дошел до 5. После этого курс английского фунта начал изменяться в обратном направлении. Отношение между долларом и фунтом стерлингов обычно обнаруживает сезонное колебание в сторону Лондона каждую осень, когда происходит финансирование сделок с урожаем. Это сезонное колебание приняло особенно резкий характер осенью 1928 г., так как в этом году Лондон принял на себя свою прежнюю функцию финансирования погрузок американских продуктов. Повышение нью-йоркского учетного процента имело целью приостановить спекуляцию на фондовой бирже путем сокращения кредитов. Но спекулятивная горячка приняла такие размеры, что попытка Федерального резервного комитета бороться со спекуляцией оказалась безрезультатной. Ажиотаж продолжался осенью и зимой, и спрос на краткосрочные ссуды для финансирования игры «на повышение» был так велик, что по ссудам «до востребования» (call money) платили в Нью-

Йорке 10% и больше. В результате, вместо прилива американских фондов в Лондон, — прилива, поддерживавшего курс фунта стерлингов в течение трех лет, — началось обратное движение фондов из Лондона в Нью-Йорк, под влиянием высокого курса денег и перспектив выгодной спекуляции. Одновременно с этим, осенью 1928 г. обнаружилась тенденция к новому понижению американского уровня товарных цен: индекс Брэдстрита упал с 142,7 в июне 1928 г. до 135,2 в мае 1929 г.

В результате этих влияний, к которым присоединилось сезонное напряжение платежного баланса, курс фунта стерлингов в конце года упал до золотой экспортной точки, а за последние четыре месяца этого года Английский Банк потерял 22 млн. ф. ст. своего золотого запаса. Под влиянием недостатка фондов на рынке краткосрочного кредита, в результате утечки их за границу, рыночный учетный процент настолько приблизился к уровню учетного процента Английского Банка, что разница между обоими составляла небольшую дробь и была самой незначительной за период в шесть лет.

Во время этих передвижений золота в течение года — сначала прилива, потом отлива — Английский Банк проводил политику сохранения возможно большей устойчивости внутренней кредитной ситуации. Поэтому, когда золото прилиvalo к Лондону в начале года, он старался предотвратить инфляционные последствия этого, путем продажи ценных бумаг. «В первой половине года Английский Банк нейтрализовал приобретение им 21 млн. ф. ст. путем продажи 12 млн. ф. ст. ценных бумаг. В июле и августе он продал этих бумаг на 19 млн. ф. ст., против приобретенных 3 млн. ф. ст.»¹ Когда же в конце года начался отлив золота, Английский Банк объяснял это временными сезонными влияниями и спекулятивной горячкой в Соед. Штатах (которая, по его расчетам, должна была скоро прекратиться), и пытался предотвратить вызываемое этим отливом сильное сжатие кредита противоположной мерой скупки ценных бумаг. За период с 31 августа по 19 декабря он закупил таких бумаг на 16 млн. ф. ст., потеряв за то же время 22 млн. ф. ст. золота.

Но когда выяснилось, что факторы, вызывавшие эту утечку золота, отнюдь не носят временного характера, Английский Банк в феврале 1929 г. принял меры к охране своего золотого запаса путем резкого повышения ставки своего учетного процента с 4,5 до 5,5. До июня эта мера, казалось, действительно ослабляла давление на золотой паритет и приостанавливала отлив фондов в Нью-Йорк. Банк оказался в состоянии несколько увеличить свой золотой запас и сохранять его нетронутым до июня. В то же время он пытался предупредить дефляционное действие повышенного учетного процента на внутреннюю кредитную ситуацию путем поощрения депозитных банков к предоставлению ссуд на прежних условиях кредита. Но спекулятивный «бум» в Нью-Йорке продолжался, и учетный процент по краткосрочным займам оставался на прежнем высоком уровне. В результате этого, к концу июня Английский Банк снова начал терять золото. В августе курс фунта стерлингов начал испытывать на себе действие обычного сезонного фактора. Вдобавок к тому, Франция, успевшая к этому времени стабилизировать свой франк, начала выравнивать свой платежный баланс и выкачивать золото из Лондона в Париж. К 21 августа Английский Банк потерял еще 24 млн. ф. ст. золота, и золотой запас, могущий быть использованным для удовлетворения добавочного спроса на экспортное золото, упал до угрожающе низкой цифры в 30 млн. ф. ст. Повидимому, оправдывалось указание Кэйнса на то, что

законоположение относительно фидуциарного выпуска лишало английскую денежную систему эластичности, необходимой для того, чтобы реагировать на колебания курса без сокращения внутреннего денежного обращения.

Но в июле и августе директора Английского Банка, считавшие отлив золота, особенно утечку его в Париж, временным явлением, снова пытались противодействовать резкому сокращению кредита и денежного обращения путем скупки государственных ценных бумаг на вольном рынке. Однако, 8 августа учетный процент нью-йоркского Федерального резервного банка снова поднялся с 5 до 6% и снова переучетный процент стоял выше лондонского уровня. В то же время прекращение американских вложений в германское хозяйство заставило Германию прибегнуть к довольно крупным займам в Лондоне. В результате, в течение сентября иностранный курс фунта оставался на золотой экспортной точке, и Английский банк продолжал терять золото, которое убывало за границу. В течение одной недели (кончая 25 сентября) банк потерял 3,6 млн. ф. ст. золота. В конце-концов, в последнюю неделю сентября Английский Банк повысил свою норму учета до 6,5%.

Для лондонского денежного рынка эта цифра в 6,5% является чрезвычайно высокой. В довоенное время учетный процент редко доходил до такого уровня, даже в периоды острого финансового кризиса. Со времени войны этот уровень был превзойден один только раз, при чем это произошло в критический момент прекращения послевоенного «бума» весной 1920 г., когда впервые начала проводиться политика дефляции. Это повышение учетного процента вызвало уже громкие жалобы представителей промышленного капитала и их союзников, профсоюзных лидеров. Нынешняя ситуация, повидимому, свидетельствует о том, что Лондон, как финансовый центр, уступил значительную долю своего довоенного престижа Нью-Йорку, и для привлечения на свой учетный рынок нормального количества фондов он должен поддерживать свой учетный процент на более высоком уровне, нежели уровень, существующий в Нью-Йорке. Во всяком случае, Нью-Йорк занимает настолько сильную позицию на мировом золотом рынке, что имеет возможность управлять движением золота и заставлять английскую кредитную и денежную политику всецело подчиняться изменениям курса доллара. Последнее повышение ставки лондонского учетного процента, повидимому, является прелюдией к неизбежной новой стадии дефляции, которая должна увеличить бремя доходов, сократить кредиты торговли и промышленности, затруднить проведение рационализации и усугубить промышленный кризис в следующем году. Для британского пролетариата это означает новое сокращение заработной платы, обострение классовой борьбы и усугубление безработицы.

¹ „The Economist“, январь 5, 1929 г.

Проблемы рационализации производства в каменноугольной промышленности

Одним из центральных вопросов нашей промышленной экономики является вопрос рационального использования производственного капитала. Высокие темпы развития, заданные промышленности пятилетним планом, требуют максимально эффективного использования основных и оборотных средств, с тем, чтобы при определенном размере инвестированного капитала был достигнут возможно высокий темп роста продукции и общего улучшения качественных и количественных показателей производственной деятельности.

На действующих предприятиях такой результат, в тех, случаях, когда нет полной технической реконструкции предприятия, может быть достигнут лишь путем общей рационализации. Задача эта не из легких. Все основные данные, обуславливающие работу шахты, уже налицо (система вскрытия, тип шахты, основные устройства и т. д.). Приходится вырабатывать новые технические и организационные методы работы в условиях старого основного капитала при посредстве существующих устройств (ствол, подъем, надшахтное здание), приспособляясь к ним и по возможности без больших дополнительных капиталовложений.

Трудность рационализации действующих предприятий приводит к тому, что зачастую она проводится частично, без системы и плана, не принося иногда даже и пользы. Как пишет Г. И Ломов, в Донбассе «до тех пор рационализаторские мероприятия касались лишь второстепенных статей производства, в незначительной степени влиявших на динамику нашей себестоимости», между тем как правильно подчеркивает он дальше, «основной упор всей рационализаторской работы должен быть направлен на основные вопросы, которые до сих пор остаются в тени рационализаторской работы»¹.

Между тем, значение увеличения добычной мощи действующих шахт Донбасса весьма велико. Как видно из пятилетнего плана «Донугля», в ближайшие годы они остаются основной производственной базой Донбасса, так как новые шахты еще не смогут занять доминирующей роли в добычном балансе. Приведенные ниже цифры это подтверждают:

Добыча топлива из рудников „Донугля“²

Из действующих шахт	1928/29 г.	1932/33 г.
„Старый Донбасс“	24,7 млн. тонн	37,0 млн. тонн
Из новых шахт	1,0 „ „	6,5 „ „
Всего	25,7 млн. тонн.	43,5 млн. тонн

¹ Г. И. Ломов — „Наши задачи в Донецком бассейне в 1929/30 г.“. Издание Научно-издат. бюро „Донугля“, 1929 г., стр. 33.

² „Пути развития Донецкого бассейна“ под редакцией С. Гецова, издание „Донугля“, 1929 г., стр. 109.

По новейшим данным в 1932/33 г. рудники «Донугля» должны будут дать не 43,5 млн. тонн, а уже около 50 млн. тонн, при чем вся тяжесть выполнения этого задания падает на «Старый Донбасс», так как новые крупные шахты по состоянию строительства больше запроектированной пятилетним планом добычи вряд ли смогут дать.

Естественно возникает вопрос, каким образом уже, как-будто полностью нагруженные производственные единицы, уменьшаясь в числе, в виду истощения промышленных запасов части шахт, смогут дать такой прирост добычи. Ясно, что это требует рационализации производства в самом широком смысле этого слова.

Изложению главных принципов, которые должны быть по нашему мнению положены в основу построения такой системы рационализации производства на действующих уже шахтах и посвящена настоящая статья.

Центральной идеей современного технического развития является ускорение темпа производственного процесса, что приводит к увеличению пропускной способности основного капитала со всеми вытекающими отсюда положительными экономическими последствиями. Ускорение темпа производственного процесса должно явиться центральным пунктом в системе рационализации в каменноугольной промышленности.

Показателем этого темпа является скорость подвигания очистных работ. Чем выше будет последняя, тем больше, при прочих равных условиях, будет годовая добыча и меньше срок общей службы шахты. Экономические преимущества этого будут состоять, в-о-п-е-р-в-ы-х, в снижении себестоимости добычи за счет уменьшения на единицу добычи не прямо пропорциональных расходов, в-о-в-т-о-р-ы-х, в относительном уменьшении удельного расхода основного капитала, благодаря лучшему использованию последнего (особенности подема, коренных выработок, шахтных сооружений и т. д.), в-т-р-е-т-ь-и-х, более быстром накоплении амортизационного фонда для нового шахтного строительства и, в-ч-е-т-в-е-р-т-ы-х, в создании таким путем возможности быстрого разворота добычи топлива.

Таким образом, увеличение скорости подвигания забоев по праву должно занять центральное место в системе и плане рационализаторских мероприятий в каменноугольной промышленности.

В настоящее время скорость подвигания забоев в Донбассе значительно отстает от технической предельной. По данным горного отдела «Донугля», опубликованным в статье М. В. Смидовича, скорость подвигания забоев в Донбассе в 1927/28 г. была следующая:

Годовая скорость подвигания забоев

	Уголь	Антрацит	Всего
Очистных работ	206,8 м	141,6 м	179,8 м
Подготовительных работ	260,7 м	209,2 м	246,5 м

Суточная скорость подвигания забоев

	Уголь	Антрацит	Всего
Очистных работ	0,69 м	0,47 м	0,60 м
Подготовительных работ	0,87 м	0,70 м	0,82 м

По совершенно правильным расчетам того же автора при той же производительности труда, нормальная скорость подвигания очистных забоев должна составить не менее 293 м, против фактических 179,8 м. «При увеличении же числа рабочих дней сверх 264, при работе более чем в 2 угольных смены, при увеличении процента механизированной зарубки и упорядочении работы врубовых машин, при большем уплотнении забоев, при ручной

работе, при оставлении рудоуправлениями меньшего количества запасных забоев при, увеличении производительности труда и пр. — годовая скорость подвигания очистных забоев должна еще значительно увеличиться».¹

Вышеприведенные цифры говорят о том, что в среднем по Донбассу темп производственного процесса совершенно недостаточен, равняясь, примерно: $180 : 293 = 61\%$ от нормальной скорости при уже достигнутом техническом уровне. Иными словами, за счет рационализации, за счет более интенсивного использования забоев и их уплотнения, можно увеличить добычу с действующих шахт, примерно, на 50—60%, учитывая необходимость наличия небольшого производственного резерва, в виде запасных забоев, на случай выбытия из строя какой-либо лавы.

Экономическое значение такого прироста добычи ясно.

Несомненно, что такое увеличение добычи за счет ускорения скорости подвигания забоев должно вызвать определенные капитальные затраты, связанные с необходимостью введения максимальной механизации очистных и подготовительных работ, с установкой более мощного оборудования, а иногда и переоборудования подема, с изменением системы работ в связи с механизацией и т. д. Но выгодность этих затрат несомненна.

В данной статье мы не ставим себе целью приводить точные экономические расчеты выгодности ускорения производственного процесса на примере отдельных шахт. Поэтому, мы ограничимся лишь указанием, что предварительные, требующие еще проверки, подсчеты по этому вопросу, произведенные в отношении шахт Боковского рудоуправления «Донугля» показали, что увеличение коэффициента использования забоев с фактической величины $n = 0,50$ до хотя бы $n = 0,47$ должно дать снижение себестоимости тонны добычи в 81 коп.²

Переходим к выявлению основных факторов, от которых зависит ускорение темпа производственного процесса на шахте.

Для ручных работ скорость подвигания забоев зависит в первую очередь от укомплектования кадров забойщиков и уплотнения забоев. Если лава рассчитана на одновременную работу 10 забойщиков, то при нормальной глубине подбойки каждого индивидуального забойщика в 0,71 м в первом случае лава за 2 смены подвинется на $0,71 \times 2 = 1,42$ м. Если же, фактически, одновременно работает 5 человек, то вся лава в целом подвинется лишь на $0,71 \times 1 = 0,71$ м. Коэффициент использования забоя будет в 2 раза меньше.

В течение истекшего года кадры забойщиков на рудниках «Донугля» были все время не укомплектованы, вследствие чего часть забоев не была достаточно использована. Количество забойщиков в 1928/29 г. составляло 90% от программы, при чем не хватало забойщиков в среднем около 3.000 человек. В новый 1929/30 г. «Донуголь» вступает с недостатком забойщиков в 5.000 человек. Причины этого крайне важного явления еще недостаточно изучены. Однако, в основном это объясняется тем, что в Донбассе отсутствуют достаточные кадры постоянных забойщиков и последние пополняются выходцами из деревни, идущими в Донбасс на временные заработки. Величина этого притока и его сезонные колебания зависят в свою очередь от целого ряда причин, устранение большинства которых лежит вне возможностей «Донугля».

Доказанными фактами по материалам Вседонецкой переписи забойщиков 1929 г. можно считать, что: в-о-п-е-р-в-ы-х, рассчитывать на попол-

¹ М. В. Смидович. «О скорости подвигания забоев». «Инженерный Работник» № 2—3 за 1929 г., стр. 45—46.

² Н. Попов. «К вопросу о более интенсивном использовании забоев». «Вестник Донугля» № 59 за 1929 г., стр. 15.

нение в достаточной степени рабочих кадров Донбасса, особенно подземных, местным населением не приходится, поскольку последнее преимущественно идет в развивающиеся бурным темпом другие отрасли промышленности с более легкими условиями труда, чем в подземных работах, и что, во-вторых, главным резервуаром рабочей силы для Донбасса является центральный земледельческий район, при чем приток рабочих оттуда носит чисто сезонный характер, вследствие чего неизбежен и сезонный дефицит в забойщиках.¹ С точки зрения политики труда это означает, что необходимо в течение ближайших лет добиваться создания более постоянного кадра основных категорий подземных рабочих путем переквалификации местных поверхностных рабочих в подземные. Учитывая, однако, темп развития добычи донтоплива, — можно утверждать, что подготовить в ближайшие же годы новые постоянные кадры забойщиков, подрывщиков и крепильщиков в Донбассе, в количествах нужных дополнительно (в случае отсутствия механизации) десятков тысяч человек не удастся². Отсюда вытекает кардинальный вывод, что поскольку рационализация производства и ускорение темпа производственного процесса в первую очередь требуют изжития неполного использования забоев и устранения сезонных колебаний, то таковая возможна лишь при максимальной механизации работ с небольшим кадром вполне индустриализировавшихся, постоянных рабочих, как-то: машинистов врубовых машин, слесарей, монтеров и пр.

Только при полной механизации возможно введение плана и системы в организацию подземных работ, что, на ряду с общими общеизвестными экономическими преимуществами механизации, должно дать возможность увеличить добычу.

На этот путь механизации подземных работ совершенно правильно перешли рудники «Донугля», что видно из следующей таблицы:

	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г. (программ)
Ручная добыча	17,0 млн. тонн	18,1 млн. тонн	17,7 млн. тонн
Ручная добыча в % к добыче брутто	77,1%	69,7%	55,2%
Механизированная добыча	5,0 млн. тонн	7,8 млн. тонн	14,4 млн. тонн
Механизированная добыча в % к добыче брутто	22,9%	30,3%	44,8%

Как видно из этих цифр, весь прирост добычи в течение последних 3 лет идет исключительно за счет механизированной добычи при стабилизации ручной. Удельный вес механизированной добычи непрерывно растет, и по пятилетнему плану «Донугля» к 1932/33 г. должен вырасти до 80% всей добычи.

Таким образом, рассмотрение проблем рационализации производства в каменноугольной промышленности может быть ограничено рассмотрением проблем рационализации лишь на механизированных шахтах, ибо, во-первых, без механизации вообще невозможна никакая рационализация в каменноугольном деле, и во-вторых, постепенная полная механизация «Донуглем» фактически уже проводится. Непосредственным техническим результатом механизации подземных и поверхностных работ на шахте дол-

¹ Лишь 64% забойщиков считают себя оседлыми в Донбассе и только 56% забойщиков не обладают в настоящее время землею. См. В. Ренке и П. Ширай. «Забойщические кадры рудоуправлений Донугля» 1929 г.

² Нежелание рабочих идти на тяжелую работу в подземных условиях и затруднения отсюда вытекающие — явление общее для мировой угольной промышленности. Так, известный английский специалист в области каменноугольного дела Sam Mayor в своей работе „Problems of mechanical coal mining“ пишет: „... в настоящее время нет возможности создавать кадры искусных забойщиков“.

жно явиться значительное ускорение темпа производственного процесса и рост производительности труда, а следовательно и увеличение добычной способности шахты.

Однако, нельзя сказать, чтобы те экономические выгоды, которые должна дать механизация, уже были полностью реализованы на рудниках «Донугля». Целый ряд данных говорит о том, что темп механизированных работ и рост производительности труда на механизированных забоях еще недостаточен.

Приведем лишь основные цифры по этому вопросу.

Скорость подвигания забоев при механизированных работах зависит от интенсивности работы врубовых машин. Основным показателем последней является количество подрубленной площади пласта одной врубовой машиной. До сих пор эта величина, возростая, еще далеко отстает от заграничных норм. Так, месячная производительность одной тяжелой врубовой машины составила по «Донуглю» в 1927/28 г. около 900 кв. м, а в первом полугодии 1928/29 г. — 939 кв. м. В Рурском же бассейне средняя месячная производительность одной тяжелой врубовой машины равна 1.700 кв. м, а в С.-А. С. Ш. — около 1.500 кв. м. Недостаточная производительность врубовой машины, выраженная в кв. метрах подрубленной площади, свидетельствует, что скорость подвигания машинных забоев ниже технически возможной.

Точно установить, что дала механизация в смысле ускорения темпа производственного процесса не представляется возможным, в виду отсутствия соответствующего учета. Можно лишь отметить, что несмотря на увеличивающийся удельный вес механизированной добычи в Донбассе, среднее годовое продвижение всех работ как ручных, так и машинных совершенно стабильно, составив в 1925/26 г. — 170 м, в 1926/27 г. — 176 м и в 1927/28 г. — те же 170 м (при норме, как мы уже выше отмечали, 300 м в год).

То же относится и к производительности рабочего по механизированному забою, в среднем по «Донуглю» оставшейся совершенно стабильной за последние годы, как это видно из следующих цифр:

В 1924/25 г. — 2,20 тонн в смену	В 1927/28 г. — 2,20 тонн в смену
„ 1925/26 г. — 2,25 „ „ „	„ I полугодие
„ 1926/27 г. — 2,30 „ „ „	„ 1928/29 г. — 2,21 „ „

Для сравнения укажем, что в Германии сменная производительность рабочего по механизированному забою равна 4,2 тонны, при чем и в отдельных рудоуправлениях «Донбасса» эта величина уже достигнута.

Было бы ошибочно ставить такое положение с техническими показателями работы механизации полностью в вину техническому и хозяйственному руководству. Необходимо помнить, что размер механизированной добычи ежегодно увеличивался на многие десятки процентов, вследствие чего плохие результаты по вводимым в работу новым механизированным лавам при улучшении состояния работы на старых машинных лавах, приводили к ухудшению средних результатов. Тут мы имеем дело с издержками за обучение. Но теперь, по истечении пятилетнего срока введения механизации в «Донугле», можно уже подвести итоги накопленному за этот период опыту с тем, чтобы сформулировать те принципы, которые должны быть положены в основу механизации, дабы были, во возможности быстро, достигнуты максимальные результаты в смысле ускорения темпа производственного процесса, увеличения добычи и снижения себестоимости которых мы в праве ожидать от механизации.

Отдельные принципы уже освещались в специальной печати. Многие из них являются общеизвестными истинами, однако, приходится их по-

вторять, ибо как это будет видно ниже, пока в практике механизации на каменноугольных рудниках недостает именно самого основного и общеизвестного.

Кроме того, часто упускается из виду, что механизация только тогда может дать полный технический и экономический эффект, если она органически входит в цельную систему рационализаторских мероприятий и проводится одновременно с ними. Если же отдельные рационализаторские мероприятия проводятся в жизнь частично, не будучи связаны между собой, то желаемый эффект не достигается.

Переходя к характеристике системы рационализаторских мероприятий на механизированных шахтах, мы видим, что ускорение темпа производственного процесса требует в угольной промышленности:¹

1. Использование труда рабочих таким образом, чтобы при этом получался максимум производительности.

2. Устранения потерь времени, вследствие различных дефектов в организации подземных работ.

3. Изменения способов работы таким образом, чтобы количество различных непроизводительных работ свести до минимума.

Достижение всех этих целей требует в первую очередь организации в каменноугольном деле работ по принципу массового производства. Необходимо, чтобы как вся шахта в целом, так и отдельные лавы давали такую большую добычу, чтобы в них выгодно было устанавливать мощное и производительное оборудование.

Пускать, например, врубовую машину в короткие забои, которые рассчитаны на ручные методы работы и поэтому не могут дать большой добычи — это значит неполностью нагружать машину и удорожать себестоимость, благодаря большому размеру амортизации, падающей на единицу механизированной добычи. То же относится к конвейерам, к транспортерам и проч. механическому оборудованию, которое целесообразно вводить в работу только тогда, если его производительная способность будет полностью использована.

Массовое производство требует исключительной специализации и стандартизации методов работы, во-первых, потому, что при огромном количестве повторяющихся операций, каждая лишняя потеря времени в отдельном производственном процессе уже представляет крупные затраты, падающие на себестоимость, и во-вторых, потому, что при массовом производстве должна быть такая организация работ, при которой отдельные производственные процессы были бы согласованы между собой, чтобы не было простоев мощного оборудования и потери темпа.

Для этого необходимо, чтобы при введении массового производства на базе механизации ежедневный цикл операций выполнялся с ритмической правильностью, дабы была достигнута такая организация производства, чтобы каждый делал ежедневно то же, что и вчера. Если же цикличности работ нет, исчезает стандартная массовая организация работ.

С принципом массового производства, таким образом, тесно связан принцип цикличности работ. В условиях машинных подземных работ суточный цикл должен осуществляться таким образом, чтобы в одну смену производилась машинная зарубка забоя, в другую смену доставка полезного ископаемого из забоя, а в третью смену — крепление забоя, закладка вынутаго пространства, переноска конвейеров и пр. операций для того, чтобы в первую смену следующего дня можно было снова начать зарубку. При такой организации работ ежедневное продвижение забоя равно глубине зарубки.

¹ Ср. цит. работу S. Mavor'a.

Цикличность работ требует, чтобы врубовая машина ежедневно подрубала уголь на всю длину отведенного ей забоя. В виду того, что машина в смену в состоянии подрубить весьма значительное количество погонных метров, забой должен быть достаточно длинным, чтобы полностью использовать всю потенциальную производительность врубовой машины. Отсюда вытекает третий принцип успешной рационализации производства в каменноугольной промышленности — концентрация подземных работ. Вместо того, чтобы выдавать добычу с большого числа разбросанных на значительной площади коротких ручных забоев, обычно длиной по 20—30 м, теперь необходимо сконцентрировать добычу на небольшом числе механизированных лав длиной в среднем 80—100 м. Для того, чтобы полностью использовать все выгоды концентрации, в иностранной практике даже сдваивают и страивают лавы, вводя, таким образом, в работу механизированные забои длиной в 200, 300 и даже 400 м, обслуживаемых совместно двумя или тремя врубовыми машинами. Концентрация работ в интенсивно разрабатываемых машинных забоях может удвоить и даже утроить скорость подвигания забоев и в обратной пропорции уменьшить разрабатываемую площадь при той же самой добыче (или увеличить добычу при прежней площади). «Уменьшение разрабатываемой площади (в отношении к добыче) помимо того, что дает весьма существенные экономические выгоды (особенно в связи с относительным уменьшением общей длины выработок, а следовательно, затрат на их прохождение и текущих издержек на их содержание и ремонт), облегчает многие трудности, увеличивает безопасность работ и делает рабочие участки более доступными надзору».¹

Введение массового производства в забоях требует соответствующей организации работ в шахте для того, чтобы подземный транспорт угля из забоя к рудничному двору и выдача его на поверхность не вызывали бы задержки работы забоя. Если производительность доставки отстает от производительности подрубки, то уголь накапливается в забое и дальнейшая выемка должна быть задержана. Следовательно, механизации процессов по подрубке угля должна сопутствовать механизация всего подземного транспорта. Отсюда вытекает четвертый принцип рационализации подземных работ в шахте — введение непрерывного потока угля в шахте. Поточная система, являющаяся последним достижением техники каменноугольного дела, состоит в том, что вагонетки по промежуточным штрекам и всем наклонным выработкам в шахте заменяются ленточными транспортерами и качающимися конвейерами, так что массы угля наваленные на конвейер, транспортируются без перерывов до электровозной откатки. Эта система увеличив производительность подземной доставки, что всегда было узким местом при механизации добычи, позволила значительно удлинить линию очистного забоя в зависимости от естественных условий и характера механизации пласта до вышеотмеченных 200—300 м.²

Для достижения быстрого темпа выработки пласта необходимо, чтобы быстроте скорости подвигания забоев соответствовала и быстрая подготовка новых площадей шахтного поля для ввода в эксплуатацию, вследствие чего, на ряду с механизацией очистных работ, необходима механизация подготовительных работ. В противном случае темп эксплуатации шахты будет упираться в отсутствие подготовленных участков.

Наконец, шестым и последним принципом рационализации, органически связанным с предыдущими, является укрупнение производ-

¹ S. Mavor, цитиров. работа.

² Ср. Е. Т. Абакумов. „Уголь и Железо“, № 44.

ственной единицы, т.е. увеличение добычной способности шахты. Концентрация производства на небольшом числе длинных, механизированных лав приводит к необходимости держать всегда в резерве запасную лаву на случай выбытия из строя одной из действующих лав. В каменноугольном деле эти случаи возможны довольно часто, вследствие осадки кровли, перевалов, порчи оборудования. Если не держать в запасе резервную лаву, выход из строя одной из немногих лав означает значительное сокращение добычи шахты со всеми вытекающими отсюда экономическими последствиями. Поэтому запасные лавы необходимы. Но экономически они тем более выгодны, чем выше общая добыча шахты. Допустим, что вся добыча шахты настолько невелика, что сконцентрирована на 2 лавах. При таком положении держать ему одну лаву в резерве означает иметь 50% резервов, что представляет чересчур большой накладной расход.

Иное положение мы имеем, если на крупной шахте добыча сосредоточена на пяти—шести длинных лавах. Тогда резерв будет не выше 15—20% общей добычи, что вполне допустимо.

Проведение в жизнь перечисленных выше шести основных принципов рационализации подземных работ в каменноугольном деле отвечает поставленным выше целям рационализации: ускорению темпа производственного процесса на основе максимального роста производительности труда, сокращения количества непроизводительных работ и уничтожения простоев и потерь времени в процессе производства. Однако, положительное экономическое влияние всех перечисленных методов рационализации может сказаться только в том случае, если перечисленные выше принципы проводятся на практике неизоллированно, а координированно.

Так, например, несомненно, что механизация подбойки должна вызывать рост производительности труда; однако, только в том случае, если ей сопутствует, например, механизация подземного транспорта. Иначе последний не справляется с доставкой груза из забоя, механизация не укладывается в суточный цикл, возникают простои машин, медленный темп производственного процесса, недостаточная производительность рабочих в механизированных забоях, а в результате не только не снижение себестоимости, но возможно даже повышение.

В свою очередь концентрация подземных работ и увеличение длины лав невозможны без механизации выемки, так как при ручных работах удлинение лавы до 100 м крайне увеличит и удорожит работу саночников, не говоря уже о том, что их производительность совершенно будет недостаточна для своевременной выдачи отбойного угля. Вызванное этим медленное продвижение забоев при длине лавы в 100 м причинит ряд технических трудностей (осадка лавы).

Точно также невыгодно и обратное: введение механизации без концентрации, так как это не даст возможности использовать полностью механизмы.

То же относится и к проведению в жизнь любого другого принципа рационализации.

Совершенно ясно, что изолированное проведение в жизнь отдельных принципов рационализации значительно уменьшает экономическую эффективность рационализаторских мероприятий, если не вовсе ликвидирует их.

Это подтверждается и практикой рационализаторских мероприятий на рудниках «Донугля», когда при огромном темпе роста добычи за последние годы и значительном размахе рационализации (в частности механизации), последняя проводилась недостаточно планомерно и систематично, без установки на координирование всех тесно связанных между собой процессов. Под механизацией на рудниках зачастую мы принимаем

простую замену забойщиков врубовой машиной, не понимая того, что успех механизации зависит от того, в какой степени работа машин согласована со всем планом разработки, в какой степени к механизации приспособлена вся организация шахты или рудника, кончая поверхностью и рационализацией сбыта. До сего времени еще не всюду достаточно осознана та мысль, что экономика механизации требует полной революции в каменноугольном деле, вплоть до увеличения типа шахт, изменения систем работ, введения беспрерывного механизированного транспорта под землей и т. д.

В результате этого, при несомненном прогрессе в области улучшения качества рационализации и механизации в Донбассе мы наблюдаем еще довольно резкий разрыв между отдельными элементами рационализации. В качестве иллюстраций этого положения можно привести ряд данных.

Основным показателем успешности введения массового производства на базе механизации является производительность врубовой машины. Выше уже были приведены соответствующие данные, характеризующие эту величину. Несмотря на улучшение, имевшее место за последние годы, достигнутая производительность врубовых машин еще весьма далека от технической возможной. Так, средняя производительность 1 тяжелой врубовой машины в среднем в месяц составляла за первую половину 1928/29 г. — 939 кв. м. Принимая среднюю глубину вруба 1,25 м при 24 рабочих днях — это значит, что машина в среднем подрубала в смену забой длиной в $939 : 1,25 = 751 : 24 = 31,3$ пог. м.

Между тем тяжелая врубовая машина Сулливана CLE или Эйкгофф (SEKA 40) совершенно легко может подрубать в смену 80—100 м забой. Уже теперь в Донбассе на некоторых шахтах производительность отдельных врубовых машин достигала 2.100 кв. м по углю, что пока представляет рекордную у нас величину. Такая подрубленная площадь соответствует длине забоя в: $2.100 : 1,25 = 1.680 : 24 = 70$ пог. м., что уже приближается к предельной производительности. Однако, пока эти рекорды только редкое исключение.

Далее, если сопоставить среднюю длину механического очистного забоя в Донбассе около 45—50 пог. м, с средней суточной длиной подрубленной одной машиной площади в 30 пог. м, — то можно условно считать, что машина успевает в среднем подрубить в смену всего несколько более половины отведенного ей забоя. Этот же вывод подтверждается и данными статистики, которая говорит, что в 1928/29 г. общее число циклов в месяц по механизированным забоям в Донбассе ограничивается 14,4 при 24 рабочих днях. Таким образом, массовое производство с характерной, присущей ему цикличностью, а следовательно, повторяемостью операций не проводится на рудниках Донбасса, в результате чего машины нагружены далеко неполностью, тратя по данным хронометражных обследований до 22% времени на простои и около 47% рабочего времени на вспомогательные операции.

Это отсутствие цикличности в машинных работах в значительной степени объясняется разрывом между механизацией подбойки, с одной стороны, и механизацией доставки — с другой стороны. Несмотря на быстрый темп роста последней, из-за недостатка оборудования и других причин в 1928/29 г. механизированным путем удалось доставить в среднем по «Донуглю» всего 86% добычи машинных забоев, при чем по отдельным Рудоуправлениям этот процент снижается до 55—70%.

В результате такого положения с механизацией доставки и отсутствия порожняка вагонеток на откаточных путях — уголь, подрубленный машиной из пятидесятиметровых машинных забоев, за одну смену убирается зачастую в течение двух суток, а иногда и больше.

Помимо этой причины, отсутствие цикличности механизированных работ вызывалось еще целым рядом причин, главнейшие из которых — плохая организация работ и диспропорция между механизацией подготовительных работ и механизацией очистных.

В свою очередь, неудовлетворительная механизация работ в машинных забоях находит свое объяснение преимущественно, во-первых, в неподготовленности среднего и низшего технического надзора к такому развертыванию механизации и во-вторых, в недостаточности этих кадров. Отсюда, как вывод, следует, что машинные работы должны быть поставлены таким образом, чтобы подземная организация работ на шахте была возможно более проста, доступна в облегчала технический надзор. Такая организация работ достигается концентрацией, т.е. сокращением количества очистных забоев в шахте до 8—12, с соответствующим облегчением надзора и организации, ускорением длины промежуточных выработок и уменьшением разрабатываемой площади. Об экономической выгоды такой концентрации, в связи с механизацией, говорилось выше.

Несмотря на общепризнанную целесообразность концентрации подземных работ, последняя практически далеко не нашла себе применения на рудниках Донбасса. Основным показателем концентрации горных работ является длина выработок, изменение которой соответственно влияет на следующие статьи себестоимости: откатку, стоимость подготовительных работ, содержание и ремонт выработок, вентиляцию, надзор и энергетическое хозяйство. Таким образом, чем ниже удельная длина выработок на тонну годовой добычи, тем лучше. Состояние концентрации работ на рудниках «Донугля» видно из следующей таблицы:

Длина выработок в километрах

Г о д ы	Коренных штреков	Промежуточных штреков	Брембергов и уклонов	Прочих выработок	Всего	Суточная добыча (тыс. тонн) ¹	Всего выработок на 1 тонну суточной добычи (метров) (5:6)
	1	2	3	4	5	6	7
1927/28 г.	135,7	334,6	60,9	158,0	688,9	73	9,4
1928/29 г.	144,3	478,6	81,5	187,2	891,6	86	10,4
1929/30 г. прогноз	206,0	643,0	108,0	262,0	1219,0	106	11,5

Как видно из приведенной таблицы, удельная длина выработок на тонну суточной добычи не только не испытывает тенденции к снижению, но, наоборот, увеличивается с 9,4 пог. м в 1927/28 г. до 10,4 пог. м в 1928/29 г. и до 11,5 пог. м по программе на 1929/30 г. Иными словами, вместо концентрации горных работ, наблюдается увеличение их разбросанности. Вместо интенсивного использования забоев и увеличения скорости их подвигания, мы наблюдаем рост площадей разработок. Длина среднего машинного забоя равна всего 50 м вместо нормальных 75—100 м. Все это резко сказывается в отрицательном смысле и на организации машинных работ и на себестоимости.

Другой основной причиной недостаточного темпа производственного процесса в машинных работах является диспропорция между механизацией подготовительных и очистных работ, вследствие чего темп прохождения

подготовительных выработок задерживает темп очистных работ. На сколько большой разрыв получился между механизацией выемки и подготовки в Донбассе видно из данных, приведенных в журнале «Уголь и Железо» № 47—48, стр. 86, инж. Лакоза, где он сообщает, что число машин в подготовительных работах в начале 1928/29 г. было равно 146, против 726 необходимых. Также бурение по породе преимущественно еще производится ручным способом, что приводит к весьма медленному прохождению подготовительных выработок.

Таким образом, характерным для истекшего периода рационализации на рудниках «Донугля» является то, что при быстром темпе роста механизации выемки, остальные рационализаторские мероприятия и, в частности, механизация подземного транспорта, механизация подготовительных работ, концентрация работ отстают от механизации выемки, вследствие чего возникает диспропорция между отдельными элементами рационализации шахты и, как следствие потери времени (простои), сохранение ряда непроизводительных операций и плохое использование труда.

На ряду с некоторыми другими моментами, о значительном влиянии которых уже достаточно говорилось (состояние трудовой дисциплины, недостаточные нормы и проч.), вышеперечисленные причины привели к тому стабилизированному на пониженном уровне состоянию производительности труда в механизированных забоях и скорости подвигания очистных работ, о которых говорилось в начале настоящей статьи.

Задачей рационализации является устранение узких мест (в области доставки, подготовки и т. д.), мешающих увеличению добычной мощности шахт.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что рационализации подземных работ шахты должна сопутствовать рационализация поверхности шахты, включая подъем и сбыт. Освещение этих вопросов должно явиться темой специальной статьи.

¹ Суточная добыча получена путем деления годовой добычи на 300 дней.

Проблема реконструкции рисосеяния и строительство рисовых совхозов¹

Народнохозяйственные предпосылки

Рисовая продукция находится в настоящее время на низком уровне развития, составляющем лишь приблизительно около 80 % довоенного. Это произошло в результате как сокращения посевной площади риса, так и снижения урожайности его. Сокращение площади явилось вследствие необходимого форсирования хлопковой культуры, а также неурегулированности рисового рынка. Кстати следует вообще указать, что вся рисовая культура является как бы беспризорной, развивается самостою вне организованного руководящего центра и незаслуженно находится в загоне.

За последние годы, как известно, рис остается остро-дефицитным товаром. В то время как потребность в рисе (в рисовой крупе), по данным ЦСУ, за 1929 г. исчислялась, примерно, в 330.000 тонн, продукция неочищенного риса дает 321.950 тонн, а очищенного (крупы) при 60—70 % выхода — 193—225 тыс. тонн. Таким образом, нехватка (покрываемая частью импортом) выражается цифрой в пределах 108—140 тыс. тонн.

В дальнейшем, в случае непринятия срочных мер, этот дефицит будет все расти. К концу пятилетия, в связи с приростом населения и улучшением его потребления, а также в виду необходимости сокращения в хлопковых районах рисовой культуры в пользу хлопчатника, дефицит составит не менее 180.000 тонн. Вследствие этого является неотложным развитие рисосеяния в новых нехлопковых районах, а в хлопковых — реконструкция посевов риса на базе высшей техники для получения большей продукции с меньшей площади. Здесь может иметь место и расширение рисовой площади, но обязательно за счет земель негодных под хлопчатник, например, места с высокими грунтовыми водами или слишком холодные для культуры хлопчатника. Кроме того, перед СССР лежит еще задача высвобождения от необходимости импортировать рис и тем сократить валютные расходы на покупку этого потребительского товара. Это, таким образом, усугубляет необходимость форсирования нашего отечественного рисосеяния.

Ко всему указанному выше прибавляется еще блестящая перспектива по экспорту риса в дальневосточные страны — в Японию, Китай, на Филиппинские острова и др. В Японии, несмотря на рост посевных площадей и абсолютный сбор риса, дефицитность риса возрастает, что объясняется как ростом населения, так и ростом потребления (больше 1,6 цент. на душу в год). В Японии импорт риса за последние годы колебался в пределах 589.000 тонн—731.000 тонн. В другой импортирующей стране — в Китае — импорт в 1927 г. достигал 1.267.629 тонн. Что же касается Филип-

¹ Проблема рисосеяния нуждается в самом широком освещении с учетом всех технико-агрономических и социально-экономических факторов. Помещая настоящую статью, Редакция считает, что указанные факторы, особенно технико-экономические, подлежат дальнейшему углублению. *Ред.*

пин, то можно думать, что они постепенно дойдут до самоснабжения рисом, вследствие принимаемых американцами серьезных мер к развитию там рисовой культуры. Но в настоящее время импорт риса там все-таки определяется в 100.000 тонн в год.

Итак, все изложенное делает чрезвычайно актуальным и своевременным форсирование рисосеяния.

Первую возможность в разрешении поставленной задачи представляет Дальний Восток. Однако, не внутренний рынок должен быть главной задачей для дальневосточного рисосеяния. Прежде всего дальность¹ расстояния от нашего внутреннего рынка, а затем необыкновенно выгодное расположение наших дальневосточных рисовых плантаций в такой зоне, где рис является главным предметом питания сотни миллионов населения. Все эти соображения придают дальневосточному рисосеянию больше экспортный уклон. Для пополнения же ресурсов нашего внутреннего рынка необходимо принять меры к изысканию других районов, ближе лежащих к внутреннему рынку и, прежде всего, неподалеку от мест культуры хлопка.

Дело в том, что в Средней Азии, в Азербайджане, где рисосеяние велико, представлялось бы целесообразным сократить культуру риса, дабы можно было расширить соответственно посевы хлопчатника. Это тем более важно, что в настоящее время хлопчатник занимает лишь 23 % поливной площади в Средней Азии, рисовая культура может идти дальше, чем хлопчатник, на север, а многие площади, которые занимает в более южных местах рис, могут быть обращены под культуру хлопчатника. Наконец, это представляется необходимым еще и потому, что культура риса отнимает во много раз (в 3—5 раз) больше воды, чем хлопок. С этой стороны интересно обратить внимание на культуру риса в местах, прилегающих к Средней Азии и Азербайджану для легкого снабжения хлопководческих районов дешевым рисом и соответствующего качества. Таковыми местами является — Семиречье, Северный Кавказ и Волго-Ахтубинская пойма, о чем речь будет идти ниже. Однако, нужно здесь отметить, что больших надежд на сокращение риса в Средней Азии и Азербайджане возлагать не приходится. Во-первых, не все рисовые земли пригодны для хлопка: во-вторых судя по центру хлопководства — по Ферганской области, — отдельные районы обнаруживают, что посевы риса в большей степени развиты в средних группах дехканства; в-третьих, земельная реформа последних лет еще не уничтожила целиком той дробности в землепользовании, которая имела место до войны; в-четвертых, большое значение будут несомненно иметь культурно-бытовые навыки местного населения, которые потребуют большой и долгой ломки.

Реальными реконструктивными мерами, могущими сократить культуру риса и развить за счет потребляемой этой культурой воды культуру хлопчатника, могут быть меры социально-экономического порядка. Надо получить возможность снизить стоимость риса на туземных рынках настолько, чтобы сделать его культуру менее выгодной, чем культуру хлопчатника. Такой мерой может быть только завоз в хлопковые районы риса извне так же, как завозится хлеб и другие продукты, необходимые для хлопководов. Однако, в то время как завоз хлеба сравнительно легко осуществим из Заволжья и Северного Кавказа, а в ближайшем будущем и из Сибири по Турксибу, привезти рис пока не откуда, кроме привоза из-за границы, что связано с нежелательными тратами валюты.

В тесной связи с этим возникает новая задача — реконструкция существующего теперь рисового хозяйства. Дело в том, что рисосеяние у нас

¹ Стоимость провоза тонны риса по льготному тарифу № 100 повагонно достигает: от Владивостока до Москвы — 86 р. 34 к., а от Хабаровска — 110 р. 82 к.

ведется, как это мы увидим ниже, на базе самой отсталой и антисанитарной техники в мелких и даже мельчайших хозяйствах и на территории, выделяющейся своей небывалой дробностью и своеобразной примитивностью. Здесь как-раз сильно напрашивается укрупнение хозяйства. Этому будет способствовать другое мероприятие — рационализация как в деле методов ирригации, так, особенно, в технике культуры и ее механизации.

Италия и С.-А. С. Ш. дают в этом отношении блестящие примеры. Вот главные сравнительные расчеты по затратам и производительности у нас и за границей.

В Калифорнии расход рабочей силы на культуру риса минимальный и в среднем равняется по сообщению проф. Таланова, благодаря механизации, 5—6 дням за весь сезон по расчету на 1 га. Между тем, в наших условиях, например, на Дальнем Востоке требуется 108 и больше дней человеческих и на 18 дней лошадей. Это дает разницу больше чем в 20 раз. При этом в С.-А. С. Ш. не производятся никакие работы в воде и отсутствует малярия. Урожайность там в среднем по всем районам мы имеем колеблющуюся от 26 до 31 центнера на га. Но в других странах мы имеем еще большую урожайность: в Японии — 43 центнера, в Италии свыше 46 и в Испании — 65 с лишним центнеров. В Италии урожай в 1895 г. равнялся, примерно, нашим 18,2 квинталам на га, а в 1926 г. вырос уже до 46 квинталов, т.е. за 30 лет урожайность там повысилась на 152%.

У нас в Средней Азии в довоенное время урожай колебался от 18,2 до 22,8 центнеров на га, при чем неочищенный рис («шала») расценивался в 9 руб., а хлопок-сырец в 30 руб. за центнер. Тогда рис был менее рентабелен, чем другие более интенсивные культуры, но в большинстве случаев рис был более эффективен, чем хлопчатник. В настоящее время при резко изменившемся соотношении цен (стоимость 1 центнера «шалы» — 24 — 30 руб., а хлопко-сырца около 30 руб.) доходность риса возросла бы втрое, если бы повысилась урожайность. (По официальным данным, в настоящее время урожай риса достигают всего 13,6—16,2 центнеров на га).

В заключение отметим еще следующее. В деле реконструкции рисосеяния не последнее место займет проблема привлечения рабочей силы, а это повлечет за собой реконструкцию переселенческого потока крестьянства из аграрно перенаселенных районов. Для примера сошлемся на «Дальрис», который для рисовых совхозов рассчитывает не на местных рабочих, а на рабочих — переселенцев, устраиваемых в совхозах на условиях батрачества.

Природно-технические предпосылки

Рис является сель.-хоз. культурой и по специфическим свойствам и по своим особенностям. Это необходимо учесть, как в целях рационализации и реконструкции дела рисосеяния, так и в видах выявления районов, пригодных для необходимого расширения и реконструкции культуры риса.

Как очень древняя культура, рис имеет колоссальное количество сортов. Большой авторитет по этой культуре проф. Копленд¹ считает, что число сортов риса больше, чем всех других зерновых вместе взятых. Такой колоссальный ассортимент риса естественно может расти при очень разнообразных условиях. Большая часть культивируемого в мире риса принадлежит к орошаемому рису. Причина лежит в том, что орошаемый рис значительно урожайнее, и дает более высокого качества зерна, чем суходольный рис. Но строгую линию раздела между ними провести нельзя, так как они перемешаны. Однако, и суходольный рис имеет некоторые положительные

¹ E. B. Copeland „Rice“. London, 1924.

свойства, при чем главное заключается в том, что он является более доступным массе беднейшего населения в странах Востока и что для него имеется обилие подходящей земли.

Для культуры орошаемого риса к почвам предъявляются требования — давать хорошие урожаи на одном месте в течение долгого времени. Учитывая это, а также дороговизну воды и при том большого количества, требуемого рисом, возделывание орошаемого риса приурочивают обычно к тяжелым почвам. Это вытекает из большой потребности риса в воде, его способностью мириться с малым количеством кислорода и предпочтением к использованию аммиачных солей перед азотно-кислыми солями. При более легких почвах весьма желательным является, чтобы на некоторой глубине (ниже корневой системы) был непроницаемый слой, дабы потеря воды была меньшая. Торфяные почвы не совсем пригодны для риса, но они улучшаются известкованием. Рис мирится с солончаковыми почвами, которые улучшаются при его культуре, вследствие вымывания солей при правильном орошении.

Для успешной культуры орошаемого риса рельеф местности должен быть почти что горизонтальный, с весьма слабым уклоном. Это важно для благоприятного роста риса (при ровном уровне воды) и для устранения необходимости крупных затрат по планированию плантаций. Например, в условиях С.-А. С. Ш. для ровных площадей обвалование обходится около 40 коп., на га, а для неровных с более высокими валиками — 5 руб. на га. Кроме того, преимущество ровного рельефа выражается в том, что орошаемые участки («чеки») могут быть больших размеров, что очень важно для механизации культуры.

Для своего развития рис требует чрезвычайно большого количества влаги (12—13 тыс. куб. м на га) — в 4—10 раз больше, чем другие культуры, и в громадном большинстве случаев рис культивируется так, что во все время вегетационного периода от посева до состояния молочной спелости зерна, рисовые плантации затопляются тонким слоем (около 10—20 см) проточной воды. Причины требования проточной воды еще недостаточно выяснены. Существуют мнения, что оно обуславливается требованием риса более слабых растворов питательных веществ.

На новых землях обыкновенно снимают 3—4 урожая непрерывно. Далее урожай начинает резко падать. Причина этого — не столько в понижении плодородия, сколько в быстром засорении сорными травами, особенно, куриным просом, которое является настоящим бичем на старопахотных полях и заставляет часто бросать их под залежь. В Америке после риса идет пар, по которому сеется пшеница или ячмень. Иногда же после жатвы делается полив и отводят на следующий год площадь под пастбище. Обычно фермеры предпочитают чередовать рис с паром, или после 22 лет риса — 1 год пара. Пшеница или ячмень непосредственно после риса без предварительного пара не идут, так как в этом случае получают очень низкие урожаи. Некоторые опыты показывают на выгодность чередования риса с соевыми бобами.

Наибольшая часть работ в С.-А. С. Ш. проводится почти всегда трактором. В небольших хозяйствах Америки больше распространены небольшие тракторы, часто предпочитают гусеничные в 30 лш. сил (Катерпилляр), как более удобные, на не совсем сухих землях. В крупных хозяйствах употребляются 60—70-сильные, особенно удешевляющие молотьбу на крупных молотилках. На хорошо разделанных и незасоренных землях практикуется рядовой посев. Однако, на старо-пахотных засоренных землях, на которых рекомендуется немедленно после посева затопление, как средство борьбы с сорняком (куриным просом), применяется разбросной посев ма-

шинами. Методы орошения сильно различаются, смотря по тому, возделывается ли рис на новых чистых землях или на старых засоренных.

Для сброса воды и осушки рисовых посевов должна быть оборудована осушительная или дренажная сеть. Обычно требуется от 10 до 18 дней, чтобы почва после спуска воды в начале созревания просохла настолько, чтобы могли проходить уборочные машины. Уборка риса в С.-А. С. Ш. производится хлебной сноповязалкой, иногда несколько видоизмененной специально для риса. Уборка риса сноповязалкой гораздо труднее, чем пшеницы потому, что рис значительно тяжелее, также и от того, что приходится работать на не вполне твердой почве. В специальных рисовых сноповязалках Мак-Кормика и других фирм элеваторы приспособлены для пропуска большого объема рисовой соломы, многие части сделаны из гальванизированного железа; колеса приспособлены к завязанию во влажной почве. Большая часть работы идет на тракторах, при этом тракторные сноповязалки иногда снабжаются специальным приспособлением для передачи силы непосредственно от трактора к режущему и вяжущему аппаратам. Имеется также приспособление для хождения сноповязалки впереди трактора.¹ Но в Америке (Луизиане) еще имеет место в широких размерах ручная уборка. Молотьба может производиться на обыкновенных хлебных молотилках, но в большинстве рисовых районов обычно пользуются специальными молотилками. Особенностью их является: зубьевые барабаны с редкой установкой зубьев (так как рис легко обмолачивается), специальный соломотряс, обеспечивающий пропуск длинной, тяжелой и частью влажной рисовой соломы; специальные сита приспособлены к форме риса и, наконец, колеса с более широкими ободьями для продвижения на не совсем твердой почве. Последние сведения указывают, что уборка риса производится и комбайнами и при том довольно удачно.

Рисовая солома в Америке для кормовых целей не используется; иногда она идет на упаковки, но чаще сжигается в поле.

Состояние и перспективы рисосеяния в республиках Средней Азии

Этот район, особенно Узбекистан, как известно, является самым главным у нас в отношении продукции культур-хлопчатника и риса. Для удовлетворения спроса промышленности на хлопок и возможного высвобождения от импорта, на ряду с максимальными усилиями по расширению орошаемых площадей и поднятия урожайности хлопчатника, должно быть уделено не меньшее внимание третьему фактору — увеличению производства хлопка путем расширения хлопковой площади на существующей поливной площади, за счет поливных зерновых культур, а также риса.

В Средней Азии рис является, как известно, излюбленным национальным продовольственным продуктом. Годовая норма его потребления там повышенная — до 1 центнера на душу. В настоящее время этот продукт является там остро-дефицитным, поэтому цены на него резко повышены. В 1929 г. они поднялись до 54—84 руб. за центнер, вместо нормальных 15—18 руб. По сравнению с средней ценой на хлопок (27,6 руб. за центнер) рис дает превышение в 2,5—3 раза. К тому же урожай риса с единицы посевной площади значительно выше урожая хлопка.

Понятно поэтому, что о полном вытеснении рисовой культуры речи быть не может. Рациональнее поставить проблему в плоскости дальнейшей стабилизации рисовой культуры в пределах 150.000 га, но при условии соблюдения следующих рационализирующих культурно-технических условий, направленных к повышению продукции.

¹ С целью сокращения ручной работы по прожину полос для пропуска трактора „Rice Journal“ Дек. 1927. ст. Ч. В. Гайгера.

а) Введение в культуру риса приемов пересадки. Можно смело утверждать, что 90 % всей мировой продукции получается из пересаженного риса. Это, так сказать, основной метод культуры его. Применяемый всеми, обычно, в Средней Азии, а равно в Северной Америке способ посева должен рассматриваться, как исключение из общего правила. Даже в нашем Союзе в Азербайджане почти наполовину практикуется пересадочная культура. Преимущество способа пересадки состоит в следующем:

1) экономия воды на 30—35 %, по сравнению с обычным способом, что дает возможность тем же количеством воды оросить на 30—35 % большую площадь;

2) повышение урожайности, вследствие улучшения физико-химических свойств почвы. При наших условиях урожай с 1 га повышается с 16 до 24 центнеров. Этот способ испытан нашей Самаркандской Опытной оросительной станцией и приводит к возможности получения с той же площади необходимого количества риса без закупки его за границей;

3) улучшение санитарных условий рисовых районов и резкое снижение малярийности.

Единственным возражением против этого метода является дороговизна. Но при внимательном рассмотрении это возражение отпадает в окончательном расчете способ культуры с пересадкой оказывается даже дешевле обычного посева, вследствие сокращения в 3 раза стоимости семян и отпадения в значительной мере необходимости в полке, на которую при способе посева тратится очень много рабочих дней.

б) Вторым рационализирующим методом является введение в практику орошения риса приемов прерывистого орошения, что, по двухлетним данным Самаркандской станции, может дать уменьшение расходов воды на рис на 50 и больше процентов. Этот метод заключается в том, что посеvy на 5—10 дней затопляются и на 5—10 дней с них сбрасывается вода. Периодической просушкой рисового поля достигается не только сбережение оросительной воды, но целый ряд других в высшей степени благоприятных результатов; в том числе повышение урожайности и понижение малярийности. Кроме того, можно указать и другой способ сбережения оросительной воды — отодвигание сроков начального затопления. Этому способу особенно отвечает режим реки Зеравшан с ее маловодьем в период апрель и июнь месяцы.

в) Третьим рационализирующим методом следует признать введение механизации сел.-хоз. работ при рисосеянии. Исходя из директив правительства о расширении сети совхозов вообще, а также, основываясь на том, что все указанные приемы рационализации легко могут быть осуществлены лишь при укрупнении площади под рисом, приобретает большое значение вопрос о возможности организации там рисовых совхозов, с оставлением некоторой части стабилизируемых рисовых площадей в руках населения, объединяемого в коллективы через машино-тракторные станции. Решение этого вопроса в начальной стадии упирается в наличие определенных площадей государственного земельного фонда. Возможность эта в главном районе, — в долине Зеравшан, правда, ограничена. По мнению проф. Шлегеля, с точки зрения рационального использования водного фактора, в долине Сыр-Дарьи требуется уничтожение риса. В низовьях же Аму-Дарьи (Таджикистан), имеются очень небольшие возможности; тем не менее, можно признать, что для начала, для закладки с реконструктивными целями нескольких совхозов, которые бы постепенно распространили свое влияние на дехканское рисосеяние, соответствующей (нехлопковой) земли найдется.

Переходя к тем местностям Средней Азии, где не только возможно, но и должно расширить рисовые посеvy, необходимо договориться, что впредь до получения детальных данных от рисовой экспедиции НКЗ'ема ничего точно сказать нельзя. Пока ориентировочно, на основании донесений рисовой экспедиции, можно указать на следующие пункты, общей площадью округленно в 195.000 га. На первом месте будет там стоять Илийский район (Илийский поселок в районе Турксиба); на второе место необходимо поставить Чарынский и Чиликские районы в верховьях реки Или; на третьем месте будет стоять район реки Каратала и низовья реки Или (Ак-Дала и Беканассы). Низовье реки Или из-за большой проницаемости почвы, по сравнению с другими районами должно быть поставлено на последнее место. Для бассейна реки Чу инж. Васильевым уточняется схема широкого развития рисосеяния, но выполнить эту схему едва ли возможно будет наполовину потому, что нужны большие водохранилища, а они дороги. Есть еще одна новая мысль (проф. Александрова) о соединении каналом Чу с озером Балхаш, при чем канал может пройти по старому руслу Или.

Из всех приведенных районов в первую очередь пригоден Илийский район. Здесь налицо все условия для организации крупных рисовых совхозов. Рельеф полей чрезвычайно удобный для применения всяких машин. Почва наименее проницаема. Район наиболее обеспечен водой, при чем в случае невозможности вывести воду из Или самотеком имеется возможность применить машинное орошение. Вода во время весенних похолоданий обращает на себя внимание своей высокой температурой. О климатических условиях говорить не приходится, так как район лежит на одной широте с районами Чиликским и Чарынским, где посеvy риса производятся уже давно дунганами (китайцами-мусульманами) и таранчами (тюрками). Здесь рис в мелких хозяйствах почти отсутствует или имеется в ничтожном размере — около 0,08—0,18 га на хозяйство. Попредварительным сообщениям проф. Рыбникова здесь техника рисосеяния крайне примитивна и затраты на культуру доходят до 112 дней. Однако, затраты на оборудование здесь очень высокие. Здесь рис, когда чередуется с пшеницей, требует удобрения, которого приходится тратить порядочное количество. Урожай переработанного риса в этих хозяйствах видимо колеблется от 13 до 16 центнеров. До последнего времени культура риса здесь развивалась очень слабо и по разным причинам, из коих главнейшей является невозможность вывоза риса в Тукистан или Сибирь, вследствие отдаленности и отсутствия путей сообщения (до ближайшей ж.-д. станции считалось 800 км, а до пароходной пристани 1.000 км), а также возможности для самого населения организации оросительного устройства, требующего в большинстве механизированного подъема воды. В настоящее время, когда Турксиб подходит к реке Или, когда кроме того проектируется ж.-д. ветка на Кульджу почти параллельно долине реки Или, можно будет доставлять туда механическое оборудование и топливо для искусственного подъема воды и организовать культуру риса в самых широких размерах с полной гарантией сбыта продуктов в хлопковые и иные районы.

Состояние и перспективы рисосеяния в Дальневосточном крае

На Дальнем Востоке рисосеяние является делом сравнительно новым. Первые опыты были в 1880—90 гг. Более определенно это дело было поставлено с 1917 г., когда корейцы начали разводить рис с хорошими результатами около Никольско-Уссурийска. В первое время у них урожаи достигали 50 центнеров с га. В настоящее время посевная площадь риса достигает уже около 20.000 га.

До сего времени рисосеянием занимаются преимущественно корейцы, пришедшие в ДВК с известными примитивными навыками и традициями.

Корейцы до некоторой степени заинтересовали и русских соседей, и русские постепенно стали принимать участие в рисовом хозяйстве. Но это участие пока выражается всего в 7—9% от всей земли, занятой под рисовую культуру. Такое малое сравнительно участие русского населения в рисосеянии объясняется варварским способом разведения риса корейцами. По этому способу все время приходится работать по колено или по пояс в воде. Нередко можно встретить, что на обработку там гектара риса уходит 140 слишком дней. Из всего этого количества полка риса в воде отнимает более 40 дней. Вот эти туземные традиционные навыки рисосеяния запугивают русских переселенцев. Русские переселенцы ищут новых путей в этом деле и надеются их получить с помощью известной организации «Дальрис».

По имеющимся у «Дальриса» проектам, вся площадь, предусмотренная под рисовыми посевами, определяется кругло в 260.000 га, в том числе под совхозы 81.000 га. Эта территория требует осушения и орошения. Первая часть этого проекта имеет в виду освоение прибрежной полосы озера Ханка, что идет на юг и на запад до границы с Китаем. Принцип освоения этой территории заключается в осушении и орошении путем подема воды из озера Ханка. Здесь намечается 12 станций с механическим подъемом воды. Выше этой части находится суходольная территория, которую впоследствии тоже мыслят присоединить к поливному хозяйству. Такая организация хозяйства проектируется в виде комбинированного поливного и суходольного хозяйства. Из упомянутых 12 станций 11 работают на угле, а 1 (Зеньковская) получает энергию от гидростанции (при селении Руновка), где при ее помощи вода подымается и орошает площадь около 1.000 га, расположенную на канале, идущем от другой системы орошения. Эта система орошения заключается в том, что на реке Уссури устраивается плотина, которая, подпирая воду, идет самоотеком по каналу. Эти воды распределяются по территории Шмаковского административного района. Самостоятельно предполагается орошать около 20.000 га. Электроэнергия от гидростанции идет на расстоянии 46 км на Зеньковскую станцию.

Стоимость организации Приханкайской низменности, согласно проектных исчислений, определяется в 32 млн. руб. При чем на 1 га падает 200—250 руб. С этой стороны, интересно привести эффективность рисового хозяйства, рисуемую этим проектом. Суть вопроса здесь заключается в высоте урожая. Основным принимают урожай в 33—34 центнера с га¹. Если исходить из исчислений инж. Лыщинского и Красева при цене в 10 руб. 80 к. за центнер сырца, то валовой доход достигнет 360 руб. плюс стоимость соломы и половы, которые они определяют в 50 руб. с га, что вместе дает 410 руб. Что же касается расходов, то они определяют их в 138 руб. — 150 руб. на га, а именно: семена 0,75 центнера — 11 руб. 25 к., оплата труда людей — 65 руб., тяговая сила — 27 руб., сел.-хоз. налог — 18 руб., ремонт сооружений — 9 руб., амортизация мертвого инвентаря — 3 руб., амортизация сооружений — 15—20 руб., проценты на капитал — 4 руб. 50 коп. Таким образом, чистый доход на га получается в размере 252 руб. Но если эту цифру даже значительно снизить, вследствие, с одной стороны, снижения урожайности и неучета соломы, а с другой, — повышения расходов, то и в таком случае не остается сомнения в высокой рентабельности рисосеяния на Дальнем Востоке.

¹ В отдельных случаях урожай риса достигает 65—68 центнеров.

При таких результатах является интересным, насколько рисосеяние может быть распространено по другим районам Дальнего Востока. Ориентировочно считают, что вся возможная площадь для разведения там риса достигает около 800.000 га. В районе верхней Уссури и Сунгары 100.000 га, побережье озера Ханки, бассейн реки Суйфуна и рек Посиетского района — 400.000 га, Хабаровский округ — 190.000 га, Биро-Биджанский район — 100.000 га. Площадь же обеспеченная поливом воды с постройкой водохранилища¹ достигает 950.000—1.400.000 га, при этом естественно-исторические условия ориентировочно представляются в следующем виде. Почвы благоприятны для рисосеяния. Сумма температур за вегетационный период для Спасска составляет 2.920°, для Никольско-Уссурийска — 2.780°, для Хабаровска 2.710°. Напомним, что температура Самарканда составляет 3.355°. Самарканд лежит на широте около 40°. Хабаровск — на 48°28', Никольско-Уссурийский — 43°51'. Осадки в среднем дают около 650 мм. Вегетационный период колеблется в пределах 189—181 день.

Состояние и перспективы рисосеяния в Волго-Ахтубинской долине

Волго-Ахтубинская пойма протянулась в самых низовьях реки Волги, в современных границах Сталинградского и Астраханского округов (45°15'—48°20', северной широты), отделенной полосой пойменных земель. Волго-Ахтубинская пойма представляет настоящий оазис среди окружающих ее степей, полупустынь и является местом обилия тепла, богатейших почв речного наносного происхождения и привольно текущих вод, богатых рыбой и представляющих очень удобные транспортные условия для сбыта продуктов сельского хозяйства в большие потребительские центры — Москву, Ленинград и проч.

Естественным продолжением Волго-Ахтубинской долины к югу является Волжская дельта с площадью около 6.550 кв. км, с прилегающими к ней с востока и запада обширными водными системами, «подступными ильменями» и разбросанными между ними «Беровскими буграми», общей площадью около 5.500 кв. км. В дельте Волги упомянутые природные особенности Волго-Ахтубинской долины выражены еще резче, а именно: в дельте еще теплее, значительно больше воды (50% всей территории), более нежная и пышная растительность, схожая с субтропической, и живет дельта совершенно особой от поймы жизнью.

Земли дельты сел.-хоз. значения, составляющие примерно одну треть всех земель, используются очень слабо. Под интенсивными культурами 2—3%, а остальные под пастбищами и сенокосными угодьями. В долине земель сел.-хоз. значения насчитывается около 512.000 га или 70,5% всей территории долины. Из них земель трудового пользования — 91,6%, а государственных лишь 8,4%. Наиболее интересным объектом использования является левобережная часть долины, составляющая около 90% всей ее площади.

Ежегодно весной уровень воды в Волге сильно подымается, у Саратова — 11,4 м, у Сталинграда — 87 м и у Астрахани — 3,6 м. В период половодья (в среднем около 100 дней) водой покрывается вся нижняя часть рельефа, т.-е. ровные части островов и ильменные впадины.

В виду такого режима речного уровня, культура сел.-хоз. растений возможна или не обсыхающих после спада вод «полюях» (поздние культуры), или на специально огражденных земляными валами участках (в частности рис). Для риса не исключена также возможность культуры

¹ С добавочным расходом по расчетам инж. Булгакова, в 200 руб. на га.

на «полях позднего заливания», без обвалования последних, поскольку рис нуждается в непрерывном затоплении и некоторые сорта орошаемого риса выдерживают высокое ($1\frac{1}{2}$ м) затопление.

Обвалованные участки эксплуатируются двояким образом: или под сады, виноградники и огороды, или под бахчево-огородные и зерновые культуры. В первом случае — при многолетних культурах, имеющих место на более высоких местах, обязательно применяется система искусственного орошения. Во втором случае, с однолетними культурами, как правило, применяется водяной пар, т.е. затопление участка водой во время высокого ее стояния через прокол в валу. Водяной пар применяется через год, реже через два года культуры с целью создать в почве водный запас к весне следующего года, а также с целью промывки верхнего слоя почвы от избытка растворимых солей, а равно удобрения почвы наносами. В год водяного пара территория обвалованного участка не используется. Участок с применением водяного пара засеивается обычно картофелем, бахчевыми и зерновыми (овес, просо, пшеница и некоторые огородные растения). Дополнительное искусственное орошение на таких участках обычно не применяется. Есть указания, что при 2 форме использования обвалованных участков рис был бы очень желательным растением для посева его в год водяного пара при условии устройства внутри обвалованного участка дополнительных валиков по горизонталям на подобие ярусного лиманного орошения, в видах наиболее равномерного распределения по территории участка слоя воды, что, как мы видели, очень важно для культуры риса. При наличии водоподъемных установок рис может культивироваться и при обычных условиях правильного орошения.

Рисовая культура должна занимать площадь займища, обновляющую его при разливе приносимым илом. Но по мнению рыбководов, обвалованные займища и ильмени уменьшают площади нереста и для нагула мальков. В самое последнее время пришли, однако, к заключению, что сел.-хоз. и рыбное дело можно комбинировать без ущерба для того и другого. Но этот вопрос требует еще значительной проработки опытным путем.

Возможную там площадь под рисосеяние ориентировочно можно установить в следующем размере. По мнению некоторых местных работников, обвалованная площадь достигает в настоящее время 100.000 га. При исключении одной третьей части площади дельты на приморскую полосу, имеющей большое значение в рыболовстве, остается от общей площади 444.000 га.

Площадь Волго-Ахтубинской поймы, по исчислению инж. Габермана, составляет 6.282 кв. км или 628.200 га. Исключив северную полосу ее с наиболее континентальным климатом и более неблагоприятными гидрологическими условиями для обвалования в смысле увеличения амплитуды колебания уровня поливной воды, обуславливающей необходимость более серьезных и дорогих водооградительных сооружений, имеем 364.000 га. Всего с дельтой располагаем площадью — 800.000 га. Предположим скромно, что из этой площади, без вреда для рыбного хозяйства и без риска сильно изменить речной уровень под обвалование можно пустить около 25%, т.е. 200.000 га. Помимо этого, как показано было выше, рис можно засеять и на обвалованной площади под разлив поймы воды. Для этого особенно подходящим представляется южная приморская полоса дельты с наименее резким колебанием уровня воды. Но как-раз эта полоса в интересах рыбного хозяйства не может быть обвалована. Посев же риса без обвалования ничего кроме пользы рыбному хозяйству не принесет. Таким образом, исчисленная выше площадь под рисосеяние значительно увеличивается. Но какая часть этой площади входит в состав госфонда и земли трудового пользования, сказать в настоящее время затруднительно.

Итак, с точки зрения естественно-исторических условий и наличия фондов — культура риса в Волго-Ахтубинской пойме и дельте вполне возможна. Это подтверждают проведенные за последние годы опыты в не-больших размерах многих опытных учреждений (сел.-хоз., мелиоративных) Поволжья даже севернее изучаемого района. При этом урожай с маленьких делянок колеблется в очень широких размерах в зависимости от способа орошения и сорта риса. Тем не менее, для дельты многое еще не ясно. Поэтому, является необходимым заложить там рекогносцировочных размеров многих опытных учреждений (сел.-хоз., мелиоративных) пункты для опытно-исследовательских работ. Само собой разумеется, что для выяснения возможной площади для рисосеяния в разных местах этого района с мелиоративной или хозяйственной точек зрения требуются особые обследования.

Что касается самой системы орошения, то здесь возможно и само-течное и с механическим подъемом.

Переходя к эффективности, нужно сказать, что эта проблема здесь осложняется конкуренцией других интенсивных культур. Экспедиция научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики (руко-пись проф. Тумановского) собрала в этом отношении любопытные данные. Оказывается, хлопчатник является далеко менее выгодным, чем местные культуры и при существующих условиях он не в состоянии вытеснить овощно-бахчевые культуры. Исследователи справедливо считают поэтому, что путь внедрения лежит в плоскости освоения земель, т.е. устройство совхозов.

Для риса непосредственных данных нет, но принимая во внимание, что урожай риса, судя, правда, по опытам на маленьких делянках, может быть вдвое или втрое выше чем у хлопчатника, а затраты наоборот — по особенностям культуры несколько более низкие. Можно сделать вывод о большей выгодности риса, чем хлопчатника, с которым он может выдерживать конкуренцию. С этой стороны, при освоении новых земель рис может больше иметь шансов, чем хлопчатник, но эти расчеты могут уступить дру-гим под давлением более высокого народнохозяйственного значения хлоп-чатника.

И, наконец, последний вопрос — рабочий и продовольственный во-прос. Изучаемый район, особенно дельта, никогда не обходились своей рабочей силой и продовольствием: рыбный промысел, интенсивно ого-родно-бахчевое хозяйство всегда требовали большого количества пришлых сезонных рабочих с завозом хлеба и других продуктов. Новая культура потребует немалого количества рабочей силы и предупредительных мер по возможной конкуренции на почве использования рабочей силы между рыб-ным и земледельческим хозяйствами.

Состояние и перспективы рисосеяния на Северном Кавказе

Фактически рисосеяние мы имеем только в районе междуречья Терека и Сулака в Дагестане. Северо-Кавказской опытно-мелиоративной станцией, в результате обследования хозяйства Хасав-Юртовского округа, были получены следующие данные:

Год	Общая площадь орошения в га	Площадь под рисом в га	Процент к ороша-емой площади
1912—14	68.637	230	0,3
1917	27.766	512	1,9
1926	17.335	466	2,6

Годы войны и революции уменьшили орошаемую площадь. Однако, относительный рост рисовых площадей идет значительно быстрее восстановления оросительного хозяйства (в 1927 г. рисовая площадь уже достигла 17,3 % орошаемой площади). Следует отметить, что в виду варварского способа орошения и сильного развития малярии с рисосеянием велась постоянная борьба. Были изданы специальные постановления Дагестанского СНК, воспрещающие рисовые посевы, но несмотря на это культура риса продолжает развиваться. Оросительная система в настоящее время находится в разрушенном состоянии и дает недостаточное количество воды для орошения — одна четверть довоенной площади. Поэтому рисовые посевы сосредоточиваются исключительно у селений, расположенных в голове системы. Общие данные по культуре риса здесь таковы. Например, по селению Костекского имеем такое чередование: кукуруза — пшеница — рис — залежь; по селению Козьма-Аул — пшеница 2 года, рис 3 года подряд. Высев риса в среднем около 1,5 центнера по расчету на 1,1 га. Полив ведется постоянным затоплением на 10—20 см. Урожайность здесь такова (в центнерах на га); наибольшая от 30 до 20, в среднем от 15 до 10 и наименьшая 5. Затраты труда в условиях указанного обследования рисуются в следующем виде по расчету на 1,1 га, 36,6 рабочих дня-людей и 17 дней рабочих дня-скота.

При исчислении стоимости рабочего дня в 80 коп. и конского дня в 2 руб., а центнера риса в 36 руб. расходы составляют кругло 120 руб., а валовой доход при среднем урожае в 10 центнеров составляет 402 руб. Таким образом, чистая доходность культуры риса выразится цифрой с 1,1 га в среднем 282 руб. с колебанием до 600 руб. в случае высокого урожая. По данным Моздокского опытно-мелиоративного участка, чистый доход составляет 365 руб., т.е. в 10 раз больше доходности зерновых культур в условиях Дагестана.

Естественно-исторические условия этого района в кратких чертах таковы. Сплошная часть бассейна долины реки Терека характеризуется суммой температур от 3.000° до 3.300°. В отношении увлажнения этот район представляется засушливым. Но при поливной культуре риса это не играет роли. Почва района — южный чернозем, подстилаемый суглинками, с очень глубокими грунтовыми водами; в низовьях Терека — каштановая почва, лесовидные суглинки. Оросительная способность Терека превышает полмиллиона гектар.

Кроме указанных хозяйственных посевов риса Северо-Кавказской опытно-мелиоративной станцией в различных пунктах Северо-Кавказского края и в Дагестане ставятся с 1925 г. опыты с приемами орошения риса, требующими значительно меньшего количества воды и совершенно исключаящими опасность создания неблагоприятных санитарных условий. Например, Кизлярская опытно-мелиоративная станция (43°50' северной широты) производила с 1927/28 г. опыты способами полива делянок по бороздам и затоплением.

Этот опыт показывает высокую урожайность (30,2—35,4 центнера) периодически орошаемого риса, мало отличающуюся от непрерывного затопления (37,6 центнеров), потребляющего слишком втрое больше оросительной воды. Значительный интерес представляют удовлетворительные опыты упомянутой организации с культурой риса при периодическом орошении и в более северном районе Северного Кавказа, а именно в Донском округе — ст. Персиановка, близ Новочеркасска (47°27' северной широты).

Из использованных здесь сортов хорошие надежные результаты дали только два сорта, полученные из приморья, сорта японские.

1 сорт (условное обозначение 33-66-6) бурый, остистый, более скороспелый, не высокого сорта, довольно урожайный.

2 сорт (34-23-6) белый, остистый, более высокий, принесший большие урожаи и несколько позднеспелый.

Результаты опыта 1926 г. при периодическом затоплении углубленных площадок сот 1 и при оросительной норме в 3.270—4.954 куб. м на га — 9,87—23,71 центнера на га. Результат опыта 1927 г. при способе полива инфильтрацией по бороздам — колебались между 9,2 и 51,2 центнера. К этому надо прибавить удачные (около 25 центнеров в засушливом 1929 г.) опыты, которые были произведены в западной части Северного Кавказа в районе плавней (например, на Мингрельской опытной мелиоративной станции (около ст. Федоровской)).

Вследствие указанного и считаясь с условиями культуры риса, возможность организации совхозов с рисосеянием на Северном Кавказе намечается в следующих районах:

- 1) земли дельты Терека и по реке Сулак (Дагестан);
- 2) по реке Тереку и его притокам: а) в Чеченской автономной области — северо-западной части Гудермесской плоскости; б) на орошаемых землях в Малой Кабарде и Чеченской автономной области (продолжение Мало-Кабардинского канала); в) на землях по Терскому каналу в Терском округе; г) в Алханчуртской долине (в районе между Кизляром и Грозным, Ингушко-Чеченская автономная область);
- 3) на плавнях (Прикубанско-Адыгейские и Азовские) и
- 4) в районе Донских плавней.

Общие организационные соображения

Кроме перечисленных районов для рисосеяния по всей вероятности имеются возможности и в других районах и республиках — на Украине (Днепровские плавни и другие) и в Крыму, но прямыми данными доказать это еще никому не удалось. Во всяком случае и приведенного вполне достаточно для уяснения того, что рисосеяние возможно развивать на площади таких больших размеров (несколько миллионов га), что продукция риса далеко превзойдет потребности самых широких масс внутри страны и может даже стать весьма заметной величиной нашего экспорта. Итак, с этой стороны препятствий не ожидается, несмотря даже на весьма слабую изученность проблемы рисосеяния в деталях во многих из приведенных районов. И приступ к расширению и реконструкции культуры риса в этом отношении, как впрочем и в других отношениях, сопряжены со снаряжением соответствующих исследовательских экспедиций. Но не это приходится относить к затруднениям, которые нас здесь ожидают. К существенным затруднениям нужно отнести: 1) большие капиталовложения, которые эта культура требует как в связи с ирригационными сооружениями, так и с возможностью механизации рисосеяния и переработки ее продукции; 2) крайнее стеснение в рядовой рабочей силе и (особенно) в кадрах более высокой квалификации, т.е. тех, которые непосредственно должны вести производство. Последнее обстоятельство осложняется еще и наличием крайне отсталой и архипрimitивной у нас техники в деле рисосеяния.

Таким образом, проблема реконструкции рисосеяния, поставленная в уровень современных требований и возможностей, пред'являет колоссальные требования, как в области всех элементов производства, так и всего подступа к ней. Приступать собственно приходится с самого начала. В первую очередь необходимо приступить к организации подготовительных стадий работ. К числу их относятся: исследование земельного фонда, возможного к использованию под рисовую культуру, изучение режима источников орошения и постановка широких испытательно-исследовательских работ по вопросам орошения и способам культуры риса, широкие пробные механизированные посевы риса и конкретное изучение иностранной техники.

Далее, необходимо остановиться на вопросе о так называемой беспризорности рисосеяния и о прикреплении его к определенному учреждению. Объективно говоря, проблема расширения реконструкции рисосеяния настолько специфична и сложна, что разрешение ее в полном объеме может потребовать создания самостоятельной и солидной организации. Но принимая во внимание, что в силу сложности всей проблемы рисосеяния, этот организационный вопрос вряд ли может быть быстро разрешен, а затем то, что рисосеяние все же зерновая продукция, допускающая чередование риса с другими зерновыми культурами, возможно допустить передачу рисосеяния Зернотресту. Это тем более вероятно, что Зернотрест уже озабочен распространением своей сферы деятельности на районы с устойчивым и даже избыточным увлажнением. По всей вероятности, Зернотресту, в видах нужного расширения продукции и держания ее в устойчивом равновесии, предстоит частично обратиться и к поливной культуре хлебов и тем создать так называемый страховой клин. В таком случае, рисосеяние может стать неотъемлемым звеном Зернотреста.

Задачи совхозного строительства и организация территории

В предыдущем изложении мы уже отметили актуальность и своевременность строительства крупных механизированных рисовых совхозов. Задачи этого строительства сводятся к следующему. Основное и обязательное условие в строительстве рисовых совхозов должно быть: минимальное вложение средств в долгоамортизирующиеся рисовые предприятия, выбор наиболее быстро осваиваемых земельных угодий, неременная близость к ж.-д. пунктам, оптимальность размеров отдельных участков и наибольшие сплошные массивы для совхозов.

Указанные задачи, поставленные в перспективе пятилетки и в пределах возможности, конкретно могут быть выражены в обоснованной выше продукции, определяемой ориентировочно в 180 тысяч тонн неочищенного риса.

Намечаемое совхозное строительство, по причинам изложенным выше, удобнее всего начать с Дальнего Востока. Здесь, как по наличию соответствующего земельного фонда, так и по степени изученности последнего и наличию соответствующих организаций («Дальрис» и другие) представляется возможным в полном согласии с пятилетним планом строительства Союза современную посевную площадь около 15—20.000 га довести к концу пятилетия до 70.000 га брутто.

Исходя из вполне возможных там средних урожаев в 25 центнеров с га затем из четырехпольного севооборота для вновь осваиваемых земель (три года риса и один год сои с междурядной обработкой) и 20% скидки с площади под ирригационно-мелиоративные сооружения, площадь под совхозное строительство выразится нетто в 40 тыс. га, которая может дать продукцию в 100 тысяч тонн неочищенного риса, т.е. больше половины требуемой Союзом дополнительной продукции риса, а также около 17 тысяч тонн культивируемых параллельно соевых бобов. Всю эту площадь, в соответствии с местными соображениями, представляется целесообразным наметить по следующим районам: около трех четвертей в районе Приханкайской низменности (в админ. район. Шмаковском и Спасском) и около 9.000 га в Биро-Биджанском районе со смежным Добрыньским зерносовхозом. Исходя из организационных соображений, целесообразно было бы сочетать зерновой совхоз с рисовым в самостоятельный комбинат, взаимно помогающими и взаимно страхующими частями, с конечной целью оптимального снижения как издержек производства, так и себестоимости.

Для получения остальной продукции риса и сои, исходя из пониженной урожайности в других местах, — риса от 26 до 17 центнеров на га, а

сои до 12 центнеров, необходимо иметь земельный фонд за округлением около 60.000 га нетто или 74.000 брутто. Этот фонд по предварительному обследованию вопроса можно распределить по следующим районам: в Казакстане, севернее поселка Илийского, от 19 до 20 тыс. га; в Узбекистане, в бассейне Чирчика 15 тысяч га; на Северном Кавказе в районе Малой Кавбарды и Плавней 20 тысяч; в районе Нижней Волги (в северной части дельты) 10 тысяч и в Азербайджане — 9 тысяч.

Вся перечисленная территория может быть отведена под одиннадцать совхозов. Соображения к этому, исходя из принципа возможных оптимальных размеров, таковы: в зерносовхозах, как это учит нас опыт¹, оптимальные размеры выявляются в результате встречных тенденций — централизованной и децентрализованной системы управления, что стоит в зависимости от степени интенсивности ведения хозяйства. Только возможность рационального и рентабельного обслуживания производства инструктажем, горючим, смазочным, водой, пищей, медпомощью и т. д. и т. п. на больший или меньший радиус из постоянной или подвижной участковой усадьбы решает вопрос о размере участка и хозяйства в целом. В рисовом хозяйстве к этому присоединяются или вернее над этим командуют требования рационального водного хозяйства, что в свою очередь зависит от рельефа и степени водообеспеченности и мощности водного источника. Исходя из этого, площадь каждого участка должна сохранить единство водопользования. И это является определяющим моментом в установлении размера участка. По предварительным подсчетам (по ориентировочным и схематическим проектам) по нескольким районам производственной единицей, технически заключенной в одну водную систему, будут распределители воды того или иного порядка, при чем площадь, обслуживаемая ими колеблется от 500 до 2.000 га. Сумма таких участков, сходная с таковой по зерносовхозам и даст искомую площадь совхоза. По указанным схемам, таковая колеблется от 10.000 га до 20.000 га брутто. Что же касается учетно-производственных площадей (клеток), то, здесь в поливном хозяйстве они устанавливаются опять-таки из расчета рационального водного хозяйства. По расчету указанных схем, площадь такой единицы водопользования колеблется от 50 до 260 га, а основные загоны поливных площадей для удобной работы машинами колеблются от 20 до 100 га.

Если взять по аналогии существующие хлопковые хозяйства, то на примере Пахта-Арал (22 км. от Сыр-Дарьевской ж.-д. станции в Узбекистане) мы имеем общую площадь около 12.000 га с 9.125 га посевов. Это хозяйство разбито на 6 участков с 18 базами. Площадь каждого участка сохраняет единство водопользования и достигает до 1.500 га. При этом общая площадь Пахта-Арал при переводе из прямоугольника длиной в 24 км в более удобную конфигурацию получается размером уже в 45.000 га.

Техника и капиталовложение

Не останавливаясь на подробностях техники, отметим лишь здесь следующие основные положения. Специальные подсчеты инж. Г. А. Сергеева площади Приханкайской низменности (Шмаковский район) при самостоятельном орошении из реки Уссури или Сунгари дает стоимость га орошаемой площади около 440 руб. На Зеньковской (Спасский район) при орошении путем механического подъема воды из озера Ханка стоимость повышается до 524 руб., в Биро-Биджане самотечное орошение при устройстве даже крупного водохранилища для воды может обойтись значительно дешевле.

¹ См. нашу статью в № 5 журн. «Совхоз» за 1929 год.

В эту стоимость входят искусственные сооружения (запруды), насосные станции с механическим оборудованием и силовой энергией, ирригационная сеть, гражданские постройки, обслуживающие систему, и накладные расходы.

В Средней Азии, в бассейне реки Чирчика, стоимость ирригационного строительства при самотечном орошении определяется в среднем около 550 руб. на га.

Что касается Семиречья, то хотя площадь здесь выявлена у поселка Илийского округа, куда подходит Турксиб, судя по первым подробным сведениям рисовой экспедиции, наметить схему ирригационной сети не представляется еще возможным, в виду отсутствия соответствующих материалов.

В северной части Волжской дельты, по схеме инж. Волконского, правда, грубо ориентировочной, все мелиоративные затраты выразятся в 160 руб. на га. Внося в эту схему соответствующие коррективы, цифра вероятно, поднимется до 240 руб.

По Малой Кабарде, на Северном Кавказе (схема инж. Прозорова), система, открытая в мае текущего года, обошлась, примерно, в 200 руб. на га. К этому следует еще прибавить предстоящие работы по созданию оросительной и сбросной сети. Есть серьезные основания считать стоимость этих работ в 80 руб. на га.

Что же касается эксплуатационных расходов, состоящих из процента на капитал, амортизации первоначальной стоимости, охраны и текущего ремонта и т. д., то они колеблются от 32 руб. 30 к. при самотечной системе и до 71 руб. — при машинной системе.

В дополнение к сказанному ранее, отметим, что во всех приведенных вариантах имеется возможность сделать ставку на стопроцентную механизацию. Мало того, на этой основе делается твердая ориентировка на применение в значительной мере мощных гусеничных тракторов, на пересадочную культуру риса и на уборку комбайнами, т. е. все то, что может дать наивысшая техника с соответствующей эффективностью. Хотя пересадочных машин достаточно усовершенствованных и механизированных еще нет, тем не менее не подлежит сомнению, что можно с заметным успехом дело начинать уже с имеющихся машин. В процессе работы эти машины, несомненно, усовершенствуются, что в значительной мере связывается с большим высвобождением живого труда.

Из определенного расчета механизации земледельческих работ с временным выполнением последних в жесткие сроки можно усмотреть, что совхозная площадь в 10 тыс. га требует капиталовложения в 788.265 руб. или на га обрабатываемой (орошаемой) площади 79 руб. По другим, менее совершенным подсчетам, капиталовложение достигает лишь 66 руб. В эту сумму входит стоимость тракторов, прицепных орудий и грузовых автомобилей. По поводу последних необходимо сказать, что они рассчитаны лишь дополнительно к основной тяговой силе тракторов. Объясняется это тем, что при большой рисовой продукции, тракторная тяговая сила, вычисленная по земледельческим работам, не может справиться со своевременной переброской ее на приемные пункты. Здесь критическим периодом является осенний, еще более резко выраженный, чем в зерносовхозах. Это обстоятельство обязывает в другие периоды принять меры к использованию энергии в смежных коллективных и крестьянских хозяйствах, оказывая тем самым большое влияние на их реконструкцию.

К этому следует прибавить, что на сушку и мельничную переработку риса потребуется еще капиталовложений из расчета 118 руб. на га обрабатываемой площади.

Все затраты по двум различным вариантам — машинного и самотечного орошения — схематически можно представить в следующем виде по расчету на га:

	I	II
Мелиорация (с планировкой) . .	475	280
Землеустройство	2	2
Дорожные работы	10	10
Постройки	50—60	50
Инвентарь и транспорт	79	66
Оборудование мастерских . . .	3,75	3,75
Электрификация	1,0	1,0
Телефон	1,0	1,0
Нефтесклады	1,25	1,25
Хозяйственное имущество . . .	12,50	12,50
Живой инвентарь	1,25	1,25
Итого кругло	645	430

Распространяя эти варианты на всю намеченную территорию, получаем цифру в 54,3 млн. руб. или на гектар обрабатываемой (орошаемой) площади в среднем 570 руб. Кроме того, надо быть готовым к затратам на переработку риса. Исходя из данной выше нормы, это составит сумму в 11,25 млн. руб., а всего с затратами непосредственно на производство 65,55 млн. руб.

К этому необходимо еще прибавить сумму на подготовку кадров и организационные расходы, т. е. на ведение подготовительных исследований и соответствующих проработок, что по нашим подсчетам составит сумму в 3 млн. руб., а всего 68,55 млн. руб.

Исходя из подробных проработок по обоим упомянутым вариантам, получаем следующие эксплуатационные расходы по расчету на га:

	I	II
Эксплуатационные расходы по оросительной системе	11,0 руб.	6,7 руб.
Амортизация (включая оросительную систему) . .	46,0 "	23,8 "
Ремонт (включая оросительную систему) . . .	30,0 "	14,6 "
Семена	10,8 "	24,6 "
Зарплата рабочим	32,6 "	38,8 "
Зарплата производственному персоналу . . .	18,4 "	17,8 "
Зарплата административно-хозяйственному персоналу	6,2 "	5,9 "
Накладные расходы (30% зарплаты)	19,0 "	18,7 "
Нефтепродукты	9,8 "	6,8 "
Прочие расходы (содержание живого инвентаря, страхование и проч.)	16,0 "	15,0 "
Процент на затраченный капитал	38,7 "	25,8 "
Итого	238,5 руб.	198,5 руб.

Перечисляя на круговой га, пропорционально порайонной площади, с внесением поправок на Волго-Ахтубинский проект с удешевлением издержек производства до 160 руб. на га, получаем средне-взвешенную в 222

руб. на га. Это — для риса. По отношению к себестоимости производства составят ориентировочно около 70 руб. на га, с колебанием по районам в 65—85 руб.

В счет этих сумм, как видно из таблички, входит и рабочая сила. Здесь уместно лишь добавить, что по подсчетам в северо-кавказском варианте всего потребно рабочих дней на га 23, из коих 19 — на поливную работу и 4 — на сельскохозяйственную. Это очень близко напоминает производительность Северной Америки (Калифорнию), протекающую при аналогичных с проектируемыми на Северном Кавказе условиями механизации и сельскохозяйственной техники.

Продукция и себестоимость

Согласно намеченному выше, при исходе из крайне осторожных порайонных цифр урожайности, валовая продукция выражается в 180.000 тонн риса и 33.360 тонн сои. В переводе на порайонные цены получаем продукцию, оцениваемую в 28,6 млн. руб. для риса и 2 млн. руб. для сои, всего 30,6 млн. руб. Это дает средне-взвешенную валовую ценностную продукцию в 322,1 руб. на га орошаемой площади. Чтобы выявить чистую продукцию, необходимо из общей валовой продукции в 30,6 млн. руб. вычесть издержки производства в сумме 21,9 млн. руб. Остаток в 9,51 млн. руб. и составит чистый доход, что в среднем на га составит 100,1 руб. или чистых 17,5% на затрачиваемый капитал.

Приведенные расчеты указывают на то, что капиталовложения, несомненно, окупят себя в течение одного пятилетия, а затраты на переработку риса могут быть покрыты даже в 2 года. При более повышенной урожайности, что является вполне реальным, и при более форсированном рисосеянии, не прибегая к чередованию с менее продуктивной соей, что на свежих землях является технически вполне возможным, удвоение продукции становится вполне мыслимым. При этом условии и себестоимость будет заметно понижена. Если, однако, применить более осторожные подсчеты, как в отношении урожайности, так и чередования, себестоимость риса и сои, по двум вариантам схематических проработок, выражается в общем следующими цифрами:

	I	II
Рис (за тонну)	95 р. 40 к.	118 р. 80 к.
Соевые бобы	51 „ —	39 „ —

Кадры

В заключение коснемся кратко проблемы кадров для рисосеяния. При настоящем положении рисосеяния проблема кадров составляет очень узкое место в деле реконструкции этой нужной и бесспорной рентабельной культуры и поэтому требует к себе внимательного отношения.

Исходя из условий поливного хозяйства и детальных подсчетов рабочей силы и техперсонала, можно для приведенной площади ориентировочно наметить следующую потребность в особо квалифицированных кадрах: главных инженеров-мелиораторов — 15—20 человек, инженеров-гидротехников — 96 человек, десятников — 336, агрономов-инженеров — 120 человек, инженеров-механизаторов — 15—20, трактористов и шоферов — 1.560, комбайнеров — 2.100, мастеров-бригадиров — 600 человек. Если десятников, трактористов, комбайнеров и бригадиров можно и должно готовить на временных курсах, то другие квалификации требуют школьной подготовки и в значительной мере высшей. Подготовить и законтрактовать, по примеру Зернотреста, такое количество специалистов в течение бли-

жайших лет можно, но при условии применения срочных мер как в деле подбора соответствующих лиц и школ, так и материального подкрепления и организационного приспособления самих школ. Если об организации самостоятельного рисового ВУЗа, на подобие хлопкового института, еще рано говорить, то по крайней мере не следует упускать из виду те возможности, которые имеются с открытием хлопкового института на предмет выделения в нем специализации по родственной хлопчатнику культуре — рису. Равным образом, следует поспешить со специализацией других — мелиоративного и индустриального земледелия институтов и техникумов, а также с посылкой за границу лиц, с более или менее соответствующей подготовкой.

Место не позволило нам развернуть в настоящей статье ряд других, не менее актуальных организационных вопросов. В частности, в стороне остался вопрос о конкретном развертывании самого строительства рисовых совхозов, но это — тема для самостоятельной статьи.

Энергетика крупного сельского хозяйства и перспективы электрификации его на Северном Кавказе¹

Крупное социалистическое земледелие развивается у нас в форме советских и коллективных хозяйств. Но если первые, являясь государственными экономиями, представляют собой установившуюся форму с ясными и простыми производственными отношениями, то этого нельзя сказать о вторых. Колхозы находятся еще в стадии становления. На наших глазах происходит быстрое их развитие от простейших форм — товариществ по совместной обработке земли к наиболее совершенной форме — агроиндустриальному комбинату. Хозяйство будущего, несомненно, есть комбинированное хозяйство, совмещающее в себе добычу полеводственного и животного сырья с первичной переработкой его внутри самого хозяйства. Такой тип хозяйства обеспечивает: 1) наиболее полное использование рабочей силы внутри хозяйства, 2) единое рациональное энергохозяйство, 3) максимальное использование сил природы, энергоресурсов и производственных сил вообще, 4) устраняет потери путем полного использования отходов. Комбинат требует большой концентрации мощности, что обуславливает возможность дешевой энергии. Технической базой большинства комбинатов являются теплоэлектроцентрали на местном и отбросном топливе, могущие дать энергию, близкую по стоимости к энергии районных станций. Этим путем мы подходим к идее генерального плана разделения всей сел.-хоз. территории страны на территориальные комплексы. В этом аспекте представляет собой большой интерес рассмотрение первого опыта строения агроиндустриальных комбинатов.

Дигорский комбинат

За рекой Дур-Дур, притоком Белой, в том месте, где Сунженский хребет включается в цепь Черных гор, лежит на высоте 550 м плато Силтанук. По ту сторону плато течет многоводный Урух. Эти реки издавна притягивали к себе население, в результате чего безводное плато, окруженное семью тринадцати деревень — само осталось незаселенным и почти неосвоенным. Однако, полное отсутствие грунтовых вод природа пытается заменить избытком атмосферных осадков, средняя годовая которых доходит до 921 мм. При этом главная масса их, выпадающая в мае, июне, июле, приносят всегда дождливое лето, заставившее население дойти почти до полного отказа от культур, сбор которых падает на эти месяцы. Но избытки осадков, образуя временные, быстро пересыхающие речки, не разрешают проблему обводнения. Обращенное своими склонами к югу, плато способно аккумулировать большое количество солнечной энергии. Средняя годовая температура не ниже 8,3°. Вегетационный период до 200 дней. Почва — выщелоченный чернозем. Таким образом, для сел.-хоз. производства на-

лицо все три главных элемента (по Вильямсу): влага, солнечное тепло и питательные вещества; стоит лишь дать питьевую воду человеку и его помощникам, чтобы превратить пустынное, отданное во власть вредителей (сорняков и грызунов) плато в сплошной цветущий абрикосами и персиками сад, в огромный тысячектарный багжан арбузов, дынь, помидор и др. овощей. Такова природа Дигории, входящей в состав Северо-Осетинской автономной области.

Плотность населения в Дигории — 24 человека на кв. км, основное занятие его: культура кукурузы и горное экстенсивное скотоводство. Душевые наделы от 0,6 до 0,8 га пахоты. Техника земледелия — первобытная. Система полеводства — залежная. Севооборотов никаких. Десятки лет подряд кукуруза сеется по кукурузе и затем земле дается отдых в 2—3 года. Из общей площади сел.-хоз. угодий 32% находятся под сенокосами и выгонами. Из общей площади пахотной земли 84% — под кукурузой, 14% — под пшеницей и 2% — под картофелем и другими злаками. Паров нет. Садов и огородов почти нет. Преобладание кукурузы объясняется сбором урожая этой культуры в сухое время года (не дождливым летом), большей устойчивостью ее против градобития и вредителей, а также близостью зерновых рынков дешевого хлеба. Урожайность с га: кукурузы — 25 центнеров, пшеницы — 10 центнеров, картофеля — 75 центнеров, что, учитывая хищническое обращение с землей, подтверждает наличие особо благоприятных природных условий.

Животноводство — экстенсивное, с преобладанием мелкого скота. На 100 га пашни приходится 28 коров, свиноводство отсутствует. Недостаток пастбищ в этом случае является препятствием для дальнейшего развития стада и вызывает сокращение его, что и наблюдается в действительности.

Энергетика района характеризуется следующим: из местных ресурсов — лишь реки мелкой мощности, но зато непосредственная близость высокоценного топлива — грозненской нефти и близость строящейся районной станции — Гизель-Дона. Обеспеченность хозяйства рабочей силой человека и животных невысокая. На 100 га пашни трудоспособных — 20, лошадей — 25 и волов — 4. Использование людской силы во всем сельском хозяйстве и подсобных промыслах не превышает 55% запаса рабочих дней, при чем на полевых работах расходуется 20% общего запаса. Высокий, по сравнению с другими районами, коэффициент использования объясняется тем обстоятельством, что население само шьет себе одежду и обувь не закупая их в городах. Использование тягловой силы в сельском хозяйстве (вместе с промыслами) — 36%, а без оных — 24,8%, при наличии самого невыгодного графика нагрузки: весной нагрузка достигает 94% имеющейся мощности, а зимой падает до 9%. Средняя производительность лошади — 4,3 га в год. Стоимость рабочего дня лошади — 1 руб. 12 коп. (с амортизацией). Из стационарного силового хозяйства имели место лишь примитивные водяные мельницы с производительностью 1 центнер в день. Тракторов до создания комбината также не было. Имеются паровые молотилки в количестве, обеспечивающем обмолот почти всего урожая.

Товарность продукции полеводства, по сравнению с довоенными размерами, упала с 52 до 44%, а животной продукции составляет около 20%. Валовой доход среднего хозяйства составляет 630 руб. из коих 573 руб. от сельского хозяйства и 57 руб. от промыслов, что составляет около 130 руб. валового дохода на душу в год. Валовой доход с га кукурузы — 74 руб. пшеницы — 93 руб. и картофеля — 285 руб. В транспортном и рыночном отношениях Дигория находится в благоприятных условиях. В непосредственной близости от ее северных и восточных границ проходит Владикавказская железная дорога и ее ветка Дар-Кох-Алагир. Алагир — сердце

¹ Окончание. см. „Плановое Хозяйство“ № 10, 1929 г.

Северной Осетии, ее будущий административно-хозяйственный центр — также в непосредственной близости.

Таким образом, при наличии исключительно благоприятных так называемых объективных факторов: энергоресурсов, природных сил, условий рынка и транспорта, мы находим здесь продолжающийся процесс убывающего плодородия почвы, сокращение стада и снижение товарности. Причина лежит в людях, в их культурной отсталости: почвы выщелачиваются десятилетними посевами одного и того же злака, и требуют восстановления путем соответствующего севооборота, стадо сокращается от недостатка кормов и требует перевода на полустойловое содержание. Товарность падает, в виду отсутствия на месте предприятий, первично перерабатывающих продукт при наличии новых производственных отношений, призванных стимулировать развитие товарности. Но поскольку вся дикость современного состояния станет доступна пониманию населения, возможен скачок с нынешнего примитива, через промежуточные формы, к совершенной форме — агроиндустриальному комбинату. Во всяком случае, возможно быстрое прохождение промежуточных форм подобно эмбриональному периоду в жизни животного организма.

В пять лет, к 1932 г. намечено осуществить следующий план реконструкции хозяйства: выделить территорию¹ в 15.236 га в сплошной массив, обводнить ее каналом из реки Урух, переселить сюда 2.370 дворов в три заново отстроенные поселка. Земледелие, животноводство и первичную переработку сырья перестроить на основах крупного обобществленного хозяйства. Из 15.236 га земельных угодий под пашню идут 12.434 га, под сады и огороды — 1.800 га, под лес и кустарник — 1.359 га. Распределение пахоты между культурами доводится до следующего соотношения: кукуруза — 47%, травы — 20%, пшеница — 14%, подсолнук и картофель по 6% и соя — 4%. Кукуруза вводится сортовая — на семена. Травы долготелые: люцерна и клевер. Вместо залежи получается правильный травопольный севооборот, разный для различных подрайонов территории, восстанавливающий почву, благодаря чему урожайность возможно поднять: кукурузы до 36 центнеров, пшеницы до 14 центнеров, трав до 60 центнеров, картофеля до 100 центнеров. Ожидаемая валовая продукция, товарная часть и часть, поступающая в промышленную переработку, показаны в следующей таблице (в тоннах):

Название культур	Валовая продукция	Товарная часть	Часть, поступающая в переработку
Кукуруза	18.113	15.624	10.600
Травы	5.063	—	5.000
Пшеница	1.702	—	1.400
Картофель	5.025	2.500	—
Соя	420	380	—
Подсолнук	563	500	500

Из приведенной таблицы видно, что свыше 80% продукции кукурузы является товарной и 58% предназначены в промпереработку на месте для получения муки канадского помола, с выделением зародыша. Хотя продукция травосеяния и потребляется целиком на месте, однако, в виду, дожд-

¹ Плато Сяланук.

ливого лета она требует создания предприятий для сушки и, следовательно, силосов. То же надо сказать и о пшенице, хотя она и будет потреблена в самом хозяйстве, но требует переработки на месте. Существующие кустарные мельницы в расчет никак не могут приниматься. Картофель в половинном размере поступает на рынок, а продукция сои целиком. Наоборот, продукция подсолнуха, вместе с жироносными зародышами кукурузы, целиком поступит в переработку. Землеустройство будет проведено согласно требованиям единого массива и тракторной обработки. Обобществление охватит все процессы производства, индивидуальным останется потребление. Стадо индивидуальных коров в 3.237 голов, имеющееся ныне у членов комбината, будет обобществлено, доведено до 7.000 голов и сосредоточено на полустойловом содержании в 14 фермах вблизи населенных пунктов. Удойность будет доведена до 1.800 литров в год, в результате чего ожидается валовой удой в 12 млн. литров, из коих 5 млн. литров поступит в промпереработку. Сбыт молока в сыром виде будет иметь ограниченное значение. Кроме того, намечен племенной птичник на 2.000 голов и племенная свинарня на 300 маток. Подобно тому как в земледелии односторонняя кукурузно-зерновая залежная система заменяется правильным травопольным севооборотом, так в животноводстве экстенсивное скотоводство уступает место молочному.

Индустриальное гнездо предприятий получается в следующем составе: 1) мельница на 12.000 тонн канадской (кукурузной) муки и 2.000 тонн пшеницы, 2) маслобойный завод на 1.000 тонн подсолнечного сырья и кукурузного зародыша, 3) молочные фермы со скотным двором на 7.000 голов, 4) маслосыроваренные заводы на 5 млн. литров молока, 5) силосы на 5.000 тонн кормов, 6) холодильники, 7) четыре завода по консервированию и сушке (или 1 с четырьмя отделами) мяса, молока, фруктов и овощей, 8) птичий двор с инкубатором, 9) племенная свинарня с откормочным пунктом, 10) лесопильный завод, 11) тракторная база с ремонтной мастерской, 12) молотильная база на 12.000 тонн кукурузы и ряд подсобных и технических предприятий. Предприятия концентрируются при центральном поселке и частью при двух остальных поселках.

Совершенно очевидно, что при правильно организованном продуктивном хозяйстве ни солома, ни кукурузные отбросы не смогут здесь явиться топливным ресурсом, таковым остаются лишь отбросы подсолнуха: лузга и стебли. Использование труда при такой производственной комбинации оказывается недостаточным. Общее количество рабочего населения в 7.511 полных работников представляет собой годовой запас рабсилы в 2 млн. рабочих дней, при годовой потребности в 1.200 тыс. дней, что составляет 60% использования. Потребность земледелия равна 330.000 дней.

Недостаточной представляется намеченная механизация полевых работ в размере 50% потребности в тяговой силе. Для удовлетворения последней намечена база в 140 тракторов и 1.175 рабочих лошадей. Ограниченность кормов требует полной механизации. База намечена при центральном поселке. Все процессы производства, за исключением полевых работ и транспорта, намечены к полной электрификации. Это целиком относится, в первую очередь, к перечисленным выше предприятиям и трем поселкам. Источником энергии явится гидростанция на Дигорском канале или Алагирская подстанция. Потребная мощность первой очереди ее — 1.000 квт с последующим развитием до 3.000 квт.

Исчисляя величину валового дохода в 2,5 млн. руб., а капиталовложения в 3,5 млн. руб., мы приходим к выводу о недостающей эффективности вложений. Об этом же свидетельствует и сравнение будущего душевого

дохода с нынешним индивидуальным. При указанной величине валового дохода, душевой доход возрастет с 130 руб. до 170 руб.

Выполнение намеченного плана началось в 1927 г., а сооружение Дигорского канала еще раньше. Сооружение канала закончено, а плато Силантук обводнено. Сферой деятельности комбината охвачен массив в 6.642 га, из коих 2.500 га обработано тракторной базой комбината, а остальная площадь — индивидуальной конской тягой членов комбината. В число членов комбината вступили 1.756 хозяйств с 9.131 едоком. Указанное население объединено в группы по общественной вспашке и посеву с индивидуальным проведением всех остальных процессов. Величина групп 15—20 дворов. Кроме того, имеется центральная группа, обобществившая все полевые работы. Существенных изменений в земледелии и животноводстве пока не произошло. К сооружению указанных выше промышленных и технических предприятий еще не приступлено. Строится школа и гараж. К сооружению поселков также не приступлено. Энергобаза комбината состоит из 20 тракторов, 990 лошадей и 1.082 волов.

Стоимость тракторной пахоты на га около 7,5 руб., т.е. ниже нежели у «Гиганта», в виду сокращения расходов на горючее, ремонт и амортизацию. Стоимость конской пахоты — около 12,5 руб. Проект электрификации комбината разрабатывается в указанных двух вариантах. Линии передачи Гизель-Дона с двух сторон подходят к комбинату со стороны Беслана и со стороны Алагир и в дальнейшем, соединившись с Силтануком, могут образовать мощное сел.-хоз. кольцо сети. Здесь требуется указанная нами выше мощность, передача которой рентабельна; базируясь же на перепады, комбинат несомненно преградил бы себе пути дальнейшего развития.

Итак, сравнение достигнутого с планом приводит к выводам о чрезвычайно слабом темпе строительства. Причины этого надо искать в культурной отсталости населения, в отсутствии квалифицированного руководства, в частности, инженерных сил и недостаточной технической базе для реконструкции.

Совхоз „Хуторок“

Эта государственная экономия представляет собой комбинированное хозяйство с богатым опытом эксплуатации, в которой полеводственная продукция с 35.000 га¹ вместе с продукцией животноводства, подвергается здесь же на месте первичной переработке с использованием всех отходов и отходов. Каждая отдельная отрасль тесно связана с другими в одно органическое целое. Винокуренный завод на 144 гектолитров сырья, маслобойный завод на 3,3 тыс. тонн сырья, мельница на 33 тонны в сутки и молочная ферма перерабатывают сел.-хоз. сырье, а отходы и отбросы: барда, жмых, отруби и молочные отходы питают громадный откормочный пункт на 12 тыс. голов скота, стадо продуктивного скота и птичник.

Прекрасно организованное хозяйство работает на исключительно никуда негодной энергетической базе. Каждое из перечисленных предприятий имеет свою силовую установку. Паровая машина винокуренного завода мощностью 75 л. с. работает на парафинистом мазуте непосредственно на трансмиссию. Отработанный пар идет на производство. Лишь подача воды и солода производится электромоторами совокупной мощностью в 37,5 л. с. Локомобиль маслобойного завода идет на лузге, мельница работает от нефтяного двигателя в 50 л. с. Здесь же незначительной мощ-

¹ Вместе с окружающими колхозами.

ности мотор для элеватора. Так как этой мощности не хватает, то устанавливали трактор, но сняли, ибо часто останавливался и расходовал до полтонны керосина в рабочий день. На галетной фабрике своя паровая машина в 45 л. с. и два электромоторчика по 5 квт. На откормочном пункте жмыходробилка работает от электромотора, а все остальные работы на 12.000 голов скота из-за недостатка энергии производятся вручную. Скотный и птичий двор и молочная ферма неэлектрифицированы: инкубаторы керосиновые, сепараторы, маслобойка — ручные, все работы ведутся вручную. Мастерская просорушка и водокачка имеют свои моторы общей мощностью 50 л. с. Все оборудование в изношенном состоянии и вызывает частые перебои в производстве. То же надо сказать и относительно электростанции. Ее мощность в 90 квт ни в какой мере не удовлетворяет ни потребности в энергии, ни нужды реконструкции технической базы. Она загружена целиком, благодаря чему дает недорогую энергию порядка 6—7 коп. квтч.

Тракторная база состоит из 33 машин, остальная потребность в тяговой силе восполняется лошадьми.¹

Рабочая сила состоит из 225 постоянных и 767 сезонных рабочих. Фонды зарплаты с начислениями 646.000 руб.

Налицо имеются все данные для сооружения мощной теплоэлектроцентрали на 2.000 квт. Потребность в технологическом паре и наличие перечисленного промышленного потребителя позволит дать энергию не дороже энергии от сетей ближайшей централи. Имеются также и отбросы производства, кои могут служить топливом при более ограниченной мощности — это: 5.000 тонн початков и свыше 1.000 тонн лузги. Электрификацией должен быть охвачен не только этот совхоз-комбинат, но и окружающий его куст в 50 колхозов с площадью в 30.000 га. Вопрос о реконструкции технической базы сорван усилиями местного совхозтреста, снявшего кредиты, предназначенные на это дело.

Здесь же при совхозе находится МТС «Хуторок», начавшая работу с весны 1929 г. по договору с крестьянами. Мощность ее 80 машин. Обработано 7,5 тыс. га, засеяно 6 тыс. га. Пахали на глубину — 1,11 см по цене 10 руб. 75 к. за вспашку, бороньбу и посев гектара, что совершенно очевидно является невысоким тарифом. Окружающее население объединили в 80 колхозов. Таким образом образуется мощный территориальный комплекс с теплоэлектроцентралью, МТС с гнездом промышленных предприятий в центре, образующими ядро внутри совхоза, который в свою очередь является уже ядром коллективной периферии мощностью в 30.000 га.

Мало-Кабардинский комбинат

Необходимо привлечь внимание общественности к идее создания крупного социалистического хозяйства в Малой Кабарде на открытом в прошлом году обводнительном канале, являющемся технической базой для освоения территории в 56.000 га и магистралью мощной оросительной системы. Прекрасное инженерное сооружение, направившее воды бурного Терека на безводный и пустынный прежде плацдарм чернозема и стоившее миллионных капитальных затрат без организации здесь крупного образцового колхоза, работает вхолостую и льет свои воды на индивидуальную мельницу. По данным Мало-Кабардинской опытной оросительной станции и Моздокской опытно-мелиоративной станции в этом колхозе возможно

¹ Все тракторы марки „Интернационал“. Хозяйство пришло к решению о наибольшей пригодности этой системы. Годовая производительность 147 га. Среднее годовое число рабочих дней — 120.

развитие следующих высокоценных культур при следующих урожаях: хлопок при одном поливе — 6,5 центнеров с га, при тех же условиях кенаф — 13 центнеров, суданка — 166 центнеров, свекла сахарная — 256 центнеров, рис при 8 поливах — 24 центнера. Беспомощное перед лицом стихии, уничтожающей подряд в течение десятков лет все труды, население охотно идет в коллективы и в ближайшем будущем Малая Кабарда станет районом сплошной коллективизации. Необходимо: предупредить неправильное землеустройство, расселение на мелкие поселки в 50 дворов, включить в намечаемый севооборот указанные выше культуры, превратить имеющийся в центре этой территории совхоз «Овцевод» в опорную базу комбинированного хозяйства и сосредоточить здесь в центре гнездо индустриальных предприятий по первичной переработке указанного полеводственного и животного сырья. Здесь же на нескольких мощных перепадах (Кадиевка, Мранево) начать сооружение электростанций, которые соединяются кольцом с Акбашской станцией и станцией головного сооружения. При условии автоматизации этих установок, что здесь вполне возможно, получится мощность в несколько тысяч сил достаточного рационального энергоснабжения.¹

При укрупненном и реорганизованном совхозе поместить и МТС, уже заложенную в текущем году первой очередью в 30 машин.

Заключение

Изучение экономики сел.-хоз. потребителя электроэнергии² на Северном Кавказе показывает, что этот район явится первоочередным районом сел.-хоз. электрификации и что развитие ее здесь будет базироваться на сетях районных станций. Уже в настоящее время выявляются три района, требующие развития сел.-хоз. сетей. Кубанский — от сетей Новорос'а и Краса с понизительными подстанциями в станице Крымской, Славянской, Каневской, Корневской и Усть-Лабинской. Северный — от сетей Шахтинской станции с подстанциями в Атамани, Орлине, Кушевской, Аксайской и Матвеевом кургане. И Южный — от сетей Гизель-Дона Баксана с подстанциями в Дигории, Беслане, Малой Кабарде и Минераловодском районе. Дальнейшее изучение позволит уточнить намеченную схему развития сел.-хоз. сетей. Но совершенно очевидно, что во всех своих проектировках районные станции уже не могут не считаться с сел.-хоз. потребителем, как это имело место до сего времени.

Мощная волна общественного интереса,*поднятая нами вновь к вопросу электропахоты, уже начинает хозяйственно оформляться. Не может быть сомнения в том, что к концу пятилетия мы будем иметь сотни тысяч га электропахоты. «Мы можем заранее предвидеть грядущую победу электроплугов над своими современными конкурентами, разнообразными тракторами. Там, где на поле земледельческого труда существует электрический провод, электроплуг уже и в настоящее время решительно побивает трактор». Это — слова Г. М. Кржижановского.³ Момент для осуществления этого великого дела наступил. Это — главный вывод, сделанный нами по вопросу об энергетике крупного сельского хозяйства и перспективам электрификации его на Сев. Кавказе. Вывод, далеко выходящий за пределы одного района.

¹ А в недалеком будущем Мало-Кабардинский комбинат будет присоединен к сетям Баксанской районной станции. Существующая ныне Акбашская станция мощностью в 400 л. с. должна быть расширена до своего предела, ибо является образцовой станцией, давая энергию себестоимостью на шинах потребителя в 7 коп. за катч.

² См. наши отчеты Госплану за 1927 и 1929 г.

³ „План электрификации РСФСР“. Гостехиздат. Москва. 1920 г. стр. 127.

Морис Добб. „Возникновение и развитие капиталистического хозяйства“. Перевод с английского, под редакцией и с предисловием И. Рубина
Изд. ГИЗ. М. 1929. Тираж 4.000 экз.

Появление работ, пытающихся по марксистски осветить историю капитализма следует всячески приветствовать. Отсутствие марксистской истории народного хозяйства явилось одной из объективных причин взгляда на политическую экономию, как на вечную категорию в недавней дискуссии о предмете и методе политэкономии. Но кроме научно-методологического интереса такая работа представляет собой определенный актуальный интерес и для нашей современности, так как исследуемый период носит в себе черты переходных эпох, проливает свет на теорию деколонизации, которой правые козыряют против Коминтерна, и обнаруживает закономерности процесса индустриализации (в его капиталистической оболочке).

Первое впечатление от книги — это то, что она является марксистским трудом, удовлетворяющим указанным требованиям. Обстоятельный и хорошо подобранный материал, блестящее изложение, добросовестная попытка марксистского метода анализа, социальный, а местами даже более четкий классовый подход — все это заставляет с живейшим интересом относиться к работе М. Добба и присоединиться к положительной оценке ее, данной в предисловии И. Рубина.

Но надо со всей решительностью подчеркнуть, что этот отзыв является только одной стороной картины. Тщательное изучение книги обнаруживает с бесспорностью основной теоретико-методологический дефект рецензируемой работы. Автор только частично владеет марксистским методом. Разворачивая широкими мазками социальный фонд событий и поднимаясь даже до классовой точки зрения, Добб все же не материалист, как это явствует по крайней мере из его книги. Дialectика материального развития в книге совершенно отсутствует. А без такого подхода историческая работа обесценивается более, чем всякая другая. Становится понятным, почему Рубин перевел эту книгу и снабдил ее односторонним предисловием. В работе отсутствует всякий намек на изменение производительных сил, как на движущую причину развития общественных отношений. Столкновение отвлеченных социальных отношений, организационных форм и идей — вот к чему сводит М. Добб эволюцию капитализма.

Такое непонимание марксизма мстит за себя автору тем, что ему не удастся вскрыть

причины явлений; он только описывает их, принимая повод за причину. Уважаемый автор берет явления так, как они выглядят на поверхности общественной жизни. Поэтому, метко описывая социально-экономические связи, он отрывает их от материального базиса. А так как для капитализма, в частности его первых стадий, характерен товарный тип социально-экономических связей, то М. Добб и выставляет момент контроля за рынком в качестве ведущего фактора смены хозяйственных форм от возникновения города в начале средневековья до современного империализма. Соответственно у Рубина мы находим в его „очерках“ пресловутый тезис о том, „что стоимость проявляется в сфере обмена“, а не проявляется, как говорят марксисты. В сфере обмена лишь реализуются те производственные отношения, которые возникают в сфере производства.

Центральной идеей М. Добба, красной нитью проходящей сквозь все его исследование, является идея монополии, монополии торговой. В борьбе за монополию, вытекающей по его мнению из стремления организованно регламентировать рыночные отношения, М. Добб видит движущую причину возникновения и развития капитализма. Но такая схема ничего не объясняет. По этой схеме экспорт капиталов является причиной возникновения монопольных производственных объединений, а не наоборот. Такая теория не имеет ничего общего с Марксом, категорически утверждавшим, что способ торговли является функцией, производной от способа производства. В спорах марксистов по поводу теории Розы Люксембург это достаточно часто иллюстрировалось. Поэтому в его блестящей последней главе, „незаконченная страница истории“, где автор обнаруживает уже более глубокое проникновение в сущность экономических явлений, его формулировка новейшего этапа капитализма несколько распылята, хотя чувствуется знакомство с Лениным в этом вопросе.

Остроумно беря исходным пунктом исследования момент возникновения городов, автор устанавливает, что сущностью городской политики был контроль над городскими рынками и центральной причиной возникновения городов XII — XIII веков — тенденции к монополии.

Возникшие города прошли три этапа развития в борьбе со „старым режимом“:

а) борьба за гильдию (стремление к правовой самоорганизации), б) контроль над рынком, в) монополия. В этом объяснении не видно основных причин возникновения роста городов: 1) увеличение производительности труда и прибавочного продукта, которое предопределило расширение сбыта за локальные рамки; 2) усилившиеся разделение труда, послужившее (при собственности на средства производства) причиной развития денежно-товарных форм общественных отношений.

Переходя от борьбы городов к центральной проблеме предистории современного капитализма — к зарождению новых способов производства и новых общественных классов — Дobb аналитически устанавливает, что новая буржуазия торговцев, предпринимателей и богатых мастеров боролась не непосредственно с феодалами, а с феодалами, сращенными с ранней буржуазией, с купцами. Не совсем ясно видно, почему к началу XIII века усилился феодализм, при чем в Англии усилились купцы, а на континенте земледельческий феодализм; также неясно, почему происходил подъем и упадок итальянских городов, Испании, Нидерландов, переход могущества к Англии. Происходит же неясность от того, что один „социологический“ подход ничего не может вскрыть более или менее глубоко.

Процесс сращения верхушки феодалов с верхушками торгового класса привел к „централизации“ феодализма, к постепенному усилению королевской власти. Сам автор доказывает это, описывая борьбу за проезжие торговые дороги и устройство на них „заградительных“ постов для взимания пошлин и борьбы с грабежами караванов. Вспомним древне-русские „мыты“ — заставы на торговых путях. Именно торговый капитал и заставлял абсолютизм объединять страну и заботиться о безопасности торговых путей.

В связи с этим мы решаемся обратить внимание М. Дobbа на так называемую схему исторического процесса, данную тов. Покровским. Более детальное ознакомление с ней оплодотворило бы несомненно полезные изыскания М. Дobbа. Автор же сводит все к переростанию монополии в монополию опта. Но проблема-то и заключается в обнаруживании действительных причин такого переростания.

М. Дobb напрасно, по-нашему мнению, легко относится к изменению материальной техники, предопределившей и изменение направления мировых путей. А это изменение мировых путей и создало в свое время одну из основных предпосылок перехода мирового могущества в руки Англии, которая оказалась лишь наиболее годной для такого перехода (шерсть, островное положение, рабочие руки). Все это объясняет Маркс. Поэтому, у автора нет в изложении четкого, экономического объяснения причин крестовых походов,

которые были борьбой за торговые пути на восток со стороны обедневшего рыцарства. Нет марксистской характеристики пуританизма, как модной, религиозной окраски, которую приняла идеология первоначального накопления (в своей ранней стадии). По этой же причине автор, уклоняясь от оценки состояния производительных сил и изменений в технике (пара белых замечаний об изобретениях), рисуя современные проблемы Англии и правильно подтверждая наступление пророчества Энгельса о том, что английская рабочая аристократия начнет леветь, когда Англия станет терять свою монополию на мировом рынке, — не объясняет причин загнивания великобританского капитализма. А эта труднейшая проблема представляет собой громадный интерес с точки зрения переходного к социализму периода.

В наше время вновь замечается изменение в роли путей сообщения. Железная дорога и автомобиль приобретают „примат“ над морскими путями сообщения (ускорение оборота и темпа воспроизводства). Это обстоятельство, а также ряд других, является причиной загнивания английского капитализма; это загнивание является глубочайшим симптомом относительности стабилизации капитализма в целом. То, что английскому углю трудно пробивать себе дорогу на мировой рынок свидетельствует о том, что назрела необходимость в мировом, научном районировании производительных сил, но с этой задачей не может справиться капитализм; он должен уступить место пролетарской диктатуре. При плановом, социалистическом хозяйстве общество переходило бы к новым районам еще до резкого ухудшения условий производства в старых районах, естественно-экономические условия которых хуже, чем в других странах, впервые поднимающихся на широкую арену индустриализации.

С другой стороны, в Англии наблюдается в настоящее время переход на производственно квалифицированной „аристократической“ продукции.

Еще целый ряд мест свидетельствует об идеалистической терминологии автора, даже там, где он подходит к материалистическому мышлению: объяснение „духом наживы“ объяснение апатии подмастерьев в XVI веке тем, что „наиболее дельные организаторы из них перешли в высшие социальные группы“, сомнительный принцип „субституции“, т.-е. замещения, замены товарных масс, тезис, „что все зависит от учреждений“, совсем в духе энциклопедистов.

На ряду с этим, у автора встречается ряд правильных мыслей, целиком оправдывающих перевод его на русский язык. Перечислим иллюстративно некоторые из них: автор дополняет данную Марксом картину образования пролетариата новым историческим материалом, дифференцированно анализирует переход от одной ста-

дии к другой, выставляет аргумент в пользу того, что империализм не заинтересован в полной индустриализации колоний, дает схему социальной пирамиды раннего капитализма (рабочий, мастер, торговец, торговец сросшийся с феодализмом, а затем и промышленный капиталист), облачает преувеличение Каутским английской демократичности.

Исследователь ярко рисует картину борьбы внутри буржуазии отдельных групп против монополии только для того, чтобы присосаться к ней, он показывает также использование в этой борьбе буржуазией недовольства трудящихся масс.

Все эти и ряд других соображений, особенно в конце книги, где у автора нет даже малейшей попытки апологетики капитализма и где сквозит социальную оболочку у него пробивается более четкая и определенная категория класса, — окупает в значительной мере тот основной дефект, который сказывается в отсутствии диалектического материализма (не даром автор в вопросе диалектики вспоминает только Гегеля). М. Дobbу не мешало бы ознакомиться с теми работами, которые появились у нас после издания его книги (спор с Рубиним, заметки Ленина на полях бухаринской „экономики“), чтобы поставить на большую марксистскую высоту его дальнейшие работы. Авось они помогут ему подняться на более высокий уровень, для чего у него, повидимому, есть основания.

„Фабрично-заводская промышленность СССР“ (серия под общей редакцией М. Н. Смит). Выпуск V. „Основные капиталы ценовой промышленности“. Статист. изд-во ЦСУ СССР, 1929 г., стр. 51 + 89. Цена 1 р. 80 коп.

Рецензируемое издание представляет собою статистический сборник, посвященный изучению существеннейшего вопроса промышленности СССР — ее основных капиталов. В основу этого исследования положен материал текущего статистического учета (бланк Б) за 1925/26 г. Им даются: во-первых, стоимость основного капитала и жилых зданий на две даты: 1 октября 1925 и 1926 гг.; во-вторых, распределение основного капитала по его видам на обе даты; в третьих, динамика основного капитала за рассматриваемый год и, наконец, в-четвертых, распределение основных капиталов по социальным секторам и юридическим формам подчинения.

Табличному материалу, подробно освещающему весь круг перечисленных вопросов, предпосланы, с одной стороны, обстоятельная статья А. Д. Дмитриева, сумевшего в относительно небольшом очерке подытожить результаты всего исследования, а, с другой, — приложения, знакомящие читателя с техникой самого исследования и его табличными итогами. Тема исследования, его объем, круг охва-

Для советского читателя, привыкшего к непримиримости в принципиальных вопросах даже со своими друзьями, рецензируемая работа принесет еще и ту пользу, что всякий вдумчивый рубиновец, прочтя ее должен будет убедиться в том, что правильная точка зрения может быть лишь при классовом подходе, а классовый подход немалым без диалектического материализма, — поймет, что социальный аспект без материализма является выхолощенной формой без содержания, — скатыванием к идеализму.

Никакими разговорами о действительных и мнимых механистических ошибках противников не замажешь того обстоятельства, что классовая социология органически связана с диалектикой движения материальных производительных сил. Именно „голословно-социологическому“ подходу присущ механистический метод, поскольку такой воздушный „социолог“ витает только в мире диалектики идей и организационных форм, в которых обнаруживается социальное отношение, забывая объективно-данный, вечно-меняющийся и социально-обусловленный мир вещей; отсюда логически дорога только к Гегелю (без Маркса) или к организационной диалектике Богданова, т.-е. именно к схематизму к механичности, но отнюдь не к ленинизму.

М. П.

тываемых им вопросов, наконец его методология — делают рецензируемую работу фундаментальной книгой по промышленной статистике.

Рецензируемая работа является одною из первых не только в советской (или даже просто — русской) статистической литературе, но и в мировой, где бы задача учета основных промышленных капиталов была бы решена с такою методологической цельностью, какую мы здесь встречаем. Вообще ежегодный учет динамики основных капиталов (а именно такому учету кладет начало рецензируемое исследование) является задачей неразрешимой ни для одного из статистических органов капиталистических стран, даже в порядке периодических переписей она не может найти там своего разрешения. Может быть только одна голландская статистика дала пример подобного рода исследования; но и здесь продление этого опыта было разбито о сопротивление капиталистов.¹ Надо сказать, что

¹ См. по этому поводу Р. Меерварта — Политэкономия и экономическая статистика, изд-во „Экономическая Жизнь“, М. 1926 г. Гл. II.

сопротивление капиталистов „раскрытию“ их коммерческой тайны вообще является камнем преткновения, о который разбивались все попытки соответствующего рода. Но и там (как, например, в С.-А.С.Ш.), где агенты статорганов допускались к „святым святым“ капиталистов, к их бухгалтерским книгам, — и там собранные материалы ни в коей мере не могли дать представления о действительном объеме инвестированных в промышленность капиталов. Статистические сводки подобного рода данностей — это такая каша, что только лишь большим оптимизмом их авторов и малой требовательностью статистического потребителя можно объяснить то, что последний все же находит.

На пути правильного разрешения задачи учета промышленных капиталов перед нами ряд исключительных трудностей, главная из которых — организация единообразной системы их учета. Разрешение ее советской статистикой обусловлено подготовительной работой, произведенной ВСНХ.

Только благодаря предпринятой и организованной последним переоценке промышленных капиталов, произведенной по одному и тому же методу для всех промзаведений, — только на базе этой громадной предварительной работы могло быть произведено рецензируемое исследование.

Безусловной заслугой авторов исследования является точная формулировка понятия основного капитала и отграничение последнего от остального недвижимого имущества — преимущественно жилых зданий, учитываемых исследованием особо. Весь действующий основной капитал разбит по своему назначению в производстве на: 1) производственные здания и сооружения, 2) силовые установки, 3) производственные машины и оборудование, 4) инструменты, 5) инвентарь и 6) транспорт. Для каждого из этих видов капитала на обе указанные выше даты учитывается как полная их восстановительная стоимость (в современных ценах), так и стоимость с учетом износа.

Авторы исследования учитывают не только состояние капиталов, но и их движение, строя этот учет балансовым методом, т. е. определяя для каждого из видов основного капитала, с одной стороны, величину его амортизации и стоимость выбывшего и приведенного в негодность капитала, а, с другой — новое строительство и капитальный ремонт. Таким образом, авторы учитывают не только годовую динамику самих капиталов, но и те пути, по которым происходит его движение.

Несмотря на то, что отдельные тресты и промзаведения, представляющие примерно 30% всего основного капитала, не смогли дать оценки последнего по тре-

буемой форме, картина, получающаяся в результате исследования, не заставляет желать лучшего. Только очень требовательная критика могла бы предъявить претензии, да и то не в области объема и методологии учета, а в объеме разработки, ставя, например, в вину авторам отсутствие географии основных капиталов и т. д. О последнем обстоятельстве действительно следует пожалеть... Но в данном случае „лучшее было бы врагом хорошего“. Существенно, что пробита первая брешь, построена база, на почве которой могут развиваться дальнейшие исследования. Фундамент же, поскольку он представлен рецензируемой работой, заложен твердо.

Описанные выше характер и объем исследования в значительной мере уже раскрывают содержание его результатов.

Они представляют существенный интерес в обоих — статическом и динамическом — разрезах исследования.

Действующий основной капитал и имущество промышленности по полной восстановительной стоимости составляют на 11/X 1925 г. (округленно) 8.229 млн. руб. Эта сумма почти поровну распределяется между обоими разделами, а именно: 4.084 млн. руб. приходится на производство средств производства и 4.145 млн. руб. — на производство средств потребления. При этом четыре отрасли составляют значительно больше половины восстановительной стоимости всего основного капитала и имущества, инвестированных в промышленность: 12,3% приходится на производство машин, инструментов и аппаратов, 10,9% — на выплавку и обработку металлов, 18,3% — на производство топлива и энергии и 24,2% — на все производство текстильной отрасли. На химическую промышленность — производство проч. полубаффрикатов (химического происхождения) приходится ничтожная доля промышленных капиталов, всего 1,8%.

Существенный интерес представляет распределение основного капитала по его видам: 47,9% всего капитала приходится на производственные здания и сооружения, 16,1% — на силовые установки, 29,8% — на производственные машины и оборудование и т. д.

Заслуживает интереса также материал о распределении основного капитала по социальным секторам: достаточно указать, что на 1 октября 1925 г. 96,7% всего основного капитала сосредоточено в государственных учреждениях и что всего на обобщественный сектор приходится 98,5% действующих основных капиталов (на 1/X—26 г.—98,9%); при чем капитал частно-собственных предприятий составляет на соответствующие даты 0,3% и 0,1%.

Полная, однако же, картина в оценке основных капиталов раскрывается только при сопоставлении восстановительной стоимости со стоимостью с учетом износа.

Оказывается, что действительная стоимость основного капитала промышленности составляет всего 4.737 млн. руб. на 1/X—25 г. и 4.908 млн. руб. на соответствующую дату 1926 г., иначе говоря, на обе даты исследования основной капитал погашен на 34,4% его полной восстановительной стоимости. Примерно, такова же изношенность жилых зданий, оцениваемых по их стоимости с учетом износа в 658 млн. руб. на первую дату исследования и 701 млн. руб. — на вторую. Сильнее всего изношенность основного капитала в металлургии черных металлов — 48,1%, относительно благополучно — изношенность ниже среднего — обстоит в добывающей промышленности, в частности — в нефтедобыче, в текстильной и в др. Мы не можем подробно останавливаться на тех выводах, которые дает это сопоставление разных оценок стоимости основного капитала, но не приходится доказывать, что оно полно практического значения, ибо предопределяет потребность вложений для восстановления той или иной отрасли промышленности. В этом аспекте исключительный интерес представляет также учет изношенности отдельных видов промышленного капитала. Наиболее изношенным оказывается промышленный транспорт, силовые установки и оборудование, относительно благополучно обстоит с производственными зданиями и сооружениями и в наиболее благоприятных условиях находится состояние инструмента и инвентаря: изношенность последнего всего около 26%.

Как уже указывалось, исследование охватывает и те процессы, которые имели место в динамике основных капиталов в течение 1925/26 хоз. года. Один год — небольшой конечно отрезок времени, чтобы в основных капиталах могли произойти существенные изменения. Однако, учесть те направления, в которых последние происходят, можно и должно и за годовой период. Кроме того, с точки зрения практического интереса исследование годовой динамики может дать достаточно материала для корректирования действительного направления капитальных вложений.

В чем собственно задача подобного исследования? Проследить, в какой мере происходящие вложения, каким бы путем они ни протекали, покрывают текущий износ основного капитала. С этой задачей исследование справляется блестяще.

Общий итог вложений определяется им для действующих заведений в сумме (округленно) 880 млн. руб., из коих на один только основной капитал — 734 млн. руб. Однако, большая часть этой суммы пошла на покрытия, во-первых, текущего износа и, во-вторых, на пополнение вышедшего основного капитала. В результате, реальное изменение определяется суммой примерно 172 млн. руб., что составляет всего 3,6% прироста основного

капитала. В полном соответствии с направлением политики промышленного строительства наибольшая часть этих вложений приходится на производство средств производства, где основной капитал возрос на 7,3% при стабильном состоянии капиталов отраслей, производящих средства потребления.¹ Можно, таким образом, сказать, что весь прирост основных капиталов происходит за счет прироста его в производстве средств производства. Что же касается II раздела, то общая сумма вложений, имевших здесь место, еле-еле покрывает амортизацию основного капитала.

Следует отметить относительно более интенсивный рост остального имущества промышленности жилых зданий, а именно: на 9,5% (18,2% — в I разделе и 2,2% — во II разделе).

По отдельным отраслям наибольшие приросты показывают капиталы, вложенные в ряд мелких отраслей (производство прочих изделий из минералов — 66,4%, костеобжигательное — 64,4%, химическая обработка дерева — 50,9%, серебро-свинцово-рудные — 55,3% и др.), а из крупных обращает внимание прирост капиталов электростанций — на 80,4%, анилино-красочное и коксо-бензолное производство — на 22,3%, сел.-хоз. машиностроение — на 10,3% и т. д. Обращает на себя внимание также понижение капиталов, инвестированных в нефтедобычу — на 2,4% и в текстильную — на 2,1%, в частности, в хлопчатобумажную — на 2,6%. Любопытно, наконец, отметить направление вложений по видам капитала: наибольший прирост показывают капиталы, вложенные в инвентарь (10,1%), а затем в нисходящей степени следуют: инструмент (9,3%), транспорт (7,8%), силовые установки (6,8%), производственные здания и сооружения (3%) и производственные машины и оборудование (2,3%).

Нельзя в кратком изложении исчерпать всего того богатства материала, которое дано исследованием. Невозможно также полностью предвидеть практическое применение, которое оно может найти в работе органов, регулирующих и планирующих народное хозяйство. Одно только можно сказать: рецензируемая работа является лучшим свидетельством того, что десятилетние усилия советской статистики в постановке учета деятельности промзаведений не пропали зря.

Н. Михайлов.

¹ Необходимо указать, что, как во всякой большой работе, и здесь не обошлось без досадных ошибок. Так в статье А. Д. Дмитриева, в таблице 5, реальный прирост капиталов в отраслях, производящих средства потребления (с учетом износа), исчислен в 0,3, а в таблице 6, на следующей же странице, показывается уменьшение его на 0,1%. Аналогичные расхождения и по другим разделам этих таблиц. Сущность дела одна не меняют, и объясняются они повидимому неточностью исчислений в отношении тех заведений, которые показали вместе основной капитал и имущество, а все-таки жаль, что подобные неточности имеют место.

„Фабрично-заводская промышленность СССР“. (Серия под общей редакцией М. Н. Смит). Выпуск IV. „Энергификация труда и ее эффективность“. Статистич. изд-во ЦСУ СССР, 1929 г., стр. 104, цена 1 р. 50 к.

Как указано в подзаголовке рецензируемой работы, она является опытом „группировки по коэффициенту энергификации труда“. Опыт этот проделан по материалам сектора промышленной статистики ЦСУ по бланку Б текущего статистического учета.

Задача этой работы может быть формулирована следующим образом: 1) изучить, как влияет энергификация труда на его производительность; 2) установить экономическую эффективность той или иной степени энергификации труда.

Коэффициент энергификации исчислен, как отношение „лош.-сило-часов к человеко-часам“ (стр. 7).

Каков его экономический смысл?

Содержание этого показателя может быть раскрыто лишь в аспекте Марксовой категории—„производительная сила труда“. Показатель энергификации труда символизирует последнюю, во-первых, непосредственно, поскольку определяет, какое количество мертвого труда может быть приведено в движение единицей живой рабочей силы, и во-вторых косвенно, поскольку можно считать, что, при всех прочих равных условиях, более высокой энерговооруженности рабочего сопутствует более высокая его капиталовооруженность, т.-е. повышенный уровень органического строения капитала. Авторы исследования правы, когда указывают на новизну этой группировки и на вероятно большую ее эффективность в изучение экономики промышленности.

Объем исследования (почти вся ценовая промышленность), монографический его характер, соединенные с указанным выше аспектом заставляют читателя подойти к рецензируемой работе с исключительным вниманием и интересом.

Статистической и методологической новинкой в разработке материала является примененный авторами метод группировки. Они отказались от механического использования одних и тех же интервалов для разных отраслей промышленности или даже производств. Для каждого из выделенных производств они эмпирически установили наиболее эффективные интервалы, а затем уже количественно различные интервалы объединили в совокупные для всей промышленности и качественно однородные группы: низшую, среднюю и высшую группы по энергификации труда. Не приходится, конечно, доказывать экономической целесообразности подобной группировки. Необходимо только подчеркнуть статичность их природы во времени, а отчасти и в пространстве, поскольку может идти речь о международных индексах.

Первая таблица дает „процентное распределение основных элементов и ре-

зультатов производства между группами заведений различной степени энергификации“. Оказывается, что „высшая группа“, представленная всего 24% заведений, охватывает 48% всех рабочих, 63,8—66,6% мощности силового аппарата, 73,7% выработанной механической энергии, 53,1% валового оборота и 48,4% чистой продукции; в то же время 35,7% заведений низшей группы представляют всего 7,9—7,1% мощности силового аппарата, 19,8% рабочих, 14% валового оборота и т. д.

Подобного рода распределение основных элементов производства само по себе уже предопределяет и различный уровень производительности труда в группах разной энергификации.

В виду исключительного интереса, который представляют итоги работы в рассматриваемом вопросе, мы разрешим себе привести небольшую табличку, иллюстрирующую в сжатой форме влияние энергификации труда на его производительность, как она исчислена авторами работы.

НАИМЕНОВАНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ	Группы по энергификации труда		
	Низшая	Средняя	Высшая
1. Производительность труда по всей про- мышленности . . .	100,0	121,7	189,0
2. То же в пр-ве сред- пр-ва	100,0	126,6	149,9
3. То же в пр-ве сред- потреба	100,0	116,8	128,5
4. Заработная плата на 1 рабочего	100,0	106,2	110,6
5. Относительная цена рабочей силы	100,0	98,1	90,2

Выводы этой таблицы напрашиваются сами собой. Необходимо еще указать, что ее тенденции сохраняются без изменения почти для всех исследуемых отраслей. И безусловно, прав автор вводного обзора, указывая, что „коэффициент энергификации труда является одним из решающих факторов производительности его“ (22). Безусловно прав он также, когда следующим образом формулирует практические выводы этого исследования: „Повысить норму продуктивности труда рабочего и повысить при этом же оплату труда в абсолютном выражении, понижая ее в относительном,—эта важнейшая задача экономической политики может быть решена только при дифференцированном подходе к промышленным заведениям, только при таком планировании, которое свертывает мелкие заведения и напра-

вляет всю творческую энергию на создание мощных предприятий высокой энергификации труда и высокой экономической эффективности“ (стр. 20).

Анализируя строение продукции в различных группах по энергификации труда, автор правильно постулирует: „если с ростом энергификации труда растет и производительность труда, то, очевидно, должна падать доля заработной платы в издержках производства и расти затрата на потребляемые средства производства“ (стр. 11).

Какое отражение находит он в публикуемых материалах?

В общем и целом он находит в них свое подтверждение, но только „в общем и целом“, ибо применительно к отдельным отраслям производства он нарушается в отношении всех материальных издержек, примерно, в 60% в отношении заработной платы—в 40% и даже в отношении амортизации—в 45% всех случаев. Автор находит возможным объяснить это противоречие оговорками в роде того, что „мол,“ здесь в качестве искажающего фактора могут играть, конечно, роль и колебания цен на сырье“ (стр. 12), или более категорически—будто отступления вполне объясняются „колебаниями цен, условиями их регулирования и другими влияниями непроизводственного характера“ (стр. 18). В большинстве случаев автор просто обходит эти противоречия.

Ошибка автора, однако, заключается в том, что в качестве инструмента для исчисления производительности труда он взял „валовой оборот“, а не чистую продукцию“. Невозможно в рамках рецензии подробно остановиться на принципиальном различии этих двух методов исчисления производительности труда, и об условиях, когда можно ограничиться использованием только валового оборота. Отказываясь от исчисления производительности труда по чистой продукции, автор тем самым отказывается учесть возможное влияние всех отрицательных явлений, характерных для периода, к которому относятся материалы исследования: неудовлетворительная организация производства, нерациональное использование рабочей силы, оборудования, в частности, его неполная нагрузка, нерациональная постановка паро-силового хозяйства и т. д. Автор приводит ряд соображений, почему использование „валового оборота“ предпочтительнее валовой продукции—и здесь он прав,—но „чистую продукцию“, в качестве материала для исчисления производительности он просто игнорирует. Наоборот, все говорит за то, чтобы во главу угла анализа материалов поставить именно чистую продукцию. И только лишь для сравнения сущего (показателей производительности по чистой продукции) с возможным (по валовому обороту) следовало сопоставить эти два ряда показате-

телей.¹ Насколько существенно различие между этими двумя рядами, можно судить по такого рода данным: исчисленные в таблице 5 рецензируемого издания показатели производительности почти во всех без исключения производствах в средней по энергификации группе выше, чем в низшей, а в высшей группе больше, нежели в средней; индексы же производительности труда, исчисленные нами по табличному материалу того же исследования по чистой продукции, дают для средней группы энергификации в 17 производствах и для высшей—в 14 (из всех 39 производств) показатели производительности меньше, чем в низшей группе. В результате, совокупные показатели производительности, исчисленные по чистой продукции, сохраняя в общем ту же тенденцию, что и исчисленные по валовому обороту, дают существенно отличные от последних темпы:

Индексы производительности
труда по группам энергификации

Группы	Низшая	Средняя	Высшая
Вся промышленность	100	103	115
Пр-во средств. произв.	100	113,7	122
Пр-во средств. потреб.	100	95	112

Но зато эти показатели правильно учитывают все большее разнообразие факторов, определяющих уровень производительности, в какую бы сторону они не действовали. Вместе с тем, они находятся в полном соответствии с теми отступлениями от закона органического состава капитала, о которых было говорено выше. Тщательный анализ этих индексов, при использовании всего того богатства материала, который дает исследование, должно было показать, каковы же те причины, благодаря которым более высокая энергификация труда не дает зачастую необходимого эффекта, в частности того, который получается при использовании валового оборота. Вне всякого сомнения, эти причины того же самого порядка, какие в свое время выдвинули вопрос о борьбе за снижение себестоимости, о рационализации производства и т. д. Все эти проблемы были особенно заострены в период, к которому относится исследование 1925/26 г., на что авторы должны были обратить внимание.

В общем же рецензируемая работа имеет большое значение для дальнейшего исследования проблемы энергификации.

В. Львов.

¹ Ссылки на колебания цен сырья ничего не объясняют, ибо в пределах одного и того же производства они минимальны. Поскольку же отмеченные противоречия имеются применительно к отдельным производствам, они не устраняются этими ссылками.

„Сборник материалов по рационализации каменноугольной промышленности за границей“ под ред. Н. И. Левченко и Г. И. Гойхмана, с предисл. Г. И. Ломова; изд. Научно-Издат. Бюро Донугля, вып. I, 1929 г. тир. 2.000, стр. 190, ц. 1 р. 50 к.

Научно-издательское бюро Донугля внесло за несколько лет своей деятельности крупный вклад в нашу научно-горную техническую литературу в ее важнейшей — каменноугольной отрасли. Помимо весьма серьезного журнала „Уголь и Железо“, оно дает несколько специальных серий: горно-техническую, плано-экономическую, серию справочных изданий и ряд других книг по каменноугольному делу; в подавляющей части это — новинки производства, многие из них являются ценным вкладом в техническую науку добычи угля и удостоились заслуженной популярности, выразившейся в быстрой реализации большинства изданий.

Рецензируемый сборник представляет собою первый выпуск новой серии, посвященной пересдаче и освоению зарубежной техники и при том именно под углом зрения рационализации производства. Следует подчеркнуть обширность и разнообразие этой общей задачи рационализации каменноугольной промышленности. Пожалуй, ни в одной другой области технический прогресс не рождается с такими затруднениями или, по крайней мере, с такой медленностью темпов как в каменноугольной промышленности; несмотря на все успехи американской и зап. европейской каменноугольной промышленности, ей свойственна, на наш взгляд, некоторая своеобразная косность, вытекающая из естественной обстановки применения труда при эксплуатации месторождений угля. Чтобы произвести революцию в этом производстве, следовало бы или открыть совершенно новый основной технологический процесс (вместо „нарезки“, зарубки и отбойки угля), или, по крайней мере, разрешить задачу автоматизированной механизации производства. Есть некоторая ирония вещей в том, что каменноугольная промышленность, послужившая колыбелью паровой машины — основе техники XIX столетия — впоследствии отстала от большинства других производств, причину этого мы видим, главным образом, в естественной обстановке данного производства, глубоко влияющей и на технику, и на экономику добывающей промышленности; фабрично-заводские процессы, оперирующие с сырьем или полу-продуктом, открывают гораздо больший простор конструктивному творчеству в сторону автоматизации механизированных операций и подчинения рабочего машинной системе, чем в горном деле, оперирующем с недрами земли. Исключением является нефтяная отрасль, где жидкая природа минерала порождает своеобразную автоматизированную технику добычи; но применение машин в уголь-

ном забое, стесненное естественными условиями, пока еще не сумело устранить значительную роль мускульного усилия в данном производстве; машины, даже наиболее универсальные, остаются здесь как бы громоздким орудием „в руках“ человека, технический прогресс выливается в форму кооперации мускульных и механических усилий, а громоздкость машинного орудия обостряет вопрос о сотрудничестве различных категорий рабочих и, следовательно, об организации труда. Не удивительно, что каменноугольная промышленность все еще остается наиболее трудоемкой из всех, кажется, отраслей промышленности.

Далее — естественные условия залегания минералов приводят к своеобразным техническим формам основного капитала, высокому строению капитала и дорогому „холостому ходу“ предприятия, что делает последнее экономически очень чувствительным к нагрузке, и тем больше вообще, чем крупнее тип шахты и выше степень механизации.

В результате сказанного — трудно выбрать какое-нибудь одно основное „ведущее звено“ в деле рационализации каменноугольной промышленности. Вернее, можно отметить несколько таких ведущих моментов: в о-п-е-р-в-ы-х, конструктивный момент — правильный выбор типа шахты, ее мощности способа вскрытия и так называемой системы горных работ во-в-т-о-р-ы-х, увеличение нагрузки и вообще возможно полное использование всех элементов основного капитала; в т-р-е-т-ь-и-х, механизацию и энерговооружение (главным образом электрификацию); в ч-е-т-в-е-р-т-ы-х, наконец, как следствие высокой трудоемкости производства и специфических условий его, связанных с большими непроизводительными потерями рабочего времени и затруднительностью далеко идущей дифференциации труда, приобретает особое значение целесообразная организация труда в узком смысле слова, т. е. организация мускульных приемов, чередование операций, сочетание „свободной“ (т. е. не подчиненной машине) ручной работы с механизированными функциями, планирование людских кадров в пространстве и времени и т. п. Если в большинстве других производств рационализаторские мероприятия группируются, главным образом, вокруг изменения технологического процесса, то в каменноугольной промышленности часто именно НОТ приводит к значительным достижениям, и без существенных капитальных затрат, — в чем, к сожалению, еще мало продвинулась вперед советская каменноугольная промышленность.

Указанными четырьмя основными путями, разумеется, еще не исчерпываются возможные задачи рационализации.

Это основная характеристика „разносторонности“, затем, — различие естественных условий залегания каменного угля и его природных качеств, наконец, исторические условия капиталистического развития в разных странах — привели к чрезвычайно разнообразию зарубежной практики рационализации данного производства.

Сама идея подбора в специальном сборнике материалов по рационализации каменноугольной промышленности за границей — весьма благодарна и тем более полезна, что вполне свободное знание иностранных языков встречается у нас очень редко. Первый выпуск „материалов“ представляет собой ряд переводных статей в обработке наших специалистов (что ведет обычно к улучшению стиля изложения), иногда с редакционными замечаниями по поводу применимости для Донбасса описываемых технических методов. Материалы сборника сгруппированы в следующие разделы: 1) организация управления, 2) горные работы, 3) механизация, 4) теплосиловое хозяйство, 5) теплотехника, 6) энергетика, 7) вопросы безопасности, 8) вопросы коксования, 9) экономика горного дела, 10) горное оборудование, 11) статистика. Однако, как видим, здесь почти не представлен важнейший круг вопросов об организации труда, как такового, что, вероятно, будет восполнено в следующих выпусках. С другой стороны, кое-что в сборнике относится не к самому производству, а к технике сжигания каменного угля, и не только для собственного потребления каменноугольных предприятий, но, в виду связи между производством и потреблением продукции, вряд ли можно возражать против такого расширительного толкования основной темы. Несколько искусственно притянутыми к той же теме, но тем не менее ценными, мы считаем обзоры современного состояния каменноугольной промышленности других стран, помещенные в разделе „экономика горного дела“, а также „статистику“ — тем более, что основные гор-

ные журналы („Горный Журнал“, „Уголь и Железо“) почти не уделяют внимания экономике и статистике мировой горной промышленности.

Из технических тем, трактуемых в сборнике, отметим следующее: 1) краткое описание попыток определения давления горных пород опытным путем; этот почин в экспериментальной проверке абстрактных теорий давления, построенных в тех или иных условиях допущениях, чрезвычайно важен; 2) описание наблюдений над использованием давления горных пород для раздвигания угля; наличие этого фактора, повышающего производительность труда забойщика, известно давно, но в нашей практике нет достаточного умения в пользовании им; является существенно важным переходить здесь от интуиции и индивидуального опыта к зачаткам теоретического определения и конструирования. Раздел „механизация“, по нашему мнению, в следующих выпусках должен быть значительно развит и расширен; в выпуске I отметим в этой области дискуссию о возможной выгоде применения на круто-падающих пластах тяжелых врубовых машин вместо распространенной в Руре практики применения отбойных молотков; решение этого вопроса важно и для решения вопроса о типе энергетических рудников-пневматических или электрических; в этом вопросе у нас нет наследия прошлого, тем важнее для нас найти правильное практическое решение сейчас, в процессе быстрого насаждения механизации производства и решительной реконструкции его.

Сборник снабжен чертежами, рисунками и диаграммами и издан опрятно. Содержание его, может быть, слишком пестро, но и это вытекает отчасти из того разнообразия и богатства вопросов и объектов, какие кроются под общим термином рационализации данной промышленности. Последнее обстоятельство порождает большой интерес к следующим выпускам „материалов“. Почин же в этом деле надо во всяком случае приветствовать и признать удачным.

А. Сегаль.

„Предприятие“. Ежемесячный производственно-экономический и технический журнал. Изд. газеты „Правда“ №№ 1—9 за 1929 г.

Журнал „Предприятие“ посвящен преимущественно двум отраслям промышленности: металлургической и текстильной. Из числа более двухсот статей, помещенных в девяти номерах, вышедших за 1929 г., другим отраслям уделено самое незначительное место. Освещаются ли вопросы технического нормирования, применения графиков, как метода планирования, оборачиваемость капитала, паспортизация станков — все имеет своей канвой металл

и текстиль: они заполняют все разделы журнала, образуют основной костяк его содержания.

Корреспонденции о заводах Германии и Америки, отчеты о зарубежных командировках наших инженеров — говорят о том же — о сборочно-монтажных цехах, о паровозном котлостроении, о прокатке проволоки и т. п.

Авторами ряда статей являются работники предприятий, преимущественно его

инженерный состав, таковы, например, статьи-корреспонденции из Ленинграда, Красного Сормова, Николаева, Н.-Новгорода и других промышленных центров. Этот момент придает статьям характер своеобразной живости и конкретности. Изредка поступающие в редакцию запросы с мест — от рабочих и заводоуправлений — вносят струю оперативной злободневности.

Статьи написаны точным, ясным языком, обычно снабжены хорошо выполненными чертежами и графиками. Часто приводимые схемы, таблицы, карточки, как полезные „приспособления“, „орудия“, могут быть использованы в любом предприятии, занятом разрешением аналогичного вопроса.

По ряду вопросов авторами приводится соответствующий перечень литературы, преимущественно иностранной.

На какой круг читателей рассчитан журнал? В основном, на высококвалифицированного, инженерно-образованного читателя; на технический актив промышленных предприятий. Для понимания громадного числа статей знание обычного круга инженерных дисциплин — механики, графостатики, кинематики механизмов, технического черчения, технологии металлов и т. д., — представляется совершенно неизбежным.

Отдельные статьи, такие, как например, „Кинематический и конструктивный расчет вальняной гребенки к кардочесальной машине“ (инженер Терюшнова и Сивякова в № 5), носят ярко выраженный изыскательный характер, доступный только высококвалифицированному читателю.

Ссылки в отдельных статьях на иностранную литературу еще более оттеняют тот тип читателя, на которого журнал ориентируется.

Журнал обслуживает, таким образом, интересы верхушечной, выше-средней части заводского технического персонала и металлостроителей и текстильщиков.

Журнал уделяет много внимания западно-европейской технике: серия статей-корреспонденций из-за границы — из Берлина, Льежа, Брюсселя и др. городов — дает описание работ отдельных заводов. В журнале имеется ряд переводов из иностранных журналов: „Maschinenbau“, „La machine moderne“, „American Machinist“, что опять-таки подчеркивает преимущественно металлургический, металлопромышленный „уклон“ журнала.

Весьма содержательны статьи (№№ 3, 4, 5, 6), посвященные последней — 1929 г. — выставке станков в Лейпциге. Особо интересным является описание новинки — стандартного токарного станка. Автор сообщения, инженер Аврутин, отмечает оригинальную, непривычную для германского станкостроения, организационную особенность: станок явился результатом опыта и конструктивных достижений четырех германских заводов, которые в по-

рядке сотрудничества, выработали новый тип станка. Автор сообщения справедливо заключает: „для нас, советских техников, появление подобного станка должно показать пути развития нашего станкостроения, ибо в наших условиях кооперирования работы ряда станкостроительных заводов, изготовление стандартной конструкции диктуется положением“.

Здесь же приводится и чрезвычайно интересное сообщение о новом хлопчатобумажном кольцевом ватере (фирмы Гартман в Хемнице), снабженном приборами большой вытяжки, благодаря чему может быть достигнуто „упрощенное приращение“, когда хлопок минует ленточную машину и все три банкаброса.

Посещение таких выставок работниками плановых органов несомненно содействовало бы улучшению плановых проектировок на важнейшем участке — на фронте новейших технических достижений.

Этому же вопросу посвящены также и специальные статьи инженера Фришфельда (№ 3), Н. Свешникова (№ 6) и др.

С точки зрения интересов быстрого освоения наиболее плодотворных и оригинальных достижений иностранной техники, такая информация представляется существенно важной, и не только для техников, производственников, но не в меньшей мере это важно знать плановым работникам, тем, кто занят общими вопросами технической реконструкции, кто будет проектировать основные установки генерального плана: несомненно, в последнем должен быть приведен перечень тех наиболее продуктивных орудий производства, которыми в период генплана должна располагать страна и которые должны обеспечить высокий уровень производительности труда.

Журнал живо откликается на те производственные методы, которые характерны для новейших тенденций в технике и которые пока не получили достаточно широкого применения в нашем хозяйстве. Так, например, значительный интерес представляет группа статей инж. Огиевского по автогенному делу (№№ 1, 3, 4, 5, 7), по применению сварки для соединения труб, по вытеснению клепаных металлических конструкций. Поскольку метод этот может найти широкое применение в строительстве, в производстве химической аппаратуры, для нефтяного дела, для электро- и авиа-промышленности, приводят к значительной экономии в расходовании материала (сварочные конструкции по весу дают экономии, примерно, порядка 20 — 35% от соответствующего веса клепаных), и предохраняя от утечки газов в нефтепроводах и газовых сетях, постольку он справедливо должен привлечь внимание широких технических кругов в частности, и в особенности тех, кто занят проектированием и экспертизой

капитального строительства, так как сварка приводит к упрощению работы конструкторских бюро. Отметим сокращенное изложение проф. Наумовым (№ 3) статьи из журнала „Power“ об электрификации С.-А. С. Ш., где сжато, в особо наглядной форме, показано победоносное включение электромотора в систему двигателей, обслуживающих промышленность.

Заслуживают особого внимания статьи по электролакировке и электронаращиванию, как методом, ведущим к сбережению изделий и борьбе с поржавлением. Перечень этих и других аналогичных методов, в случае их организационной применимости, доказанности их экономической эффективности, должен послужить опорой для разработки самой полнотехнической реконструкции, подсказать систему необходимых плановых мероприятий.

Вопросам технического нормирования, имеющим большое оперативное значение, уделяется много внимания: они рассматриваются там как в разрезе общих принципиальных установок, так и применительно к отдельным областям производства. И эта работа идет опять-таки преимущественно по линии металла и текстиля. Обстоятельные тезисы Я. М. Пунского, легшие в основу работ сессии по техническому нормированию, ставят задачу по выработке норм, как сложную организационно-техническую задачу, требующую для своего разрешения постановки изыскательной работы лабораторного характера. В других статьях по тому же вопросу, например, инж. Балакшина (№ 2) дана попытка осветить эти вопросы под углом зрения практической приложимости этого метода.

Проблеме кадров журнал отводит относительно мало места. Содержательная статья Л. Хвостовского (№ 3) дает описание общехозяйственных бытовых условий работы технического персонала и приводит числовую его характеристику в союзной промышленности.

Весьма актуальна и содержательна статья М. Фирина (№ 3) о характере и методах использования иностранных специалистов. Но и здесь, как во многом другом связанном с более эффективным освоением опыта заграничной, проблема планового использования даже не поставлена. Привлечение специалистов идет больше в порядке низовой инициативы предприятий, трестов, отдельных строительных, усилиями того или иного ведомства; нет тщательного продумывания того, как можно было бы использовать наши, все же ограниченные возможности, в целях планового, и тем самым более продуктивного использования иностранных специалистов; в каких отраслях, привлечение иностранной помощи является более срочным, обещает большую продуктивность, как организовать передачу этого опыта из одного предприятия в дру-

гое, как обеспечить освоение этого опыта нашими техниками и т. д. — все это под углом зрения планового режима производства не ставится.

Вопросу о рационализации промышленных предприятий посвящен ряд статей, относящихся как к организационной стороне дела (бюро при заводах, трестах и т. д.), так и к самому содержанию работ по существу.

Приведен, например, довольно подробный перечень рационализаторских мероприятий по Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуре, по фабрике Шелкотреста „Красная Роза“, „Освобожденному Труду“ и другим. В ряде случаев показаны экономические эффекты рационализации, выявившиеся, например, в уменьшении удельных расходов сырья; экономия частично подсчитана и в рублях. Определение эффективности имеет особо актуальное значение, и следует сожалеть, что методы подсчета далеко не всегда показаны.

Через все статьи, однако, красной нитью проходит идея необходимости строгого планового проведения рационализаторских мероприятий.

К сожалению, почти во всех статьях этого важнейшего участка методология планирования отсутствует. Дается освещение организационным предпосылкам рационализации, уделяется место трениям между отдельными группами работников, фиксируется внимание на необходимости обследований, единстве руководства, на многом — на всем, кроме методологии.

Как действительно подступиться к вопросу о методе и плане? Здесь не место, хотя бы в самом кратком виде, его разрешать: укажем лишь на то, что средством планирования рационализации является глубокая аналитическая работа, которую необходимо предварительно проделать по отношению к каждому из применяемых рационализаторских методов.

Указания на обобщающую силу такого анализа мы встречаем лишь в отдельных статьях. Так, например, в статье И. Дегтярева (№ 6) „Система наблюдения за степенью использования оборудования“ приведено обобщающее наблюдение большого значения: „На основании практики заводов, на которых установлена правильная и точная система учета потерь, можно установить, что если принять все потери за 100%, то 60% падает на простои из-за неполадок в транспортировании материалов к станкам, 28% — из-за несвоевременной заготовки инструментов и приспособлений, остальные же 12% падают на 8 различных других причин“. Таким анализом поддается основное, наиболее эффективное по результатам, направление рационализаторских усилий, в данном случае это по линии важнейшего очага потерь — внутри заводского транспорта. Вопрос о самой очередности мероприятий отборе

приемов, вплотную подводит к элементам плана.

Такие статьи обще-методологического значения встречаются изредка; к ним следует отнести чрезвычайно интересную переводную статью проф. Иогансона (№ 4) из журнала „Textile Rationalisierungsfragen“ о „переменных факторах“ сырья и производства, т. е. о тех особенностях сырья или режима работы, которые оказывают решающее влияние на ход и результаты производственного процесса.

Вопросу о планировании самих производственных процессов на предприятиях посвящено несколько статей, базирующихся преимущественно на графических методах.

Вопросу о столь плодотворном рационализаторском методе, как стандартизация, в журнале уделено относительно очень мало места. Отметим более значительные статьи Тапицера (№ 2) и Белиц-Геймана, (№ 5), которые выдвигают ряд принципиальных положений, в том числе такой большой важности, как план стандартизации и его связь с перспективным пятилетним планом.

Умелой компановкой статей, относящихся к одному и тому же рационализаторскому методу, например, утилизации отбросов, как она производится в различных отраслях производства, удалось бы, несмотря на все их отличие в конкретных объектах, подчеркнуть совпадающие приемы.

Повидимому, кристаллизационный центр по постановке работ такого аналитического порядка намечается в проекте создания института организации производства, схематически сформулированном в статье инж. Л. Барташова (9).

Если вопросы технической рационализации предприятий по отдельным отраслям все же представлены, то более общие вопросы организационно-технического характера, вопросы специализации производства, кооперирования предприятий, сферы взаимоотношений между предприятием и трестом — все это представлено в журнале в недостаточной степени.

Отметим статью т. Горлова-Горле (№ 1) „К кооперированию производства“, ставящего этот вопрос в прямую связь с проблемой специализации заводов. Особо должна быть отмечена статья т. Туровского (№ 3) о снабжении промышленности, где вопрос этот взят в аспекте большой организационно-технической проблемы.

Заслуживает особого внимания систематическая информация о работе клуба им. Дзержинского, его сектора рационализации, в особенности его комиссии по изучению потерь производства. Судя по журнальным заметкам т. Паздзерского (№ 6), своеобразное течение по борьбе с потерями, получившее, начиная с 1921 г. после организации Комитета Гувера особое развитие в Америке — теперь находит своеобразный отклик у нас — в хозяй-

ственно-инженерных кругах. Работа по борьбе с потерями идет в клубе также применительно к металлической и текстильной промышленности, хотя ею затронуты отчасти и другие отрасли производства.

С известным удовлетворением следует отметить, что сам термин „борьба с потерями“ начинает получать широкое право гражданства; он фигурирует не только в докладах клуба, но и в ряде статей, и не только применительно к производству, но и в сфере учрежденческой практики (статья Шахназарова № 9). Новое движение всегда целесообразно закреплять новым термином, как об этом писал уже такой крупный деятель, как Ратенау. Это действует организующе.

Информация констатирует на предприятиях значительный интерес к вопросу о методике изучения и устранения потерь, но отсюда пишут, что „нет умения взяться за это дело по-настоящему“.

Вопрос о плановой разработке этого интереснейшего круга вопросов, разрешение которых обещает стране сотни миллионов рублей экономии, теперь включен в план работ союзного Госплана. Следует думать, что под руководством Госплана движение это приобретет необходимый размах и будет содействовать включению в оперативную практику хозяйства неисчерпаемых богатств того, что следует называть „фондом неиспользованных ресурсов“.

Название журнала „Предприятие“ — шире, общее своего содержания; объективно он занимает как бы промежуточное положение между специально отраслевым журналом и таким, который мог бы обслуживать общие интересы промышленного предприятия, безотносительно к специальным особенностям той или иной отрасли. Такой тип журнала, повидимому, еще не кристаллизовался, но сюда, в этом направлении „Предприятие“ могло бы, несомненно, тяготеть. Искусство компановки журнала такого типа должно заключаться в том, чтобы сделать его равно интересным, важным и нужным для решающего круга отраслей, обслуживать более или менее однородный круг читателей. На самом же деле — этого пока нет.

Судя по статьям, журнал охватывает преимущественно интересы промышленности в центральной части РСФСР, точнее — район, примыкающий к Москве. Многостороннее строительство, протекающее в различных районах и республиках, развертывающих свое хозяйство при самых различных условиях, в журнале не находит своего отражения.

Огромный цикл работ по реконструкции ряда крупнейших заводов, например, южной металлургии, не находит своего отклика на страницах журнала. Текущая реконструктивная жизнь со всеми ее вза-

тами, трудностями и их преодолением не попадает на страницы журнала.

Связь между ведущими органами реконструктивными работами и органами, осуществляющими проектирование, экспертизу, организующими соответствующие научно-исследовательские работы — в журнале совсем не раскрыта.

Предприятие берется так, как оно есть, в его сложившейся оперативной практике, в его повседневной работе, но не в его созидании, перестройке. Пульс этой творимой созидательной работы прощупывается с трудом: он не бьется в униссон со стремительными темпами нашего строительства.

Журнал мог бы приобрести характер всесоюзного центра по быстрому отобра-

жению наиболее актуальных задач, связанных с функционированием и строительством промпредприятий, выдвигать, решать и ставить наиболее актуальные вопросы, быть рупором, организатором его наиболее жгучих, неотложных нужд.

Изложенное выше — специализация журнала на металле и текстиле, неоднородный тип статей, рассчитанных на различный круг читателей, и ряд других показателей, отмеченных выше, свидетельствует о том, что у журнала отсутствует собственный, строго продуманный производственный план. Нет твердой, четкой установки, не разработаны свои „контрольные цифры“.

И. Кан.

„Хозяйство Башкирии“ — Е ж е м е с я ч н ы й журнал, издание Госплана Башкирской АССР. № 1—6/7 за 1929 г.

Начавший выходить с 1928 г. печатный орган Башгосплана „Хозяйство Башкирии“ нельзя не приветствовать, как результат хозяйственного и культурного роста автономной республики, кстати сказать, одной из немногих оставшейся самостоятельным экономическим районом после законченного районирования. Вместе с тем, мы должны отметить ряд дефектов журнала, для того чтобы помочь ему в дальнейшем подняться на высоту основных провинциальных экономических журналов.

Прежде всего надо отметить, что „Хозяйство Башкирии“ не оформился еще, как экономический печатный орган. В нем на ряду со статьями о промышленности и сельском хозяйстве можно встретить, например, такие статьи, как: „О слепых в БАССР“, „Результаты исследования групп крови у народностей БАССР“, „Отчет южного геоботанического отряда“ и т. п. и т. д.

Мы остановимся главным образом на разборе экономической части журнала, не избегая, конечно, общей характеристики его.

Современное состояние сельского хозяйства и его перспективы обрисованы в статье А. А. Шмелева — „Сельское хозяйство Башреспублики“ (№ 2—3). В 1917—1922 гг. сельское хозяйство понесло тяжелые утраты. В 1922 г. в Башкирии насчитывалось всего 2,296 тыс. человек населения вместо 3,113 тыс. в 1917 г.; посевная площадь с 3,147 тыс. га в 1927 г. снизилась до 1,145 тыс. га в 1922 г. (на 53,9%). Нужно было много энергии и средств для того, чтобы выйти из создавшегося положения. В 1928 г. посевная площадь достигла 2,575 тыс. га или 81,8% от 1917 г., при чем зерновые культуры несколько отстают от общего роста (78,6%). Перспективный план намечает рост площади в 1932 г. до

3,204 тыс. га, что дает некоторое превышение против 1917 г.

Довольно подробно обрисовав состояние и перспективы сельского хозяйства, автор очень мало остановился на развитии обобщенного сектора, отметив лишь, что планом намечается к 1932 г. охват до 10% крестьянских хозяйств колхозами. Нельзя признать такую намечку удовлетворительной. Вообще надо пожелать журналу более подробно осветить колхозное движение республики.

В том же номере помещена статья Б. Сах а у т д и н о в а „Поднятие урожайности и основные задачи весенней сел.хоз. кампании“. Автор подробно останавливается на возможностях поднятия урожайности, правильно ориентируясь в этом вопросе на решения правительства, и намечает ряд практических мероприятий по проведению весенней кампании.

Вопросам сельского хозяйства вообще журнал уделяет достаточное внимание. Помимо статей, освещающих состояние и очередные задачи в этой области, в журнале напечатан ряд статей с агрономическим уклоном. Из них надо отметить статью П. А. Скоробогатова „Влияние времени уборки хлебов на урожай и качество зерна“, в которой автор дает интересные данные, характеризующие большие потери зерна при запаздывании уборки урожая. Кроме того, надо отметить статью А. Богоявленского „Головня хлебов и ее хозяйственное значение“. Такого же порядка напечатано еще несколько работ. Не отрицая ценности указанных статей, их следует признать недостаточными для освещения всех сторон экономики сельского хозяйства.

Остановимся на наиболее слабом месте в подборе материала по сельскому хозяйству.

В № 1 помещена большая статья И. Л. Орлова „Сельскохозяйственные районы БАССР“, в которой автор дает характеристику районов республики на основании данных переписи 1917 г. Несмотря на то, что статья характеризует районы только по типам и структуре сельского хозяйства, не освещая социального вопроса — ее, все же нельзя признать работой, которую нужно было бы помещать в таком виде в журнале. В примечании к вступлению статьи говорится, что к напечатанию данной работы вынудил постоянный спрос со стороны учреждений на картограммы по сел.-хоз. районированию. Но все-таки нельзя же в 1929 г., через 12 лет после Октябрьской революции, печатать статью, построенную на материалах только 1917 г. В виду коренных изменений в классовой структуре сельского хозяйства и благодаря тому, что за эти 12 лет сельское хозяйство вообще пережило большие изменения — базироваться на данных одного только 1917 г. нельзя.

Статья имела бы гораздо больший интерес, если бы она была построена не только на материалах 1917 г., но и на основании данных последних лет. В настоящем же виде она представляет главным образом исторический интерес и ее данные во всяком случае нельзя брать за основу для плановых построений. Кроме того, для журнала такая огромная статья с большим количеством таблиц малопримемла — ее прочтет очень узкий круг специалистов, работающих над данным вопросом.

В №№ 4—5 и 6—7 напечатана работа П. М. Иванова и Р. А. Гептнера „Животноводство горно-лесного района БАССР“, занимающая 82 страницы. Эта работа, явившаяся результатом обследования района специальной экспедицией, содержит в себе подробную характеристику животноводства по отдельным группам и типам скота, при чем в статье приводятся мельчайшие подробности морфологических признаков животных. В статье приведено огромное количество данных о глубине груди, длине головы и т. п. признаках обследованных животных. Эти данные приведены в различных вариациях — диаграммах, таблицах, алгебраических формулах и т. д.

Указанная работа является узко специальной работой, освещающей работу экспедиции и в таком виде ее нельзя было помещать в журнале.

В четырех книгах журнала есть еще несколько статей подобного рода. Редакция журнала надо тщательнее подбирать материал и не печатать статьи в таком неудовлетворительном виде, памятуя, что „Хозяйство Башкирии“ должно издаваться не только для узких нужд нескольких учреждений республики, но и для приобщения к хозяйственной жизни широких слоев советской общественности.

Характеристике промышленности и ее развитию посвящены две статьи Б. Ельшанского „Основные линии промышленного развития БАССР“ (№ 2—3) и Е. С. Первина „Основные задачи башкирской областной промышленности“ (№ 4—5). Первая статья освещает всю промышленность, находящуюся на территории Башреспублики, давшую в 1927/28 г. валовой продукции на 35 млн. рубл. в довоенных ценах или 101% от 1913 г., и намечает пути развития промышленного хозяйства независимо от его организационных форм. Автор анализирует все сырьевые ресурсы республики и правильно приходит к выводу о необходимости реконструкции существующих предприятий и строительства новых, но не дает цифровых перспективных наметок развития промышленности.

Вторая статья охватывает промышленность областного значения, имеющую незначительный удельный вес во всем хозяйстве Башкирии (14 млн. руб. валовой продукции). Автор детально останавливается на всех недостатках работы в этой области и также детально намечает пути развития отдельных отраслей промышленности в предстоящем году.

Из серии экономических статей следует отметить статьи А. Юмагулина в № 2—3, посвященные Уфа-Оренбургской железной дороге, в которых автор отстаивает необходимость осуществления Бугульчанского варианта дороги и описывает все преимущества его перед Сухайлинским вариантом.

Ф. Захаров и А. Шмелев в № 4—5 дает экономическое обоснование дороги.

Как известно, правительство СССР уже включило в план строительства постройки указанной дороги и в 1929/30 г. будет приступлено к осуществлению этого строительства.

А. Ф. Курбатов в статье „К вопросу о нефти в БАССР“ (№ 4—5) приводит данные о наличии залежей нефти на территории Башреспублики и совершенно правильно отстаивает необходимость проведения разведывательных работ глубокого бурения.

П. Безруков в статье „Организационная проблема лесного хозяйства БАССР“ (№ 4—5) предлагает изъять лесное хозяйство из ведения Наркомзема, создать специальное управление лесным хозяйством, а затем объединить лесную промышленность с лесным хозяйством в один трест „Башлес“.

В противовес данной статье, в № 6—7 М. Волков в своей небольшой статье предлагает выделить для промышленности определенные участки леса, не лишая органы Наркомзема функций по управлению лесным хозяйством.

Этим спорным вопросам был положен конец известным постановлением прави-

тельства СССР по обеспечению лесной промышленности сырьем.

В каждой книге журнала помещается специальный отдел, освещающий основные решения правительства БАССР. Кроме того, отводится место для хроники, но этот отдел представлен очень слабо. Точно так же слабо представлен отдел „С мест“ — в нем за все время напечатано всего три небольших статейки.

В двух книгах помещен отдел библиографии, в котором два отзвуха посвящены книгам о хозяйстве БАССР, а четыре книгам, не имеющим прямого отношения к Башреспублике.

Семь номеров журнала уложены в четырех об'емистых (до 20 печ. листов) книгах, при чем, как мы уже указывали, некоторые статьи достигают до 5—6 печ. листов. Вместе с тем ряд насущных проблем хозяйства и экономической политики не получил освещения на страницах журнала. Так, в журнале нет кроме статьи Шмелева статей по пятилетке. Не освещены социальные вопросы сельского хозяйства. Не напечатано ни одной заметки о роли частного капитала в хозяйстве БАССР. Не освещена роль кустарной промышленности, финансового хозяйства и т. д. и т. п. Общее впечатление — „деляческое“.

Журналу необходимо учесть все эти недостатки и изжить их в ближайший период. Кроме того, необходимо отказаться от печатания длинных статей и добиться ежемесячного выпуска журнала. Лучше довести общий размер книги до 10 печатных листов и помещать в них статьи размером 5—8—12 стр., чем выпускать толстые томы с необработанным статистическим материалом.

Надо также больше освещать местную хозяйственную жизнь и заострить внимание читателя на социально-экономических директивах партии в области социалистического строительства и реконструкции.

В. Носов.

Энергификация труда и ее экономическая эффективность¹

Вышедшая в текущем (1929 г.) году работа промышленного сектора ЦСУ — «Энергификация труда и ее экономическая эффективность»² является исключительным примером углубленной и тщательной статистической проработки одного из основных вопросов экономики промышленности. Руководительница этой работы и автор вводного к ней обзора М. Н. Смит безусловно права, когда подчеркивает новизну группировки промышленных заведений по коэффициенту энергификации труда,³ ее плодотворность и назревшую необходимость в массовом и углубленном изучении происходящих в промышленности процессов.

Признак «энергификации труда», положенный авторами в основу исследования, безусловно является одним из лучших качественных показателей общественной производительной силы труда. В том, что это действительно так можно убедиться из данных таблицы 1 (см. стр. 272):

Помимо прекрасного материала для суждения о концентрации промышленности по группам различной энергификации, таблица совершенно недвусмысленно показывает, что каждая группа качественно разнится от другой: заведения более высокой энергификации труда являются в то же время заведениями более высокой производительной силы. Именно поэтому, исследование экономической эффективности произведений в аспекте энергификации труда представляет актуальный общественный интерес.

В качестве мерила экономической эффективности авторы принимают изменения производительности труда от одной группы заведений (группировка по признаку энергификации труда) к другой. Несмотря на то, что производительность труда не является единственным показателем экономической эффективности, такая постановка вопроса вряд ли может вызвать какие-либо возражения. Последние появляются лишь с того момента, когда авторы от вопросов методологии статистического исследования переходят к анализу его результатов.

Основная ошибка авторов заключается в неправильном исчислении производительности труда. При той задаче, которую ставит перед собою исследование, ошибка в этом пункте способна извратить всю его перспективу. Так в сущности оно и есть.

В чем содержание и сложность задачи?

¹ В критической части настоящей работы автор более силен, чем в положительной, но выдвинутая им тема во всяком случае заслуживает обсуждения. *Ред.*

² Вып. IV серии — «Фабрично-заводская промышленность», изд. под редакцией М. Н. Смита. Стат. изд. ЦСУ СССР М. 1929 г. В основу исследования положены материалы бланка Б за 1925/26 г.

³ «Коэффициент энергификации труда» представляет собой удельный расход энергии, потребленной в производстве на 1 человеко-час, отработанный производственными рабочими. (Стр. 27 указанного издания.)

Процентное распределение основных элементов и результатов производства между группами заведений различной энергификации¹

Группы заведений по коэффициенту фактической энергификации труда	Число действующих заведений	Показатели мощности силового аппарата (лош. сил)		Выработка и потребление энергии (в тыс. лош. сил-часов)		Среднее число рабочих	Чел.-часов всех рабочих	Валовой оборот	Чистая продукция	В т. ч. зарплата с начислениями и накладными расходами
		Общая мощность	Мощность двигателей обслуж. живующ. машин.	Выработка механич. энергии	Потребление энергии на производств. цели					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Вся промышленность										
Низшая группа	35,7	7,9	7,1	4,0	4,1	19,8	18,5	14,0	17,7	18,9
Средняя "	40,3	28,3	26,3	22,3	23,4	32,2	30,9	32,9	33,9	30,8
Высшая "	24,0	63,8	66,6	73,7	72,5	48,0	50,6	53,1	48,4	50,3
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Производство средств производства										
Низшая группа	43,9	7,2	6,4	3,1	3,2	24,1	21,4	14,7	20,6	20,8
Средняя "	37,2	25,5	23,3	15,4	16,4	31,9	30,6	27,4	33,0	30,6
Высшая "	18,9	67,3	70,3	81,5	81,4	44,0	48,0	57,9	46,4	48,6
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Производство средств потребителя										
Низшая группа	31,0	8,7	8,3	5,0	5,1	15,9	15,8	13,5	15,7	16,8
Средняя "	42,0	32,3	31,0	30,5	31,1	32,5	31,1	36,1	34,5	31,0
Высшая "	27,0	59,0	60,7	64,5	63,8	51,1	53,1	50,4	49,8	52,2
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Выдержка из таблицы 6 цитируемой работы.

Пожалуй ненужным трюизмом является утверждение, что с ростом энергификации труда растет и его производительность. История промышленного развития есть, в общем и целом, в то же время и история роста производительности труда посредством его энергификации. Если бы работа преследовала доказательство только этой мысли, она была бы пожалуй не столь актуальной, хотя и тогда представляла бы прекрасную иллюстрацию к промышленной истории.

Важно не это, или, во всяком случае, не только это представляет интерес. Важно и существенно изучение тех конкретных форм, в которых протекает этот процесс. Ибо, если вообще-то экономическая эффективность энергификации вне всякого сомнения, то в критические периоды промышленного развития, в частности, во время реорганизации промышленного производства подчас предстоит еще упорная борьба за достижение необходимого и ожидаемого экономического эффекта. Вся совокупность предлагаемого материала говорит, что период, к которому относится исследование, для целого ряда отраслей и был именно такой критической точкой. Этого не заметили авторы исследования.

В таблице 2 (см. стр. 274) даются основные итоги исследования в том виде, как они приведены самими авторами.¹

Если бы приведенные показатели действительно характеризовали изменения производительности труда, то все было бы в норме: можно было бы сказать, что уже в 1925/26 г. советская промышленность преодолела «болезни роста», и не только в теории, но и на практике уже вкусила преимуществ высокого уровня техники и энергификации. К сожалению, это не совсем так. Приведенные показатели изображают дело несколько более оптимистически, чем это в действительности имело место.²

Изучение производительности труда вообще-то является одной из сложнейших проблем экономической статистики. В том же аспекте, в котором ведется все исследование, соответствующие трудности концентрируются с исключительной силой.

Основной, почти непреодолимый во всех динамических исследованиях производительности дефект заключается в том, что результат производства — продукцию — воплощающий в себе как живой, так и мертвый труд, соотносят лишь с живым трудом.

Всякий процесс труда имеет дело с определенной совокупностью средств производства (орудия, сырье, топливо и т. д.).

«Простым количественным присоединением (к средствам производства — В. А.) труда присоединяется новая стоимость вследствие же особого (конкретного — В. А.) характера присоединяемого труда старые стоимости средств производства сохраняются в продукте. Это двухстороннее действие одного и того же труда, как следствие двойственного характера последнего, обнаруживается в различных явлениях».³

¹ См. таблицу 5 в работе „Энергификация труда и ее экономическая эффективность“. — „Производительность труда и факторы ее определяющие“. Нами взяты лишь наиболее существенные из приведенных там показателей.

² Необходимо отметить, что те показатели производительности, которые в качестве иллюстрации приводит в своем вступительном обзоре М. Н. Смит, еще более эффективны, нежели приведенные нами (см. стр. 21 книги). Последнее обстоятельство объясняется тем, что там даны индексы, исчисленные лишь применительно к рабочим производственных цехов; в виду того, что удельный вес последних резко падает по мере роста энергификации, понятно, что индексы производительности столь же резко регистрируют повышение. Какими бы причинами не объяснять падение удельного веса производственных цехов, в том разрезе, в котором ведется все исследование, индексы производительности одних только производственных рабочих ничего не характеризуют. Если же права М. Н. Смита, что падение удельного веса производственных рабочих — явление, присущее повышенному уровню энергификации, — тем более не нужны эти показатели.

³ К. Маркс — „Капитал“, т. I. Изд. ГИЗ. 1920 г. Стр. 178.

Таблица 2

Индексы производительности труда (по валов. обороту), заработной платы и относительной цены рабочей силы (в валов. обороте) по группам энергификации труда
(Показатели низшей группы всюду приняты равными 100)

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	И н д е к с ы					
	Производи- тельность труда		Часовой заработной платы		Относитель- ной цены рабочей силы	
	Средняя	Высшая	Средняя	Высшая	Средняя	Высшая
1	2	3	4	5	6	7
Вся промышленность	122	139	106	111	93	90
I. Производство средств про- изводства	127	150	105	109	85	81
Каменноугольная	141	135	105	103	74	76
Торфяная	124	107	134	131	114	127
Железорудная	125	118	130	160	105	137
Металлургия черных металлов	122	172	116	132	93	77
Металлообработывающая	113	274	102	112	91	41
Машиностроение общее	120	125	92	86	77	68
" сельскохозяйственное	97	116	102	102	105	88
Электро-техническая	166	186	104	109	63	59
Основная химическая	116	109	105	102	91	94
Лако-крас. и анил.-крас.	193	158	147	125	75	79
Керамическая	121	133	105	102	86	76
Стекольная	112	137	100	122	90	89
Цементная	100	95	86	81	86	85
Лесопильно-фанерная	107	110	100	102	92	93
Пеньковая	115	128	158	162	140	122
II. Производство средств потребления	117	129	107	112	98	99
Хлопкоочистительная	129	134	125	120	98	89
Хлопчатобумажная	108	111	100	105	92	94
Шерстяная	118	123	82	89	70	73
Льняная	106	94	123	115	116	122
Шелковая	167	211	131	151	79	73
Обработка смеш. волокон, веществ	185	190	86	93	46	48
Трикотажная	189	190	113	113	60	59
Кожевенная	125	167	111	132	89	79
Обувная	108	152	136	130	125	85
Бумажная	106	129	111	123	106	96
Полиграфическая	122	151	110	114	91	76
Мукомольная	141	182	114	126	80	70
Сахарная	75	69	100	100	133	148
Маслобойная	154	196	76	91	49	47
Винокуренно-дрожжевая	99	107	98	107	100	100
Пивоваренная	140	155	120	133	86	86
Крахмально-паточная	107	107	140	120	133	115
Соляная	111	217	108	111	98	52
Табачная	182	163	123	116	68	72
Махорочная	125	130	113	106	90	82
Мыловаренно-парфюмерная	135	146	94	87	70	60
Спичечная	117	126	113	113	108	89
Деревообработывающая	115	130	98	98	87	76
Фарфоро-фаянсовая	114	108	121	124	109	115

Изменения производительности в связи с ростом энергификации труда вероятны именно потому, что более высокая группа по энергификации знаменует собою и иную, чем в низшей группе, комбинацию средств производства, в частности, повышенную количественно и улучшенную качественно массу средств производства.

«Для того, чтобы новый метод производства отразился действительным повышением производительности, он должен переносить на отдельный товар меньшую дополнительную часть стоимости, соответствующую снашиванию основного капитала, чем та часть стоимости, которая списывается со счета, сберегается вследствие уменьшения живого труда».¹ Следовательно, при изучении производительности труда всю продукцию необходимо сопоставлять лишь со всем воплощенным в ней трудом как живым, так и мертвым.

При текущем конъюнктурном наблюдении производительности, когда исследование охватывает относительно небольшие периоды времени, учетом мертвого труда, перенесенного на продукт средствами производства, можно пожалуй пренебречь. Но при более или менее длительных периодах наблюдения его недоучет выявится в искажении, если не направления изменений производительности (что мало вероятно), то, по крайней мере, темпов этих изменений. Иное, в таком статистическом по преимуществу исследовании, каким является группировка заведений по коэффициенту энергификации. В виду наличия постоянных отклонений от закона роста общественной производительности труда, в каждый отдельный момент недоучет мертвого труда может сказаться в неправильном изображении самого характера происходящих изменений.

Имеется ли возможность статистически выявить и исправить указанную ошибку?

Да, имеется. Она дана, между прочим, следующим указанием К. Маркса: «Так как вся стоимость воплощается во всем продукте... то и различные элементы можно было бы выразить в различных долях продукта».² Следовательно, противопоставление всего живого и мертвого труда, воплощенных в продукте, самому продукту можно заменить противопоставлением только живого труда, с одной стороны, и той части продукта, которая ему соответствует, с другой. Чистая продукция и является такой именно «частью продукта». Авторы исследования, о котором идет речь, предпочли взять в основу своих исчислений «валовой оборот», статистическую фикцию, за которой в лучшем случае лишь то достоинство, что она при данных обстоятельствах предохраняет от некоторого количества ошибок, избежать которых невозможно, например, при использовании «валовой продукции».³

Вообще ценностный учет продукции, в виду специфической (именно ценностной) своей природы, в применении к исчислению производительности труда чреват большими погрешностями. Вопрос этот, впрочем, достаточно освещен в советской экономической прессе, и, пожалуй, нет никакой нужды снова к нему возвращаться в настоящей статье. Необходимо только подчеркнуть, что возможность этих погрешностей происходит из-за коллизии ценностного учета совокупного продукта, с одной стороны, и вещного характера экономической категории производительности труда, с другой. Но именно поэтому-то они равновозможны как для «валового оборота» (и валовой

¹ К. Маркс — «Капитал», т. III. Изд. под редакцией В. Базарова и П. Степанова. Стр. 237.

² «Капитал», т. I. Цитир. издан. Стр. 189.

³ Автор «Энергификация труда и ее экономическая эффективность» подробно останавливается на этих именно достоинствах «валового оборота» и ни словом не упоминает о возможности использовать для исчисления производительности «чистую продукцию».

продукции), так и для «чистой продукции». В какой бы ценностной форме не была представлена совокупная продукция производства, ее использование для начисления производительности труда мыслимо лишь постольку, поскольку она воплощает в себе (статистические или динамические) изменения физического объема продукции, т.е. является суррогатом натурального представления продукции, ибо нетрудно элементарным алгебраическим анализом показать, что исчисление производительности труда на основе ценностного учета продукции есть не больше и не меньше, как динамика соотношений двух индексов: физического объема и рабочей силы. При чем исчисление индексов физического объема производится здесь путем взвешивания показателей динамики натуральных масс продукта на их цены (предполагается, что дана неизменность оценки). И тогда, между использованием валового оборота (равно как и валовой продукции) и чистой продукции будет лишь та разница, что в первом случае мы будем иметь дело с динамикой натуральных масс всего продукта, а во втором — только той его части, которая, согласно указанной выше продукции, соответствует затрате живого труда. Поскольку, таким образом, проблема взвешивания одинакова для обоих методов учета продукции, преимущества использования чистой продукции очевидны сами собой.

Попробуем, однако, от этих общих рассуждений перейти на язык фактов. Представим себя на минуту в роли организатора и руководителя производственного заведения, красным директором, перед которым поставлена вся та сложная совокупность задач, какая действительно стоит перед любым красным директором любого советского завода. Ему предстоит при наличии определенных ресурсов дать повышение массы вырабатываемых изделий, повысить при этом путем энергификации труда его производительность, заработную плату, а также качество продукта, и понизив продолжительность рабочего дня и себестоимость продукта. Ясно, что перед ним задача со многими неизвестными, допускающая при своем разрешении бесконечное число вариантов. Сложности задачи в том-то и заключается, что необходимо найти оптимальный вариант ее решения.

Пусть это решение будет найдено в повышении интенсивности труда путем увеличения количества обслуживаемых рабочим машин. Энергификация труда тогда повысится в прямой пропорции с увеличением нагрузки рабочей силы, увеличится также общее количество вырабатываемого продукта, наконец, совершенно очевидно, что увеличится также средняя выработка валового продукта, приходящаяся на одного рабочего. Показатели, исчисляемые М. Н. Смит, покажут рост энергификации и соответствующий рост производительности труда. Но повышение средней выработки окажется действительным ростом производительности только в том случае, если оно будет настолько значительным, что компенсирует отрицательные стороны интенсификации труда: менее экономное расходование сырья, ухудшение качества выработки, рост брака, более быстрое снашивание машин и т. д.

Все эти отрицательные явления найдут свое отражение в чистой продукции и в исчисляемых по ней показателях производительности. Но и в этом случае, если даже наши индексы покажут рост производительности труда, экономическая эффективность произведенной реформы будет иметь место только тогда, когда плюсы реформы не поглотятся ростом заработной платы. Исчисление себестоимости является, таким образом, необходимейшим элементом учета экономической эффективности.

Все наши расчеты усложнятся во много раз, если мы введем в них проекты реконструкции заведения. Но смысла этих расчетов останется неизменным: экономия в живой рабочей силе, затраченной на единицу продукта, должна с избытком покрывать растущие издержки машин, топлива и пр.

элементов, воплощающих прошлый труд. В какой мере соблюдено это требование в группах растущей энергификации труда покажет таблица 3 (см. стр. 278).¹

Одного общего взгляда на эту таблицу совершенно достаточно, чтобы уловить существенное различие между приведенными в ней показателями и теми, что исчислены по валовому обороту. Различие это идет, во-первых, по линии темпов изменений производительности труда, и, во-вторых, в самом характере этих изменений. Если в среднем по всей промышленности для всех рабочих прирост производительности труда, исчисляемый по валовому обороту, определяется для средней группы энергификации в 22%, а для высшей в 39%, то при исчислении этого же показателя по чистой продукции соответствующие приросты определяются в 3 и 16%.

Аналогичная картина получается и в I разделе, в производстве средств производства: вместо 27 и 50% приростов по валовому обороту здесь получается всего 13 и 22%. Но ежели в этих индексах при разном исчислении одинаково отражается направление изменений производительности, то во II разделе, в производствах, вырабатывающих продукты потребления, разные системы исчисления индексов дают различное представление и о характере происходящих изменений. Совокупны для II раздела индекс производительности, исчисленный по валовому обороту, регистрирует прирост на 17% для средней группы и 29% для высшей, тогда как исчисляемые по чистой продукции — падение в средней группе на 5% и рост в высшей на 12%.

По отдельным отраслям производства противоречие получается еще более разительным. В торфяной промышленности, например, вместо фиксируемого исчислением по валовому обороту роста производительности в высшей группе на 7%, в действительности получается падение производительности на 15%. Аналогичная картина получается в металлообрабатывающей промышленности, в общем машиностроении (здесь, в частности, вместо непрерывного роста по валовому обороту—100, 120 и 125—в действительности имеется непрерывное падение—100, 89, 70), в стекольной промышленности и др.

В целом ряде отраслей промышленности этих расхождений нет, но всюду имеется изменение темпов динамики производительности, исчисляемой по чистой продукции по сравнению с теми темпами, какие давали расчеты по валовому обороту.

После всего вышеизложенного, мы можем уже ясно представить за счет чего происходит это несоответствие. Попробуем лишь проиллюстрировать это рядом примеров, наглядно показывающих правильность нашей установки. (см. табл. 4 на стр. 280).

В приведенной таблице 4 представлено несколько случаев различной экономической эффективности энергификации труда. С одной стороны, здесь представлена такая молодая отрасль советской промышленности, как электротехническая, где экономическая эффективность энергификации сказывается как в показателях исчисляемых по средней выработке валового продукта, так и по чистой продукции. Рост средней выработки здесь действительно превращается в рост производительности труда, ибо темпы его настолько велики, что свободно покрывают увеличенные затраты прошлого труда.

С другой стороны, здесь имеется такая отрасль промышленности, как торфяная, где экономическая эффективность энергификации не столь ясна.

¹ Таблица исчислена по данным „объема и строения продукции“, опубликованным в таблице 4 книги. В отличие от интерпретации чистой продукции, данной авторами, нами причислена к ней также стоимость аренды, ибо считать ее „материальными издержками производства“ никак не представляется возможным. Совокупные индексы производительности получены взвешиванием частных по отраслям индексов на число отработанных человеко-часов.

Таблица 3

Индексы производительности труда (по чистой продукции), заработной платы и относительной цены рабочей силы по группам энергификации труда

(Показатели низшей группы всюду приняты равными 100).

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	И н д е к с ы					
	Производи- тельность труда		Часовой заработной платы		Относитель- ной цены рабочей силы	
	Средняя	Высшая	Средняя	Высшая	Средняя	Высшая
1	2	3	4	5	6	7
Вся промышленность	103	116	106	111	103	96
I. Производство средств про- изводства	113	122	105	109	93	89
Каменноугольная	126	111	105	103	83	93
Торфяная	121	85	134	131	111	154
Железорудная	93	67	130	160	140	239
Металлургия черных металлов	148	176	116	132	78	75
Металлообработка	93	140	102	112	110	80
Машиностроен. общее	89	70	92	86	103	123
" сельскохозяйственное	72	91	102	102	142	112
Электротехническая	150	181	104	109	69	60
Основная — химическая	118	85	105	102	89	120
Лако-крас. и анил.-крас.	246	111	147	125	60	113
Керамическая	102	130	105	102	103	78
Стекольная	120	98	100	122	83	125
Цементная	82	75	86	81	105	108
Лесопильно-фанерная	107	115	100	102	98	89
Пеньковая	109	103	158	162	145	157
II. Производство средств потребления	95	112	107	112	123	100
Хлопкоочистительная	131	150	125	120	95	80
Хлопчатобумажная	97	99	100	105	103	106
Шерстяная	82	91	82	89	100	98
Льняная	98	98	123	115	125	117
Шелковая	141	192	131	151	23	79
Обработка смеш. волокон. веществ	96	90	86	93	90	103
Трикотажная	108	158	113	113	105	72
Кожевенная	137	296	111	132	81	45
Обувная	98	108	136	130	139	120
Бумажная	90	122	111	123	123	101
Полиграфическая	117	118	110	114	94	92
Мукомольная	162	212	114	126	70	59
Сахарная	86	73	100	100	116	137
Маслобойная	107	174	76	91	71	52
Винокуренно-дрожжевая	96	81	97	107	101	132
Пивоваренная	131	130	120	132	92	102
Крахмально-паточная	145	129	140	120	97	93
Соляная	95	130	108	111	114	85
Табачная	113	244	123	116	109	48
Махорочная	167	219	113	106	68	48
Мыловаренно-парфюмерная	68	68	94	87	138	128
Спичечная	113	125	113	113	100	90
Деревообрабатывающая	74	88	98	98	132	111
Фарфоро-фаянсовая	107	117	121	124	113	106

Здесь вторая группа по энергификации дает в сравнении с низшей группой рост производительности в 21 %, III же, т.е. высшая группа, наоборот, дает падение производительности. Приведенная таблица совершенно недвусмысленно отвечает на вопрос, какие процессы скрываются за этими индексами.

Повышение энергификации труда в средней группе вызывает рост целого ряда материальных расходов производства: в о - п е р в ы х, повидимому повышение энергификации связано с ростом механизации ряда производственных процессов, что и нашло в свою очередь отражение в повышении доли амортизации в цене продукта; очевидно, в связи с этими же процессами повысилось количество вспомогательных материалов (сырья, как известно, здесь нет), затрачиваемых на единицу продукта; это обстоятельство также отразилось в повышении соответствующей доли в цене продукта. Верно, все эти повышения компенсировались понижением на 2,3 % — «прочих материальных элементов производства», при чем неизвестно, что именно скрывается под этой статьей расходов. Но если бы даже, что весьма вероятно, оказалось, что за нею скрываются расходы, являющиеся одним из элементов распределения вновь произведенной стоимости, и что чистая продукция должна быть увеличена в соответствующих размерах, то и тогда все же экономическая эффективность энергификации средней группы была бы вне всякого сомнения. (В этом случае, в виду относительно большего веса прочих материальных расходов в низшей группе, производительность труда в средней определялась бы ростом не в 21 %, а в 19 %, что не меняет характера процесса).

Нечто совершенно иное видим мы в высшей группе энергификации. Повидимому, эта степень энергификации связана с непрекращающимися опытами полной механизации процессов добычи. Общеизвестно, что эти попытки еще не увенчались успехом, в виду относительно высокого уровня себестоимости механизированной добычи. Приведенные данные с достаточной степенью наглядности показывают, почему это происходит: возросший расход продукции прошлого труда — средств производства, вспомогательных материалов, топлива и пр. — оказывается настолько значительным, что имеющийся здесь рост средней выработки не компенсирует этих расходов. Творческая мысль советских специалистов бьет сейчас над преодолением этих препятствий. И именно потому, что проблема рентабельной механизации всего торфяного дела тесно связана со всем планом советского энергетического хозяйства, именно поэтому можно быть уверенным, что задача эта будет решена в самом непродолжительном времени. Но поскольку в тот период времени, к которому относится исследование (1925/26 г.), проблема дешевой механизированной добычи торфа не была еще преодолена, постольку ограничиться теми показателями, которые приведены в книге, т.е. данными только о средней выработке валового продукта, — грубая не только методологическая, но и практическая ошибка.

Аналогичная картина наблюдается в железорудной промышленности: энергификация труда и здесь не дает необходимого эффекта. Поскольку в железорудной промышленности за ценностным выражением продукции также, как и в торфяной, скрывается совершенно однородная ее масса, индексы производительности безусловно отображают происходящие в производстве процессы.

Не столь ясно обстоит дело в отраслях, производящих массу разнообразной продукции, например, в металлообрабатывающей промышленности, в общем машиностроении, в сел.-хоз. машиностроении и т. д. Резкое различие в том удельном весе, каким сырье входит здесь в цену продукта отдельных групп энергификации, говорит скорее, что эти последние представляют

Группы заведений по коэффициенту фактической энергификации труда	Среднее число рабоч. на 1 заведение	Средний коэффициент фактической энергифик. труда	Средняя выработка валового продукта на 1 чел.-час в % к нижней группе	Материальные издержки производства в % к валовой продукции					Чистая продукция в % к валовой	В т. ч. заработная плата с накладными расходами и начислениями	Индекс производительности труда
				Амортизация	Сырье и вспомогательные материалы	Топливо и покупной ток	Прочие элементы материальных издержек	Итого			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Торфяная промышленность											
I низшая	506	0,16	100	6,8	3,7	4,7	5,4	20,6	79,4	65,7	100
II средняя	732	0,58	124	7,6	4,3	4,8	3,1	19,8	80,2	75,9	121
III высшая	550	1,35	107	10,4	10,4	7,7	7,1	35,6	64,4	84,1	85
Железорудная промышленность											
I низшая	169	0,11	100	2,5	21,3	3,2	0,9	27,9	72,1	51,4	100
II средняя	743	0,68	126	5,9	13,0	9,5	6,7	35,1	64,9	65,5	93
III высшая	960	1,81	118	2,8	21,3	11,7	16,5	57,6	42,4	69,7	67
Металлообрабатывающая промышленность											
I низшая	96	0,22	100	2,5	37,9	3,9	3,1	47,4	52,6	37,2	100
II средняя	125	0,67	113	2,6	45,2	4,4	4,0	56,2	43,8	34,0	93
III высшая	328	2,27	274	2,5	55,2	3,7	1,7	63,1	36,9	20,9	140
Машиностроение общее											
I низшая	141	0,26	100	3,0	33,8	3,7	3,4	39,9	56,1	46,7	100
II средняя	535	0,70	120	5,4	40,5	4,5	4,2	54,6	45,4	38,6	89
III высшая	1,771	2,03	125	6,0	41,2	8,7	2,8	58,7	41,3	41,7	70
Машиностроение сел.-хоз.											
I низшая	159	0,29	100	2,4	40,9	3,5	4,0	50,8	49,2	41,4	100
II средняя	301	0,58	97	4,1	55,5	4,2	2,3	66,1	33,9	40,5	72
III высшая	515	1,53	116	3,6	52,4	4,5	1,8	62,3	37,7	35,8	91
Электротехническая промышленность											
I низшая	51	0,10	100	1,1	35,8	2,8	3,8	43,5	56,5	47,2	100
II средняя	510	0,43	166	2,4	35,5	1,9	1,9	41,7	58,3	34,0	150
III высшая	772	0,80	186	3,0	38,7	2,0	1,7	45,4	54,6	27,9	181

производство неодинаковых по существу продуктов.¹ Поскольку это так, — постольку (применительно к этим отраслям вообще) затруднительно судить об изменении производительности от одной группы энергификации к другой при чем безразлично, будем ли мы исчислять ее по валовому обороту или по чистой продукции. Если же изменения удельного веса сырья в цене продукта здесь присущи различным уровням энергификации, то все сказанное выше о методах исчисления производительности труда и определения экономической эффективности, остается в силе и в этих отраслях промышленности. Итак, подводя итог всему вышеизложенному, мы могли бы заключить следующее: поскольку об экономической эффективности энергификации труда можно судить по его производительности, для ряда, пожалуй, большей части рассматриваемых отраслей промышленности, она вне всякого сомнения, но необходимо подчеркнуть, что имеются и такие отрасли и группы заведений, где ожидаемого эффекта энергификации еще нет или; во всяком случае, он не так ясен, как представлено это в рассматриваемой работе.

Однако, ни изменения валовой выработки (из расчета на один человек-час), ни производительности труда, сами по себе не являются еще достаточно точными показателями экономической эффективности.

В самом деле, — какие задачи ставит себе повышение производительной силы труда, и, в частности, его энергификации?

Они схематически могут быть даны в следующих формулировках:

1. Повышение фонда потребления, — всей массы вырабатываемых продуктов — как абсолютно, так и в отношении единицы затраченной живой рабочей силы.

2. Повышение производительности труда.

3. Сохранение определенного уровня рентабельности предприятий, гарантирующего накопление для расширенного воспроизводства.

Мы уже видели, что повышение валовой выработки даже применительно к единице затрачиваемого живого труда не гарантирует еще повышения его производительности. Мы видели, что только благоприятное сочетание роста средней выработки и затрат прошлого труда отразится действительным повышением производительности.

Для того, однако, чтобы повышение производительности совпало с рентабельностью предприятия, необходимо соответствующее падение относительной цены рабочей силы. Следовательно, поскольку мы имеем все основания полагать, что нормы оплаты труда для рабочих одной и той же квалификации в разных группах предприятий неизменны, повышение уровня производительности с сохранением рентабельности можно ожидать лишь тогда, когда это не сопровождается таким ростом квалификации рабочей силы, который мог бы исключить требуемое совпадение.

К сожалению, за отсутствием соответствующих данных, мы принуждены отказаться от обычного исчисления рентабельности путем определения нормы прибыли. Но некий суррогат подобного исчисления мы все же можем привести. Отвлекаясь от того конкретного распределения, который получает в народном хозяйстве остаток чистой продукции за вычетом заработной платы, мы можем назвать его (этот остаток) фондом накопления, произведенным в процессе промышленного производства. Совершенно ясно, что чем больше удельный вес этого фонда в цене валового продукта, тем (при всех прочих равных условиях) рентабельнее данное предприятие. Как показывает таблица 5 (стр. 282) нормы рентабельности чрезвычайно пестры: они под-

¹ В другой, верно, связи и автор исследования отмечает различие удельного веса сырья. Но подробно на этом вопросе он не останавливается, указывая лишь мимоходом, что эти колебания происходят и за счет разницы в ассортименте, и за счет разницы в ценах на сырье (стр. 14), и скорее даже вообще объясняется условиями „непроизводственного характера“ (стр. 17 и 18).

Таблица 5

Норма рентабельности по группам энергификации труда

(Доля валовой прибыли в продукции в ‰)

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	Группы энергификации			В среднем по всем группам
	Низшая	Средняя	Высшая	
1	2	3	4	5
I. Производство средств производства				
Каменноугольная	12,0	23,7	17,3	18,9
Торфяная	13,7	4,3	19,7	4,7
Железорудная	29,7	0,6	27,3	16,9
Металлургия черных металлов	0,3	4,0	5,1	4,6
Металлообрабатывающая	15,4	9,8	16,0	14,6
Машиностр. общее	9,4	6,8	0,4	3,9
" сельскохозяйственное	7,8	0,6	1,9	1,1
Электротехническая	9,2	24,3	26,7	25,7
Основная химическая	8,1	11,6	1,1	6,0
Лак-крас. и анил.-крас.	10,2	21,1	3,8	14,7
Керамическая	9,1	6,3	18,2	10,8
Стекольная	11,1	20,8	1,0	9,5
Цементная	12,6	12,3	9,2	11,1
Лесопильно-фанерная	17,9	20,5	21,2	20,0
Пеньковая	18,8	12,5	12,6	13,7
II. Производство средств потребления				
Хлопкоочистительная	5,4	5,8	7,0	6,0
Хлопчатобумажная	13,7	10,6	11,4	11,4
Шерстяная	12,5	13,1	11,4	12,7
Льняная	18,5	13,7	14,7	14,7
Шелковая	15,9	14,9	19,4	17,6
Обработка смеш. волоkn. веществ	25,7	24,3	21,9	23,5
Трикотажная	16,7	12,8	26,0	20,3
Кожевенная	4,6	7,2	20,0	11,5
Обувная	19,6	6,0	5,7	8,3
Бумажная	32,0	22,5	29,8	27,3
Полиграфическая	5,4	8,2	6,2	6,1
Мукомольная	15,0	19,4	25,8	19,6
Сахарная	26,0	28,5	24,9	26,8
Маслобойная	12,9	13,0	20,5	13,5
Винокуренно-дрожжевая	22,3	20,1	14,0	20,4
Пивоваренная	41,9	50,4	48,9	49,4
Крахмальная	17,5	24,9	20,3	22,5
Соляная	24,8	17,8	23,8	23,0
Табачная	31,0	26,4	55,1	30,6
Махорочная	5,7	15,3	25,2	18,8
Мыловаренно-парфюмерная	20,9	10,6	17,6	18,1
Спичечная	12,8	13,3	17,4	14,6
Деревообрабатывающая	14,8	5,3	9,5	10,5
Фарфорово-фаянсовая	15,0	6,5	11,6	11,5

Таблица 6

Индексы экономической эффективности энергификации труда по пятибалльной оценке

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	Экономическая эффективность		
	Средней группы в сравнении с низшей	Вышей группы в сравнении с	
		низшей	средней
1	2	3	4
I. Производство средств произ- водства			
Каменноугольная	5	5	2
Торфяная	4	2	1
Железородная	2	2	1
Металлургия черных металлов	5	5	5
Металлообрабатывающая	3	5	5
Машиностроение общее	3	2	2
" сельскохозяйственное	1	3	5
Электротехническая	5	5	5
Основная химическая	5	3	2
Лако-крас. и анил.-крас.	5	4	2
Керамическая	4	5	5
Стекольная	5	2	2
Цементная	2 ¹	2	2
Лесопильно-фанерная	5	5	5
Пеньковая	4	4	3
II. Производство средств потре- бления			
Хлопко-очистительная	5	5	5
Хлопчатобумажная	3 ²	3	3
Шерстяная	3	3	4
Льняная	3	2	2 ⁶
Шелковая	4	5	5
Обработка смеш. волокон. веществ	4	4	4
Трикотажная	4	5	5
Кожевенная	5	5	5
Обувная	3	4	4
Бумажная	3	4	5
Полиграфическая	5	5	4
Мукомольная	5	5	5
Сахарная	2	2	2
Маслобойная	5	5	5
Винокуренно-дрожжевая	2	3	3
Пивоваренная	5	4	3
Крахмало-паточная	5	5	2 ⁵
Соляная	3	4	5
Табачная	4	5	4 ³
Махорочная	5	5	5
Мыловаренно-парфюмерная	3	3	4
Спичечная	5	5	5
Деревообрабатывающая	3	3	5
Фарфоро-фаянсовая	4	4	4 ⁴

Примечания: 1) Средняя выработка осталась без перемен. 2) Средняя выработка повышается, производительность и рентабельность падает, прибыль. 3) Валовая выработка падает, остальные признаки растут. 4) То же. 5) Средняя выработка без перемен, остальные признаки падают. 6) Валовая выработка падает, производительность труда без перемен, прибыль.

вержены самым резким колебаниям не только между различными отраслями, но и в пределах одной и той же отрасли по группам энергификации, что в данной связи особенно существенно.

Попробуем теперь на основе всей совокупности приведенных показателей определить экономическую эффективность энергификации. Для этого построим следующую схему пятибалльной оценки.

Схема определения экономической эффективности энергификации труда	
Признаки экономической эффективности	Оценка в баллах
Повышаются: средняя выработка (валовая), производительность труда и норма рентабельности	5
Средняя выработка и производительность труда повышаются, норма рентабельности падает, сохраняя, однако, положительный знак (есть прибыль)	4
а) Средняя выработка и производительность труда растут, но норма рентабельности меняет знак (убыток)	3
б) Средняя выработка растет, производительность труда падает, но норма рентабельности не меняет знака (прибыль)	3
а) Средняя выработка растет, производительность труда падает, норма рентабельности меняет знак (убыток)	2
б) Все элементы понижаются, но норма рентабельности сохраняет положительный знак (прибыль)	2
Все элементы падают, норма рентабельности меняет знак (убыток)	1

Чрезвычайная условность приведенной схемы вне всякого сомнения. Но за нею то безусловное достоинство, что в одном числе она пытается дать качественную характеристику совокупности ряда признаков, определяющих экономическую эффективность энергификации. Необходимо еще отметить, что она поглощает почти все случаи возможных комбинаций признаков, которые приняты нами для характеристики экономической эффективности (отдельные исключения оговорены особо). Оценивая по приведенной схеме экономическую эффективность энергификации труда, мы получим таблицу 6 (см. стр. 283).

Если бы изучаемое нами явление по своей природе было бы явлением статического порядка, то индексы эффективности в том виде, как они приведены в этой таблице, давали бы определение оптимального размера энергификации. Мы могли бы тогда считать, например, что в сел.-хоз. машиностроении оптимум падает на низшую группу, а в металлургии черных металлов — на высшую и т. д.

Но выводы подобного рода были бы также ошибочными, как те, которые делает М. Н. Смит, когда безоговорочно утверждает полную экономическую эффективность энергификации на практике. В динамических и диалектических по своей природе общественных процессах нет оптимумов, ибо развитие общественных производительных сил в том-то и заключается, что преодолевает временные оптимумы, ставя их на более высокую ступень.

Высокий уровень энергификации сам по себе является гарантией за преодоление низких оптимумов. Борьба за удешевление промышленного строительства, за повышение квалификации рабочей силы, за рационализацию труда и производства, за новую культуру труда, наконец, — это и есть борьба за новые оптимумы. Но она еще не закончена.

Предложенная вниманию читателя интерпретация материалов, опубликованных М. Н. Смит, указывает на те слабые участки индустриального фронта, куда эта борьба должна быть направлена с особой интенсивностью. Этой задачи не выполняли (хотя по содержанию книги и могли выполнить) методы исследования авторов «Энергификация труда и ее экономическая эффективность», — тем более оснований было произвести ревизию этих методов.

К вопросу об использовании рабочей силы в крестьянском хозяйстве¹

В нашей статье «Использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве», напечатанной в журнале «Плановое Хозяйство» мы привели основные материалы характеризовавшие использование рабочей силы в крестьянском хозяйстве, на основании данных крестьянских бюджетов 1925/26 г. Мы считаем необходимым пополнить приведенный материал еще характеристикой производительности труда в разных районах, имеющее существенное значение для планирования перспектив в использовании труда. Конечно, при планировании необходимо будет учесть изменение норм затрат труда под влиянием изменения структуры сельского хозяйства, роста обобщественного сектора, и в зависимости от темпа роста интенсификации и механизации сельского хозяйства. Рассматривая в предыдущей работе изменение норм затрат труда в различных по размеру хозяйствах, мы констатировали большую разницу в производительности труда в мелких и крупных хозяйствах. Отсюда совершенно ясно, что переход крестьянского хозяйства через коллективизацию к более крупным по размеру хозяйствам и к более современным и технически более оборудованным хозяйствам даст значительный подъем производительности труда, который должен быть учтен. А это, в свою очередь, даст возможность получить дополнительные ресурсы и стимулы к росту всего народного хозяйства.

Рассматривая нормы затрат времени по отдельным районам, мы видим, что между отдельными районами по одним и тем же культурам имеются большие колебания. При рассмотрении материалов о нормах по отдельным районам, надо учитывать, что для ряда районов отдельные культуры являются не характерными и мало значимыми, что объясняет, почему иногда та или иная норма в каком-либо районе резко разнится от других районов. Данные за 1925/26 г. приводимой ниже таблицы, даются в часах по основным видам работ.

Различие в нормах по районам изменяется в зависимости от техники производства, климатических и естественных условий. К сожалению мы не имеем возможности проследить за изменением норм затрат труда за ряд лет, для того чтобы выяснить, как сказываются отдельные факторы на изменение норм затрат труда. Надо иметь в виду, что размеры урожая, обеспечение орудиями производства, применение удобрений и другие факторы сказываются на изменении норм. В наших условиях, когда колеблемость урожая между районами чрезвычайно велика, этот фактор может на размерах норм каждого года сильно сказываться. Только наличие данных за ряд лет дало бы нам возможность вскрыть ряд важных моментов, которые имели бы существенное значение для регулирования всех вопросов, связанных с использованием труда в крестьянском хозяйстве.

¹ В виду полученных дополнительных материалов, неопубликованных в предыдущей статье («Плановое Хозяйство» № 8, 1929 г.), мы сочли необходимым привести их в настоящем номере.

Нормы затраты времени на разные работы в сельском хозяйстве
(по данным бюджетов за 1925/26 г.)

Районы	Расход времени в часах (в переводе на взрослого мужчину)										На 1 голову скота в переводе на крупный рогатый скот
	На один га посева										
	Полевые (всего)	В том числе:				Огород	Сад	Бахча	Виноградник	Сенокос	
Зерновые		Пряиль- ные	Корне и клубне- плоды	Травосея- ние							
РСФСР	322,2	271,8	1.049,7	818,9	157,8	2.266,2	636,7	444,1	2.559,5	118,7	372,1
ЦЧО	315,8	245,5	1.214,5	760,3	167,0	2.080,1	470,6	1.942,8	—	175,4	568
Ср.-Волжский . .	287,4	252,9	963,6	639,4	116,2	1.634,8	655,7	566,9	—	99,6	414,9
Нижне-Волжский	232,7	212,0	832,1	801,9	105,1	5.348,5	625,6	484,7	—	54,7	372,3
Северный Кавказ	202,0	179,0	793,0	610,2	73,8	2.121,5	702,3	379,9	3.867,3	86,8	1.049,5
Крым	226,3	126,5	54,0	1.100,0	—	2.025,9	691,2	561,2	2.146,4	38,3	219,9
ЦПО	521,3	448,9	1.216,6	824,0	180,8	2.460,9	767,2	—	—	175,2	493,5
а) Сибирь С.-В.	413,9	323,6	1.194,9	1.279,9	—	2.491,8	—	—	—	134,7	252,8
б) „ Ю.-З.	182,6	172,3	1.450,1	1.015,0	166,6	2.064,1	—	688,5	—	59,7	221,9
Уральская	237,6	210,0	927,7	739,0	139,5	2.160,3	5.716,7	226,5	—	109,3	240,4
Вятский	424,4	371,8	1.113,9	928,1	264,2	6.785,1	8.297,2	—	—	1.382,0	472,7
Западный	412,5	332,5	823,6	693,9	141,0	2.098,2	671,3	—	—	139,4	475,8
Ленингр.-Карел. .	626,8	549,0	1.231,8	1.110,2	238,4	3.875,6	729,8	—	—	148,1	391,1
Северный	733,5	651,3	1.907,3	1.524,2	186,9	1.778,9	421,9	—	—	179,7	404,3
ДВО	165,4	171,6	189,3	1.131,8	113,6	1.118,5 ¹	1.007,3	—	—	121,9	227,9
БССР	421,9	362,4	1.131,4	757,5	182,3	—	—	—	—	130,7	424,7
УССР	187,7	144,9	1.717,2	690,2	130,4	986,7	1.324,1	300,9	980,4	129,8	613,3
Правобер.лесост.	240,4	182,2	2.484,8	708,4	122,3	1.178,3	1.138,4	312,2	—	120,2	587,5
Левобер. „	212,5	145,4	1.846,4	789,8	138,0	1.168,7	824,0	445,8	—	163,9	816,8
Сталинский . . .	219,4	204,2	1.433,3	621,5	—	4.723,8	8.950,0	398,4	—	101,2	527,6
Днепропетровский	139,8	120,0	1.044,0	608,7	70,7	274,3	—	413,7	—	184,2	517,4
Полесье	282,3	194,4	1.934,2	695,9	162,6	1.980,1	649,4	395,1	1.003,6	143,0	461,5
Степной п/р. . .	143,6	124,3	1.831,4	477,4	140,9	739,3	1.117,8	181,2	977,8	46,1	608,7
Туркмен. ССР . .	741,3	400,4	1.192,0	986,5	837,8 714,3	5.109,8	1.075,0	925,0	455,0	нет св.	208,7

Примечания. Данные по РСФСР и УССР взвешены не по числу га посева каждой культуры в каждом районе, а по числу га посева во всех хозяйствах, вошедших в обследование в этих республиках.

¹ В графу „Огородничество“ входит и бахчеводство.

Приведенные в таблице средние нормы по республикам не являются взвешенными по числу десятин посева каждой культуры в каждом районе, что нужно иметь в виду при пользовании этими средними. Соответствующий пересчет можно сделать, так как мы приводим нормы по главнейшим районам.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что вопросу использования рабочей силы в крестьянском хозяйстве должно быть уделено больше внимания, что необходимо иметь материалы как о нормах затрат труда, так и другие показатели не в среднем по районам, а обязательно по социальным секторам и в динамическом разрезе, что обеспечит более правильный анализ и более правильное проектирование перспектив развития сельского хозяйства.
